

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

На правах рукописи

Токарева Светлана Сергеевна

**СКЛОНЕНИЕ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В РУССКИХ ДИАЛЕКТАХ
(НА МАТЕРИАЛЕ ГОВОРОВ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ)**

Специальность 10.02.01. – русский язык

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

научный руководитель:
кандидат филологических наук, доцент
Черенкова Анна Дмитриевна

Воронеж 2022

Оглавление

Введение.....	5
Глава 1. История формирования основных грамматических категорий имени существительного и их описание в научной литературе	12
1.1. Способы описания диалектных систем склонения в науке	12
1.2. Становление основных грамматических категорий имени существительного.....	21
1.2.1. История формирования и развития категории рода.....	22
1.2.2. История развития категории числа	28
1.2.3. Характеристика категории падежа.....	31
1.2.4. Развитие категории одушевленности/неодушевленности	36
1.3. Тенденции развития системы склонения имен существительных в литературном языке и диалектах.....	39
1.3.1. Изменения системы склонения в единственном числе.....	42
1.3.2. Изменения системы склонения во множественном числе.....	52
1.4. История изучения склонения существительных в говорах Воронежской области.....	61
Глава 2. Характеристика основных грамматических категорий имен существительных в воронежских диалектах.....	68
2.1. Диалектное многообразие Воронежской области	68
2.2. Категория рода имен существительных в говорах Воронежской области	74
2.2.1. Категория среднего рода в говорах Воронежской области	76
2.2.1.1. Категория среднего рода в талагайских говорах курско-орловского типа	77
2.2.1.2. Категория среднего рода в собственно талагайских говорах	80
2.2.1.3. Категория среднего рода в цуканских говорах.....	83
2.2.1.4. Категория среднего рода в русских говорах.....	86
2.2.1.5. Категория среднего рода в говорах с севернорусской основой.....	88
2.3. Категория падежа в говорах Воронежской области.....	93
2.3.1. Именительный падеж	94
2.3.2. Винительный падеж.....	99

2.3.3. Родительный падеж.....	103
2.3.4. Предложный падеж.....	105
2.3.5. Творительный падеж	106
2.3.6. Дательный падеж	107
2.4. Категория числа в говорах Воронежской области	108
Глава 3. Склонение имен существительных в воронежских диалектах: древнее наследие и современное состояние	111
3.1. Типы склонения и падежные окончания имён существительных в единственном числе в говорах Воронежской области	111
3.1.1. Первое склонение.....	113
3.1.1.1. Именительный падеж	115
3.1.1.2. Винительный падеж.....	124
3.1.1.3. Родительный падеж	132
3.1.1.4. Предложный падеж.....	142
3.1.1.5. Творительный падеж	147
3.1.1.6. Дательный падеж	151
Выводы.....	154
3.1.2. Второе склонение.....	158
3.1.2.1. Именительный падеж	162
3.1.2.2. Винительный падеж.....	172
3.1.2.3. Родительный падеж	176
3.1.2.4. Предложный падеж.....	187
3.1.2.5. Творительный падеж	199
3.1.2.6. Дательный падеж	200
Выводы.....	202
3.1.3. Третье склонение	207
3.1.3.1. Склонение существительных типа <i>кость, грязь, рожь</i>	208
3.1.3.2. Склонение существительных <i>мать, дочь</i>	213
3.1.3.3. Склонение существительных типа <i>свекровь, церковь</i>	217
Выводы.....	219

3.2. Пути развития склонения имён существительных во множественном числе в говорах Воронежской области.....	222
3.2.1. Дательный падеж	223
3.2.2. Творительный падеж	224
3.2.3. Предложный падеж.....	227
3.2.4. Именительный падеж, винительный падеж неодушевленных существительных	228
3.2.5. Родительный падеж, винительный падеж одушевленных существительных	237
Выводы.....	243
Заключение	246
Список литературы	265
Список сокращений названия населенных пунктов.....	292
Приложения	293
Приложение №1. Список информантов.....	293
Приложение №2. Список сёл, говоры которых были обследованы при работе над диссертацией.....	301
Приложение № 3. Вопросы анкеты.....	302

Введение

Русский язык прошел длительный путь развития. Изменения отмечаются на всех языковых уровнях: фонетическом, лексическом и грамматическом. Морфологический уровень в этом отношении оказывается наиболее устойчивым к различным модификациям, однако за последние 600-700 лет, сравнительно небольшой для истории языка срок, морфологическая система значительно преобразовалась не только в каких-либо «периферийных областях, но и в достаточно важных своих элементах» [Иванов 1983, с. 242].

Изменения в системе склонения существительных, прежде всего, связаны с их перегруппировкой по типам склонения. Решающая роль при этом принадлежала категории рода. Преобразования коснулись и других категорий имени существительного: категории числа и падежа. Современные русские говоры показывают, что изменения в системе склонения происходят и в настоящее время, поэтому данные диалектологии могут учитываться при прогнозировании дальнейшего развития некоторых элементов языка в будущем, в том числе и его литературного варианта.

Сведения о морфологии воронежских диалектов на сегодняшний день остаются весьма скромными. Приходится отмечать, что в настоящее время сохраняется ощутимый недостаток как теоретических обобщений о морфологических особенностях воронежских диалектов, так и эмпирических данных, отражающих данный уровень диалектов. Зачастую исследователи говоров Воронежской области Н.П. Гринкова, В.И. Собинникова, В.Н. Кретьева, А.Д. Черенкова, О.А. Слюсарева, Д.Н. Гальцова и др. ограничиваются указанием на способы выражения отдельных грамматических форм, что приводит к накоплению достаточно пестрой, часто несопоставимой друг с другом информации. Недостаточное внимание к статистическим подсчетам не позволяет сделать выводы о развитии диалектного языка. Данное обстоятельство осложняется также неоднородностью Воронежской области в субэтническом плане, вызванной вторичным заселением края.

Актуальность исследования определяется слабой изученностью имен существительных в говорах Воронежской области с точки зрения системного описания склонения и учетом их типологического разнообразия.

Объект исследования – словоформы имен существительных из диалектных текстов современных говоров Воронежской области.

Предмет исследования – склонение имен существительных.

Целью настоящего исследования является анализ системы склонения имен существительных в современных говорах Воронежской области с учетом их разнообразия и динамики.

Для достижения указанной цели необходимо решить следующие **задачи**:

1) рассмотреть развитие грамматических категорий рода, числа, падежа в истории русского языка и определить их состояние в говорах Воронежской области;

2) проанализировать падежные окончания существительных с учетом релевантных для каждого типа склонения признаков;

3) определить черты склонения существительных, являющиеся наследием древнерусского языка;

4) охарактеризовать современное состояние системы склонения имен существительных в говорах Воронежской области;

5) обозначить возможные пути развития деклинационной системы в русских диалектах на примере воронежских говоров;

6) выявить типологические черты отдельных групп воронежских диалектов в склонения имен существительных;

7) определить степень социально-возрастной дифференциации диалектов в области склонения имен существительных.

Источниками фактического материала являются:

1. Черенкова А.Д. Воронежские диалектные тексты как источник для изучения русского национального языка, истории и культуры народа. Учебное пособие / А.Д. Черенкова. – Воронеж: Полиграф, 2009. – 328 с.

2. Черенкова А.Д., Токарева С.С. С. Данково Каширского района Воронежской области [тексты] / А.Д. Черенкова, С.С. Токарева // Диалектологический альманах: сборник материалов и исследований. Вып. III. – Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2019. – С. 119-131.

3. Материалы анкетирования студентов 1 курса ВГПУ, выходцев из сел Воронежской области.

4. Фонды Центра региональных лингвистических исследований при кафедре теории, истории и методики преподавания русского языка и литературы Воронежского государственного педагогического университета.

В качестве **материала** исследования используется авторская картотека, состоящая из 4703 словоформ существительных, полученная методом сплошной выборки из корпуса диалектных текстов (объемом более 30 тыс. словоформ из указанных источников), которые были записаны в ходе диалектологических экспедиций в села Воронежской области с 1999 по 2009 гг. (рис. 1).

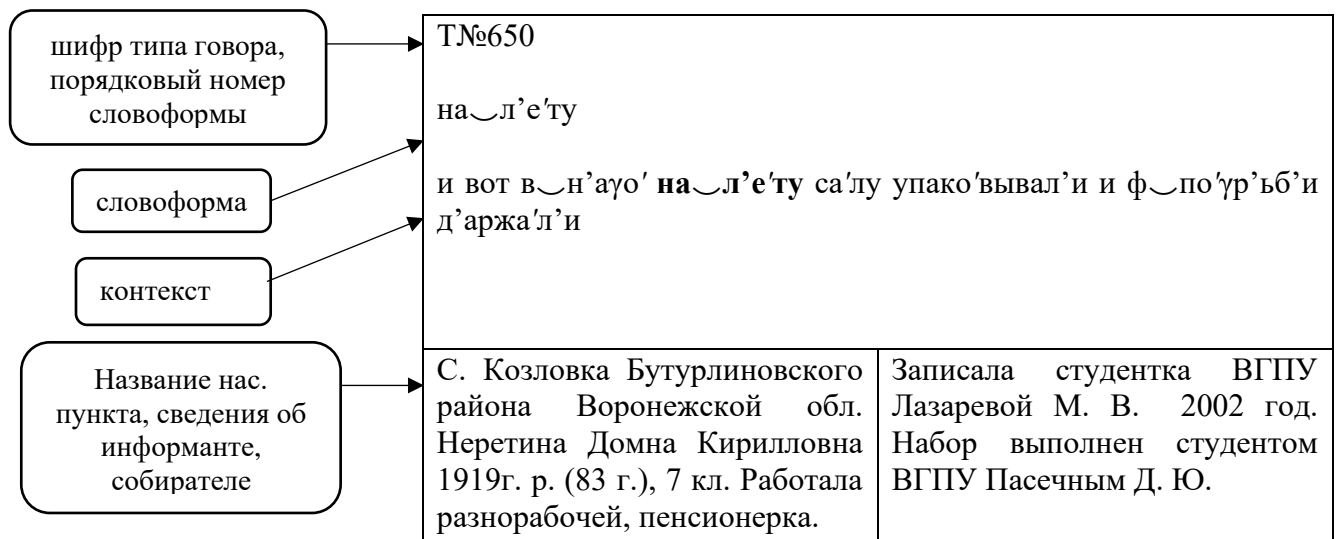

Рисунок 1. Образец карточки

Анализируемые тексты представляют собой транскрипцию связной монологической и диалогической речи диалектоносителей, т.к. именно такие тексты позволяют с большей степенью точности анализировать языковые явления на морфологическом уровне. Информанты относятся к разным возрастным группам и имеют разный уровень образования, что дает возможность выявить

социально-возрастные особенности диалектного языка. Большинство текстов записано от носителей традиционного диалекта.

Для сопоставительного описания систем склонения существительных в разных типах диалектов Воронежской области привлекались пропорциональные по объему подкорпусы диалектных текстов соответствующих типов (диаграмма 1).

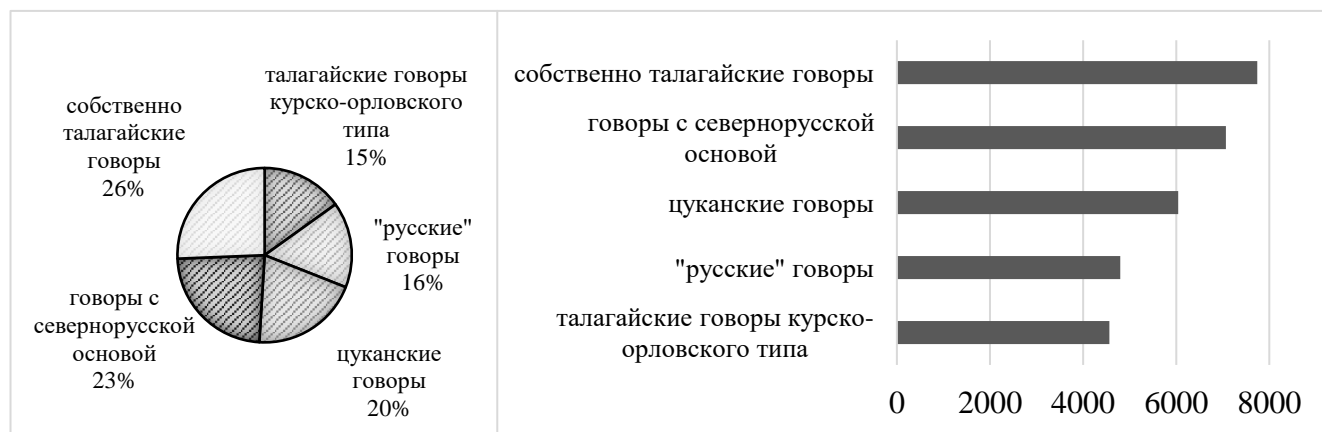

Диаграмма 1. Соотношение подкорпусов диалектных текстов разных типов говоров Воронежской области в составе анализируемого корпуса

Для реализации поставленных задач использовались следующие **методы** исследования: описательный метод, основанный на непосредственном наблюдении языковых фактов, их анализе, интерпретации и классификации, сопоставительный метод, используемый при сравнении разных диалектных систем друг с другом и с литературным языком, метод количественных подсчетов, позволяющий уточнить соотношение разных элементов системы в разных диалектах. В работе использовался индуктивный подход при анализе языковых единиц.

Теоретической базой исследования послужили работы общелингвистической направленности А.А. Кретьова, А.М. Ломова, Г.П. Мельникова, В.А. Плунгяна, З.Д. Поповой, И.П. Распопова и др., по диалектологии и истории языка Р.И. Аванесова, С.В. Бромлей, Л.Н. Булатовой, Н.П. Гринковой, Н.Н. Дурново, В.В. Иванова, С.И. Иорданиди, Н.М. Каринского, Л.Л. Касаткина, С.И. Коткова, В.Б. Крысько, С.А. Мызникова, А.А. Потебни, И.И. Срезневского, А.И. Соболевского, А.В. Тер-Аванесовой, Ф.П. Филина, А.А. Шахматова, Л.П. Якубинского, в том числе воронежских диалектологов В.И. Дьяковой,

В.Н. Кротовой, Ю.Т. Листровой-Правды, В.И. Собинниковой, А.И. Чижик-Полейко, А.Д. Черенковой и др.

Научную новизну работы определяет выбранный материал исследования и подход к его изучению: впервые на материале говоров Воронежской области рассмотрены особенности деклинационной системы, определены черты, сохранившиеся в диалекте с древнерусской эпохи, но утратившиеся в литературном языке, и охарактеризованы современные процессы в склонении имен существительных.

Теоретическая значимость проведенного исследования определяется полученными результатами. Изучение особенностей склонения существительных в целом расширяет и систематизирует сведения о русских говорах на морфологическом уровне, дает возможность прогнозирования дальнейшего развития языка, уточняет типологические отличия говоров на территории Воронежской области.

Практическая значимость исследования заключается в возможности применять полученные результаты в преподавании русской диалектологии, при разработке курсов по этнолингвистике, этнокультурологии и лингвогеографии.

В соответствии с поставленной целью в качестве **основных положений**, определяющих научную новизну и теоретическую значимость исследования, на защиту выносятся следующие:

1. Русские народные говоры как одна из форм существования национального языка являются саморазвивающейся сложной системой, уровни которой находятся в отношениях взаимозависимости и взаимообусловленности.

2. Русские народные говоры Воронежской области в склонении имен существительных отражают древнерусское наследие как в общезыковом плане, так и в собственно диалектном.

3. Русские народные говоры являются не только источником реконструкции исторического развития языка, но и базой перспективного моделирования, позволяющего определить направление развития языка, в том числе и в системе склонения имён существительных, предпосылки которого мы

наблюдаем в наметившемся разрушении категории среднего рода и сокращении типов склонения.

4. В склонении имен существительных происходят процессы упрощения системы, состоящие в унификации форм внутри склонения и в сближении склонений.

5. В диалектах стираются границы между формальными и семантическими признаками, что наиболее ярко отражается в неразграничении основных и вариантных окончаний в родительном и предложном падежах существительных 2 склонения.

6. Типологические различия в склонении существительных обусловлены происхождением каждого типа говоров и их дальнейшим развитием на территории Воронежской области в условиях нового окружения и контактирования с другими диалектами.

7. Литературный язык является сдерживающим фактором для развития диалектной морфологической системы по пути упрощения и обобщения.

8. Социально-возрастная дифференциация диалектов в склонении имен существительных выражена неярко.

Достоверность полученных результатов и обоснованность выводов обеспечивается совокупностью следующих факторов: изучением теории вопроса с учетом последних достижений в области морфологии; использованием принципа системного описания деklinационной системы с применением метода точных количественных подсчетов; привлечением к анализу репрезентативного объема эмпирического материала, полученного путем сплошной выборки словоформ из связной неподготовленной диалектной речи.

Апробация работы. Основные положения и результаты исследования представлены на ежегодной областной научно-практической конференции «Воронежское краеведение: традиции и современность» (28 ноября 2010 г., 25 ноября 2017 г., 24 ноября 2018 г.), на IX Международной научной конференции «Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий» (г. Воронеж, 28-29 октября 2017 г.), на Межрегиональной научно-практической конференции «Проблемы

гуманитарных наук и образования в современной России» (г. Воронеж, 16 апреля 2018 г.), на Международной конференции «Актуальные проблемы русской диалектологии» (г. Москва, 26-28 октября 2018 г.), на X Международной научной конференции «Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий» (г. Воронеж, 26-27 октября 2019 г.), на XXXV Всероссийском диалектологическом совещании Лексический атлас русских народных говоров – 2019 (г. Санкт-Петербург, 4–5 февраля 2019 г.), на Научно-практической конференции с международным участием «Актуальные проблемы филологии» в рамках Всероссийского научно-практического форума «Проблемы гуманитарных наук и образования в современной России» (г. Воронеж, 15 апреля 2019 г.), на Всероссийской с международным участием научной конференции «Россия народная: россыпь языков, диалектов и культур» (г. Волгоград, 23-25 апреля 2019 г.).

По теме диссертации опубликовано 9 печатных работ, из них 3 работы в научных журналах, включенных в перечень ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы, списка сокращений и приложений.

Глава 1. История формирования основных грамматических категорий имени существительного и их описание в научной литературе

1.1. Способы описания диалектных систем склонения в науке

В диалектологии до сих пор не выработан единый подход в интерпретации диалектных явлений и диалекта как такового в пределах языковой макросистемы. В российской науке понятие диалектный язык рассматривается с двух точек зрения. Первая принадлежит Р.И. Аванесову, который ввел этот термин в научный оборот. Согласно его точке зрения диалектный язык следует рассматривать как «систему, отдельные элементы которой взаимно обусловлены и как таковые не существуют изолированно, сами по себе, вне системы» [Аванесов 1963, с. 308]. При таком понимании диалектного языка важна фиксация всех диалектных различий (противопоставленных и непротивопоставленных), в том числе совпадающих с литературным языком.

Согласно другой точке зрения, принадлежащей Л.Л. Касаткину, «диалектный язык – совокупность всех собственно диалектных черт, свойственных диалектам данного языка и представленных на разных территориях членами междиалектных соответственных явлений – диалектных различий, отличающими диалекты друг от друга и от литературного языка» [Касаткин 2007]. По мнению ученого, диалектному языку присущи и общие для всех диалектов данного языка особенности строения устного текста, формул этикета, языковой картины мира [Русский язык 2020, с. 157].

В связи с этим можно говорить о двух подходах к описанию морфологической системы говора. Первый предполагает полное системное описание с фиксацией как специфически диалектных черт, так и совпадающих с литературным языком. Другой подход предполагает дифференцированное описание с точки зрения различительных черт [Пожарицкая 2005, с. 103].

В нашем исследовании диалектный язык рассматривается с позиций Р.И. Аванесова, поэтому при описании системы склонения существительных используется недифференцированный подход, поэтому актуальным становится вопрос о взаимоотношениях литературного языка и диалектов.

Принято считать, что тесное взаимодействие сельского населения с городским в условиях абсолютного преобладания литературного языка приведет к нивелировке диалектов или к их полному исчезновению. Однако эти лингвистические прогнозы, по мнению Т.И. Вендиной, противоречат процессам, реально протекающим в русских диалектах, и требуют корректировки [Вендина, с. 427].

Механизмы воздействия литературного языка на диалекты долгое время находились вне поля зрения исследователей и указания на такое воздействие, по словам Н.П. Гринковой, «выглядели как отписка по поводу материала, не подлежащего изучению» [Гринкова 1947, с. 177].

В настоящее время исследователи предпринимают первые попытки определить сущность и механизмы воздействия литературного языка на диалекты на разных языковых уровнях. Известно, что воздействие литературного языка сказывается сильнее, когда оно не противоречит актуальным тенденциям развития говора, а в обратном случае диалектная система оказывает сопротивление литературной норме, а диалектные формы демонстрируют способность к дальнейшему развитию.

Устойчивость фонетики говоров к влиянию литературного языка Л.Э. Калнынь объясняет тем, что «отказ от фонетической диалектной черты <...> означает не просто замену одного звука другим в данной позиции, но перестройку фонетической программы слова, т.е. практически усвоение нового слова» [Калнынь 1997, с. 122]. Это способствует сохранению, например, оканья, сильного яканья, мягкого цоканья.

Изучение лексики диалектов в рамках работы над «Лексическим атласом русских народных говоров» свидетельствует «о консервативности диалектов, на протяжении многих веков успешно противостоящих внешним влияниям, а также тенденциям к стандартизации» [Вендина 2016, с. 431], что помогло им сохранить отдельные узколокальные лексемы.

Воздействие литературного языка на морфологическом уровне приводит, по мысли В.Ю. Михальченко, «к нарушению целостности самой системы говора как совокупности коммуникативных средств» [Михальченко 2002, с. 127], увеличивая функционально не обусловленную вариативность языковых средств и способов выражения.

При описании морфологического уровня говоров мы учитываем фонетические особенности диалектной речи, поскольку «фонетика (архаичные или новые особенности произношения) определяют возможные изменения в области грамматики [Русская диалектология 1998, с. 75]. В этом отношении особо важно учитывать фонемный состав аффиксов, а не его конкретные фонетические реализации.

Вслед за В.В. Колесовым считаем, что для морфологии не менее актуальными становятся такие существенные вопросы, как круг и характер лексики, охватываемой тем или иным окончанием, акцентные парадигмы, безударные варианты ударных окончаний [Русская диалектология 1998, с. 75].

Следует констатировать, что в целом диалектная морфология остается слабо разработанным разделом. Однако на сегодняшний день в науке представлены несколько направлений в изучении и описании диалектного склонения, среди которых можно выделить структурно-сопоставительное, функционально-типологическое и описание с точки зрения оппозиционного (теоретико-информационного) метода в русле динамической теории частей речи.

Структурно-сопоставительный подход используется в монографии С.В. Бромлей, Л.Н. Булатовой [Бромлей 1972], где предпринята первая попытка практического применения авторского метода синхронного описания основных морфологических классов слов в русских говорах с помощью эталонной метасистемы. Эта система создана искусственно и представляет собой «теоретико-множественную сумму элементов морфологических систем отдельных говоров» [Бромлей 1972, с. 10]. Такой подход впервые использовал Р.И. Аванесов для описания фонологического состава русских говоров, а С.В. Бромлей, Л.Н. Булатова распространили его на описание морфологической системы русских говоров.

Применение такого метода дает возможность более четкого структурного сопоставления морфологической системы разных диалектов, а также выделения некоторых типологических различий говоров при значительном единстве грамматического строя. Вся работа выполнена на материалах, собранных для диалектологического атласа русского языка, и на собственных наблюдениях авторов.

При описании модели склонения существительных ед.ч. с использованием эталонной метасистемы авторам удалось выделить 4 типа склонения: три типа склонения (те же, что и в литературном языке) считаются основными, т.к. входят в любую диалектную систему, а 4 тип склонения характерен только для части диалектных систем, но и в них может быть факультативным из-за отсутствия специфической системы окончаний. К этому типу склонения авторы относят существительные ср.р. с ударением на основе (*дело, сено, стадо, лыко, поле, варенье*), в словоизменительных моделях которых своеобразно сочетаются падежные окончания I и II типов склонения.

Описание модели склонения мн.ч., в силу разного рода причин, представлено не по разновидностям склонения, а по отдельным падежам с учетом словообразовательных отношений между основами ед.ч. и мн.ч.

Значительный вклад в разработку вопросов об устройстве и распространении систем так называемого *a*-склонения внесли исследования А.В. Тер-Аванесовой [Тер-Аванесова 1998, 2002, 2013]. Александра Валерьевна, используя данные трех национальных атласов (русского, украинского и белорусского языков), материалы экспедиций из архивов Института русского языка РАН, карты региональных атласов, разработала свою карту-схему, на которой представлены основные типы систем род., дат., мест. падежей *a*-склонения. В структурном плане автор выделяет несколько его типов:

1) архаические системы *a*-склонения отражают «результат разного рода преобразований «стандартной древнерусской» системы (Р. *ženy, *zemlě, Д.-М. *ženě, *zemli), развивавшейся фонетическим путем из праславянской системы **-ā/*-jā* -склонения» [Тер-Аванесова 2002, с. 174-175]. Такая система сохраняется на территории современной Украины, небольшими ареалами встречается в Полесье.

2) «моновариантные» системы *a*-склонения характеризуются «единым для всех типов основ набором окончаний род., дат и мест. падежей и образуются путем обобщения твердой или мягкой разновидностей склонения» [Тер-Аванесова 2002, с. 177]. Такие системы характерны для севернорусских и близких им среднерусских говорах, встречаются в средне- и южнорусских говорах и с небольшими отличиями во многих юго-восточных говорах.

К числу моновариантных относится, во-первых, система русского литературного языка, где отражено «обобщение твердой разновидности склонения», представленная формами род.п. *жены'*, *земли'*, дат.-мест.п. *жене'*, *земле'*. Во-вторых, моновариантными являются так называемые «обратные» системы *a*-склонения, представляющие собой результат обобщения исконной мягкой разновидности (род.п. *жене'*, *земле'*, дат.-мест.п. *жены'*, *земли'*) [Тер-Аванесова 2002, с. 177-179].

В монографии Л.Г. Яцкевич [Яцкевич 2013] применяется другая нетрадиционная методика морфологического описания диалектного материала, основанная на функционально-типологическом подходе с применением функционально-семантического анализа. Вопросы диалектного формообразования рассматриваются в тесной связи с диалектным словообразованием. Подобный подход к морфологии ранее был представлен в трудах В.В. Виноградова [Виноградов 1947, 1975], Ю.С. Азарх [Азарх 1984], в работах ученых казанской лингвистической школы.

При таком подходе основное внимание уделяется типологической неоднородности диалектного формообразования, обусловленной «эволюционными процессами, протекающими в грамматической концептосфере в истории русского языка на различных территориях его бытования» [Яцкевич 2013, с. 10]. По мнению Людмилы Григорьевны, процессы эволюции в русском диалектном формообразовании обусловлены двумя противоположными процессами: деграмматикализации и грамматикизации.

Наиболее наглядно эти процессы описаны на примере грамматической категории рода. Процессы деграмматикализации проявляются «в утрате

облигаторности их морфологического оформления по определенному роду, в широко распространенной вариантности рода у неодушевленных существительных, в продуктивности словообразования существительных общего рода» [Яцкевич 2013, с. 47]. В доказательство этого исследователь приводит примеры из вологодских говоров: 1) *вы'ряд / вы'ряда* 'наряд, праздничная одежда'; *го'вор / го'ворь (ж) / гово'ря* 'речь, разговор'; *дерно' / де'рнь (м)* 'дёрн', *борову'ха / борови'к* 'гриб с темно-коричневой шляпкой и беловатой маслянистой толстой ножкой, белый гриб' и др. Морфологические варианты слов имеют тождественное лексическое значение.

Процессы грамматикализации рассматриваются автором как явления «морфологического усиления структуры слова путем вторичного присоединения к нему сигнификативно сильного форматива» [Яцкевич 2013, с. 40]. По отношению к категории рода таким формативом может стать суффикс. При этом важно отметить, что лексическое значение производящего и производного слова не отличаются, т.е. такие суффиксы «объективируют только грамматическое значение рода и словообразовательной функцией не обладают» [Яцкевич 2013, с. 42]. Например для ж.р. наиболее продуктивна вторичная суффиксация с формативом *-к-(а)*: *борозда' – боро'здка* 'полоса, линия, отличающаяся от общего фона' *бя'ша – бя'шка* 'овца'; *ве'хоть – ве'хотка* 'тряпка для различных хозяйственных надобностей' и др. Для существительных м.р. такой продуктивностью обладает суффикс *-ок-*: *бо'ров – боро'во'к* 'ряд, полоса посаженного картофеля'; *вал – вало'к* 'ряд скошенной травы, лежащей вдоль прокоса'; *верх – вершо'к* 'сливки' и др. К существительным ср.р. для акцентирования граммы рода вторичные суффиксы присоединяются редко, например: *-j-/(ё)* (*де'ло – дельё*); *-ц(е)* (*зе'но – зе'нце* 'глаз').

С несколько других позиций рассматривается существительное и его склонение с применением оппозиционного (теоретико-информационного) метода в динамической теории частей речи, которая была разработана В.Г. Руделевым, основателем Тамбовской лингвистической школы. Она опирается на динамическую теорию языковых единиц Н.С. Трубецкого, где «опозиции позволяли увидеть специфику противопоставляемых объектов или явлений, а нейтрализации –

механизм их взаимодействия, устанавливающий динамический характер этого взаимодействия» [Шарандин 2002, с. 51]. Суть такого подхода заключается в «необходимости установления частеречной системы оппозиций и корреляций, измерения информационной мощи каждого члена оппозиции – на основе установленных нейтрализаций частей речи в слабых позициях» [Руделев 1996, с. 83]. Согласно идеям В.Г. Руделева, деклинационная система субстантивов представлена 4 основными типами: «строгим мужским склонением» (типа *заяц*), «нестрогим мужским склонением» (типа *болото*), «строгим немужским (женским) склонением» (типа *лошадь*), «нестрогим немужским (женским) склонением» (типа *блоха*) [Руделев 2005, с.126-127]. Между этими типами склонения складывается следующая модель отношений: «наиболее информационным (дважды маркированным) оказывается *строгое мужское склонение* (слова типа *заяц*), наименее информационным (дважды не маркированным) является *нестрогое женское склонение* (слова типа *блоха*). *Строгое женское склонение* (слова типа *лошадь*) и *нестрогое мужское склонение* (слова типа *болото*) маркируются однажды, но признак, создающий оппозицию в первом случае менее значим, чем признак, создающий оппозицию во втором» [Зыонг 2007, с. 17].

Попытка применения теоретической концепции В.Г. Руделева к описанию системы форм и семантико-грамматических классов существительных в диалектах отражена в диссертационном исследовании Л.Н. Клоковой, выполненном на материале говоров Тамбовской области [Клокова]. В работе Лариса Николаевна отмечает, что «грамматическая категория шифрует лексическую семантику с помощью различных средств, причем эти средства сами имеют значение» [Клокова, с. 9].

В качестве признаков субстантивов в исследовании рассматриваются: 1) род, в котором «тесно переплетаются грамматические, семантические и словообразовательные явления»; 2) число, которое осложнено «разнообразными лексико-семантическими значениями и оттенками»; 3) падеж, который связан с «формально-смысловой организацией единиц синтаксического уровня» [Клокова, с. 9]. Отдельное внимание сосредоточено на категории среднего рода в связи с

определением границ типов склонения субстантивов. По наблюдениям автора, «все существительные с безударной флексией (*кары'та, ма'сла, се'на, бало'та, пла'тья, про'са, по'ля* и др.) пополняют тип женского склонения, а существительные с ударной флексией сохраняют на несинтаксическом уровне способность изменяться по образцу слов мужского типа склонения» [Клокова, с. 11]. Для субстантивов женского рода с мягкой основой и нулевым окончанием актуальным оказывается их процесс объединения со склонением на *-а* (*вада', земля' и це'рква, бале'зня, ка'зня, ша'ля, марква', ма'тря*). Среди устойчивых диалектных процессов автор выделяет «расширение границ функционирования флексий *-а* в формах им.п. мн.ч. и, в меньшей мере, *-ов(-ев)* в формах род.п. мн.ч. (*шуба', шаля', скарбя', гаря', гризя', кажа', дычиря', дирижня', валя'*) [Клокова, с. 12].

Структурно-сопоставительное и функционально-типологическое описание морфологической системы диалектного языка может быть обогащено данными исторического подхода к изучению морфологии народных говоров.

О важности диалектных данных для восстановления истории языка впервые говорится в работах А.А. Потебни [Потебня 1866], А.И. Соболевского [Соболевский 1897], А.А. Шахматова [Шахматов 1957], Н.Н. Дурново [Дурново 1969] и др. Историки русского языка обращались к русским диалектам как к основному источнику изучения эволюции звуков и форм.

П.С. Кузнецов в исследованиях исторических изменений морфологической системы русского языка обращается к данным диалектологических атласов и публикаций, поскольку говоры, как явление более архаическое, дольше сохраняют многие фонетические и морфологические черты в виду «медлительности и постепенности» языкового развития. Народные говоры могут в более ясном виде представлять те новшества, которые появлялись на протяжении развития языка и не достигли своего завершения к моменту стабилизации норм литературного языка [Кузнецов 1959, с. 3-4].

Г.А. Хабургаев в своих исследованиях рассматривает эволюцию морфологического строя не книжно-литературного языка восточных славян, а языка диалектного как основного средства повседневного общения для эпохи

средневековья. По убеждению Георгия Александровича «только местная диалектная речь <...> должна быть признана реальным объектом исторической грамматики» [Хабургаев 1990, с. 9]. В связи с этим ученый постоянно стремится выявить диалектный источник языковых особенностей, со временем получивших общерусское распространение или приобретших значение общенациональной нормы [Хабургаев 1990, с. 11].

Наибольшей ценностью для нашего исследования обладают работы С.И. Коткова [Котков 1952, 1963]. В них Сергей Иванович обосновал возможность изучать разговорную речь прошлых эпох по памятникам деловой письменности. При этом исследованные им памятники письменности (рукописи, впервые вводимые в научный оборот) относятся к старой южновеликорусской территории. Полученные сведения подкрепляются показаниями соответствующих современных говоров, а также художественными произведениями тех писателей, жизнь и творчество которых было связано с южновеликорусской областью: А.В. Кольцова, И.С. Никитина, А.И. Эртеля, И.А. Бунина, И. Сулова и др.

Отдельное внимание автора сосредоточено на категории рода, и прежде всего, на процессе разрушения категории ср.р. Данный вопрос к тому времени мало изучался на материале южновеликорусских говоров. Ученый смог выделить хронологические этапы процесса. В общих чертах, по мнению Сергея Ивановича, это выглядит следующим образом: начало замены на фонетической основе ср.р. женским восходит к эпохе не ранее XII века, как актуальный процесс относится к XIV-XV векам, а в более позднее время представляет собой традицию [Котков 1963, с. 144-145].

Кроме этого подробно охарактеризованы отдельные падежные формы с учетом отнесенности их к древним типам склонения, например, род.п. и пр.п. на -у в связи с взаимодействием древних склонений на *-ǫ и *-ǫ̆. При этом внимание ученого зачастую сосредоточено на отдельных лексемах, словоизменение которых рассматривается в историческом развитии. Так, подробно охарактеризованы, например, существительные *мать* и *дочь*, занимающее особое положение в системе склонения в условиях южнорусских говоров.

В нашем исследовании, взяв за основу структурно-сопоставительный подход к именному склонению, предложенный С.В. Бромлей, мы предпринимаем попытку системно-исторического описания склонения существительных в воронежских диалектах с учетом последних достижений в области их типологии.

1.2. Становление основных грамматических категорий имени существительного

Любые изменения грамматического строя языка возникают при соприкосновении морфологических и синтаксических явлений. Это связано с расширением или сужением числа вариантных форм, или словоизменительных вариантов. Такая грамматическая вариантность всегда категориальна [Валгина 2001].

Каждая часть речи обладает особыми грамматическими категориями, поэтому количество возможных вариантов и их предельность определяются внутренней природой самих частей речи [Граудина 1977, с. 146]. Склонение имен существительных базируется на неразрывно связанных друг с другом грамматических категориях рода, числа, падежа и отчасти одушевленности/неодушевленности, поэтому вариантность и, следовательно, движение форм будет касаться именно этих категорий. Считаю необходимым остановиться на каждой из них подробнее.

Для нашего исследования важными становятся утверждения историков языка и диалектологов о том, что новообразования в грамматической системе в разных говорах происходят неравномерно и неодновременно: на северные территории они проникают позднее, чем на южные. Однако на южных территориях архаические формы являются более устойчивыми, а некоторые сохраняются до настоящего времени.

Поскольку говоры Воронежской области относятся к южновеликорусским говорам, изучение их грамматического строя на современном этапе развития может дать богатый материал для истории языка.

Вслед за Н.А. Бесединой, считаем важным отметить, что грамматика диалектного языка и особенности его морфологической системы, может стать одним из источников изучения диалектной картины мира. Основная сложность в интерпретации подобных данных заключается в том, чтобы выяснить, «какие структуры знания стоят за морфологическими категориями, в результате каких процессов восприятия и познания мира они получены и в какой форме отражены в нашем сознании, какие фрагменты мира выделены и осмыслены человеком и какие именно языковые обозначения свидетельствуют об этом» [Беседина, с. 127].

1.2.1. История формирования и развития категории рода

Категория рода имен существительных является классифицирующей грамматической категорией и представляет собой трехчленную оппозицию, т.е. большинство существительных традиционно распределяются по трем родам: мужскому, женскому и среднему. Кроме этого, в диалектах, как и в литературном языке, представлен так называемый общий род, когда родовая принадлежность слова выявляется по контексту.

По последним подсчетам, которые приводит Е.В. Клобуков, существительных м.р. всего около 40,5%, ж.р. – 43% и ср.р. – 16,5% [Русский язык 2020, с. 614].

Вне категории рода оказываются существительные *pluralia tantum* (типа *ворота, брюки, очки*), однако А.А. Зализняк доказал, что подобные слова составляют особый четвертый род, который он назвал «парным», т.к. многие

существительные, принадлежащие к нему, обозначают парные предметы [Зализняк 2002, с. 78-80].

На сегодняшний день существует большое количество исследований, посвященных категории рода, однако до сих пор остается неясным сам принцип отнесения существительных к тому или иному роду. Как отмечает А.Е. Маньков в своей обширной статье, «уже в самый ранний период засвидетельствованной истории всех индоевропейских языков род является не только полностью сложившейся, но и десемантизированной категорией» [Маньков 2005, с. 79].

Некоторые ученые, например, В. Леман, говорят о том, что три родовых класса возникли одновременно. Но большинство ученых, начиная с А. Мейе, склонны считать, что первоначально существовала двучленная родовая система, которая позже преобразовалась в трехчленную [Казанцева 2005, с. 21].

Предпосылкой формирования категории рода считается восприятие предметов как «одушевленных» («активных») и «неодушевленных» («инактивных»). Среди класса «одушевленных» предметов появилась возможность реализовать понятие пола. «Разделение имен одушевленного класса на два парадигматических типа (т.е. на два рода) знаменует возникновение новой именной категории – категории рода» [Маньков 2005, с. 88].

Во всех индоевропейских языках, по мнению Е. Куриловича, «существительные, обозначающие людей и некоторых животных <...> имеют грамматический род, соответствующий природному полу <...>. Закрепление определенного грамматического рода за каким-нибудь суффиксом свидетельствовало о том, что в момент возникновения рода соответствующий суффикс был также продуктивен в сфере образования существительных, обозначающих существа мужского или женского пола» [Курилович 1962а, с. 207]. А для существительных, род которых не мотивирован ни их значением (не обозначают живых существ), ни их формой (не имеют суффиксов, связанных с определенным грамматическим родом), «можно установить следующее правило: в момент формирования рода они принимают род других существительных, с которыми функционально чередуются, в результате чего главный или немаркированный член семантического

противопоставления навязывает свой род подчиненному или маркированному» [Курилович 1962а, с. 207-208.]. Т.е. соотнесенность неодушевленных предметов с мужским или женским полом не связано с особенностями мифологического мышления древнего человека или олицетворением.

Развивающаяся категория рода наслочилась на существующую систему склонения имени существительного, в которой отнесенность к тому или иному типу определялась семантически, т.е. конечный звук основы являлся словообразовательным суффиксом, объединявшим родственные по значению слова.

«Разрушение старых типов склонения и становление новой системы происходило уже в исторический, письменный период. Этот процесс был длительным и сложным и протекал как взаимодействие разных типов склонения. Решающую роль при этой перегруппировке играла именно категория рода. Существительные непродуктивных типов были вынуждены встраиваться в систему склонения продуктивных типов, при этом иногда меняя свою родовую принадлежность. Так, например, произошло с существительными древнего типа склонения с основой на *-ent, которые обозначали детенышей животных и человека и относились к существительным ср.р. В современном русском литературном языке они получили суффикс *-онок* и примкнули к существительным м.р. Таким образом, мы можем констатировать общезыковое сокращение существительных ср.р. и расширение за их счет существительных м.р.» [Токарева 2018, с. 142]

В современных говорах различаются три грамматических рода. По мнению Л.В. Капорулиной, специфика категории может проявляться: 1) в распределении существительных по родам, т.е. в объеме каждого из родов; 2) в многочисленных колебаниях в роде; 3) в разных принципах определения родовой принадлежности слова [Русская диалектология 1998, с. 76]. Более того, в говорах продолжает реализовываться универсальная славянская тенденция к объединению словоизменительных моделей в пределах одного рода.

Объем каждого из родов в диалектном языке зависит от того, как в нем представлена категория ср.р. В исследованиях, посвященных категории рода в русских народных говорах, неоднократно отмечается тенденция к разрушению

категории ср.р. Это явление наблюдается в значительной части русских говоров, что отражено в диалектологических атласах, а также в публикациях диалектологов. Изучению категории ср.р. в южнорусских донских говорах Волгоградской области посвящены работы Р.И. Кудряшовой, о судьбе ср.р. говоров Самарской области пишут исследователи Г.В. Михеева и Т.Ф. Зиброва. Корпусное исследование категории ср.р. в говоре с. Роговатое Старооскольского района Белгородской области представлено в работе А.В. Тер-Аванесовой. Интересный подход к функционированию категории рода в диалектах находим в работах М.М. Валенцовой, которая рассматривает категорию сквозь призму реализации концептуальной культурологической бинарной оппозиции «мужской – женский», описывая способы выражения и функционирование «родовых дублетов», не являющихся обозначением лица. Замечания о существительных ср.р. в говорах Воронежской области находим в статьях В.И. Собиенниковой, В.Н. Кретовой, А.И. Чижик-Полейко, О.А. Слюсаревой и др.

Как указывает С.И. Котков, на почве южнорусских говоров уже к XVII веку разрушение категории ср.р. было распространенным явлением, причем имело довольно глубокие хронологические корни. На фонетической основе начало замены ср.р. женским «восходит к эпохе не ранее XIII в. – вероятной поре истоков аканья, развитие которого могло последовать лишь за утратой редуцированных Ъ и Ь» [Котков 1963, с. 145], как актуальный процесс разрушения категории ср.р. относится к XIV-XV в., а в более позднее время представляет собой лишь традицию. Однозначно определить родовую принадлежность существительного в говорах можно только синтаксическим способом: по согласующимся с ним прилагательным, неличным местоимениям или по соотносимой с ним форме глагола прошедшего времени.

Если рассмотреть этот процесс подробнее, то в первую очередь форма ср.р. прилагательного и неличного местоимения заменяются формой ж.р., когда определяемое существительное имеет безударное окончание (*но'въѣа д'е'ла*). Далее аналогичный процесс отмечается при существительных ср.р. с ударным окончанием прилагательного и неличного местоимения (*ус'а'с'ало'*). В сочетаниях

типа *бал'ша'йа ну'за* и *ус'а' с'ало'* родовая характеристика существительного содержится в прилагательном или неличном местоимении, а вследствие этого и прилагательное с безударным окончанием, по С.И. Коткову, осознается как более или менее самостоятельный выразитель категории ж.р. в таких сочетаниях, как *дал'о'к'ьйа с'ало'*. Средоточие родовой характеристики имени существительного в прилагательном или неличном местоимении может вести к утрате существительными ударного окончания ср.р. и приобретению им ударного окончания ж.р. в соответствии с ударным окончанием прилагательного, которое определяет это существительное (*маја' ж'ит'ийа'*, *ма'слу м'ату'т'*). Дальнейшее переосмысление родовой принадлежности существительного выражается в сочетаниях с глаголами в форме прошедшего времени ж.р., а также с личным местоимением 3-го лица ж.р. *она (была' к'ино')*.

По наблюдениям диалектологов, тенденция к переходу существительных ср.р. в состав существительных ж.р. в говорах южнорусского наречия не теряет своей актуальности до настоящего времени, несмотря на активное влияние литературного языка.

О неустойчивом положении категории ср.р. свидетельствует и переход существительных ср.р. в состав м.р. Эти говоры немногочисленны и встречаются к западу от Москвы (в районе Гжатска, Малоярославца, Наро-Фоминска) в Медынском районе Калужской области [Трубинский 2004, с. 98], на территории, где русское население соседствует с нерусским, например, в приуральских говорах, взаимодействующих с казахским языком, который не знает категории рода [Русская диалектология 1988, с. 77], а также спорадически встречаются в юго-восточной части южнорусских говоров, но преимущественно в говорах недавних переселенцев из средней полосы [Высотский 1948, с. 84-85]. Такие говоры представлены и на территории Воронежской области.

Существует несколько точек зрения на причины возникновения подобного явления. Фонетическое объяснение находим в работах С.П. Обнорского. Ученый видел источник замены ср.р. м.р. в словосочетаниях типа *свежее яйцо, цветное платье, белое полотенце*, где безударное окончание в условиях акающей речи могло

редуцироваться до полной утраты конечного гласного звука, что приводило в итоге к совпадению этой формы с формой прилагательного м.р. Данное обстоятельство могло закрепить представление о существительных *яйцо, платье* и подобных как об именах м.р. Отсюда естественно казалось дальнейшее образование сочетаний как *твой, весь яйцо* и подобных с ударным окончанием м.р. [Обнорский 1927, с. 53].

С.С. Высотский заметил, что такая редукция не приводила к переходу существительного ж.р. в м.р. в подобных фонетических условиях. «Если бы такая редукция, – пишет он, – и была известна, то она неудержимо должна была бы захватить и безударное *-а* в том слабом положении, в котором оно существовало в сходных окончаниях ж.р. (т.е. из *белая рубашка* получилась бы форма *б'ельй руба'шка*, как *б'ельй платно'*) [Высотский 1948, с. 86]. Исследователь считает, что основой для замены ср.р. м.р. стало морфологическое обобщение, т.е. отнесенность к одной парадигме склонения и совпадение форм м.р. и ср.р. для большей части падежей (форма для ср.р., отличная от формы м.р., выступала лишь для им.п. и вин.п.). Морфологическое объяснение объединения существительных м.р. и ср.р. считается наиболее признанным.

«Возможно, угасание категории ср.р. существительных соответствует общему процессу семантического обезличивания форм ср.р., т.е. существительные ср.р. только метафорически или в качестве общей характеристики могут относиться к живым существам мужского или женского пола (ср. *существо, божество, чудовище, страшилище*). Своеобразная обезличенность форм ср.р. отмечается при употреблении других частей речи в функции существительного, по форме совпадающей со ср.р. (ср. *мороженое, будущее, настоящее*). К тому же, специальных суффиксов ср.р., которые могут обозначать предмет вообще без дополнительного (функционально-стилистического или эмоционально-экспрессивного) значения в современном русском литературном языке нет. Класс существительных ср.р. пополняется исключительно за счет заимствований на *-о, -е*, у которых с этимологической точки зрения существует лишь формальное сходство со словами ср.р. (*кафе, пюре, бюро, пальто, метро*)» [Токарева 2018, с. 143].

В диалектной речи категория ср.р. часто бывает ограничена узким кругом лексем с конкретным значением, отражающих бытовые реалии, окружающую действительность (например, *село, кладбище, просо, зерно, сено, сало, молоко, ведро, мясо*). Крайне редко употребляются слова с отвлеченным значением (*наказание, образование, распоряжение* и т.п.).

Неустойчивое промежуточное положение ср.р. также поддерживается системой склонения, т.е. в ед.ч. у существительных ср.р. в косвенных падежах используются те же окончания, что и у существительных м.р. По мнению А.А. Кротова, бинарная родовая оппозиция *его-ее*, где «форма *его* соотносится со словами как среднего, так и мужского рода», указывает на оппозицию «инактивность (средний и мужской род) – активность (женский род)», что в целом соотносится с признанным женским типом русской культуры [Кротов 2007, с. 201].

Отсутствие регулярных семантических оснований для отнесенности к тому или иному роду становится главной причиной многочисленных колебаний в роде, которые отмечаются повсеместно. По своему происхождению такие колебания могут быть различны: в одних случаях сохраняются старые родовые отношения (*ужина, колоколо, бересто, моя лось*), в других – возникают фонетические изменения в группе труднопроизносимых согласных (*тигра, литра, кадра*). Кроме прочего колебания в роде отмечаются у существительных древнего типа склонения с основой на *-ї, который объединял существительные м.р. и ж.р. (*ночь, степь, мышь, путь, печень, скатерть*) [Русская диалектология 1998, с. 78].

1.2.2. История развития категории числа

Вопрос о категории числа в лингвистике решается неоднозначно. Некоторые исследователи (Ф.Ф. Фортунатов и его последователи Д.Н. Ушаков, Н.Н. Дурново, а также Р.И. Аванесов, В.Н. Сидоров, С.В. Бромлей) рассматривают число, наряду

с родом, как классифицирующую, а не словоизменительную категорию. В основе такой точки зрения лежит другой взгляд на границу словоизменения и словообразования. Такая точка зрения не получила широкого распространения. «Словообразовательную» концепцию категории числа аргументированно критикуют А.А. Зализняк, А.И. Смирницкий, Д.И. Руденко и др.

Вслед за академической грамматикой мы будем рассматривать категорию числа как словоизменительную грамматическую категорию, выраженную в «системе двух противопоставленных рядов форм – единственного и множественного числа» [Русская грамматика 1980, с. 471], отражающая внеязыковые представления о единичности и неединичности называемых существительными реалий. Группа имен существительных, имеющих оппозицию ед.ч. и мн.ч. образуют ядро грамматической категории числа. У большинства существительных противопоставлены две формы числа – ед.ч. и мн.ч. Они отличаются друг от друга окончаниями (*книга – книги*), местом ударения (*дом – до'ма – дома'*) и основами (*колос – колосья, сын – сыновья, утенок – утята, крестьянин – крестьяне*).

Кроме того, в современном русском языке существуют лексико-грамматические классы слов, которые лишены соотносительных числовых пар. Одни из них неспособны к образованию форм ед.ч. (*pluralia tantum*) другие – мн.ч. (*singularia tantum*).

В древнерусском языке категория числа была представлена трехчленной оппозицией и включала единственное, двойственное и множественное число. Числовые формы могли иметь все существительные, в том числе с отвлеченным, собирательным и вещественным значением [Марков 1976, с. 20; Хабургаев 1990, с. 43] без изменения лексического значения.

Ключевым изменением категории числа считается утрата категории двойственного числа и замена ее форм формами множественного числа или обобщение переосмысленных форм двойственного числа [Русский язык 2020, с. 849] как результат абстрагирующей деятельности человеческого мышления.

Утрата двойственного числа в русском языке была длительным процессом, в ходе которого произошли изменения в семантике от значения конкретного множества к значению обобщенно-отвлеченной множественности.

Кроме этого другой более общей тенденцией развития категории числа В.Б. Крысько видит в усилении противопоставления парадигм ед. и мн. числа за счет устранения родовых различий в парадигме мн.ч., т.е. за счет формирования внеродовой парадигмы мн.ч. Проявление этой тенденции отражается: 1) в омонимизации прямых падежей (отождествление существительных м.р. с существительными ж.р и ср.р); 2) в развитии во мн.ч. категории одушевленности/неодушевленности (оппозиция по внеродовому признаку всех одушевленных существительных муж, жен. и ср.р неодушевленным); 3) в унификации форм дат.п., род.п., мест.п путем обобщения флективного *-а* (*-ам, -ами, -ах*) [Русский язык 2020, с. 672-637]. Как отмечает В.А. Плунгян, это выстраивает более сложные иерархические отношения между категорией числа и падежа, когда «максимальное число падежных граммем обычно различается в формах ед.ч. (а падежная парадигма во мн.ч. оказывается с формальной точки зрения более редуцированной)» [Плунгян 2003, с. 178].

Категорию числа сложно рассматривать отдельно от категории падежа, поскольку грамматическое значения числа и падежа выражаются кумулятивно.

Категория числа в народных говорах, как и в литературном языке, представлена двучленной оппозицией ед.ч. и мн.ч. Основными отличиями этой категории можно считать: 1) соотношение основ ед.ч. и мн.ч.; 2) отличие лексико-грамматического класса слов, лишенных соотносительной числовой пары.

В работе С.В. Бромлей, Л.Н. Булатовой рассматриваются 6 типов словообразовательных отношений между основами ед.ч. и мн.ч. [Бромлей, с. 94-99].

1. Основа мн.ч. равна основе ед.ч. Во всех говорах это соотношение представлено регулярно и представлено в неограниченном количестве слов.

2. Основа мн.ч. равна основе ед.ч. плюс суф. *-j-*. Круг слов, с таким соотношением основ, в разных диалектных системах может ограничиваться определенными формальными классами существительных или определенными

морфонологическими классами основ (*братья, лоскутья, тараканья, дубья, лошадыя, скатертья* и т.п.).

3. Основа мн.ч. равна основе ед.ч. плюс суф. *-овј-*. Такое соотношение преобладает в группе названий лиц мужского пола по признаку родства и свойства (*братовья, мужевья, внуковья, дивановья, кнутовья*).

4. Основа мн.ч. равна основе ед.ч. минус суф. *-онок-* плюс суф. *-ат-*. Это соотношение представлено в группе названий детенышей и известно не всем говорам (*теленек-телята*).

5. Основа мн.ч. равна основе ед.ч. минус элемент *ок* в суф. *-онок-* плюс суф. *-ат-*. Это соотношение отмечено среди названий детенышей мелких, бесполезных или вредных животных (*мышенята, волченята, утенята*).

6. Основа мн.ч. равна основе ед.ч. минус суф. *-ин-*. Это соотношение отмечено в группе названий людей по месту жительства (*волжане, крестьяне*).

Лексико-грамматический класс слов, лишенных соотносительной числовой пары в литературном языке (слова *pluralia tantum* и *singularia tantum*) в диалектном языке получает возможность иметь числовую оппозицию, что соотносится с общедиалектной тенденцией, когда «непарность по числу остается более редким явлением, чем в литературном языке» [Кумыкова, с. 112].

Соотносительную числовую пару получают существительные с отвлеченным значением (*езда – езды, веселье - веселья*), вещественным значением без обозначения сорта, разряда или вида (*квасы поставила, горохи сеили, много сенто, картошки копать приедешь*).

1.2.3. Характеристика категории падежа

Категория падежа является одной из важнейших словоизменительных категорий русского языка, которая выражает отношения между словами в

предложении. Как отмечают лингвисты, «падеж является смешанной семантико-синтаксической категорией, семантические аспекты которой могут быть то более, то менее отчетливы – в зависимости от конкретной падежной граммы и от организации падежной системы в целом» [Плунгян 2003, с. 164], «падежные формы в русском языке участвуют в выражении семантических, синтаксических и коммуникативных отношений» [Кустова 2011].

Первое научное определение понятию «падеж», по мнению В.А. Успенского, дал А.Н. Колмагоров. Ученый предложил называть падежом класс «эквивалентности, то есть класс эквивалентных между собой сущностей» [Успенский 1957]. А.А. Зализняк, взяв данное определение за основу, в своей монографии уточнил механизм выделения общепризнанных падежей с помощью контекста¹, в котором «может быть выражен некоторый набор разных состояний предметов» [Зализняк 1967, с. 39], учитывая как формальное, так и семантическое понимание падежа. По мнению Г.А. Хабургаева, категория падежа может быть определена как «система синтаксических значений, закрепленных за формами словоизменения существительных» [Хабургаев 1990, с. 46].

По мнению историков языка, категория падежа возникла в раннем праиндоевропейском языке и была в достаточно разработанном виде унаследована всеми индоевропейскими диалектами. Однако семантика и синтаксическое распределение падежей обладало своей спецификой в общеславянском и древнерусском языках. Так, в общеславянском род.п. объединились праиндоевропейские генетивный и отложительный, обозначающие соответственно принадлежность (отношение) и предел распространения действия (ср. *сынъ отьца, възиде из града*) [Алексеев 2018, с. 126].

В системе падежей древнерусского языка принято выделять именительный – падеж главного члена предложения, винительный – падеж прямого дополнения, родительный – падеж отношения и границы перемещения в пространстве,

---

¹ Контекст – совокупность конечного числа сегментов и одного многоточия, расставленных в определенном порядке [Зализняк 1967, 38].

дательный – падеж косвенного дополнения, творительный – падеж орудия или способа действия, местный – падеж нахождения в пространстве или во времени и изъяснения. Кроме этого существовала особая форма обращения, которую в грамматической традиции принято называть звательным падежом. Особые флексии получали существительные I склонения на *-ā, *-jā (*жено, судии*), II склонения на *-ō, *-jō (*друже, коню*), III склонения на *-ŭ (*сыну*) и IV склонения на *-ī (*Господи*). В остальных типах склонения в ед.ч. (на согласные, *ū) и во всех типах склонения во мн.ч. форма звательного падежа совпадала с формой им.п. соответствующего числа.

По мнению В.Б. Крысько, первоначальные изменения звательной формы были вызваны процессами унификации склонения, а позднее началось отмирание самой формы и ее замена им.п. [Русский язык 2020, с. 190].

В современных описаниях систем склонения литературного языка наиболее распространена 6-падежная система склонения. В то же время достаточно широко известна 8-падежная [Русская грамматика 1980, с. 486], [Зализняк 1967, с. 42-46], в которой наряду с родительным и предложным выделяются второй родительный (партитив) и второй предложный (локатив), которые получают формальное выражение окончанием -у. В.И. Борковский и П.С. Кузнецов называли эти два дополнительных падежа «количественно-определятельный» и «местный» [Борковский 2006, с. 187]. В.А. Плунгян относит локатив и партитив к неполным падежам [Плунгян 2003, с. 175, 179].

Однако такая 8-падежная система свойственна небольшому классу слов (некоторым неодушевленным существительным м.р.), что дает основание другим исследователям рассматривать данные формы как варианты, когда выбор окончания зависит от семантики, синтаксиса и стиля [Ручимская 2016, с. 36].

Для сопоставительного описания систем склонения в диалектном языке С.В. Бромлей и Л.Н. Булатова предлагают выделять 11 падежей: именительный, родительный, отделительный, партитивный, дательный, распределительный, винительный, объектный, творительный, предложный и местный, которые следующим образом соотносятся с 6-падежной системой:

Им.	Род.	Парт.	Отд.	Дат.	Распр.	Вин.	Объектн.	Твор.	Местн.	Предл.
Им.	Род.		Дат.		Вин.		Твор.	Предл.		

Как указывают авторы, данные названия падежей даны по одному из частных значений падежа и являются условными. Согласно данной концепции, род.п. представлен в сочетаниях типа *дом сестры, вкус воды, конец войны*; партитивный падеж отмечен в конструкциях типа *ведро воды, мало воды, не знал войны*; отделительный падеж может быть представлен формами типа *у сестре, из воде, до войне*. Различение дат.п. в беспредложных конструкциях и с предлогом *к* (*написать брату, пойти к другу*) и распределительного падежа в словоформах с предлогом *по* (*по дому, по домам*) обусловлено многообразием форм существительных с предлогом *по* у разных классов имен в разных говорах. Расчленение вин.п. на винительный и объектный позволяет авторам описать такие противопоставления как *пришла в деревню* (вин. п.) и *деревня видать, коза кормить* (объектн. п.).

При этом максимальная для диалектного языка система падежей не представлена ни в одном реальном говоре, а служит неким эталоном для описания диалектного склонения [Бромлей 1972, с. 66-84].

Некоторые ученые обращают внимание на то, что «в речи намечается новый падеж – звательный» [Ручимская 2016, с. 36], который используется при обращении к собеседникам, типа *Миш*, а не *Миша*, *Ань*, а не *Аня*.

Другие исследователи считают такие субстантивы звательной формой, т.к. она характерна только существительным 1 склонения и ее появление скорее фонетически обусловлено.

Согласно идеям Ч. Филлмора, Ю.Д. Апресяна, В.А. Плунгяна, уделявшим большое внимание грамматической семантике, важно учитывать семантические функции падежей, которые можно определить по семантической и/или синтаксической роли имени в составе определённой ситуации. Среди наиболее важных ролей В.А. Плунгян указывает следующие: *агенса, пациенса, экспериенцера, стимула, адресата, реципиента, бенефактива, инструмента, причина, источника, цель, место* [Плунгян 2003, с. 165-166]. Не вызывает сомнений тот факт, что «одна падежная форма может

обслуживать разные семантические области, а одна семантическая область может обслуживаться разными падежными формами» [Попова 1969, с. 11].

Частотность употребления разных падежных форм неодинакова. Согласно статистическим данным, полученным на базе анализа подкорпуса НКРЯ со снятой омонимией [Воейкова 2011а], падежные формы распределяются следующим образом (таблица 1):

Таблица 1

**Распределение падежных форм в Подкорпусе со снятой омонимией
(объем 516 856 предложений, 5 944 190 слов, общее кол-во имен существительных 1
699 977)**

	КОЛ-ВО	% от всех сущ.
им.п.	514558	30,3
род.п.	449713	26
дат.п.	88949	5,4
вин.п.	325109	19
твор.п.	156265	9,3
пр.п.	169842	10

Похожие подсчеты отражены в работе М.К. Копотева [Копотев], однако здесь представлены 11 падежей, различаемых в НКРЯ (второй родительный Р2, второй предложный П2, второй винительный В2, счетная (Сч.) и звательная (Зв.) формы), и учтена жанровая специфика текстов (таблица 2).

Таблица 2

Распределение падежных форм по жанрам в НКРЯ

	И	В	Р	Т	П	Д	П2	Р2	Зв	В2	Сч
Худ. лит-ра, %	33,4	21,55	20,34	9,92	8,69	5,23	0,48	0,2	0,07	0,04	0,05
Публицист., %	24,42	17,33	30,73	8,07	10,37	5,47	0,48	0,05	0,01	0,03	0,03
Учеб.-научн., %	24,14	12,77	39,72	7,92	10,68	4,41	0,33	0,01	0,002	0,01	0,0
Церк.-богосл., %	28,61	17,50	24,18	11,66	11,29	6,32	0,21	0,01	0,19	0,02	0,01

По наблюдениям исследователя, «именительный падеж является самым частотным во всех выборках, Р–В падежи образуют пару, чаще всего занимающую вторую-третью позицию. Д–Т–П образуют третью группу, <...> порядок внутри которой существенно зависит от части речи и, в меньшей степени, от жанра» [Копотев]. При этом существенная разница в частотности употребления между основными и дополнительными падежами позволяет считать их периферийными, в ряде случаев не

выделять как особые, а считать вариантами основных падежей, поэтому в нашем исследовании мы придерживаемся 6-падежной системы склонения.

1.2.4. Развитие категории одушевленности/неодушевленности

В работах, посвященных развитию категории одушевленности/неодушевленности в русском языке, нет однозначного единства мнений. Одни исследователи считают, что данная категория в семантических основах восходит к общеиндоевропейскому противопоставлению одушевленного рода (название богов, людей, животных) неодушевленному роду [Русский язык 2020, с. 417]. Другие исследователи [Кузнецов 1959, с. 94-95; Хабургаев 1990, с. 48, Горшков 1981, с. 215] базой для становления и развития категории одушевленности/неодушевленности видят древнерусскую категорию лица, которая затрагивала особенности словоизменения существительных, обозначающих лиц мужского пола, занимавших господствующее положение в семейной или общественной иерархии. Категория лица выражалась в последовательном использовании род.п. в значении вин.п.

В последних исследованиях, посвященных категории одушевленности/неодушевленности, предлагается учитывать не столько статус человека в обществе, сколько «семантические характеристики, обусловленные конкретной речевой ситуацией» [Ильченко 2011, с. 148], поэтому выбор форм род.п.=вин.п / им.п.=вин.п. может зависеть от активности (участия/неучастия) лиц в описываемых событиях, а не только от лексического значения существительного. При этом роль лица определяется совокупностью внеязыковых фактов: характером ситуации (ситуация общения, тяжбы, торговой сделки и т.п.), расстановкой «сил» (говорящий, собеседник или третье лицо как предмет взаимодействия) и, наконец, статусом лица (полноправный или зависимый).

Однако все исследователи придерживаются единой точки зрения относительно предпосылок формирования новой категории. Ими принято считать фонетико-морфологические изменения конца слова, которые привели к совпадению форм им.п. и вин.п. ед.ч. существительных м.р. (*-ǫ-основы: им.п. ед.ч. **orbōs* – *рабъ*, вин.п. ед.ч. **orbōm* – *рабъ*; *-ŭ-основы: им.п. ед.ч. **sūnŭs* – *сынъ*, вин.п. ед.ч. **sūnŭm* – *сынъ*; *-ĭ-основы: им.п. ед.ч. **gostĭs* – *гость*, вин.п. ед.ч. **gostĭm* – *гость*). Это привело к невозможности разграничения субъекта и объекта. Носитель действия и его объект в этом случае морфологически никак не различались. Потребовалась замена одной из этих форм. Отсутствие такой необходимости у существительных ж.р. и ср.р. объясняется тем, что формы им.п. и вин.п. у слов ж.р. исконно различались, а существительные ср.р. редко выступали в роли активного субъекта. У существительных м.р. в вин.п. стала употребляться форма род.п., с которым у вин.п. обнаруживается синтаксическая близость: 1) при одних и тех же переходных глаголах может употребляться как вин.п., так и род.п.: вин.п. обозначает объект, полностью охваченный действием (*выпил воду*), род.п. обозначает объект, частично охваченный действием (*выпил воды*); 2) вин.п. используется для обозначения объекта при утверждении (*взял книгу, вижу море*), а для обозначения того же объекта при отрицании используется род.п. (*не брал книги, не вижу моря*).

По наблюдениям С.И. Иорданиди, распространение категории одушевленности во мн.ч., начавшееся не позднее XII века, более широкое отражение получило в памятниках различной жанровой и диалектной отнесенности в течение XIII-XIV веков. Унификация родовых различий во мн.ч. привело к преобразованию категории одушевленности в парадигме мн.ч. в универсальную лексико-грамматическую категорию.

Исторически сложилось таким образом, что категория одушевленности/неодушевленности в современном русском языке имеет морфологическое выражение в ед.ч. только у существительных м.р. 2 склонения, а во мн. ч. – у существительных всех трех родов и типов склонения. Одушевленность выражается совпадением форм вин.п. с формой род.п., а неодушевленность – совпадением форм вин.п. с формой им.п.

По наблюдениям некоторых диалектологов процесс формирования категории одушевленности/неодушевленности во мн.ч. в части говоров еще не завершен. Так, А.Б. Пеньковский отмечает, что на территории Вязниковского р-на Владимирской обл. (Большие и Малые Удолы, Золотая Грива, Дегтярня, Козлово, Заборочье и некот. др.), у существительных, имеющих уменьшительное (уменьшительно-ласкательное и уменьшительно-пренебрежительное) значение формы вин.п. совпадают с формами им.п.: *нам бы бабам собрацца да и разогнать мужычишки эти, тьк наш дилехтор и старичишки работать зьставлят; пьют кажний день и жонки ганяют, без мужа дефченёнки свои ростила, я ноне у ней офчёнки стригла, выберут телятишки каке похуже* [Пеньковский 2004].

В говорах казаков-некрасовцев также отмечается незавершенность морфологического оформления категории одуш./неодуш., что по данным В.М. Грязновой проявляется в сохранении архаических явлений омонимии вин.-имен. падежей мн.ч.: *турки мы боялись, буилы доюцца, а малаки запригають* [Грязнова 2012, с. 130]. Кроме этого, в старожильческих говорах Сибири зафиксированы случаи вин.п. = им.п. во мн.ч. названий животных (*били звери, пасу коровы, стригу овцы* и т.п.). Как варианты подобные формы встречаются в говорах русско-белорусского пограничья (*пасти кони (и коней), ловить щуки (и щук)*) [Хабургаев 1990, с. 176].

Это могло происходить и по другой причине, а именно: распространение на севере такой синтаксической структуры, как именительный объекта: *надо лошадь другая; корова придется отдать; у ей мужа нету* и др. Наиболее употребительными являются конструкции, которые при инфинитиве содержат предикативное наречие *надо*: *коса надо наточить, надо корова доить* [Пожарицкая 2005, с. 166-167].

Данная синтаксическая конструкция рассматривается в работах А.В. Попова [Попов 2012], А.А. Потебни [Потебня 1958], Ю.С. Степанова [Степанов 1984], Р.В. Ронько [Ронько 2015]. Исследования последних лет доказывают, что в таких конструкциях «выбор имен. п. имеет коммуникативную мотивацию, а препозиция именной группы (ИГ) инфинитиву отражает механизмы выбора акцентоносителя <...> ремы» [Ронько 2015, с.58-62].

Именительный объект при слове *надо* отмечается в переселенческих говорах Воронежской области, например в с. Бродовом Аннинского района [Черенкова 2014, с. 103].

1.3. Тенденции развития системы склонения имен существительных в литературном языке и диалектах

Морфологический строй русского языка складывался на протяжении длительного времени. Его современное состояние, как отмечал Бодуэн де Куртене, необходимо рассматривать не только как результат всей предшествовавшей ему истории, но и как причину его дальнейших преобразований [Бодуэн 1963, с. 68].

Современная лингвистика исходит из положения о том, что изменения системы языка происходят в результате действия нескольких тенденций внешнего и внутреннего характера [Попова с. 112].

Если анализировать язык с позиций системной лингвистики, основоположником которой считается Г.П. Мельников, следует не просто признать системность языка как социального явления, но рассматривать его как «адаптивную (самонастраивающуюся), динамическую систему», изменения которой обусловлены внутренней и внешней детерминантой [Мельников 1971]. Внутренняя детерминанта коммуникативно обусловлена, и представляет собой «схему номинативного смысла типичного высказывания» [Мельников 1998]. В качестве внешней детерминанты рассматриваются особенности языкового коллектива (его величину, однородность-разнородность (смешанность) состава) и условий общения (наличие-отсутствие временных и/или пространственных ограничений на межкоммуникационные интервалы, оседлость-неоседлость носителей языка) [Зубкова 2003].

Для описания системы языка как функционирующей А.А. Кретов предлагает учитывать и различать семиотический (формальный) и функциональный аспекты,

а перестройку системы языка рассматривать «в направлении приспособления системы языковых форм к системе выполняемых функций, в направлении гармонизации формы и функции» [Кретов 2006, с. 20].

Основными движущими силами развития морфологической системы языка признаются процессы обобщения и дифференциации. Первый обусловлен абстрагирующим характером грамматики в целом. «Степень обобщения в различные эпохи исторического развития одного языка может быть различна» [Кузнецов 1959, с. 4], но в целом развитие грамматической системы идет по пути все большего обобщения, что отражается в унификации различных типов словоизменения и приводит к более общему выражению одних и тех же синтаксических отношений.

Другой общей закономерностью развития морфологической системы языка становятся процессы дифференциации средств выражения различных отношений, которые в более ранние эпохи выражались недифференцированно.

Как отмечает Г.А. Хабургаев, противостоящие друг другу, эти тенденции выступают в языковом развитии как диалектически связанные между собой способы реализации более общей диахронической тенденции к однозначной соотнесенности грамматических значений и морфологических средств их выражения, требующей регулярных отношений между содержанием и формой его выражения. Однако общей исторической тенденции грамматического развития противостоит, а иногда сдерживает, опирающаяся на речевую практику языковая традиция, которая обеспечивает «преемственность языковых состояний на оси времени» и приводит к морфологической омонимии [Хабургаев 1990, с. 68-69].

В научной литературе, начиная с 60-х гг. XX века, одной из определившихся тенденций в развитии морфологической системы русского языка признается тенденция к аналитизму. Данный вопрос находит отражение в ряде современных исследований Н.С. Валгиной [Валгина 2001], Н.Е. Ильиной [Ильина 2000], Т.Б. Астен [Астен 2003], В.А. Курдюмова [Курдюмов 2007].

По мнению исследователей, аналитизм обнаруживает себя, прежде всего: 1) в сокращении числа падежей; 2) в росте класса несклоняемых имен

(существительных, прилагательных, числительных); 3) в росте класса существительных общего рода, точнее, в применении форм м.р. к обозначениям женского пола; 4) в изменении способа обозначения собирательности в именах существительных (собирательное значение у форм, обозначающих единичность) [Валгина, 2001].

Однако другие ученые [Тираспольский 1981; Воротников 2001; Тукова 2014, Шульга 2017] ставят под сомнение наличие тенденции к аналитизму в развитии современного русского языка. Так, например, в работе М.В. Шульги убедительно доказано, что в историческом развитии русский язык сохранил и расширил арсенал синтетических средств. Это проявляется 1) в формировании новых частей речи (имени прилагательного и имени числительного); 2) в формировании новых грамматических категорий (категорий одушевленности/неодушевленности существительного, категории вида и залога глагола); 3) в развитии новых грамматических значений; 4) в развитии арсенала синтетических грамматических средств [Шульга 2017, с. 234].

По мнению Марии Владимировны, унификация субстантивных парадигм приводит к сокращению синонимии синтетических средств и соответственно может рассматриваться как движение в сторону агглютинации, но не аналитизма. «Падежные значения по-прежнему выражаются синтетически, и даже развитие предлогов не замещает синтетические способы их выражения – предлоги свидетельствуют о чрезвычайной нагруженности падежных значений и служат дифференциации синтетических падежных форм [Шульга 2017, с. 238-239].

Кратко охарактеризуем систему субстантивного склонения, обозначив тенденции его развития в ед.ч. и мн.ч.

1.3.1. Изменения системы склонения в единственном числе

Характерной особенностью склонения существительных в древнерусском языке является его многотипность, унаследованная из праславянского языка, который в свою очередь воспринял систему склонения индоевропейского языка. «Сущность этой системы заключалась в том, что все существительные делились на ряд классов, каждый из которых имел свои особенности в склонении. Таких классов в индоевропейском языке было шесть. В ранний период праславянского языка <...> каждый класс характеризовался последним звуком основы» [Иванов 1983, с. 255-256], «некогда живым, но потерявшим значение, словообразовательным суффиксом, так называемым корневым определителем или детерминативом» [Иванов 1983, с. 262], «основообразующим элементом» [Бернштейн 1974, с. 133], который отличал одну основу от другой (за каждой основой закреплялась определенная система окончаний):

I тип склонения – существительные с основой на *-ā, *-jā;

II тип склонения – существительные с основой на *-ǫ, *-jǫ;

III тип склонения – существительные с основой на *-ǫ;

IV тип склонения – существительные с основой на *-ī;

V тип склонения – существительные с основой на согласный;

VI тип склонения – существительные с основой на *-ū.

Шестой тип склонения выделяют не все лингвисты, т.к. входящие в него существительные в ед.ч. имели такие же окончания, как и существительные с основой на согласный, а во мн.ч. как существительные с основой на *-ā.

История склонения имен существительных в русском языке заключалась в том, что на всем протяжении развития древнерусского языка вместо указанных шести типов склонения устанавливается три типа, объединяющие имена существительные, ранее относившиеся к разным типам склонения. Эти изменения были обусловлены действием тенденции к внутриродовой межпарадигматической

унификации, условием которой послужило совпадение начальных форм слов в результате праславянских процессов конца слова, а также падение редуцированных гласных, которое привело к формированию корреляции по твердости/мягкости.

В процессе взаимодействия разных типов склонения происходило их качественное преобразование, т.е. «прежняя система окончаний, характерная для определенной группы слов, отрывалась от этой лексической среды и проникала в другие группы слов, в другие типы, что приводило по существу к утрате этих особых типов» [Иванов 1983, с. 262], к тому, что «падеж отрывался от определенной группы <...> слов <...>, становился в большей мере обобщенным <...>, приобретая грамматический характер и утрачивая свое лексическое содержание» [Якубинский 1953, с. 167].

Утрата того или иного типа склонения обуславливалась степенью продуктивности: в процессе сближения победу одерживал более продуктивный тип склонения. Но утраченный тип склонения не исчезал бесследно. В русском языке всегда можно обнаружить следы его существования в прошлом, причем они фиксируются как литературным языком, так и диалектами. В последних можно обнаружить не только сохранение древней системы склонения некоторых существительных, но и разные пути взаимодействия вариантов склонения, а также более широкое распространение отдельных падежных форм.

Внутриродовая унификация парадигм привела к сокращению словоизменительных моделей как в ед.ч., так и во мн.ч., а к XVII веку сложились три типа склонения существительных. Новым группирующим принципом стал род существительных. На этой основе существительные перераспределились по типам склонения следующим образом:

– в 1 тип склонения, помимо уже относившихся, вошли существительные VI типа склонения с формантом *-ва* (*тыква*);

– ко 2 типу склонения примкнули существительные III типа склонения с основой на *-й, существительные м.р. IV типа склонения, кроме существительного *путь*, и существительные м.р. и ср.р. V типа склонения, кроме существительных на *-мя* и *дитя*;

– современный 3 тип склонения образовали существительные ж.р. IV типа склонения на *-ї (*кость, мышь*), существительные V типа склонения на -*ter (*мать, дочь*) и существительные VI типа склонения с формантом -овь (*морковь*).

Перед нами не стоит задача подробного описания всех исторических изменений, произошедших в именном склонении, остановимся только на ключевых моментах, являющихся актуальными для нашего исследования.

Основным процессом изменения I типа склонения с основой на *-ā, *-jā было взаимодействие твердого и мягкого вариантов, которое приводило к обобщению этих двух разновидностей. Это обобщение отразилось в род., дат. и пр. (мест.) падежах. Нужно отметить, что оно проходило неравномерно и своеобразно по разным типам говоров. В литературном языке отражен процесс воздействия твердого варианта склонения на мягкий, в говорах южнорусского наречия обнаруживаются следы влияния мягкого варианта склонения на твердый, т.е. процесс сближения твердой и мягкой разновидностей склонения пошел таким путем, что исконное окончание мягкого варианта -ѣ, совпавшее в истории русского языка с [е], стало употребляться у существительных с твердой основой [Иванов 1983, с. 282-283].

Кроме этого для южнорусских говоров характерна унификация форм род., дат. и пр. падежей по дат.п. и пр.п. Главную причину этого явления А.А. Шахматов видел во влиянии прилагательных и местоимений, формально совпадающих в этих падежах (*у моей родной сестре, к моей родной сестре, о моей родной сестре*). С.П. Обнорский также учитывал возможную аналогию с едиными формами род., дат. и пр. падежей в 3 склонении (*у печи, к печи, о печи*) [Русская диалектология 1998, с. 87]. Это позволяло выражать падежные значения более общими средствами, в частности средствами синтаксическими, что несомненно связано, по мнению В.И. Трубинского, с общим движением русского языка к аналитизму [Трубинский 2004, с. 104].

В истории развития II типа склонения существительных с исконной основой на *-ō, -jō в м.р. существенное значение имело его взаимодействие с III типом склонения (на *-j), которое первоначально отражалось в виде колебаний падежных форм, когда «один и тот же падеж от одного и того же слова может образовываться как по склонению на -о, так и по склонению на -ъ» [Кузнецов 1959, 70]. Такое

колебание было обусловлено совпадением форм существительных указанных типов склонения в им.п. и вин.п. С течением времени существительные 3 склонения как менее продуктивного полностью перешли в состав 2 и восприняли парадигму его склонения. Исконные же окончания древнего 3 типа склонения стали выступать как варианты. Данное обстоятельство дает возможность выделять второй род.п. (партитив) и второй пр.п. (локатив), которые получают формальное выражение окончанием -у. В.И. Борковский и П.С. Кузнецов называли эти два дополнительных падежа «количественно-определятельный» и «местный» [Борковский 2006, с. 187].

Итак, форма на -у в качестве варианта окончания род.п. при основном окончании -а, стала распространяться в ранний период древнерусского языка, и отмечается в памятниках письменности начиная с XI века. Такого рода взаимодействие, затронувшее в первую очередь существительные м.р., по древнерусским диалектам происходило постепенно и не одновременно, о чем свидетельствует отсутствие вариантного окончания -у, например, в новгородских древнейших памятниках письменности и в то же время его наличие в Московских памятниках [Кузнецов 1959, с. 19]. С большей или меньшей отчетливостью форма род.п. на -у начала употребляться с XIII века [Соболевский 2005, с. 170].

Для литературного языка XVIII века также было характерно более широкое распространение окончания -у в род.п. и пр.п. Это объясняется большей близостью литературного языка того времени живому языку, диалектам. На это указывали грамматисты, противопоставляя характерное живому разговорному языку -у сугубо книжное окончание -а и -ѣ [Кузнецов, 1959, с. 22].

На протяжении истории развития языка форма род.п. на -у получила лексико-семантические и грамматические ограничения, основные из которых определил М. В. Ломоносов, а вслед за ним обозначил А. А. Шахматов: 1) слова, означающие вещество или собрание предметов; 2) слова, означающие местность; 3) слова, означающие отвлеченные понятия [Шахматов 1957, с. 241].

Позднее исследователи расширили список критериев, обуславливающих выбор окончания -у. Так, например, Г.А. Хабургаев обратил внимание на то, что «общее лексическое значение существительного в значительной степени

предопределяет его наиболее характерные синтаксические функции в речевом общении» [Хабургаев 1990, с. 98], то есть слова, по терминологии А. А. Шахматова, «означающие индивидуальные предметы», выступают чаще всего в основном значении род.п. (отношения, принадлежности и т.д.), в то время как слова с вещественным и собирательным значениями в словосочетаниях занимают позицию так называемого партитивного падежа.

Кроме этого, Г.А. Хабургаев предлагает учитывать качество основы и характер ударения. Как известно, для слов именных частей речи в древнерусском языке выделяются три акцентные парадигмы (а.п.): 1) а.п. *a*: баритонеза, баритонированная парадигма – неподвижное ударение на основе во всех словоформах; 2) а.п. *b*: окситонеза, окситонированная парадигма – неподвижное ударение на флексии во всех словоформах; 3) а.п. *c*: подвижная парадигма – ударение в разных словоформах распределяется между основой и флексией по определённым правилам и может переходить на клитики, примыкающие к словоформе [Лингвистический энциклопедический словарь]. Окончание *-у* имело более частотное употребление у одно- или двусложных (с полногласием) с подвижным ударением [Хабургаев 1990, с. 94].

В работе А.И. Плотниковой, выполненной на материале деловых текстов XVII века, также отмечается, что «ядерным классом присоединения окончания *-у* являются существительные а.п. *c*, с односложной (или двусложной с полногласием) основой, чаще всего заднеязычным в исходе этой основы, неодушевленные, с вещественно-собирательным или абстрактным значением, в контексте партитива, соотнесенные с глаголом. Чем больше данных характеристик имеет существительное, тем выше вероятность присоединения им окончания *-у*» [Плотникова 2015, с. 143]. Проследив динамику изменения в употреблении вариантных окончаний в памятниках письменности XVII и XX веков, исследователь отмечает, что в XVII веке окончание *-у* было характерно, в первую очередь, для слов с подвижной акцентной парадигмой (а.п. *c*) или соотнесенных с глаголом слов с неподвижным ударением на основе (а. п. *a*) в любых падежных значениях (собственно родительном, исходно-достигательном и партитиве) и у

существительных не только с вещественно-собирательным значением, но и обозначающих индивидуальные предметы, абстрактные понятия, названия местностей. При этом в партитиве последовательно увеличивался процент существительных с окончанием -у для всех акцентных парадигм. В XX веке, независимо от акцентной парадигмы, почти все существительные в партитиве имеют окончание -у. В других значениях употребление этой флексии редкость. Увеличивает вероятность использования окончания -у односложность основы с заднеязычным согласным [Плотникова 2018б, с. 608-609].

По подсчетам лингвистов в «Грамматическом словаре русского языка» А.А. Зализняка помету второй род.п. имеют всего 366 существительных [Давлетшина 2015б, с. 50].

Многие диалектологи говорят о более широком употреблении окончания -у на территории распространения южнорусского наречия [Русская диалектология 2005, с. 122], однако вопрос о соотношении окончания -а и -у в этих падежах слабо разработанным в русской диалектологии, к сожалению, нет и специальных карт в ДАРЯ, посвященных данному вопросу.

Изучению особенностей употребления окончания -у в русских народных говорах посвящены работы С.В. Бромлей и Л.Н. Булатовой. По их наблюдениям, сфера распространения формы на -у, прежде всего, ограничена неодушевленными существительными, но известны и исключения, например: *дл'а сто'рьжу*. Кроме того, во многих говорах окончание -у распространяется только на существительные м.р., хотя в южнорусских говорах не исключены примеры с существительными ср.р. *дез де'лу, без мя'су, без се'ну, без со'лнышку* и т.п. В семантическом плане окончание -у более характерно нарицательным существительным, обозначающим предметы, не подлежащие счету, имеющим вещественное или отвлеченное значение (например: *квас, сахар, жир, торф*). В морфонологическом плане окончание -у употребляется у существительных с безударным окончанием с основой на заднеязычный (например: *кипяток, табак, песок*), а также у существительных, основа которых в косвенных падежах не образует слог (например: *лед, лен, мох, сон*) [Бромлей 1972, с. 68-69].

В пр.п., как и в род.п., у существительных 2 склонения отмечается вариативность ударных и безударных окончаний. Под ударением отмечается конкуренция окончаний *-е* и *-у*, обусловленная наиболее древним взаимодействием II типа склонения (на **-ǫ*, **-jǫ*) с III типом склонения (на **-ǫ̆*). По подсчетам К.Ю. Давлетшиной в литературном языке варианты окончания в пр.п. ед.ч. могут иметь «немногим более 100 существительных м.р. на твердый согласный. В орфоэпическом словаре зафиксировано всего 27 слов, у которых формы на *-у* и *-е* вариативны <...>. В «Грамматическом словаре» отмечено 110 существительных с пометой П2, в Большом толковом словаре – 121» [Давлетшина 2015а, с. 47].

В говорах, лишенных кодификации, вариантное окончание распространено шире. При этом исследования последних лет посвящены поиску причин сужения употребления нестандартных флексий пр.п. и определения сферы его употребления в современных диалектных системах [Плотникова 2018б, с. 608].

Многие исследователи определяли некоторые правила и закономерности употребления вариантного окончания. В первую очередь, выбор окончания *-у* обусловлен значением падежа. Центральными для пр.п. являются значения: объектное (изъяснительное: *думать об экзамене*, орудийное: *доехать на поезде*); обстоятельственное (места: *жить в лесу*, времени: *родиться в октябре*, образа и способа действия: *читать при лампе*); определительное: *девушка в очках*. Окончание *-у* характерно для форм с обстоятельственным значением места или времени [Кузнецов 1953, с. 74; Хабургаев 1990, с. 99].

Другим важным параметром для выбора окончания пр.п. является принадлежность слова к акцентной парадигме. Существительные с акцентной парадигмой *с* (подвижная парадигма) чаще всего имеют в указанной форме окончание *-у* [Обнорский 2010, с. 231], [Булатова 1987, с. 119], [Шахматов 1957, с. 250].

Не менее существенным оказывается качество основы. Как правило, односложная основа или двусложная основа с полногласием в пр.п. присоединяет окончание *-у* [Кузнецов 1953, с. 21; Бромлей 1972, с. 76; Булатова 1987, с. 119].

Среди других критериев выбора окончания *-у* можно отметить следующие: сочетание с предлогами *в* и *на*, отсутствие определения, соотношенность с глаголом, конструкция со значением объекта насилия [Плотникова 2018а, с. 516].

В ДАРЯ есть ряд карт, посвященных вопросам распространения окончания *-у* в пр.п. ед.ч. разных классов существительных: неодушевленных односложных м.р. с подвижным ударением типа *дом, бок* [ДАРЯ, к. 14], неодушевленных неодносложных м.р. с неподвижным ударением на основе [ДАРЯ, к. 16], а также одушевленных существительных м.р. [ДАРЯ, к. 18] и существительных ср.р. [ДАРЯ, к. 19].

Большая часть территории Воронежской области находится в юго-восточной диалектной зоне, в которой, как показывают карты, частотность форм пр.п. на *-у* выше у неодушевленных существительных с подвижным ударением, но редко встречаются формы на *-у* в классе неодушевленных неодносложных существительных с неподвижным окончанием на основе. В классе одушевленных существительных окончание *-у* на территории области отмечено повсеместно.

Исследователи диалектов Воронежской области неоднократно отмечали отличия в употреблении вариантного окончания в говорах от литературного языка. Приведенный Н.П. Гринковой материал указывает на то, что «в воронежских диалектах имеет место *-у* в пр.п. не только под ударением <...>, но и в безударном положении» [Гринкова 1947, с. 223]. Приведем некоторые примеры: *у том домику, на сонцу, у сундуку, у платочкю, на заседанью, на каню* и т.д.

В.Н. Кретьова указывает, что «в отличие от литературного языка в наших говорах, как и в других южнорусских, окончание *-у* в пр.п. имеет более широкое распространение: *нъ каню, нъ лагу, при атиу, при памещику*» [Кретьова 1962, с. 128]. При этом исследователь ссылается на диссертацию А.К. Колесниченко, в которой указано, что «формы на *-у* известны именам многосложным и одушевленным» (цит. по [Кретьова 1962, с. 128]).

Существенный вклад в разработку вопроса распространения и функционирования окончания *-у* внес С.И. Котков, который на большом архивном материале (памятники письменности южновеликорусского происхождения) и данных современных говоров доказал, что ударное и безударное окончание *-у*

характерно не только неодушевленным существительным, но и одушевленным, а также существительным ср.р. [Котков 1963, с. 165-174]. Кроме того, окончанием -у оформляются предложно-падежные формы со значением объекта (*у како'шн'ику м'ин'е' блъу'слав'и'ль*) [Черенкова 2017, с. 191-193].

К современному 3 типу склонения относятся только существительные ж.р. с нулевым окончанием и основой на мягкий согласный (типа *кость, грязь*) или шипящий (*рожь, мышь*). В этом его уникальная однородность, поскольку в остальных типах склонения присутствуют слова разных родов. Но в то же время третье склонение исторически неоднородно. Оно сформировалось на базе существительных ж.р. древнего IV склонения с основой на *-ĭ, к которым примкнули существительные древнего V склонения с основой на согласный *-г (*мать, дочь*) и существительные древнего VI склонения с основой на *-ŭ, которые получили формант -овь (типа *свекровь, церковь, морковь*).

Если в литературном языке третье склонение, как и любое другое, имеет устойчивую парадигму словоизменения для всех исторически объединившихся в этом типе групп слов, то в говорах эти существительные, относящиеся к исторически разным типам склонения, имеют особенности словоизменения, которые позволяют разным диалектологам рассматривать их склонение как нерегулярное [Пожарицкая 2005, с. 117-119; Трубинский 2004, с. 107-108]. Кроме этого, отдельным падежным формам этих слов посвящены карты ДАРЯ, например форме им.п. и вин.п. ед. ч. существительного *мать* [ДАРЯ, к. 9], им.п. падежа ед.ч. существительного *свекровь* [ДАРЯ, к. 10], что подчеркивает самобытность их изменения. В связи с этим при описании своего материала мы рассмотрим эти группы слов отдельно.

В целом диалектные различия существительных 3 склонения определяются степенью его сближения с первым склонением. Если в литературном языке третье склонение имеет с первым только одно общее окончание -и в род.п. [Русская диалектология 2005, с. 121-122], то в говорах формальное сближение отмечается в дат., пр. и твор. падежах, а также в им.п. и вин.п. У существительных, которые

испытывают подобную тенденцию в указанных формах, появляются соответствующие окончания 1 склонения.

В системе склонения существительных в русских народных говорах на сегодняшний день, по мнению А.Д. Черенковой, наметились два существенных отличия. Во-первых, неоднозначно решается вопрос о количестве выделяемых типов склонения, во-вторых, распределение существительных по типам склонения в разных диалектах может отличаться.

Традиционно в говорах выделяется три основных (регулярных, продуктивных) типа склонения, соответствующих типам склонения литературного языка.

В говорах 1 склонение составляют 1) существительные ж.р. с окончанием *-а* в им.п. ед.ч. и окончанием *-у* в вин.п. ед.ч., т.е. не только существительные типа *вода, земля*, но и диалектные новообразования типа *жизня, матеря, литра, магазина* и т.п.; 2) существительные м.р. типа *батюшка, дядя*; 3) существительные общего рода типа *грязнуля*.

Ко 2 склонению относятся 1) существительные м.р. с нулевым окончанием в им.п. ед.ч. типа *брат, дом, гость, конь*; 2) существительные ср.р. с окончанием *-о* в им.п. ед.ч. типа *село, окно, море, поле*.

По 3 склонению изменяются существительные ж.р. с основой на мягкий или шипящий согласный и нулевым окончанием в им.п. ед.ч. типа *кость, соль, грязь*.

Согласно идее С.В. Бромлей, Л.Н. Булатовой наряду с 3 основными типами склонения, входящими в любую диалектную систему, выделяется 4 факультативный тип. Он не имеет специфических алломорфов, а характеризуется своеобразным сочетанием алломорфов 1 типа склонения в прямых падежах и 2 типа в косвенных [Бромлей 1972, с. 43]. К этому типу склонения относятся существительные ср.р. с ударением на основе типа *дело, сено, стадо, лыко, поле, варенье*.

Другую гипотезу относительно количества типов склонения выдвигает А.Д. Черенкова, определяя развитие склонения по пути его дальнейшего сокращения в связи с тенденцией к переходу существительных 3 склонения в состав 1 и с тенденцией к разрушению категории ср.р. по принципу «два рода – два склонения» [Черенкова 2014, с. 63-67].

В данном исследовании мы придерживаемся традиционного подхода к описанию склонения существительных и выделяем 3 его типа.

Другое отличие в системе диалектного склонения существительных связано с их распределением по типам склонения. В разных диалектных системах лексическая наполненность разных типов склонения может варьироваться. Обозначим некоторые из них:

1) существительные с суффиксами *-ушк-*, *-ышк-* в говорах севернорусского наречия входят в состав 2 склонения (*дедушко – с дедушкой, сынишко – с сынишкой*), а в говорах южнорусского наречия – в состав 1 склонения (*дедушка – с дедушкой, сынишка – с сынишкой*);

2) разносклоняемые существительные на *-мя* могут примыкать к одному из продуктивных типов склонения. В говорах севернорусского наречия они пополняют состав 2 склонения (типа *имѣ – имем*, или *имено – именом*), в говорах южнорусского наречия эти существительные входят в состав 1 склонения (типа *имя – имюй*);

3) существительное *дитя* может иметь две парадигмы: *дитѣ, дитя, дитю, дитем, дитѣ* (2 склонение); *дитя, дити, дите, дитю, дитѣй, дитѣ* (1 склонение);

4) в некоторых говорах отмечается полный или частичный переход существительных *мать, дочь, свекровь* в состав 1 склонения.

1.3.2. Изменения системы склонения во множественном числе

Изменения системы склонения во мн.ч. обусловлены тенденцией к межродовой унификации, т.е. устранению родовых различий в парадигме мн.ч. Это приводило к противопоставлению парадигм ед.ч. и мн.ч. и способствовало развитию категории числа. (см. 1.2.2. История развития категории числа).

Дательный, творительный, предложный падежи. Полная нейтрализация признака рода, т.е. утрата родовых отличий и выработка единых окончаний для всей

парадигмы мн.ч., наиболее последовательно реализована в дат., твор. и пр. падежах. Причины и механизмы этой унификации достаточно подробно рассматривались в работах по истории русского языка К.В. Горшковой, Г.А. Хабургаева [Горшкова 1981], в работах Н.Ф. Молчановой [Молчанова 1965], С.И. Иорданиди, В.Б. Крысько [Историческая грамматика древнерусского языка 2000].

Многолетнее и всестороннее исследование памятников письменности разных эпох позволяет исследователям утверждать, что источником инновационного развития системы склонения во мн.ч. стало такое межпарадигмальное взаимодействие, которое после межродового обобщения во мн.ч. форм субъекта и прямого объекта, выраженных им.п. и вин.п. соответственно, и распространения категории одушевленности на все семантически одушевленные существительные м.р. и ж.р. завершилось унификацией форм дат., твор., пр. падежей. Во всех случаях на протяжении истории языка устанавливаются формы, характерные лишь для основ на *-ā, -jā, окончания которого вытеснили все другие (таблица 3).

Таблица 3

Склонение существительных с основой на *-ā, -jā, с основой на *-ō, -jō, с основой на *-ī в дат., твор. и пр. падежах

	основой на *-ā, -jā		с основой на *-ō, -jō		с основой на *-ī
	тв. вар.	мягк. вар.	тв. вар.	мягк. вар.	
Дат.п.	водамъ	землямъ	столомъ	конемъ	гостъмъ
Твор.п.	водами	землями	столаы	кони	гостъмьми
Пр.п.	водахъ	земляхъ	столѣхъ	конихъ	гостъмьхъ

Относительно причин развития рассматриваемых форм именно в таком направлении существуют различные мнения. Как предполагал И.В. Ягич, распространение дат., твор. и пр. падежей мн.ч., ранее свойственных только существительным с древней основой на *-ā, на иные типы склонений началось с существительных ср.р. с древней основой на *-ō, у которых им.п. и вин.п. мн.ч. оканчивались на -а, который рассматривался как показатель множественности [Ягич 1889, с. 116]. Кроме этого, окончания -амъ, -ами, -ахъ, по словам И.А. Бодуэна де Куртенэ, «отличались большей силой и получили перевес вследствие общности свойственного им всем гласного -а, тогда как в м.р. и ср.р. здесь царил несогласие и несовпадение» [цит. по Историческая грамматика

древнерусского языка 2000, с. 267]. Также причиной могло служить омонимическое отталкивание, возникшее по причине совпадения форм существительных м.р. ед.ч. твор.п. и мн.ч. дат.п. [Собинникова 1984, с. 147].

Устранение родовых различий в формах дат., твор. и пр. падежей мн.ч. ведет к формированию относительно единой парадигмы склонения. В несколько обособленном положении находятся им.п. и род.п.. Остановимся на них подробнее.

Именительный падеж. По мнению ученых, одной из причин преобразования парадигм мн.ч. по пути нейтрализации рода стало объединение им.п. и вин.п. существительных м.р. (*столи*→*столы*, *сынове*→*сыны*, *гостие*→*гости*, *камене*→*камени*), что привело в итоге к совпадению с формами ж.р. (*воды*, *земли*, *църкви*) [Иорданиди 1988а, с. 30].

Объединение им.п. и вин.п. переплеталось с унификацией твердой и мягкой разновидностей склонения, которая происходила по пути влияния твердого варианта на мягкий. Гласные *ы/и* становятся фонетическими вариантами одного окончания, выбор которого был обусловлен качеством конечного согласного основы.

Таким образом, окончание *-ы/-и* стало приобретать функцию универсального показателя мн.ч. в им.п. и вин.п., поэтому стало проникать в словоизменительную парадигму существительных ср.р., что отражается в памятниках письменности древнерусского языка [Историческая грамматика...2000, с. 189].

Другим доказательством продолжающейся межродовой унификации именной парадигмы во мн.ч. является история форм существительных им.п. падежа на *-а* в русском языке. Исконно оно употреблялось во мн.ч. у существительных ср.р., а у существительных несреднего рода (преимущественно м.р.) отмечалось в единичных случаях с XV века, поэтому рассматриваться как собственно русское новообразование, не свойственное украинскому и белорусскому языкам [Иорданиди 1982, с. 212; Хабургаев 1990, с. 158; Кузнецов 1959, с. 50].

Вопрос о возможных причинах распространения и происхождении форм мн.ч. на *-а* достаточно хорошо и подробно разработан благодаря идеям А. И. Соболевского, И. В. Ягича, А. А. Шахматова, С. П. Обнорского, В. М. Маркова, С. П. Иорданиди. Если говорить в общих чертах, то происхождение

ударного окончания *-а* в им.п. мн.ч. связано с разрушением категории двойственного числа. У существительных м.р. со значением парных предметов окончание *-а* приобретает значение мн.ч. В условиях внутривидовой унификации склонения оно получает поддержку, во-первых, со стороны существительных ср.р., для которых ударное окончание *-а* было исконным (типа *мо'ре – моря'*, *по'ле – поля'*), во-вторых, со стороны существительных, поменявших свою акцентологическую характеристику в связи с закреплением в дат., твор. и пр. падежах унифицированных ударных окончаний *-ам*, *-ами*, *-ах* (типа *ме'сто – места'*, *места'ми*, *о места'х*, *де'ло – дела'*, *дела'ми*, *о дела'х* [Хабургаев 1990, с. 158-161] и в-третьих, со стороны мн.ч. существительных с собирательным значением, переосмысление которых привело к формированию особой группы существительных, основа которых во мн.ч. осложнена *-j* [Марков, с. 69-76]. Формы ед.ч. получили новые корреляты во мн.ч. (*дерево – деревья*, *брат – братья*), которые схематично можно представить следующим образом:

	единичность	множественность		единичность	множественность
Ед.ч.	дерево	деревьe	Ед.ч.	брат	братьe
Мн.ч.	дерева	деревьa	Мн.ч.	браты	братья

Новые формы мн.ч. стали очень продуктивными.

Таким образом, в им.-вин.п возникла конкуренция двух окончаний: более архаичного *-ы/-и*, охватившего все имена ж.р., подавляющее большинство имен м.р., а по диалектам и имена ср.р. и более позднего по происхождению окончания *-а*, которое рассматривается многими исследователями как универсальный показатель значения множественности. Стремительное распространение окончанием *-а* со второй половины XIX века и до настоящего времени в некоторых случаях приводит к смене традиционного окончания *-ы/-и* новым окончанием *-а* с кодификацией последнего [Шаронова 41-42]. Сдерживающим фактором процесса универсализации окончания *-а* становится речевая практика.

В русских говорах до настоящего времени отмечается активная конкуренция двух окончаний. Об этом свидетельствуют достаточно пестрые карты ДАРЯ, посвященные формам им.п. мн.ч., например, карты № 24-27, 31-34 [ДАРЯ].

На распределение окончаний влияют исторически сложившиеся особенности словообразовательной структуры слова, а именно, основа мн.ч. может совпадать с основой ед.ч., а может быть осложнена дополнительными суффиксальными элементами (-*j*-, -*ovj*-) или отличаться набором суффиксов (-*ат*- вместо -*онок*-, усечение суффикса -*ин*-).

Итак, основными для им.-вин.п. мн.ч. являются окончания -*ы* (-*и*) и -*а*. Общие закономерности их распределения в современных говорах, по Л.Н. Бромлей, можно представить следующим образом. Осложненные суффиксальными элементами основы мн.ч., как правило, присоединяют окончание -*а*, основы, равные ед.ч. или отличающиеся от них набором суффиксов, могут использовать оба окончания.

Таким образом, наибольший интерес для наблюдений представляют существительные мн.ч., основа которых равна основе ед.ч. В этом классе слов распределение окончаний -*а* и -*и*(-*ы*) связано с родовой характеристикой существительного ед.ч., а также с акцентологическими особенностями слова и его принадлежностью к определенной лексико-семантической группе.

По наблюдениям Л.Н. Бромлей у существительных, которые соотносятся в ед.ч. со ср.р., отмечается 3 варианта распределения окончаний -*а* и -*и*(-*ы*):

1) все существительные в им.п. мн.ч. имеют окончание -*а* независимо от качества согласного звука основы и места ударения: *дела'*, *места'*, *слова'*, *стада'* и т.п.; *сёла*, *вёдра*, *гумна*, *пя'тна* и т.п.; *крыле'чка*, *лы'ка* и т.п.;

2) все существительные в им.п. мн.ч. имеют окончание -*а* кроме тех, основа которых оканчивается заднеязычным согласным: *дела'*, *места'*, *слова'*, *стада'*, *сёла*, *вёдра*, *гумна*, *пя'тна* и т.п., но *крыле'чки*, *лы'ки* и т.п.;

3) окончание -*а* возможно у существительных с подвижным ударением и ударным окончанием в им.п. мн.ч.: *дела'*, *места'*, *слова'*, *стада'*, но *гумны*, *пя'тны*, *кору'ты*, *лы'ки* и т.п.

Для существительных, соотносимых в ед.ч. с м.р., распределение окончаний -*ы* (-*и*), -*а* очень разнообразно, они используются повсеместно. Более частое употребление окончания -*а* отмечается под ударением (а в севернорусских говорах и в безударном положении) у неодушевленных существительных с

односложной основой и подвижным ударением: *бока'*, *века'*, *глаза'*, *дома'*, *края'*, *луга'*, *леса'*, *снега'*, *шелка'* и т.п. Закономерное снижение сферы его функционирования заметно также на территориях, пограничных с белорусским и украинским языком.

Существительные, соотносимые в ед.ч. с ж.р., в части говоров имеют только окончание *-ы (-и)* (преимущественно в севернорусских и среднерусских переходных говорах) или используют оба окончания (прежде всего в южнорусских говорах). Распределение окончаний может зависеть от принадлежности существительного ед.ч. к 1 или 3 типу склонения, а также от акцентологических особенностей. Окончание *-а* чаще отмечается у существительные, соотносимых в ед.ч. с 3 типом склонения: *бровя'*, *вестя'*, *ветвя'*, *областя'*, *матеря'*, *лошадя'*, *скатертя'* [Бромлей 1972, с. 100-106].

Окончание *-е* известно не всем говорам, его функционирование ограничивается, во-первых, достаточно узким кругом лексем, называющих лиц по месту жительства или социальному статусу, а во-вторых, низкой частотностью их употребления.

Родительный падеж. Известно, что в род.п. мн.ч. сохраняются все окончания, унаследованные из праславянского языка, с изменениями после падения редуцированных, а именно, *-ов* (из *-овь* – исконного для **-ǫ-основ* м.р.), *-ей* (из *-ии* [*-ьїь*] – исконного для **-ĭ-основ* м.р. и ж.р.), нулевое окончание (из разных по происхождению *-ь/-ь* – исконных для **-ā, -jā-основ* ж.р., **-ǫ, -jǫ-основ* м.р. и ср.р., основ на согласный м.р. и ср.р. (таблица 4)).

Таблица 4

Исконные окончания им.п. ед.ч. и род.п. мн.ч. в древнерусском языке

	<i>*-ā, -jā-основа</i>	<i>*-ǫ, -jǫ-основа</i>		<i>*-ǫ-основа</i>	<i>*-ĭ-основа</i>	основа на согласный
Им.п. ед.ч.	жен-а/земл-я	стол-ь/кон-ь	сел-о/пол-е	сын-ь	гост-ь	камен-ь
Род.п. мн.ч.	жен-ь/земл-ь	стол-ь/кон-ь	сел-ь/пол-ь	сын-овь	гост-ии	камен-ь

Основная линия развития форм род.п. мн.ч. заключается в ограничении сферы употребления внеродового окончания *-ь/-ь* и распространение окончаний *-*

ов, -ей, употребление которых обусловлено лексико-семантическими, структурными и морфологическими признаками имен существительных.

У существительных м.р. род.п. мн.ч. совпадал с высокочастотной формой им.-вин.п. ед.ч., что привело к довольно раннему распространению окончания *-ов* для выражения значений род.п. мн.ч. Об этом свидетельствуют древнерусские памятники XI-XII веков. Недифференцированное, вариативное употребление исконного и нового окончаний сменялось семантически обусловленным. Начиная с памятников письменности старорусского периода можно говорить о некотором «лексически связанном» и «семантически единообразном» употреблении нулевого окончания у существительных м.р. [Иорданиди 1988б, с. 257-258]. К XVII веку оформляются лексико-семантические группы слов, у которых предпочтительно нулевое окончание. Это 1) название денежных единиц и единиц мер и веса, 2) слова, часто употребляющиеся с числительными (типа *год, месяц, человек*), 3) название лиц по социальному положению, национальному признаку, вероисповеданию и месту жительства, 4) название родов войск, 5) название парных предметов.

В современных справочниках перечень лексико-семантических групп слов, оформленных нулевым окончанием, несильно изменился. К ним относятся 1) названия предметов, употребляющихся обычно парами: (пара) *ботинок, валенок, сапог*; 2) названия некоторых национальностей, главным образом с основой на *н* и *р*: (жить среди) *англичан, армян, балкар*; 3) названия воинских групп, прежних родов войск и т. п.: (отряд) *партизан, солдат*; 4) некоторые названия единиц измерения, обычно употребляющиеся с именами числительными: (количество) *ампер, ватт, вольт* [Розенталь].

Таким образом, окончание *-ов* стало выступать в качестве универсального показателя значения род.п. мн.ч. Это способствовало его распространению на существительные ж.р. и ср.р. Эта особенность до сих пор сохраняется в народных говорах.

После становления фонологической оппозиции согласных по твердости/мягкости, когда существительные м.р. древнего IV типа склонения с основой на *-ї и II склонения на *-јѡ объединились в один морфологический класс,

среди существительных м.р. с мягкой основой стало распространяться окончание *-ей*. Опираясь на данные памятников письменности разных эпох, С.И. Иорданиди приходит к выводу о том, что употребление окончаний *-ов* / *-ей* у существительных м.р. с основой на мягкий согласный как вариантных характерно языку XI – нач. XVI вв. Позднее выбор того или иного окончания обусловлен качеством конечного согласного основы: основа с твердым конечным согласным получает окончание *-ов*, а с мягким согласным – *-ей* [Иорданиди 1993, с. 126].

Диалектные колебания в выборе между этими вариантами окончаний касаются, прежде всего, основ на исконноослабленные [ж], [ш] и поздно отвердевший [ц]. В южнорусских говорах широкое распространение получает окончание *-ов*, а в южнорусских *-ей* [Хабургаев 1990, с. 166].

У существительных ж.р. род.п. мн.ч., оформленный *-ь/-ь* (древних **-ā*, *-jā*-основ) и *-ии* (древних **-ī*-основ), всегда оставался достаточно выразительным, поэтому исконные окончания сохранились до настоящего времени. Утрата родовых различий и различий по типам склонений во мн.ч. привела к появлению окончания *-ей* у существительных с мягким согласным основы типа *свеча*, *басня*, *яблоня*. Предпосылкой такого сближения *-jā*- и **-ī*-основ и распространения соответствующего окончания *-ей* могло стать наличие дублетных форм типа *песнь* – *песня*, *яблонь* – *яблоня*, *вири* – *вириша*, *ставень* – *ставня*, *нишь* – *ниша* и т.п.

Особенно широко формы с окончанием *-ей* (не маркированные стилистически) были представлены в литературном языке XVIII – первой половины XIX: *тучей*, *каплей*, *неделей*, *кровлей*, *ношей*, *свечей* и т.д. [Иорданиди 1993, с. 128; Марков 1974, с. 88]. Таким образом, для существительных ж.р. характерно более последовательное, чем для м.р., употребление исконных окончаний.

Существительные ср.р. в род.п. также в большинстве случаев сохранили исконное нулевое окончание. Распространение окончания *-ей* на существительные ср.р. с мягким согласным основы имеет не только морфологический характер. По мнению Г.А. Хабургаева, определяющую роль здесь сыграл акцентологический фактор, а именно постоянное флективное ударение во мн.ч., противопоставляющее парадигму множественного числа единственному с постоянным наосновным

ударением: *мо'ре, мо'ря, мо'рю – моря', море'й, моря'м* [Хабургаев 1990, с. 166]. Достаточно редкое у существительных ср.р. окончание *-ев* характерно только для основ на *-j* (*деревьев, перьев*). Его использование объясняется стремлением языка избежать необычных «двуйотовых» окончаний [Марков 1974, с. 90].

Соотношение исконных и новых окончаний в род.п. мн.ч. представим в таблице (таблица 5):

Таблица 5

Соотношение исконных и новых окончаний в род.п. мн.ч.

	Мужской род	Женский род	Средний род
Исконное окончание	Нулевое окончание (у ограниченного количества сущ.)	Нулевое окончание (у сущ. с основой на <i>-а, -я</i>)	Нулевое окончание
Новое окончание	<i>-ов</i> (из склонения с древней основой на <i>*-й</i>) <i>-ей</i> (в мягком варианте из склонения с древней основой на <i>*-й</i>)	<i>-ей</i> (из склонения с древней основой на <i>*-й</i>)	Отдельные случаи <i>-ев</i> (<i>перьев, оконцев</i>), <i>-ей</i> (<i>полей</i>)

Таким образом, в литературном языке окончание *-ов* не может употребляться у существительных ж.р., не характерно оно для существительных ср.р. Нулевым окончанием преимущественно оформляются существительные ср.р. и ж.р. 1 склонения. Употребление нулевого окончания у существительных м.р. ограничивается лексико-семантическими характеристиками слова. Окончание *-ей* оформляет существительные трех родов, его использование обусловлено мягкостью конечного согласного основы.

В диалектном языке, где процессы унификации имеют большую силу, отмечается тенденция к выработке универсального, единого способа выражения значения род.п. мн.ч. Чтобы проследить направление этого процесса, вслед за С.В. Бромлей и Л.Н. Булатовой [Бромлей 1972, с. 106-107], мы рассмотрим следующие метаклассы:

1. Корреляты существительных м.р. с основой, равной основе ед.ч. и оканчивающиеся или парным твердым согласным (*дома, колхозы*), или

заднеязычным (*луга, старики*), или *-j* (*края*). Эти существительные являются ядерным классом распространения окончания *-ов*.

2. Корреляты существительных м.р. и ср.р. с основой, равной основе ед.ч. и оканчивающейся на парный мягкий согласный (*учителя, гвозди, поля*), корреляты существительных 3 склонения (*лошади, печи*). Эти существительные являются ядерным классом распространения окончания *-ей*.

3. Корреляты существительных ср.р. не на парный мягкий согласный (*село, яблоко*), корреляты существительных 1 склонения (*жена, земля*), существительные с суффиксом *-ат-, -ан-* в основе мн.ч. (*козлята, граждане*). Эти существительные являются ядерным классом распространения нулевого окончания.

4. В отдельную группу выделяются корреляты существительных м.р. с основой на *-j-* суффиксального происхождения (*братья*), *-ц* (*отец*), твердые и мягкие шипящие (*нож, кирпич*). По наблюдениям диалектологов эти существительные в одних говорах имеют окончание *-ов*, а в других *-ей*. Распределение этих окончаний может варьироваться и в пределах одного говора (например, *братьев, отцов, но ножей, кирпичей*, или *братьев, но отцей, ножей, кирпичей*, или *братьев, отцов, ножов, но кирпичей*).

1.4. История изучения склонения существительных в говорах Воронежской области

Сведения о морфологии воронежских диалектов на сегодняшний день остаются весьма скромными. Анализ достаточно обширного списка работ, посвященных изучению говоров Воронежской области и прилегающей территории (более 1250 работ начиная с 1853 года до настоящего времени), показал, что морфологический уровень языка так или иначе отражен только в 10% всех публикаций.

Одной из первых работ, в которой представлено описание морфологической системы воронежских говоров стал фундаментальный труд Н.П. Гринковой [Гринкова 1947], который «по широте охвата воронежских диалектов и глубине анализа этнографических истоков <...> до сих пор является непревзойденным» [Дьякова, с. 96]. Для описания грамматики Надежда Павловна разработала специальную программу, которая могла бы служить ориентиром для других исследователей. Однако сама исследовательница неоднократно указывала на ограниченность ответов по вопросам программы в анализируемых материалах, непропорциональность полученных ответов по разным говорам, что подтверждало необходимость как более тщательного отбора материала, так и расширения его объемов. Эта одна из самых сложных проблем подобных исследований.

Н.П. Гринковой удалось определить отличительные особенности именного склонения воронежских диалектов, к которым она отнесла 1) унификацию твердого и мягкого вариантов 1 склонения в род., дат. и предл. падежах при господствующей форме мягкого варианта склонения на *-е*, которое в заударном положении часто произносится как *-а* (например *ат земле, для жане, у снахе, ис саломя, ис хатя, на машиня*); 2) частое употребление окончания *-у* в род.п. ед.ч и отчасти в пр.п. (*бес савету, бес привету, ис сундуку, на нажу, у мяшку, у полю, у платочку*); 3) процесс унификации окончаний существительных мн. ч. в род.п. во всех типах склонения и всех родов (*сливов, вишнев, ябланыв, ножницав, куклав, рублёв, волосов, делов, местов, пальтов*) [Гринкова 1947, с. 220-223].

С середины 50-х до начала 90-х годов XX века с перерывами в 2-3 года выходят статьи, посвященные разным частям речи, отдельным грамматическим категориям, где затронуты некоторые вопросы словоизменения. Так, например, изучению глагола на материале говоров Воронежской области посвящен ряд работ В.В. Титовской [Титовская 1955, 1958, 1959, 1972, 1981], статья Л.В. Землянкой, [Землянская 1964]. О некоторых особенностях местоимений пишет Т.С. Шулькина [Шулькина 1977, 1978, 1980], ограниченное количество работ посвящено описанию наречий [Скрыльникова 1968, 1969, Акаткина 1978]. В единичных работах А.Д. Черенковой

анализируются формы им.п. существительных мн.ч. [Черенкова 1968] и другие архаические падежные и предложно-падежные формы [Черенкова 1989].

Последнее время интерес к морфологии возрождается в работах А.Д. Черенковой и ее учеников Н.А. Неруцковой, О.А. Слюсаревой, Л.В. Недоступовой, С.С. Токаревой, а также других диалектологов Т.В. Карасевой, Н.И. Кривовой, Е.И. Сьяновой.

Информацию о некоторых самых ярких диалектных особенностях некоторых морфологических форм можно найти в работах, посвященных комплексному описанию отдельных диалектов. Этих работ достаточно много. В них с разной степенью детализации описаны особенности склонения существительных. Среди них выделяются работы В.И. Собинниковой [Собинникова 1953, 1954, 1981], В.Н. Кретовой [Кретова 1956, 1957, 1962], А.Д. Черенковой [1997, 1999, 2005, 2013], М.Т. Авдеевой [1990, 1997], А.И. Чижик-Полейко [Чижик-Полейко 1964] и др.

Отдельного внимания заслуживают исследования В.И. Собинниковой. Под ее руководством велось активное научное описание и изучение воронежских говоров. По результатам этой работы на кафедре славянской филологии ВГУ была составлена картотека Словаря воронежских говоров, охватывающая лексику и фразеологию говоров Воронежской области и той части Липецкой области, которая до 1954 г. входила в состав Воронежской области. Десятки тысяч слов, зафиксированных в картотеке, впервые вводятся в научный оборот, что представляет значительный интерес для исторической лексикологии, диалектологии, истории и этнографии Воронежского края.

Некоторые работы В.И. Собинниковой содержат монографическое описание говоров Гремяченского района Воронежской области [Собинникова 1953, 1954]. Выполненное под ее руководством диссертационное исследование Ю.Т. Листровой [Листрова 1953], посвященное описанию говора с. Отскочного Дмитрияшевского района Воронежской области по всем языковым уровням, можно считать образцом монографического описания говора. Все диалектные особенности, в том числе и морфологические, рассматриваются с разных позиций: с точки зрения социально-возрастной дифференциации диалекта, с точки зрения исторического развития

языковой системы и в сопоставлении с соседними диалектами с целью уточнения границ Курско-Орловской группы говоров южнорусского наречия.

В типологическом отношении большой интерес представляет работа В.И. Собинниковой и К.М. Фетисовой [Собинникова 1981], написанная в 80-е гг. XX века и посвященная переселенческим диалектам Воронежской области, к которым относятся говоры сел Бродовое, Новый Курлак, Хлебородное Аннинского района. Исследователи ставят перед собой задачи выявить черты (в том числе и морфологической системы), принесенные с материнской территории и возникшие под влиянием нового языкового окружения. К числу последних исследователь относит активное распространение ударного окончания *-а* у существительных в им.-вин.п. мн.ч., соотносимых в ед.ч. с существительными м.р. и ср.р., с основой на мягкий или отвердевший согласный: *бъндаря'*, *выхода'*, *стага'*, *столяра'*, *конюха'*, *плетня'*, *трактора'*, *клитя'*, *степя'*, *дверя'*, *волостя'*, *шерстя'*, *печа'* и т.п. Существительные, соотносимые в ед.ч. со ср.р., во мн.ч. в безударном положении имеют окончание *-ы*: *бёрды*, *брёвны*, *воро'ты*, *колёсы*, *па'смы*, *стёклы*, *гне'зды*, *кре'слы*, *свя'слы* и т.п.

Кроме этого, замена ср.р. женским рассматривается также как результат воздействия южнорусского окружения: *фсю лету*, *на этъй сени*, *юпка шшытйей белая*, *а вот пьд жылезьй* и др.

Наблюдения за современным состоянием диалектов сел Бродовое, Новый Курлак подтверждает иносистемность этих говоров на территории южнорусского наречия до настоящего времени (см. [Гальцова 2019а]).

Анализируя имеющуюся литературу, мы заметили, что достаточно длительный период времени при описании особенностей морфологической системы воронежских говоров внимание исследователей было сосредоточено на формах, не совпадающих с литературным языком, которые обусловлены социально-возрастным расслоением диалекта или собственно диалектными тенденциями (тенденция к разрушению категории ср.р., тенденция к объединению существительных разного рода в одном типе склонения во мн.ч.). Среди этих работ выделяются статьи В.Н. Кретовой, А.И. Чижик-Полейко, А.Д. Черенковой, Е.В. Давыдовой и др.

Исследования В.Н. Кретовой [Кретьова 1957, 1962] посвящены говорам сел Никонова, Архангельского, Хренового и Горенских Выселок бывшего Рождественско-Хавского района (ныне Верхнехавского). При описании морфологической системы говоров Валентина Никаноровна указывает на диалектные особенности в склонении существительных, среди которых особое внимание сосредоточено на таких диалектных чертах, как совпадение форм род., дат и предл. падежей, где обычным окончанием является *-е* под ударением и *-и* без ударения: *у жане, у сястре, к жане, к сястре, ф школи, в бригади*. Данная диалектная черта демонстрировала широкое и последовательное употребление в речи не только старшего поколения, но и в речи молодежи.

Кроме этого обозначены тенденции к полному объединению существительных различного грамматического рода в одном типе склонения во мн.ч., что выражается в широком распространении окончания *-ов(-ев)*: *дамоф, агуцоф, баниф, машинаф, азёраф* [Кретьова 1962, с. 128-129]. Вслед за С.С. Высотским исследователь опровергает категорическое утверждение К. Филатова, Н.П. Гринковой и В.А. Малаховского о полной утрате категории ср.р. в говорах Воронежской области, предлагая говорить лишь о частичном разрушении этой категории, что приводит к совпадению категории ср.р. с категорией ж.р.

Изучая говор с. Николаевки Грибановского района Воронежской области, А.И. Чижик-Полейко приходит к интересным выводам о том, что в «говоре два типа склонения: слова по преимуществу ж.р. (*работа, жизнь*) и м.р. (*сват, сарай*). Слова ср.р. единой системы падежных форм не образуют; одно и то же слово в разных падежах и даже в функции одного и того же падежа получают формы одного из двух типов склонения: *гонят стаду и стадь; нет им'и и им'а*» [Чижик-Полейко 1964, с. 70-71].

Среди последних работ, посвященных системному описанию склонения существительных, особое место занимает исследования А.В. Тер-Аванесовой. Анализируя объемные материалы сплошной росписи записей спонтанной речи жителей села Роговатое Старооскольского р-на Белгородской области, некогда относившейся к Нижнедевицкому району Воронежской области, Александра

Валерьевна выделяет 4 разновидности I склонения в зависимости от качества конечного согласного основы и ударности/безударности флексии: твердую ударную, твердую безударную, мягкую ударную и мягкую безударную. Детальный анализ падежных окончаний позволил автору обнаружить в подсистеме род.-дат.-мест. п. ед.ч. I склонения максимальное количество падежных противопоставлений в твердой ударной разновидности склонения: *б'ыз у́лав'ие'* – *б'ыз у́лавы'*, *к с'астр'ие'* – *к с'астры'*, *на е'тѣй уар'ие'* – *у капны'*. Для безударной твердой и мягкой разновидностей I склонения отмечен полный падежный синкретизм по окончанию {и}, частично разрушаемый проникновением ударного {ие} в форме Д. и М.п.: *ат каро'вы, с л'и'ны, н'а сху'же ма'мы, кѣра' б'ѣр'ио'зы, дв'ие' кароу'вы, вд'ие' н'и'т'к'и, мнут нѣ м'иа'лк'и, нѣ пр'иа'лк'и – к з'амл'ие', у р'ак'ие'* [Тер-Аванесова 2013, с. 160-162].

Новым этапом в изучении диалектной морфологии можно считать работы А.Д. Черенковой. Продолжительное и скрупулезное изучение воронежских диалектов на разных языковых уровнях позволяет автору помимо фиксации отдельных особенностей грамматических форм, предпринимать попытки определения тенденции развития диалектной системы склонения. Итоги многочисленных исследований отражены в публикациях разных лет [Черенкова 1992, 1997, 1999, 2004, 2005, 2016, 2017, 2019], а также систематизированы и изложены в книге «Воронежские диалектные тексты как источник для изучения русского национального языка, истории и культуры народа». В этой работе также представлена авторская типологическая классификация русских говоров Воронежской области с указанием характерных диалектных черт по всем языковым уровням.

Так, наблюдая за категорией ср.р. и сближением существительных 1 и 3 склонений, автор приходит к идее о развитии системы по принципу «два рода – два склонения» [Черенкова 2004, с. 368]. Эти наблюдения неоднократно подтверждаются в исследованиях О.А. Слюсаревой, посвященных морфологическим особенностям говора с. Краснолипые Репьевского района Воронежской области [Слюсарева 2006, 2009], Л.В. Недоступовой, изучающей говоры сел Верхняя Тойда и Красный Лог Аннинского района Воронежской области [Недоступова 2018а, 2018б], Н.А. Неруцковой, исследовавшей категорию

рода имён существительных в говоре с. Чернавка Панинского района Воронежской области [Неруцкова 2007].

Завершая обзор основной литературы, посвящённый особенностям склонения существительных в воронежских диалектах, приходится констатировать, что при всем многообразии существующих работ этот уровень языка по-прежнему остается слабо разработанным, не привлекающим большого числа исследователей.

В настоящее время сохраняется ощутимый недостаток как теоретических обобщений о морфологических особенностях воронежских диалектов, так и эмпирических данных, отражающих данный уровень диалектов. Зачастую исследователи ограничиваются указанием на способы выражения отдельных грамматических форм, что приводит к накоплению достаточно пестрой, часто несопоставимой друг с другом информации. Недостаточное внимание к количественным подсчетам не позволяет сделать выводы о развитии диалектного языка. Данное обстоятельство осложняется также неоднородностью Воронежской области в субэтническом плане, вызванной вторичным заселением края.

Глава 2. Характеристика основных грамматических категорий имен существительных в воронежских диалектах

Склонение имен существительных в период становления объединяет такие грамматические категории, как род (отнесенность существительного к роду), число (изменение существительных по числам) и падеж (падежные окончания в ед. и мн. ч). Мы считаем, что в современных диалектах деклинационная система имен существительных продолжает свое развитие:

- 1) в плане группировки существительных по типам склонения,
- 2) в плане разобщения парадигм склонения ед. и мн. числе,
- 3) в плане формирования падежных окончаний.

Структурно-сопоставительный подход к описанию диалектного именного склонения, положенный в основу настоящего исследования, диктует необходимость отдельного рассмотрения классифицирующей категории рода и словоизменительных категорий числа и падежа, составляющих суть склонения существительных.

При описании системы склонения воронежских говоров мы учитываем диалектное многообразие нашего края, вызванное историей его заселения, и последние достижения в области типологии его говоров. Указанные обстоятельства определяют структуру второй главы.

2.1. Диалектное многообразие Воронежской области

Одним из признанных методов классификации говоров является диалектное членение по пучкам изоглосс или так называемая ареальная классификация. Данная классификация положена в основу монографии К.Ф. Захаровой

В.Г. Орловой «Диалектное членение русского языка», вышедшей в 1970 году. В центре внимания исследователей было изучение «лингвистического ландшафта языка и присущих ему закономерностей» [Захарова 2004, с. 8]. Однако авторы предпочитают называть ее не классификацией, а группировкой говоров русского языка [Захарова 2004, с. 18].

Однако такой подход к классификации говоров не единственный. По мнению Н.Н. Пшеничновой, многочисленные материалы, собранные диалектологами, позволяют подойти к решению проблемы классификации с некоторыми новыми для диалектологии позициями: классифицировать говоры вне территории как единые и целостные языковые системы на основании их полных описаний по всем языковым уровням, иначе говоря, построить не ареальную, а структурно-типологическую классификацию частных диалектных систем русского языка [Пшеничнова 1996, с. 6].

Ареальная и типологическая классификации не противоречат друг другу: в качестве основания ареальной классификации могут быть взяты типологические характеристики, а типологическая классификация может быть отражена на лингвогеографической карте. Такой подход особенно актуален для территорий позднего заселения, когда в результате перемещения диалектоносителей трудно, а иногда и невозможно провести диалектные границы по пучкам изоглосс.

Согласно последнему диалектному членению русского языка (1964 года) говоры Воронежской области относятся к Восточной (Рязанской) группе южнорусского наречия и характеризуются «сочетанием черт южного наречия, южной и юго-восточной диалектных зон» [Захарова 2004, с. 132]. Типологическими чертами восточной группы считаются: недиссимилятивное аканье, ассимилятивно-диссимилятивное или сильное яканье, отсутствие перехода *e* в *o* в глагольных формах 3-го лица.

Однако многочисленные исследования показывают, что не всем воронежским диалектам свойственны перечисленные черты. Это обстоятельство обусловлено историей заселения нашего края, представленной в работах Н.И. Второва [Второв 1886, 1961], Н.И. Поликарпова [Поликарпов 1896],

П.В. Малыхина [Малыхин 1853, 1861], Д.К. Зеленина [Зеленин 1913], М.В. Цыбина [Цыбин 1989], А.З. Винникова, В.И. Дынина, С.П. Толкачевой [Винников 2004], О.Ю. Титовой [Титова 2013], А.Н. Акиньшина [Акиньшин 2015], А.Д. Черенковой [Черенкова 2009, 2014] и др. Кроме того, ареальный анализ некоторых единиц воронежского лексикона, проведенный С.А. Мызниковым на материале Словаря русских народных говоров и других сводных словарей, выявляет нетипичные этноязыковые контакты, требующие дополнительной верификации [Мызников].

В связи с этим встает вопрос о типологии говоров Воронежской области.

Первая классификация говоров Воронежской области принадлежит В.П. Чужимову. По сословному признаку исследователь выделил однодворцев и бывших крепостных крестьян, а по национальному признаку – малороссов. [Чужимов 1929, с. 13-16]. Считается, что однодворцы составили самое раннее население края. В.М. Проторчина в книге «Очерки истории Воронежского Края» пишет: «Одной из наиболее многочисленных групп населения Воронежской провинции, а затем губернии, являлись однодворцы – потомки бывших служилых людей по прибору, выполнявших в XVII в. сторожевую службу на южных окраинах государства» [Очерки истории Воронежской Края 1967, с. 128]. Из-за особенностей речи однодворцев называли щекунами, талагаями и галманами. Язык бывших крепостных крестьян оказался неоднородным, а попытки выделить типологические черты оказались безуспешными.

Особый интерес в плане типологического описания говоров Воронежской области заслуживают работы В.И. Собинниковой. В статьях, посвященных говорам бывшего Гремяченского района, убедительно доказана их противопоставленность соседним говорам [Собинникова 1953, 1961]. Исследование говоров сел Бродового, Хлебородного, Нового Курлака Аннинского района, выполненное совместно с К.М. Фетисовой, свидетельствует об их свернорусском происхождении [Собинникова 1981].

Очередным этапом разработки типологической классификации говоров Воронежской области можно считать научно-исследовательскую работу А.Д. Черенковой, поддержанную грантом Министерства образования и науки

Российской Федерации. Подробное обследование населенных пунктов Воронежской области в период с 1999 по 2009 гг. позволило автору определить основные противопоставленные признаки субэтнических образований русских на территории Воронежской области, к числу которых автор отнесла: 1) диалект; 2) отличия в традиционной народной одежде и головных уборах; 3) отличия в проведении традиционного свадебного обряда и народных праздников; 4) отношение к морали и нормам нравственности; 5) конфессиональные различия; 6) социально-историческое происхождение субэтнических образований [Черенкова 2009, с. 13-17].

По комплексу указанных признаков на территории Воронежской области можно выделить 5 субэтнических единиц русских: 1) талагаев; 2) цуканов, среднерусских по происхождению; 3) русских (потомков барских крестьян); 4) курско-орловских по облику; 5) севернорусских по происхождению [Черенкова 2009, с. 29], а в соответствии с ними можно различить 5 типов русских диалектов Воронежского края:

- 1) талагайские говоры курско-орловского типа;
- 2) собственно талагайские, или восточные талагайские, говоры;
- 3) цуканские говоры;
- 4) говоры с севернорусской основой;
- 5) «русские» говоры.

Указанные термины носят условный характер и базируются на микроэтнонимах.

Этнографическая справка и основные диалектные черты каждого типа диалекта даны в соответствующем разделе книги А.Д. Черенковой «Воронежские диалектные тексты как источник для изучения русского национального языка, истории и культуры народа» [Черенкова 2009].

Коренными жителями Воронежской области принято считать представителей курско-орловского и талагайского субэтнических образований. По своему происхождению они являются потомками однодворцев, которые «жили по берегам Дона и Воронежа до 1237 г. Затем в результате нашествия монголо-татар эти земли были опустошены, а жители частью истреблены, а часть их ушла на север

в бассейн реки Оки. После свержения монголо-татарского ига эти люди (их потомки) вновь вернулись на земли своих дедов и прадедов уже в качестве служилых людей для обороны южных границ Московского государства от набегов крымских и ногайских татар (гипотеза Н.П. Гринковой)» [Черенкова 2001, с. 131].

Говоры курско-орловского типа распространены на западе и юго-западе Воронежской области: села Острогожского района, с. Новосильское и с. Мастюгино бывшего Гремяченского района, с. Девица и с. Болдыревка Острогожского района, с. Краснолипые и с. Россошки Репьевского района, с. Оськино Хохольского района.

Сведения о языке этой субэтнической группы можно найти в работах С.И. Коткова [Котков 1952], В.И. Собинниковой [Собинникова 1953], А.Д. Черенковой [Черенкова 1999а, 1999б, 2004, 2005, 2016, 2017, 2018, 2019], О.А. Слюсаревой [Слюсарева 2006а, 2006б, 2007, 2009], С.В. Дьяченко [Дьяченко 2007, 2011, 2013] и др.

Самыми распространенными на территории Воронежской области являются талагайские говоры, или собственно талагайские, или восточноталагайские. Диалектные черты определяют их принадлежность к Восточной группе южнорусского наречия. Обнаруживаются они на территории с. Нижний Мамон, с. Лозовое (южная часть), а также в восточном районе: в с. Семено-Александровка, с. Шестаково, с. Александровка, с. Шишовка Бобровского района, с. Тынцырей Борисоглебского района, с. Гвазда, с. Козловка, с. Клеповка, с. Озерки, с. Чулок, с. Ст.Курлак, с. Карайчевка Бутурлиновского района, с. Старый Оскол, с. Старая Чигла Аннинского района, с. Ростоши Эритильского района, с. Большой Мартын, с. Борщево Панинского района.

Информацию об особенностях языка данной субэтнической группы можно найти в монографии Н.П. Гринковой [Гринкова 1947] статьях В.Н. Кретовой [Кретова 1956], Е.Ю. Копаевой [Копаева 2003], Д.Н. Гальцовой [Гальцова 2017, 2019], В.Ф. Филатовой [Филатова 2019], С.С. Токаревой [Токарева 2017, 2018, 2019], Н.А. Неруцковой [Неруцкова 2007а, 2007б] и др.

Второй по величине субэтнической группой после талагаев являются цуканы. Исследования 2001-2003 гг. свидетельствуют, что «потомки цуканов живут в настоящее время в селах Лискинского района: Давыдовке, Нижнемарьине, Тресорукове, Добрине, Рождествене, Олемне, Митяевке и др., расположенных по берегам реки Хворостани; в Каширском районе, граничащем с Лискинским: Каширском, бывшем Московском, Можайском, Коломенском и др.; в Бобровском районе: Хреновом, Чесменке; в Панинском районе: Дмитриевке, Криуше, 1-ых Криушанских Выселках и др.» [Черенкова 2003, с. 145]. Языковые особенности цуканского диалекта отмечены в работах В.Н. Кретовой [Кретова 1957, 1962], А.Д. Черенковой [Черенкова 1999а, 2004], Е.В. Червоной [Червоная 2017], А.А. Батуриной [Батурина 2019] и др.

Возникновение говоров с севернорусской основой обусловлено переселенческим фактором. По указу Петра I в бассейнах рек Битюг и Осередь было произведено две попытки создать дворцовую волость: в 1701 г. и в 1705 г. по 5 тысяч крестьян было переселено из центральных и северных областей России. «Потомки этих крестьян живут в Аннинском районе: Анне, Хлебородном, Новом Курлаке, в Бродовом, Верхней Тойде, в Садовом I. <...> Севернорусские признаки обнаруживаются в Боброве, Пчелиновке Бобровского района, в Чернавке Панинского района» [Черенкова А.Д. 2009, с. 187]. Изучением языка указанной субэтнической группы занималась В.И. Собинникова совместно с К.М. Фетисовой [Собинникова 1961,1981], А.Д. Черенкова [Черенкова 2008]. В настоящее время самобытные говоры на территории Воронежской области являются предметом научного интереса Д.Н. Гальцовой [Гальцова 2019а, 2019в, 2020].

В формировании так называемого «русского» говора большую роль сыграл социальный фактор. «Носителями данного типа диалекта являются потомки помещичьих, барских крестьян. Будучи приближенными к барину, крестьяне усваивали элементы его культуры и его речи, его языковые особенности» [Черенкова А.Д. 2009, с. 214]. По свидетельству А.Д. Черенковой, этот тип диалекта отмечен в с. Александровка Панинского района, к нему приближается говор с. Дмитриевка Панинского района. Малочисленность данного типа

объясняется тем, что крепостных крестьян было гораздо меньше однодворческих, а также тем, что не во всех случаях между помещиками и крестьянами складывались подобные описанным отношения.

Последние исследования А.Д. Черенковой в области типологии воронежских говоров посвящены составлению первой диалектологической карты Воронежской области с указанием территории распространения выделенных типов диалектов [Черенкова 2019б].

Следует отметить, что указанные типы диалектов достаточно репрезентативны в плане отражения русского диалектного языка в целом: носителем Восточной группы южнорусского наречия является восточноталагайский, или собственно талагайский, тип диалекта, близок к Курско-орловской группе говоров южнорусского наречия талагайский говор курско-орловского типа, говоры с севернорусской основой представляют севернорусское наречие и среднерусские окающие Владимиро-Поволжские говоры, на цуканском диалекте говорят потомки из Подмосковья, следовательно, на территории Воронежской области представлены среднерусские окающие говоры. «Русский» диалект характеризуется близостью к литературному языку.

С некоторым сожалением приходится отмечать, что не во всех исследованиях говоров Воронежской области учитывается данная типология, что затрудняет работу обобщающего типа. В нашем исследовании описание диалектных систем склонения строится в соответствии с обозначенными типами диалектов.

2.2. Категория рода имен существительных в говорах Воронежской области

Решающим фактором в определении типа склонения в современном русском языке является отнесенность существительного к роду. Категория рода является лексико-грамматической классифицирующей категорией имени существительного.

У одушевленных существительных со значением лица род мотивирован, т.е. отражает различия по биологическому полу. Род неодушевленных существительных, будучи немотивированным, является чисто грамматическим признаком. Известно, что родовая принадлежность имен существительных в говорах может отличаться от их распределения по родам в литературном языке, кроме этого, может отличаться и частотность их употребления.

Диаграмма 2. Распределение существительных по родам в литературном языке (по данным частотного словаря)

рода оказались 8 часто употребляемых существительных *pl. tantum* (*деньги, стихи, сутки, часы, очки* и др.), что составило 1% от общего числа существительных (диаграмма 2).

Материалы нашего исследования показали, что существительные в ед.ч. в говорах Воронежской области распределяются по родам следующим образом: существительные ж.р. составляют 48% (1621 словоформа), существительные м.р. – 44% (1460 словоформ), а существительные ср.р. представлены только 8% (259 словоформ) (диаграмма 3).

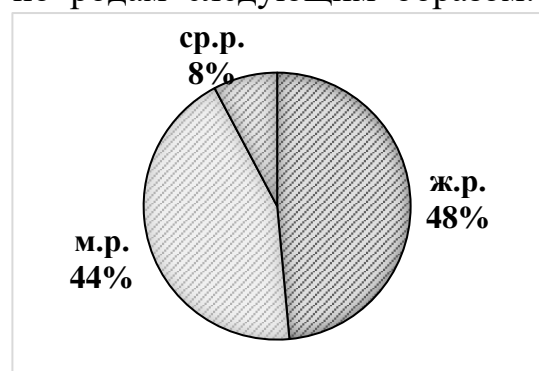

Диаграмма 3. Распределение существительных в ед.ч. по родам в говорах Воронежской области

Похожие подсчеты проводил С.С. Высотский по отношению к говорам к западу от Москвы. По данным его исследования, «если имен существительных м.р. отмечено 2006 (40%), ж.р. – 2225 (44%), то на долю ср.р. остается лишь 818 слов, т.е. только 16% общего числа существительных» [Высотский, с. 114]. Наблюдения

Статистические подсчеты употребления существительных в частотном словаре русского языка [Ляшевская], показывают, что на 1 тыс. слов из частотного списка имен существительных на долю ср.р. приходится 22% существительных (216 словоформ), на долю ж.р. – 34% (343 словоформы), а на долю м.р. – 43% (423 словоформы). Вне категории рода оказались 8 часто употребляемых

С.С. Высотского над говорами к западу от Москвы и наши наблюдения над говорами Воронежской области показывают, что существительные ср.р. в диалектах занимают незначительное место. При этом на территории распространения воронежских говоров, входящих в Восточную группу южнорусского наречия, процент существительных вдвое меньше, чем на территории распространения говоров, о которых пишет С.С. Высотский. Данное обстоятельство может быть связано с тенденцией к разрушению категории ср.р. в говорах южнорусского наречия, поэтому считаем необходимым более подробно остановиться на категории ср.р.

2.2.1. Категория среднего рода в говорах Воронежской области

Ключевым в отношении категории рода становится вопрос о судьбе существительных ср.р. В исследованиях, посвященных категории рода в русских народных говорах, неоднократно отмечается неустойчивость категории ср.р. и тенденция к ее разрушению. По нашим наблюдениям, в говорах Воронежской области эта тенденция не ослабевает и находит разное отражение в разных типах диалектов. Остановимся подробнее на каждом из них и проследим, как представлена в них категория ср.р.

2.2.1.1. Категория среднего рода в талагайских говорах курско-орловского типа

В им.п. у существительных ср.р. отмечается окончания -о: *сн'а'тъиь мѣлако'* (КРЛП., 4)², *пла'т'ицѣ бы'ль* (СТ. ХВР., 1).

Если существительное ср.р. имеет ударное окончание, то определяющее его прилагательное, как правило, сохраняет окончание ср.р., а глагол прошедшего времени получает безударное окончание, которое в условиях аканья оформлено -а или -ь: *к'и'слѣиь мѣлако'*, *бы'ль мѣлако'*. Если у существительного безударное окончание, то велика вероятность совпадения безударных окончаний прилагательного с окончаниями ж.р.: *аткры'тъиа ако'шкѣ*, *кру'живѣ скро'мнѣија*. Наиболее очевидным результат перехода существительных ср.р. в ж.р. представлен в им.п. в сочетаниях с прилагательным с ударным окончанием (*ус'а' бѣрахло'*, *ус'а' с'ало'*) или с глаголом прошедшего времени (*пѣдашла' вр'ем'ѣ*). Примеры и подсчеты для удобства приведены в таблице (таблица 6).

Таблица 6

Соотношение окончаний существительных ср.р. им.п. ед.ч. в талагайских говорах курско-орловского типа

	Сохраняется отнесенность к среднему роду	Род однозначно определить не представляется возможным	Отмечается переход в состав женского рода
Ударн. окончание	12,5% <i>у'каго' бы'ль мѣлако'</i> (КРЛП., 3)	62,5% <i>к'и'слѣиь мѣлако'</i> эт прѣстаква'ишѣ, (КРЛП., 3), <i>сн'а'тъиь мѣлако'</i> / <i>сл'и'ук'и</i> (КРЛП., 4), <i>д'ит'о' ма'л'ьн'к'иѣи</i> (КРЛП., 1) <i>л'ицо'</i> дл'и'н'н'ишишѣиь <i>у'жо'уѣ</i> (МСТ, 1)	25% <i>ус'а' бѣрахло'</i> , <i>ус'а' с'ало'</i> (КРЛП., 1)
Безуд. окончание	18,2% <i>хва'ртуч'ѣк да'пла'т'ицѣ бы'ль</i> (СТ. ХВР., 1)	63,6% <i>луко'шкѣ</i> / <i>ма'л'ьн'кѣиь ис'хво'рѣстѣ</i> (СТ. ХВР., 1), <i>аткры'тъиа ако'шкѣ</i> (КРЛП., 2), <i>кру'живѣ скро'мнѣија</i> (КРЛП., 1), <i>ма'слѣ св'е'жѣиа и тапл'о'нѣиа</i> (КРЛП., 1) <i>н'ипа'хѣнѣиа по'л'ѣ</i> (ДВЦ, 1)	18,2% <i>пѣдашла' вр'ем'ѣ</i> (КРЛП., 5) <i>устро'йствѣ така'иа ѣжѣ</i> (КРЛП., 2),

² Здесь и далее предсавлена краткая информация о диалектоносителе: название населенного пункта, порядковый номер информанта. Подробнее см. Список сокращений названий населенных пунктов и приложение №1, где в соответствии с обозначенным порядковым номером указана полная информация о диалектоносителе.

В **род.п.** у существительных отмечается характерное для ср.р. ударное окончание *-а*: *купа'л'ис из в'адра'*, *бы'л'и кало'цы из д'ер'ьвь* (КРЛП., 2), *вы'жърк'и ат са'ла* (КРЛП., 3), *тр'и в'адра' пр'ин'ас'е'м* (МСТ., 1), *кусо'к мы'ль* (КРЛП., 5).

Если **род.п.** имеет партитивное значение, то у существительных ср.р. возможно окончание *-у*: *к пра'з'н'ику мълач'к'у' уск'ип'ат'у'и* (КРЛП., 3).

Интересным нам кажутся наблюдения над словом *яблочко* в речи 78-летней жительницы с. Краснолипые Репьевского района Воронежской области. В небольшом отрезке речи **род.п.** оформляется по-разному: *ач'у'стк'и ат карто'шк'и // а ат ја'блъч'к'и с'ерд'е'ч'к'и / уд'е с'е'м'ь у ја'блъч'к'и / уд'е с'е'м'ь у ја'блъч'ка // ауры'зък бро'с'иш* (КРЛП., 3). Во второй пояснительной вставной конструкции диалектоносец, стараясь уточнить значение слова для собирателя, использует форму литературного языка, хотя складывается впечатление, что в условиях аканья и при наличии прогрессивной ассимиляции заднеязычного согласного возникают условия для переосмысления этого существительного как отнесенного к разряду слов ж.р.

В **дат.п.** у существительных ср.р. отмечается окончание *-у*: *(иконы) в'ис'е'л'и // на пра'в'илу бо'л'шь нь васто'к* (КРЛП., 2), *нам нь в'адру' ньсына'л'и* (КРЛП., 5), *нь в'адру' даду'т'* (МСТ., 1).

В **вин.п.** наиболее наглядно проявляется тенденция разрушения категории ср.р. Это происходит в безударном положении и проявляется в употреблении окончания *-у*, характерного существительным ж.р. 1 склонения (30%). У существительных ср.р. с ударным окончанием перехода в ж.р. не отмечено (таблица 7).

Соотношение окончаний существительных ср.р. в вин.п. ед.ч. в талагайских говорах курско-орловского типа

	Сохраняет отнесенность к среднему роду	Получает окончания женского рода
Ударн. окончание	100% <i>вы'ткут' кѣк абыкнав'е'нный пѣлатно'</i> (КРЛП., 3), <i>нѣ быка'х паха'л'и / у ѣarmo' их</i> (КРЛП., 4), <i>сы'п'ут' муку' / пашано'</i> (СТ. ХВР, 2), <i>кашэ'л' в'н'ом з'арно'</i> <i>хран'и'л'и</i> (СТ. ХВР, 1), <i>в'адро' даду'т'</i> (МСТ., 1), <i>на в'вадро' вады'</i> (ДВЦ., 1)	—
Безударн. окончание	70% <i>пало'жыш са'ль</i> (КРЛП., 1) <i>в даждл'и'вѣиь вр'ем'а</i> <i>у сара'и сыпа'л'и дава'л'и там с'е'нѣ</i> (КРЛП., 2), <i>пол'ѣ па'ра'знѣму нѣзыва'им</i> (ДВЦ., 1), <i>ма'слѣ</i> <i>зб'ива'лкѣи д'ѣр'и'в'аннѣи д'е'лѣл'и</i> (СТ. ХВР, 1)	30% <i>у сваѣу' жыл'и'шшу</i> <i>пр'ид'ѣм</i> (МСТ., 1), <i>д'е'н'у'и</i> <i>намы'лу дава'л'и, ма'слу</i> <i>нал'ју'т'</i> (КРЛП., 4)

В твор.п. у существительных в подавляющем большинстве употребляется характерное для существительных ср.р. окончание *-ом* (75%): *амл'е'т с'мѣлако'м, сво'р'им у кауо' былѣ мѣлако' / с'мѣлако'м* (КРЛП., 3), *ид'а мад'ар з'ружѣо'м* (МСТ., 1). Однако не исключен переход существительных ср.р. в ж.р., который получает морфологическое оформление окончанием *-ой* (25%): *п'ирашк'и' с'нав'и'длѣи* (КРЛП., 3).

В пр.п. род можно определить только синтаксически, т.к. морфологически окончания в пр.п. совпадают у существительных всех трех родов (за исключением вариантного окончания *-у* существительных 2 склонения, имеющего семантические ограничения употребления). В нашем материале в большинстве примеров отсутствует синтаксический показатель рода (86%): *(кузница) была' // ѣд'е'тѣ нѣ с'ил'е'* (КРЛП., 2), *у д'е'цтв'и кѣнап'и' с'е'ил'и* (КРЛП., 3) *у в'адр'е п'акл'и'* (КРЛП., 4), *у пол'ѣ ѣаро'х с'е'ил'и* (ДВЦ., 1), а там, где есть синтаксический показатель рода (24%), существительное демонстрирует отнесенность к ср.р.: *ѣе'сл'и у ави'ш'и'е'ств'ѣннѣм м'е'ст'ѣ (готовит пишу) / тѣк пѣвар'и'хѣ* (КРЛП., 3).

Выводы. В талагайских говорах курско-орловского типа существительные ср.р. демонстрируют переход в состав ж.р. в 14% случаев (диаграмма 4). Это выражается не только синтаксически, т.е. в согласовании (*ус'а' с'ало', пѣдашла' вр'ем'ѣ*), но и морфологически почти по всей парадигме, начиная с неразличения

безударных окончаний женского/среднего рода в им.п. (*устро'йствъ така'йа жь*), использование окончания *-и* в род.п. (*с'е'м'ъ у ја'блч'к'и*), окончания *-у* в вин.п. (*на мы'лу*) и наконец, окончания *-ой* в твор.п. (*п'урашк'и с нав'идл'й*). Все зафиксированные примеры отмечены в речи носителей традиционного диалекта 1924, 1928, 1926, 1927, 1936 г.р. Наиболее устойчивыми в этом отношении оказываются дат.п. и пр.п. (*нъ в'адру', нъ с'ил'е'*).

Наши наблюдения совпали с данными других диалектологов. Так, в говоре с. Краснолипые Репьевского района Воронежской области О.А. Слюсарева фиксирует большое количество форм с новым безударным окончанием вин.п., например, *наје'л пу'зу, нъд'ива'йут' на т'е'лу, ка'жн'ый пр'изнава'л свају' л'ика'рству, в ако'шку ул'а'ну* и др. [Слюсарева 2009, с. 133]. Единичные примеры окончаний ж.р. в твор.п. находим в описании говора с. Мастюгино Острогожского района: *бори с м'а'с'й, таруу'йь м'а'с'й, с'е'ль над ако'шк'й* [Дьяченко 2007, с. 32].

Однако следует отметить, что в большинстве случаев существительные ср.р. сохраняют свою родовую принадлежность или же ее однозначно определить в условиях аканья не представляется возможным.

2.2.1.2. Категория среднего рода в собственно талагайских говорах

В им.п. существительные ср.р. имеют окончания *-о*: *нъзыва'йьць с'ило'* (ШКВ., 3), *с'ило' кан'е'инь о'ч'ьн' апуст'е'ль* (ШКВ., 4), *бы'ль мо'р'ь* (РСТШ., 1), *л'ажы'т' м'а'с'ь* (КЗЛ., 2). К сожалению, в большинстве контекстов точно установить род не представляется возможным, поскольку в безударном положении

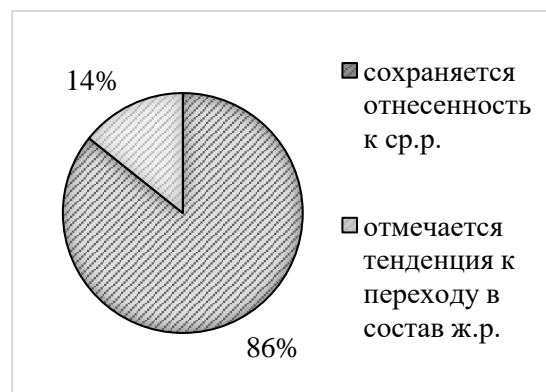

Диаграмма 4. Существительные ср.р. в талагайских говорах курско-орловского типа

окончания ср.р. и ж.р. совпадают. В остальных случаях, где род определяется синтаксически, большинство существительных сохраняют отнесенность к ср.р. (57%): *асо'б'ьннь бал'шо'йь с'ало' бы'ль, б'ил'жо' д'е'льиць бо'л'ь м'е'н'ь пахо'иш на'д'е'ль* (ШКВ., 2), как *пръизашло' этъ назва'н'и'йь с'ила'* (ШКВ., 3), а 43% переходят в состав ж.р.: *у'кау'о м'лако' была', м'лако' ть была' / кан'е'ишь // дъ ана'н'ь у'ка'ждауа была', са'ла р'еткь у'кау'о была' // ав'е'ч'ийа* (КЗЛ., 4).

В **род.п.** у существительных отмечается характерное для ср.р. ударное окончание *-а* и его позиционный безударный вариант *-ь (-ь)*: *а у'кау'о м'лака' не'быль* (КЗЛ., 4), *ав'е'ц из'в'адра' пай'л'и* (КЗЛ., 5), *п'иса'л'и мы исто'р'ийу с'ила'* (ШКВ., 3), *и пато'м да'сам'ый см'е'рт'и ана'пан'ат'ийа н'и'зна'ль / што тако'йь жылу'дък, дъ'п'ир'икры'т'ийа дашо'л* (РСТШ., 1), *по'сл'ь асвъбажд'е'н'ийь варо'нъжъ ја уч'и'лъс'* (ШКВ., 2).

Нами было отмечено окончание *-ы* в речи 85-летней жительницы с. Ступино Рамонского района у существительного *кладбище*: *пасл'а' кла'д'б'ишишы пьм'ина'йут' до'ма, снач'ала о'къл кла'д'б'ишишы астана'вл'ивъиццут'* (СТП., 2), что свидетельствует о переходе этого существительного в состав ж.р.

Дат.п. не представлен в нашем материале, и при изучении типов склонения мы заметили сравнительно небольшое количество примеров в данной форме.

В **вин.п.** наиболее наглядно тенденция к разрушению категории ср.р. проявляется в безударном положении в употреблении окончания *-у*, характерного существительным ж.р. 1 склонения (56%) (таблица 8).

Соотношение окончаний существительных в вин.п. ед.ч. в собственно талагайских говорах

	Сохраняет отнесенность к среднему роду	Переходит в состав женского рода
Ударное окончание	100% <i>ваз'и'ль м'ялако' в ѓжыват'и'нн'ийь; плат'и'т' за ѓэть м'ялако' (БРЗ., 1), п'ат' он н'п'иса'л п'ис'мо' ма'м'и, он лажы'цца н'ь ѓпл'ич'о' (РСТШ., 1), ја о'ч'ьн' л'убл'у' свајо' с'ило' (ШКВ., 4), ну вот тако'й он / с ѓв'адро' ил' ч'ут' навь'ишы (КЗЛ., 4)</i>	—
Безударное окончание	44% <i>как вот ч'е'р'ьс с'и'та; плат'и'н'ь ѓде'т дала' с'иб'е' пр'ьтач'е'н'ийе и фс'о; jej на'д'ь п'дава'т' п'ита'н'ийь-ть ужэ' ѓто'вьийь (РСТШ., 1), р'ьспр'ьд'ал'а'ит' п'ь ѓма'ста'м / куды' на ѓса'ла / ил' на ѓм'а'са, д'е'льиць бол'ь м'е'н'ь пахо'и на ѓд'ель, (ШКВ., 1) и фс'е ш'и'а'с им'е'йут вы'ишиг'ийь абр'зава'н'ийь, пастро'ил'и как ф ѓстар'и'нн'ийь вр'е'м'а (ШКВ., 2)</i>	56% <i>в ѓна'ау' на ѓл'е'ту са'лу упако'вывал'и; фс'ады' ав'е'ч'ийу са'лу брала'; накла'дывал'и м'ялако' в ѓу'ьсуда'рству; в н'и'је' ста'в'ил'и т'е'сту (КЗЛ., 4), пато'м на ѓкла'д'б'ишишу иду'т', на ѓкла'д'б'ишишу (СТП., 2)</i>

В твор.п. у существительных употребляется характерное для существительных ср.р. окончание *-ом*: *м'ялако'м з'п'ива'т* (РСТШ., 1), *уру'шы сух'у'йа с м'ялако'м је'л'и* (КЗЛ., 4). Случаев употребления окончаний ж.р. 1 склонения не отмечено.

Количество существительных в пр.п. также ограничено. Их род можно определить только синтаксически, т.к. грамматически окончания в пр.п. совпадают у существительных всех трех родов. В 75% существительные сохраняют отнесенность к ср.р.: *ф ѓс'ал'е' была' с'ам'ја'* (СТП., 1), *ф ѓил'е' у ѓна'с, мы в ѓд'е'цтв'ь н'ь ѓп'ач'и' спа'л'и* (ШКВ., 1), а в 25% отмечается их переход в состав ж.р.: *у ѓна'иш'ий с'ал'е' јес'т' лес* (КЗЛ., 7).

Выводы. Материалы исследования показали, что в собственно талагайских говорах 20% существительных ср.р. испытывают тенденцию к переходу в состав ж.р. (диаграмма 5). Это отмечается не только в согласовании с прилагательными и глаголами прошедшего времени в форме ж.р., но и морфологически.

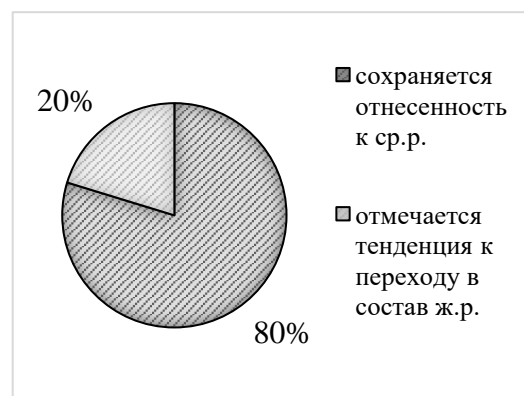

Диаграмма 5. Существительные ср.р. в собственно талагайских говорах

Особенно часто в вин.п. с безударным окончанием появляется характерное для ж.р. окончание *-у* (*са'лу брала', ста'в'ил'и т'е'сту, на'кла'д'б'ишишу иду'т'*). Не исключены примеры с окончанием *-и* в род.п. (*насл'а' кла'д'б'ишишы н'м'ина'йут'*), а по наблюдениям Д.Н. Гальцовой, и окончания *-ой* в твор.п.: *вы'шла за'муш ја с адно'й ад'ија'л'ьй* [Гальцова 2017, с. 126]. В остальных падежах существительные ср.р. могут осмысляться как слова ж.р., но сохранять падежные окончания 2 склонения, поэтому чаще родовая принадлежность слова определяется синтаксически (*у'на'ш'ьй с'ал'е' јес'т' лес*). Подтверждение этому находим в работах, посвященных описанию говоров сел Медвежье Семилукского района [Гальцова 2017] и Старый Курлак Аннинского района [Гальцова 2018].

Следует отметить, что случаи перехода существительных ср.р. в состав ж.р. прежде всего отмечаются в речи необразованных или малообразованных диалектоносителей 1915, 1919 г.р., так и 1947 г.р.

2.2.1.3. Категория среднего рода в цуканских говорах

В **им.п.** в половине случаев однозначно установить родовую характеристику существительного не удастся в силу фонетических особенностей: *дава'л'и з'арна' ма'ль'ж'ь / то'л'к'ь н'ита'н'ий'ь* (ДВД., 2), *здаро'в'ј'ь у'м'ин'е' как што'н'бу'т' п'валну'йус' / хоп пр'и'ступ* (НЖМ, 1), *с'е'рца н'и'т'е'рп'а* (НЖМ, 3), *сыраје'шка / у'н'ијо' м'лако' н'и'т'ич'е'т' / а у'валну'шык м'лако' т'ич'е'т'* (ДНК., 13).

Среди примеров, в которых удастся установить род существительного синтаксически, в большинстве случаев (75%) существительные сохраняют отнесенность к ср.р.: *у'на'с параво'й'ь атапл'е'н'ий'ь* (ДНК., 10), *с'ич'а'с друго'й'ь вр'е'м'а* (ДНК., 8), *то уул'а'н'ий'ь бы'ль* (ДВД., 2), *эта'во'т зда'н'ий'ь бы'ль б'ибл'иат'е'к'ь* (ДВД., 1), *ну рад'ила' вр'е'м'а пр'ишло'* (НЖМ, 1). Переход существительных ср.р. в ж.р. фиксируют 25% примеров: *пр'ишла' н'ис'мо' / ја пака'*

жыв (НЖМ, 1), *пла'т'ја* на *мн'е'* была' пан-ба'рхатнайа / *галуба'йа* / *фс'а'* св'е'т'ица / а на *је'й цв'иты'* кра'сныи (ДНК., 15).

В **род.п.** во всех примерах отмечается окончание *-а*: *дава'л'и з'арна'* ма'ль *жъ* (ДВД., 2), *ска'лка дл'ь* *нат'ура'н'ийа т'е'ста* (ДНК., 1), *калхо'с* выд'ил'а'л нам *м'исца'* / *крупы'* / *ма'сл'ица* (ДНК., 14), *ја јих* карм'у'ль ан'у' и *дава'л'и м'лака'* (НЖМ, 3), *з* *д'е'цтва* пр'иуч'о'ный и *пало'т'* и *фс'о* д'е'лат' (НЖМ, 2). Однако в некоторых случаях, несмотря на характерное окончание, синтаксически существительное показывает отнесенность к ж.р.: *вы'л'јыи* туда' *м'лака'* // *ана'* н'а *ск'и'сн'ь* (ДВД., 2). Это еще раз доказывает, что «существительные ср.р. с ударным окончанием осмысляются носителями диалекта тоже как существительные ж.р., однако в косвенных падежах сильна традиция отнесенности их ко 2-му склонению, поэтому явных морфологических признаков смены рода эти существительные не имеют» [Черенкова 2012, с. 239].

Дат.п. существительных ср.р. в исследуемом материале не отмечен.

В **вин.п.** в ударном положении во всех словоформах сохраняется окончание существительных ср.р. *за* *в'идро'*, *палуч'а'им н'ис'мо'*. Окончание *-у*, свойственное существительным ж.р. и свидетельствующее о переходе существительных ср.р. в их состав отмечено в безударном положении в 33,3% словоформ: *на* *адну'* *у'ику*, *на* *је'ту сав'иш'и'а'н'ийу* (таблица 9).

Таблица 9

Соотношение окончаний существительных в вин.п. ед.ч.

	Сохраняет окончания среднего рода	Получает окончания женского рода
Ударное окончание	100% <i>за</i> <i>в'идро'</i> <i>карто'х'и ф'т'ур'му'</i> <i>сажа'л'и</i> (ДНК., 4), <i>з'арно'</i> <i>б'ьр'иул'и'</i> ; <i>м'лако'</i> н'и <i>пр'ьдава'л'и</i> (ДВД., 2), <i>палуч'а'им н'ис'мо'</i> (НЖМ., 1)	—
Безударное окончание	66,7% <i>в</i> <i>з'и'мн'ийь вр'ем'ь</i> ; <i>ф'патпо'л'јь</i> <i>н'ката'ийьм</i> <i>у'ма'мы ф'п'ч'инско'м / ты'к'ф сто'</i> (ДВД., 2), <i>н'и</i> <i>п'ьдв'азу'т'</i> нам <i>п'ита'н'ийь</i> (ДВД., 1), <i>каро'ф ф'по'л'е</i> <i>пас'т'и'с'</i> <i>уан'а'ийут'</i> (ДНК., 11), <i>јим</i> <i>увар'ат'</i> <i>ссу'ду</i> <i>дава'л'и</i> <i>п'ерв'ийь вр'ем'а</i> (ДНК., 15), <i>за</i> <i>уха</i> <i>н'и</i> <i>атт'а'н'иш'</i> (ДНК., 3), <i>пр'иш'ж'ж'а'ут'</i> <i>на</i> <i>л'е'та</i> (НЖМ., 3)	33,3% <i>про'су</i> <i>пало'л'и</i> (ДНК., 5), <i>ја јим</i> <i>атв'ет'иль</i> / <i>з'и'му</i> / <i>ле'ту</i> / <i>з'и'му</i> / <i>л'е'ту</i> // <i>и</i> <i>фс'о</i> ; <i>стал</i> <i>н'и</i> <i>даслы'ш'ьт'</i> <i>на</i> <i>адну'</i> <i>у'ику</i> (НЖМ., 1), <i>м'н'е</i> <i>фс'о</i> <i>в'маскву'</i> / <i>на</i> <i>је'ту</i> <i>сав'иш'и'и'а'н'ийу</i> <i>на</i> <i>каку'й'ть</i> (НЖМ., 3)

В твор.п. случаев перехода существительных ср.р. в состав ж.р. не обнаружено. Существительные имеют окончание *-ом*, характерное для парадигмы 2 склонения: *но ул'а'л'и фс'ем с'ало'м* (ДНК., 7), *на стал'е' борш был с'ма'слам*; *ва двар'е' и'л'и сало'ма и'л'и пе'ч' заст'ила'йьм ад'ија'лам* (ДНК., 15), *п'е'р'ьт асушэ'н'ийьм там ч'о'р'найа ку'р'ица была'* (ДНК., 3).

В пр.п. род существительных определить невозможно, т.к. в примерах отсутствует синтаксический показатель: *хон п'ьтхват'и'ль в ю'рл'и / т'и'гата' захва'тыв'ья* (НЖМ, 1), *а в д'е'цтв'и съб'ира'л'ис'ь / нь кач'е'л'ьх кач'а'л'ис'* (ДВД., 2), *мо'имс'и ф'кары'т'и* (ДНК., 16), *удвара' на с'е'н'и спа'л'и, был ахо'тн'ик ја'рый да зам'о'рс ф'но'л'и в э'нтотм гаду'* (ДНК., 18), *мы свају' жыз'н' прав'ил'и' ф'но'л'и* (ДНК., 8). Интересным кажется наблюдение за безударным окончанием. Во всех отмеченных случаях оно звучит очень отчетливо и постоянно *-и*, что не позволяет безоговорочно считать его только результатом редукции.

Выводы. Проанализированные материалы показали, что в цуканских

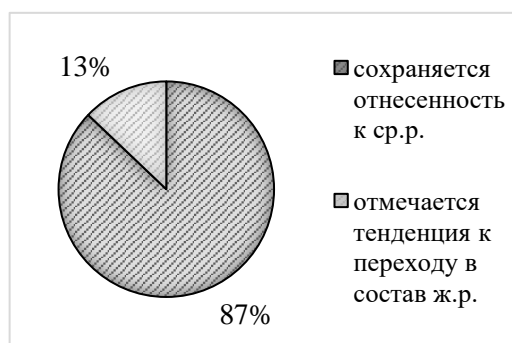

Диаграмма 6. Существительные ср.р. в цуканских говорах

говорах тенденция к переходу существительных ср.р. в состав ж.р. отмечается только в 13% словоформ, в остальных случаях существительные или сохраняют отнесенность к ср.р., или их родовая характеристика точно не определяется из-за совпадения безударных окончаний в условиях аканья и при отсутствии синтаксического показателя рода (диаграмма б).

Переход существительных ср.р. в состав ж.р. получает морфологическое и синтаксическое выражение в вин.п. (*на адну' у'ику*). В остальных падежах при сохранении особенностей словоизменения по 2 склонению отмечается согласование по ж.р.: *пр'ишла' п'ис'мо'*, *вы'л'ьш туда' м'лака'* // *ана' н'а ск'и'сн'ь*. На особое согласование полных прилагательных с существительными ср.р. обратила в свое время В.Н. Кретьова при описании рождественско-хавских говоров: *бал'ша'йа сяло'*, *бал'на'йа се'рца*, *плаха'йа здаро'в'ја* и др. [Кретьова, с. 130].

При этом важно отметить, что случаи перехода существительных ср.р. в состав ж.р. прежде зафиксированы в речи старшего поколения (1914, 1915, 1919, 1949 г.р.).

2.2.1.4. Категория среднего рода в русских говорах

В **им.п.** несмотря на достаточное количество примеров родовую принадлежность слова определить затруднительно из-за отсутствия синтаксического показателя рода: *ну а с'ило' уд'е'та аттаво' кра'йа даэт'тва, дно п'иско'м фс'о вы'сл'на, ш'ш'ас фс'о з'расло' там к'мышо'м / т'и'на / бало'та* (АЛК.-1, 2), *там и кака'йта ц'рква была' ра'н'шы / уд'е'вт кла'дб'иш'ш'ь* (АЛК.-1, 3).

Однако и в той части контекстов, где синтаксический показатель рода присутствует, установить родовую принадлежность слова однозначно не удастся из-за совпадения безударных окончаний в условиях аканья: *пато'мств' на'ша / как ат'е'ц' раска'з'въл / пал'а'к'и* (АЛК.-1, 3), *п'ст'ип'е'нн' с'ило' р'зраста'л'с', ка'г'бы з'ражда'л'с' с'ило'* (АЛК.-1, 2), *д'ет'и на'шы / го'р'ь на'ш'ь* (АЛК.-1, 4), *пато'мств' ва'ш'ь атку'да п'ив'и'л'с' тут* (АЛК.-1, 1).

Там, где удастся определить род с большей точностью, в 60% контекст указывает на отнесенность существительного к ср.р.: *ну и р'зрасло'с' с'ило'* (АЛК.-1, 2), *уба'р'ина пса'рн'а ад'д'ел'на п'м'иш'ш'е'н'ий'ь был'ь*). В 40% случаев существительные демонстрируют переход в состав ж.р., однако это выражается непоследовательно, что проявляется в колебаниях родовой отнесенности одного и того же слова в речи одного диалектоносителя на небольшом по объему отрезке речи. Так, вспоминая о войне, житель с. Александровка-1 Панинского района Шаманин Николай Михайлович (1931 г.р.) говорит: *ран'е'н'ий'ь было' / пул'иво'й'ь / ум'ин'е'л'о'хк'й'ь ран'е'н'ий'ь было'*, где слово *ранение* относится к ср.р. А спустя несколько реплик это же слово демонстрирует отнесенность к ж.р.: *ран'е'н'ий'ь пул'ива'йа была', как эт н'е'был (на фронте) / пул'ива'й'ь ран'е'н'ийа*.

В **род., дат., твор. и пр.п.** все словоформы имеют окончания, характерные для парадигмы 2 склонения: *тут крас'у'въ / нь буур'е' с'ела'*, *аб ъсто'р'иш этъвъ с'ила' ја абсал'утнь н'ич'о' н'е зна'йу*, *да'жъ пан'а'т'ыйь н'и им'е'йу* (АЛК.-1, 2), *дай бох здаро'в'ја вам* (АЛК.-1, 4); *эт ка'ждый жын'улс'и и пр'инас'ул'и на д'ър'ифцу' сажал'и* (АЛК.-1, 2); *и так ја ч'иты'р'и кла'съ кои ка'к ко'н'ч'ил / з уо'р'ъм пыпала'м* (АЛК.-1, 3); *ф шко'лу хад'ул кан'е'инъ в д'е'цтв'и то'жъ, но вот ја то'л'къ в д'е'цтв'и с н'им фстр'ич'алс'и* (АЛК.-1, 3).

В **вин.п.** в ударном положении сохраняются окончания ср.р. -о (*адб'ира'л'и барахло'*, *на фтаро'м этажэ' была' сушылкъ / б'ил'жо' сушы'т'* (АЛК.-1, 2), *уйи'ж'ж'ал'и / в усм'янк'ий район' / с'ило' баб'акъва* (АЛК.-1, 3)), а в безударном положении его позиционный вариант -а, -ъ, -ь (*так асвъбажда'л крым / о'з'ъръ с'ива'шы; дъ д'е'цтв'я ја по'мн'у* (АЛК.-1, 3), *ну / ръспыр'ижэ'н'ийь дала' / была' пр'етсав'е'та / жэ'ниш'и'инъ кака'йь та, от ана' дала' / эт саула'с'ийь м'е'сн'ий вла'ст'и / цэ'ркъв' взарва'л'и* (АЛК.-1, 2)). Подобно существительному *ранение* существительное *время* демонстрирует колебания в своей родовой характеристике: *уд'е т сто два'цц'т' дамо'в / в настаја'иш'и'ийе вр'ем'а* (АЛК.-1, 2), *а так да с'ем'д'ьс'ьт фтаро'въ уода ја фс'у вр'ем'ь жыл з'д'е'с'* (АЛК.-1, 3).

Выводы. В русских говорах существительные ср.р. сохраняют родовую

отнесенность в 91% контекстов, и только в 9% демонстрируют принадлежность к ж.р. (диаграмма 7). При этом для данного типа диалекта отмечен только синтаксически выраженный переход существительных ср.р. в ж.р. (*фс'у вр'ем'ь жыл з'д'е'с'*, *пул'ива'йь ран'е'н'ийа*).

Диаграмма 7. Существительные ср.р. в русских говорах

2.2.1.5. Категория среднего рода в говорах с севернорусской основой

В **им.п.** в 41% примеров, где есть синтаксический показатель рода, в условиях акающего окружения в говорах с севернорусской основой усилилась редукция заударных гласных, что привело к неразличению окончаний: *ср'е'цтвъ былъ п'ър'ьдв'ижэ'н'ийа* (БРД., 2), *уна'с вот кары'тъ абыкнав'е'ннъйь, пат'н'е'чкъй / э'тъ пра'стра'нствъ, во'т э'тъ нач'а'ль* (БРД., 1), 23% словоформ существительные явно демонстрируют отнесенность к ср.р.: *страи'т'ул'ствъ л'убо'йь нъч'ина'ицъ с'фунда'м'ьнтъ* (БРД., 1), *со'ницъ вза'шло'* (БРД., 3), *са'фс'е'м з'арно'тъ друго'йь* (БРД., 6), *у'быко'ф былъ / йирмо' / адно' ды'илъ на'два'и'х / на'два' быка' / и адно' йармо'* (БРД., 2). Однако в 36% отмечается согласование по м.р.: *погл'ад'у' / доч' пр'ин'есла' пол'ивно'й в'едро'*; *ја и јем'то од'и'н молоко'*; *в'од'и'н в'едро' пос'и'кайу, н'е-е / како'й тут здоро'в'јь, к'ино'тъ у'т'еб'е' како'й'то* (ХЛБ., 1); *сво'й правл'е'н'ја был* (БРД., 7), *о'з'ър заро'с камышо'м* (БРД., 3).

В **род., дат. и пр.п.** во всех отмеченных контекстах существительные ср.р. сохраняют парадигму 2 склонения, т.е. тенденции к переходу в состав ж.р. на морфологическом и синтаксическом уровне не наблюдается: *ср'е'цтвъ былъ п'ър'ьдв'ижэ'н'ийа, из'д'е'р'ьвъ зд'е'льны* (БРД., 2), *наво'ч'ч'ик ару'д'ийь* (БРД., 1), *жыла' ф'цэ'нтр'и с'ала'* (БРД., 3) *мълач'ка' јиму' нал'јо'м* (Н. КРЛ., 1); *ја сам их лажу' // тут вот пь'с'илу' и про'сть / хто напро'сит* (БРД., 1), *их на'с'алу' ран'шы саб'ира'л'и* (БРД., 5); *ф'но'л'и наход'и'л'и настры'гъны ко'лос и пост'и'л'* (Н. КРЛ., 1) *во'т уна'с дапу'с'т'им ф'с'ил'е' нъзыва'йут / так вот дапу'с'т'им / патто'пък а в'друго'м с'ил'е' нъзыва'йыцъ зато'п* (БРД., 1).

В **вин.п.** и **твор.п.** у существительных отмечается тенденция к переходу в состав ж.р. Это проявляется как синтаксически, так и морфологически. В **вин.п.** в 25% контекстов существительные имеют характерное окончание ж.р. 1 склонения -у: *фс'у вр'и'м'у пло'хо жыла', фс'у вр'и'му одна' жыву', в'адну' л'е'то фс'о*

спра'в'ил / постро'ил (ХЛБ., 1). В остальных случаях сохраняется отнесенность к парадигме 2 склонения: *атуч'улса / фсвајо' радно'йе с'ало'* (БРД., 7), *та'мь аставл'ал'и пусто'йь м'е'сть* (БРД., 1), *абмала'ч'ьвьют з'арно'т'ь* (БРД., 6), *дава'л'и // ов'е'ч'ьь молоко'* (Н. КРЛ., 1).

В твор.п. у существительного *железо* используется окончание ж.р.: *изба' была' п'ьт кмьышо'м / ш'ш'ас он п'ьд жыл'е'з'ьй* (ХЛБ., 1).

Совпадение окончаний существительных ср.р. с ж.р. стало возможным в переселенческих говорах под влиянием долгого существования в условиях южнорусского окружения, когда в особенностях родовых различий переплелись старые и новые черты [Собинникова 1981, с. 113]. Удивительным кажется устойчивость говора с. Новый Курлак в плане сохранения такой особенности северо-восточного региона, как замена ср.р. мужским особенно в условиях тесного контакта с жителями с. Старый Курлак, выходцами из южнорусских территорий: *одна'жды ја ждал / а дв'ер' пр'иоткры'т'ь / сов'иш'ш'ан'ийь был; а на сва'дб'и пла'т'ь на мн'е был цв'ито'ч'к'им'и / кр'ип'жаржэ'товый / н'и б'е'лый* [Гальцова 2019а, с. 16].

Выводы. В говорах с севернорусской основой отмечается переход существительных ср.р. не только в состав ж.р. (4%), но и м.р. (11%) с заметным преобладанием последнего варианта. При этом все же абсолютное большинство существительных ср.р. (85%) сохраняют свою родовую принадлежность (диаграмма 8).

Диаграмма 8. Существительные ср.р. в говорах с севернорусской основой

Переход существительных ср.р. в м.р. отмечается на синтаксическом уровне только в им.п. (*од'у'н молоко', о'з'ьро заро'с*), а в остальных случаях окончания согласующихся словоформ в м.р. и ср.р. совпадают.

Переход существительных в ж.р. выражается только в вин.п. синтаксически и морфологически (*фс'у вр'и'м'у, в адну' л'ето*).

Выводы по разделу 2.2.1. Категория среднего рода в говорах Воронежской области

Статистические подсчеты наглядно демонстрируют, что по всем выделенным типам говоров Воронежской области наименее представленной оказывается категория ср.р. Так, в талагайских говорах курско-орловского типа существительных ср.р. оказалось 9% от общего количества форм ед.ч., в собственно талагайских – 8%, по 7% отмечено в цуканских говорах и говорах с севернорусской основой. Наибольшее количество словоформ ср.р. зафиксировано в русских говорах – 11% (диаграмма 9). Отчасти это обусловлено тенденцией к разрушению категории ср.р., специфика которой позволяет нам сделать следующие выводы:

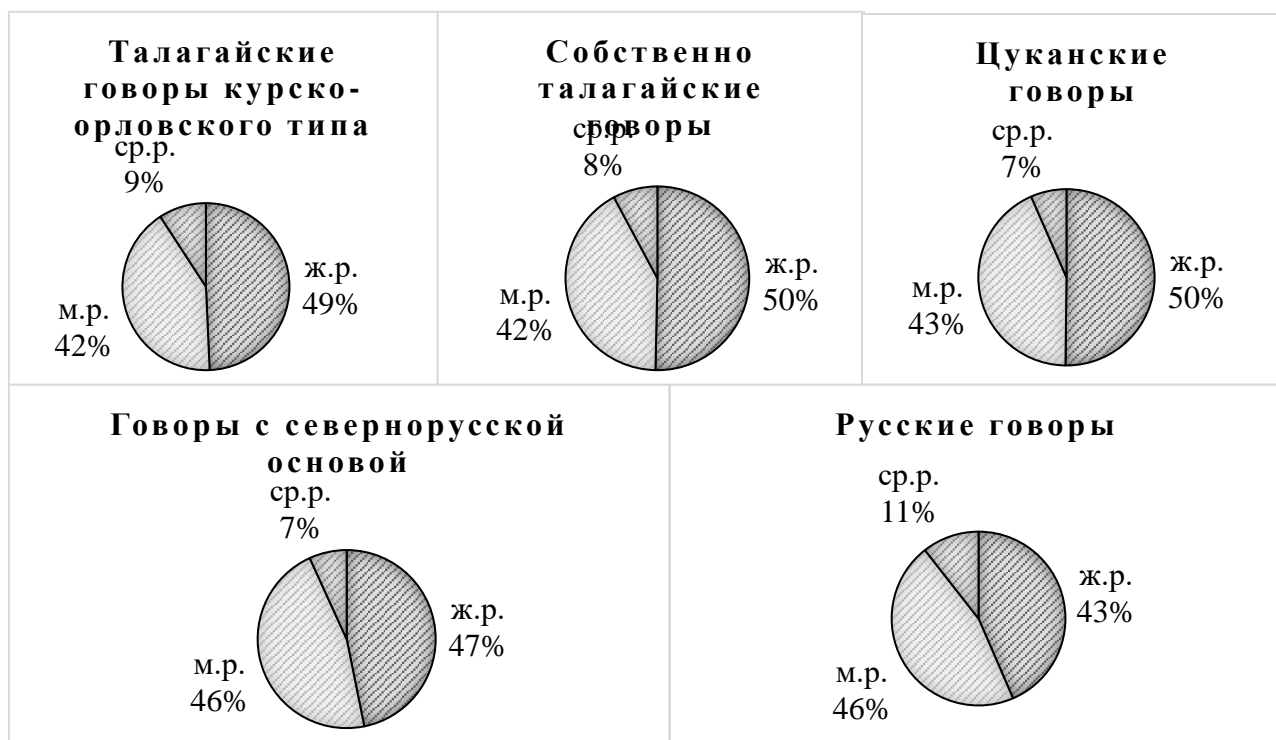

Диаграмма 9. Распределение существительных по родам в воронежских диалектах

1. Судьба существительных ср.р. в воронежских диалектах позволяет нам указать существенные типологические черты. Так, по отношению к ср.р. все типы диалектов распадаются на две группы: в первой группе тенденция к разрушению категории ср.р. реализуется путем перехода существительных ср.р. в состав ж.р.: *ус'а' с'ало'*, *уна'шый с'ал'е'*, *пъдашла' вр'е'м'ь*, *накла'д'б'ишшу иду'т'*,

n'урашк'и'с нав'и'дльй. Это характеризует два талагайских, цуканские и русские говоры. Во второй группе тенденция к разрушению категории ср.р. реализуется путем перехода существительных ср.р. в состав м.р.: *од'и'н молоко', о'з'ьро заро'с.* Отмечено только в говорах с севернорусской основой. В свою очередь в пределах первой группы 4 типа диалектов отличаются друг от друга процентом существительных, которые демонстрируют переход в состав ж.р., что указывает на степень активности реализации указанной тенденции.

Для собственно талагайских говоров, представляющих на территории Воронежской области Восточную группу южнорусского наречия, процент таких существительных оказался самым высоким (20%), чуть меньше их в талагайских говорах курско-орловского типа (14%) и цуканских говорах (13%). Русские говоры более устойчивы в данном отношении. В них процент подобных существительных самый низкий (9%), что подтверждает их близость к литературному языку (диаграмма 10).

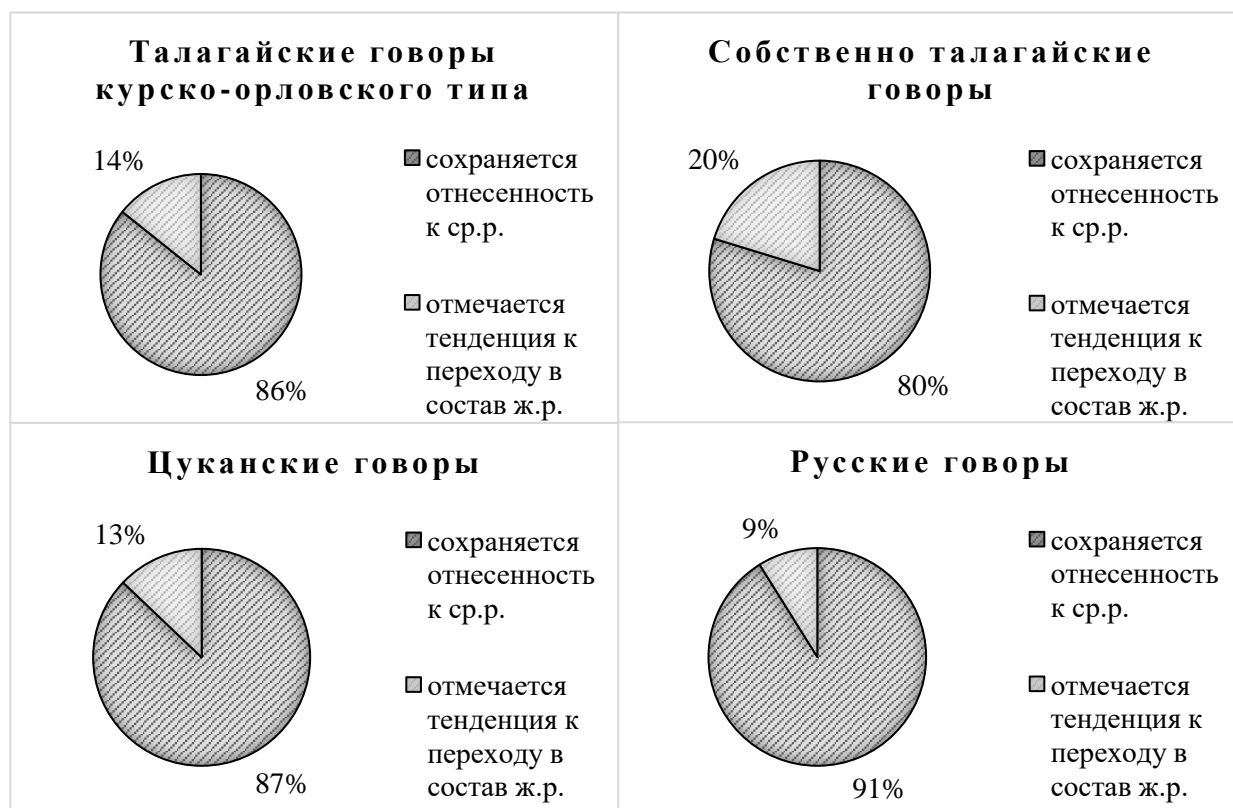

Диаграмма 10. Продуктивность тенденции к разрушению категории среднего рода за счет пополнения состава существительных женского рода в воронежских говорах

В говорах с севернорусской основой отмечается тенденция к переходу существительных ср.р. не только в состав ж.р. (4%), но и м.р. (11%) с заметным преобладанием последнего варианта (диаграмма 8).

2. Тенденция к разрушению категории ср.р. может выражаться синтаксически и морфологически. В цуканских и русских говорах отмечен преимущественно синтаксически выраженный переход существительных ср.р. в ж.р. типа *пр'ишла' н'ис'мо'*, в то время как в двух талагайских говорах зафиксированы не только синтаксические признаки, но и морфологические. Наиболее частым морфологическим показателем становится безударное окончание *-у* в вин.п. (*намы'лу, в'у'суда'рству, са'лу* брала, *на'је'ту сав'иш'и'а'н'ийу*), другим, более редким окончанием *-и* в род.п. (*с'е'м'ь у'ја'бл'ч'к'и, о'къл кла'д'б'ишиш*) и окончанием *-ой* в твор.п. (*с'нав'и'дл'й, с'м'а'с'й, над'ако'шк'й*). В результате разрушения категории ср.р. такие существительные примыкают к 1 склонению и воспринимают его окончания.

3. Тенденция к разрушению категории ср.р. преимущественно представлена в речи старшего поколения (1914-1927 г.р., которым на момент записи было от 78 до 90 лет).

4. Обозначенное нами ограниченное количество существительных ср.р., тенденция к разрушению категории ср.р., колебания существительных в роде может свидетельствовать о том, что ср.р. как категория для диалектной картины мира теряет свою актуальность. А само разрушение категории ср.р. можно рассматривать как тенденцию к обратному движению от трехчленной родовой системы к двучленной как более устойчивой. Такое развитие грамматической категории рода не уникально, подобный процесс знаком, например, романским языкам, когда в народной латыни произошел постепенный процесс утраты категории ср.р. за счет перехода существительных в состав м.р., в результате чего ни в одном из романских языков ср.р. не сохранился в том виде, в котором он был представлен в литературной латыни.

2.3. Категория падежа в говорах Воронежской области

Для сопоставительного описания склонения существительных в говорах Воронежской области мы используем традиционную 6-падежную систему. При анализе материалов исследования мы отметили единообразное распределение существительных по падежам в пределах каждого склонения в разных типах говоров Воронежской области. Средние показатели по всем типам склонения и типам говоров отражены на диаграмме (диаграмма 11).

Считаем, что это связано, в первую очередь, с особенностями материала исследования, который представляет собой записи неподготовленной монологической и диалогической речи. Кроме этого, существенным оказывается устная форма существования диалекта.

Итак, наиболее частотными в употреблении закономерно оказались им.п. и вин.п., что, безусловно, объясняется особенностями устной речи.

Исследователями доказано, что для письменной речи типично «преимущественное употребление форм родительного падежа, а для разговорной – именительного и винительного» [Сиротинина, 39].

Причем, по данным Т.А. Вишняковой, которые соотносятся и с нашими исследованиями, существительные в им.п. чаще в разговорной речи употребляются в роли подлежащего и сказуемого, а также при разного рода добавках и уточнениях. Второй по частотности – вин.п. – чаще всего употребляется в значении объекта, времени. На третьем месте – род.п. (приименный, количества и отрицания), наиболее употребительные предлоги *из, с, до, для*. Четвертое место занимает пр.п.

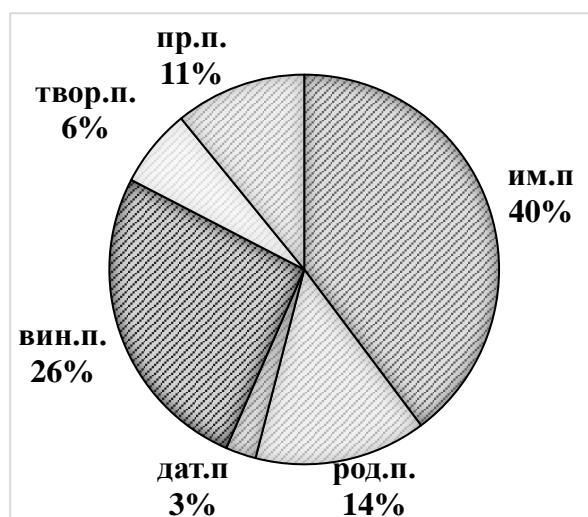

Диаграмма 11. Распределение существительных в ед.ч. по падежам в говорах Воронежской области

с предлогами *в* и *на*. Твор.п. чаще передает различные обстоятельственные значения, а в привычной функции именной части сказуемого в конструкциях типа «*что называется чем*» он обычно заменяется им.п., что также дополнительно увеличивает количественное преимущество последнего. Самое последнее место по употребительности занимает дат.п., что может быть связано с особенностями материалов исследования (небольшой объем диалогической речи).

Рассматривая падеж с позиции традиционной грамматики как грамматическую категорию имени, выражающую его синтаксические отношения к другим словам в высказывании или к высказыванию целиком, следует учитывать тот факт, что падежные формы в русском языке участвуют в выражении семантических и коммуникативных отношений. В связи с этим укажем основные, наиболее частотные значения падежных форм имен существительных, которые в свою очередь определили частотность фиксации той или иной формы.

2.3.1. Именительный падеж

Самой частотной позицией им.п. для всех типов диалектов является позиция подлежащего, в которой реализуется субъектное значение падежа. Эти контексты многочисленны, поэтому ограничимся некоторыми примерами: *ат'е'ц сказа'л* (КРЛП., 1), *А что такое ход? – хот / т'ал'е'уь* (КРЛП., 4), *иван за н'и'м'и хад'и'л бьс'ако'м / б'и'з ва'р'ах* (без варежек); *патом н'е'м'ьц пр'ишо'л / ис ха'т'и вы'уньл*; *ауаро'т у ка'жныуь свой* (КРЛП., 5), *укро'п сам раст'е'т'* (ДВЦ., 1); *л'от засты'л ужэ'* (РСТШ., 1), *был л'есхо'с* (КЗЛ., 2); *како'й ть каза'к тут жыл* (АЛК.-1, 3), *там р'а'дъм пруд'ик был; калхо'с был* (АЛК.-1, 2).

Занимая, в большинстве своем, позицию подлежащего, существительные в им.п. называют не только активного действующего субъекта (*пон в'ин'ч'а'л; сын пр'ишо'л с ар'м'иш* (НЖМ, 2), *вэ'там м'е'с'ицэ до'иши пайд'о'т'*; *калхо'с*

выд'ил'а'л нам м'исца' (ДНК., 14), **муш** то'жъ п'ил / руга'лсь (ХЛБ., 1), **ат'е'ц** нь каза'цк'и гъвар'у'л (БРД., 3), но и носителя признака (л'ес там крас'и'вый; **д'ива'н'ч'ик** ма'хан'к'ий (ДНК., 18), **кал'идо'р** у на'с бал'шо'й (ДНК., 12)); **пол** был з'имл'ано'й (ХЛБ., 1), **дуп** он аска'л'зывает / л'охк'ий (БРД., 2), **муш** рабат'а'ш'и'ий / стр'имл'о'ный (БРД., 7).

Кроме этого при глаголах существования форма им.п., по терминологии Н.Д. Арутюновой, называет «бытующую субстанцию» в широком смысле: **был** так вот у јаво' **шра'м** (НЖМ, 2), **ур'иб'ушо'к** дл'а вало'с был (ДНК., 1), у м'ин'а' **сас'е'д** был (ДНК., 6), **сарахва'н** ра'н'шь был крас'и'вай; то'л'ка **ч'а'йн'ич'ик** был ад'и'н (ДНК., 8), ра'н'шь дамо'ф з'д'ес' н'е' была / а **вы'уан** был (ДНК., 10), паур'иба' јес'т' и **ч'ирда'к** (ДНК., 12), ва двар'е' **кало'д'ис'** / но вада' фс'о хуже'йе (ДНК., 16), тауда' л'ут н'и тако'й был / фс'е ад'ина'къвъ жы'л'и (ДВД., 2); нь р'ик'е'у на'с **мост** был ра'н'шь; вот за н'и'м / зъ масто'м / там да'жъ л'ес был; тут был **пусты'р'** (БРД., 2), **подва'л** был / там с'ид'е'л'и (Н. КРЛ., 1).

Кроме этого в позиции подлежащего им.п. имеет объектное значение в грамматически пассивных конструкциях: **дом** д'ил'и'лсь на с'е'н'и и ха'ту; ну вапч'е' пр'ив'азывълсь како'й пато'ли'ш'е **кан'е'ц** (КРЛП., 2), **с'им'енн'и'к** аставл'а'цу (ДВЦ., 1), скат'орк'ый **стол** накры'тый (СТ. ХВР., 2); нъл'ива'ши в н'е'је' к'ирас'и'ну / св'ерху жал'е'скъ / а ньс'ар'от' вы'разанъ **кружо'ч'ьк** / а туды' фставл'алсь ва'та (КЗЛ., 4), там **сара'йч'ик** настро'ин / и в эт'ъм сара'и / зна'ч'ит' / по'ур'ьп (ШКВ., 1), там аткры'лсь фста'р'ъм до'м'ъ **лар'о'ч'ьк** како'й'тъ (БРЗ., 1); **уас** у на'с н'и прав'ид'он јиш'и'о' (ДНК., 1), **дом** и'и'итаво'й у м'ин'а' / абло'жын к'ирп'ич'о'м (ДНК., 10); **потоло'к** поб'ел'ен (ХЛБ., 1), эт'ъ патп'е'ч'къ / пато'м **пот** ст'е'л'ицъ (БРД., 1); **дно** п'иско'м фс'о вы'сльна (АЛК.-1, 2).

Определительное значение им.п. реализуется в составе именного сказуемого: и'и'ас он **нако'йн'ик** (РСТШ., 1), руб'и'л' / эт'ъ **руб'и'л'** да ска'лкъ (ШКВ., 2), маја' ма'ма **уч'и'т'ьл'** биало'у'иш'и фшука'фск'ый шко'л'ь (ШКВ., 4), до'лжнъс'т' маја' / ја в'иду'и'и'ий сп'ьцал'ист / с'ькр'ата'р' (КЗЛ., 3), ја **вьдал'е'й** нь у'раско'пу / зна'к дру'жбы (КЗЛ., 6); фунда'м'ьнт эт'ъ **ка'м'ьн' и'и'е'б'ьн'** / а цо'къл' эт'ъ ужэ'

то'л'и ка'м'ьн' (БРД., 1), *ат'е'ц каза'к* (БРД., 4), *эт вот сарафа'н* (БРД., 4), *а эт бык* (Н. КРЛ., 1), *он погран'и'ч'н'ик* и *война' шла пр'ам на н'их* (Н. КРЛ., 2), *св'ас' этъ дл'и'нный дом* / *с'н'е'скъл'към'и* / *ну* / *ш'ш'ас* *пад'е'здам'и* *их нъзыва'йут'* / *фхо'дам'и* (АЛК.-1, 2), *пр'исла'л'и дъкум'е'нты аццу'* / *што он изм'е'н'н'ик ро'д'ины* (АЛК.-1, 3), *д'ет'и на'шы* / *го'р'ь на'шь* (АЛК.-1, 4).

Однако, при глаголе-связке *быть* в талагайских говорах курско-орловского типа, собственно талагайских, цуканских и русских говорах отмечается конкуренция им.п. и твор.п.: *он висо'къи нач'а'л'н'ик был* (КРЛП., 5), *мой ат'е'ц был пр'иц'ада'т'ьл'ьм* *у'калхо'з'ь* (КРЛП., 4); *мът'има'т'ик был пр'икра'сний* *у'на'с уч'и'т'ьл'ь*; *он то'жъ был уч'и'т'ьл'ь*; *муж был д'ир'е'ктър'ьм* *шко'лы зд'ес'* (ШКВ., 3); *дамо'к был кур'ин'ок* (ДНК., 7), *он был ахо'тн'ик* *ја'рый да зам'орс* *ф'пол'и в'э'нтом* *гаду'* (ДНК., 17); *ја страи'т'ил'ем был* (ДНК., 12), *ай он жын'ихо'м был* / *а ја была' д'е'фкъйу*; *ва'вр'ем'а вайны'* *он был наво'ч'икъм* *т'ажо'лай* *арт'ил'е'р'ийь* (НЖМ, 1), *муш* *мой был трахтар'и'стам* (ДНК., 2), *так он был казач'о'к* (АЛК.-1, 3), *ана' даја'ркъй прърабо'тъла* / *со'р'ьк л'ет даи'ла* / *а ја со'р'ьк л'ет ско'тн'икъм был*; *он* / *је'з'д'ил он* / *пра'пърш'и'ш'икъм* *па'мо'йьму был* (АЛК.-1, 2).

В говорах с севернорусской основой при наличии глагола-связки *быть* последовательно употребляется твор.п.: *када' ја был мал'ч'и'шкъм* / *ја је'зд'ил* (БРД., 2), *у'на'шьвъ калхо'зъ* *шла п'е'рвъвъ ма'йь с'е'илкъ* // *а абы'ч'нь* / *када' ја тръктар'и'стъм был* / *шашна'цътъвъ-с'амна'цътъвъ* *апр'ел'ь мы' выиж'ж'ал'и* *фс'е* (БРД., 6), *ат'е'ц ма'м'ин был ску'пиш'и'ш'икъм* (БРД., 7).

В этом случае, по наблюдениям исследователей, форма им.п. употребляется при указании на постоянный признак, свойственный на протяжении длительного времени. Использование в подобных конструкциях твор.п. указывает на временность признака.

Отдельного внимания заслуживают так называемые конструкции именования при глаголах *называться*, *называть*, *звать*, *прозывать* и под. В них им.п. регулярно конкурирует с твор.п. и по нашим наблюдениям встречается гораздо чаще твор.п. Вот некоторые примеры: *вот каро'въ нас'е'р'а* и *наво'с*

нъзыва'ицъ; кушы'н нъзыва'лс'и давно' / давно' уру'ч'къ нъ ꙗꙗч'ку' / нъ ꙗꙗ'е'снъму нъзыва'л'и кушы'н; ид'е' аꙗꙗрцы' / нъм'идо'ры ус'е' о'въш'ш'и бы'л'и нъзыва'лс'а аꙗꙗр'е'шн'ик (КРЛП., 2), акро'шкꙗ ус'у' жыс'т' квас нъзыва'йꙗт'; кампо'т тада' узва'р нъзыва'л'и (КРЛП., 3), иꙗꙗ'е' паꙗр'е'б'ицъ / хто нъзыва'л сара'й / хто / ꙗꙗ'е' кл'ет'; св'ато'й уꙗꙗло'к он нъзыва'лс' (ШКВ., 1), э'тъ нъзыва'ицъ мꙗ'рн'ик (РСТШ., 1), у'л'ицъ къмаро'фкъ ра'н'шь нъзыва'лс' (БРД., 1), а э'т'и вот кусты' на ꙗꙗ'то'й стъран'е' мы нъзыва'им л'ес (АЛК.-1, 2).

В многочисленных конструкциях именования, которые мы отметили в речи печника Веретина Анатолия Яковлевича 1938 г.р., последовательно используется им.п.: э'тъ нъзыва'йыцъ цо'къл'; ну вот да'л'н'ийъ ч'иты'р'ъ ко'мнъты / вот / нъзыва'ицъ кр'е'ст / п'ър'игаро'тк'и / штоꙗ фс'е / ч'иты'р'ъ ко'мнъты абъгр'ива'йꙗцъ; - А как еще называется кирка печника? - [мълато'к / к'и'рч'къ]; мъс'т'иро'к / э'тъ ужэ' вот ш'ш'а'с' вот / па ꙗꙗ'но'въй мъс'т'иро'к называ'ицъ / а ра'н'шь к'е'л'мъ; у ꙗꙗ'на'с' вот патто'пък нъзыва'ицъ / у ꙗꙗ'ру'скъй п'е'ч'и патто'пък; у ꙗꙗ'на'с' нъзыва'йыцъ то'пкъ / а в ꙗꙗ'друго'м с'ил'е' нъзыва'йыцъ зато'п; - Это так печь называется? - [да / куханый ач'а'х нъзыва'лс'] (БРД., 1).

Можно предположить, что употребление им.п. после глаголов наименования является особым случаем примыкания, при котором название воспроизводится в начальной форме независимо от синтаксического окружения. Воспроизведение названия в начальной форме, как говорит М.Д. Воейкова более «выгодно с точки зрения успеха коммуникации, так как легче воспринимается слушающим «в чистом виде», как оно звучит на самом деле, тем более что речь идет часто о неизвестных ему реалиях и воспроизвести их названия с первого раза не всегда легко» [Воейкова 2011а].

С точки зрения истории развития русского языка твор.п. при глаголах именования – это более позднее образование [Михалков, с. 66], поэтому отчасти в диалектной речи употребление им.п. в подобных сочетаниях – явление реликтовое, поддержанное устной формой его существования.

Структура предложений с глаголами наименования может передать информацию этнолингвистического характера, а именно «противопоставить такие

этнолингвистические понятия, как свое – чужое (*Барсук'и / их у нас нъзывают байбак'и <...>; Мы называем т'анка / а хахлы / далжно / матыҭа называют*), а также – старое – новое (*ран'шы бурак'и называл'ис' / а с'ичас св'акла*); культурное – некультурное (*мы-та чашка называем / а па-кул'турнъму – мыс'ка*) [Черенкова 2002, с. 155].

Широко в материалах исследования представлен именительный темы, признаком которого является или употребление замещающего именную группу анафорического местоимения 3-го л. в составе следующего за ним предложения (*кашэл' в н'ом з'арно' хран'ил'и* (СТ. ХВР., 1), *да / нъталок' / там ч'авон'т' палож'ут' / што м'ешал'ьс' то нужнъ бро'сит' нъ нъталок'* (КРЛП., 2); *ну / ч'арда'к абы'ч'на што / с'ена пр'иб'ира'л'и / нъ ч'арда'к на эт'тът; ко'н'ик да / ну он шы'р'и / зна'ч'ит эт'т' / скам'ейк'и / он шы'р'ь был* (ШКВ., 1), *ат'е'ц / он работ'ъл тада' в расто'в'и* (АЛК.-1, 3)), или размещение в начале предложения той именной группы, которая является некой темой последующего сообщения (*д'ет'и / во'зр'ьст мн'е нрав'иць* (ШКВ., 3), *кур'атн'ик / фс'е зд'ел'ъл'и дл'а н'их удо'пствъ* (РСТШ., 1), *вот пр'аз'н'ик / пад'нов'ый го'д давал'и пр'ем'ийу* (КЗЛ., 4); *нар'ат како'й // ту'фл'и н'и ту'фл'и и шо'бы б'ел'ьи и таки'яа и с'ак'и'яа / и пла'т'ји шо'ба и шт'аны како'й жы'нсъвыи / и ко'фта н'и ко'фта с эт'им'и раз'ным'и т'ат'шкам'и* (НЖМ, 2) *жын'и'х / руба'шка на'јом с'баку' заст'ажо'на / была' вы'шытайа* (ДНК., 5).

Именительный темы в процессе беседы помогает переключаться с одной темы на другую: *был у м'ен'а' сын // а сын / вот ана' карт'ч'ка / с машы'н'и уб'илса / с машы'н'и розб'илса* (ХЛБ., 1), *мълато'к к'ер'ч'къ / эт'т' / на'дъ к'ирп'и'ч'икъм пълав'инку ил'и там ч'итв'ор'ч'ку ил'и тр'ох'ч'итв'оркъ / дал'шь разм'еры / во'пи'ш'ьм пъл'разм'еру; эт'т' зна'ч'ит у'у'ъл' драва' гар'ат / дымахо'т / ш'и'ит и дымахо'т абъгр'иваит* (БРД., 1).

«Эмоциональность рассказов о своей жизни и о своем тяжелом прошлом способствует появлению особых устойчивых конструкций с эмоциональными частицами. Существительное в им.п. содержит оценку и играет роль именной части сказуемого по отношению к пропущенному, но понятному из ситуации

подлежащему» [Токарева 2019в, с. 164]: *он како'й нач'а'л'н'ик* (МСТ., 1); *како'й ть св'е'т; а хл'еп / там он хл'еп тако'й был* (КЗЛ., 4), *вот како'й хо'лът* (РСТШ., 1); *с'в'иклу' ч'и'с'т'ил'и / ја'ш'и'ыкам'и саб'ира'л'и // вот таб'е' и трудад'е'н'* (ДНК., 4), *пр'ив'изл'и' нас но'ч'и'ју / хо'лът н'имо'жный како'й* (НЖМ, 3); *а м'ин'а' посила'л'и на м'иха'н'ика уч'и'ца / а како'й ја м'иха'н'ик* (Н. КРЛ., 2).

Часто им.п. представлен в пояснительных, вставных конструкциях: *за адну' ха'ту заб'е'ул'и / он как вы'скъч'ил / мад'а'р / дъ стр'ал'а'т'*; *А у нас спас'и'бъ с'ацо'м / ат'е'ц ста'рый / так нь'вайн'е' н'е' был; Вон и пр'иуна'л'и нас за шэ'с'т' к'ило'м'ътръ' / там уна'с лух / на э'тът лух ньч'ава'т'* (МСТ., 1), *за н'е'рвавъ му'жа выхад'и'ла / на стал'е' борш был с'ма'слам / лапша'и узва'р / э'тат ис'сушо'нок кампо'т* (ДНК., 15).

При отсутствии особой звательной формы им.п. выступает в роли обращения: *ба'т'шка заставл'а'ит' / ну п'цалу'йт'ис'а / жыни'и'х и н'ив'е'ста* (НЖМ, 2); *н'и'у'вар'и' / д'ет / так / н'и'на'да // так'и'и' слава' у'вар'и'т' н'и'на'да* (АЛК.-1, 4), *ну и с'истра' ур'т' / брат / ид'и' ка'мн'е' / увр'т' / и пашо'л' ја въ'втаро'й л'има'н* (АЛК.-1, 3).

2.3.2. Винительный падеж

Высокую частотность вин.п. имен существительных в анализируемом материале можно объяснить как общеязыковыми закономерностями, так и собственно диалектными.

К общеязыковым причинам частотности употребления вин.п. можно отнести его синтаксическую обязательность при переходных глаголах. Как указывает М.Д. Воейкова, «особенность прямого объекта состоит в том, что референт имени, стоящего в этой форме, «полностью затронут глагольным понятием» (по выражению Б. Дельбрюка), но не играет в ситуации активной роли, претерпевая

воздействие лица или предмета, обозначенного именительным падежом» [Воейкова 2011б]. Наибольшее количество контекстов с вин.п. имеют значение прямого объекта. Приведем некоторые примеры: *козу' купл'у'*; *ч'ун'ик'и шы'л'и; л'и'нь / лут'ошкъ // из н'и'х ла'нт'и пл'ал'и'* (КРЛП., 1) *каро'ву д'аржа'л'и* (КРЛП., 2), *борш / ст'уд'ьн' / лапшу' вар'и'л'и* (КРЛП., 3), *пан'о'ву нас'и'л'и / ана кл'е'тъч'към'и была'* (СТ. ХВР., 2), *капу'сту рубл'у'*; *а ја ауурцы' / пьм'идо'ры / капу'сту сажайу* (ДВЦ., 1); *в'е'ч'ьр'ьм фс'ады' п'е'ч'к'у тап'и'ль* (КЗЛ., 4), *к'ис'ел' вар'и'л'и* (КРЛП., 3), *сы'п'ут' муку' / пашано'* (СТ. ХВР., 2), *с му'ж'ьм каро'ву д'аржа'л'и / пт'и'цу д'арж'л'и* (КЗЛ., 2), *ко'фту даду'т' и'л'и плато'к* (КЗЛ., 4) *там ы скат'и'ну пасу'т' / и ры'бу ла'в'ут' / и ры'бу разво'д'ут'* (РСТШ., 1), *в'азал'и наск'и' / вар'ушк'и* (ДНК., 12), *каро'ву даи'л'и; ты'кву бува'ль фс'у з'и'му јед'и'м; св'о'клу сажал'и кърмаву'йу; кукуру'зу ку'р'ам давал'и* (ДВД., 2), (выращивали) *пшын'и'цу аз'и'мыйу / рош / йеч'м'е'н' / гаро'х / ав'о'с / гр'еч'и'ху; ло'шът' зьпр'ега'им ф со'ху и карто'шку сад'и'л'и* (БРД., 6), *м'от / сыр / бры'нзу давал'и // ов'е'ч'јь молоко'* (Н. КРЛ., 1), *корм рьздавал'и* (АЛК.-1, 4).

Кроме этого, предложно-падежные формы вин.п. передают востребованные в повседневной коммуникации обстоятельственные значения, наиболее частотными из которых стали значения времени, места и цели. Приведем некоторые примеры:

Обстоятельственное значение времени: *ка'жныи празн'ик хад'и'л'и у л'е'с* (КРЛП., 1), *ја'ицы зб'ира'л'и / а у пост н'а јел'и; тада' пьрас'о'нкъ зар'е'жут' то'къ у уют рас* (КРЛП., 4), *цэ'лай д'ен' ч'и'с'т'им карто'х'и; ус'у' ноч' н'е сп'ла'* (МСТ., 1), *ф празн'ик нас'и'л'и руба'ху н'и'тк'ьй раишы'туйу* (СТ. ХВР., 2), *в'е'к ја пръжыла' / прапла'кълъ; д'ен' жарка пьработ'ьим; ноч' рабо'тъл'и* (ДВД., 1) *на фтаро'й д'ен' при'да'найъ дају'т' малады'м* (ДНК., 15), *в вайну' у м'ин'е' дом сажул'и' ваје'нный* (НЖМ, 2), *сва'р'ит и на цэ'лыи сутк'и фс'а' с'им'ја' сы'тъ* (БРД., 1), *л'уд'и голо'дныи цэ'лыи сутк'и; в н'ид'и'л'у рас пу'ст'ут* (Н. КРЛ., 1), *тут ра'н'шь ја'рмьркъ была' ф стар'ину' иш'и'о'* (БРД., 2), *ф про'ишый гот в'есна' была' плаха'йа / сыра'йа / зьт'ежна'йа* (БРД., 6).

Обстоятельственное значение места: *дым на ул'ицу выхад'ил* (КРЛП., 4), *хатъ на з'емл'у став'ильс'* (КРЛП., 2), *на шэ'йу сн'и'с'к'и нъд'и'вал'и* (КРЛП., 3), *д'ет'и ји'хнии хад'ил'и ф'шко'лу* (КЗЛ., 2), *о'с'ьн'ју в'арм'ийу заб'ирут* (КЗЛ., 3), *ја н'ада'вна в'бал'н'и'цу је'з'д'ила* (СТП., 3), *з'имо'йу на р'е'ч'ку паил'ут'*, *ф'с'ил'сав'ет пaje'хал'и* (НЖМ, 3), *ваз'ил'и в'а'страу'рск нъ заво'т* (ДВЦ., 1), *вы зна'й'т'е / да'жы п'ът шырава'ры / п'ът шитаны' л'ез'ьт хо'л'ьт* (РСТШ., 1), *ра'н'шь ваз'ил'и хл'е'п в'а'нну нъ ил'ива'т'ьр* (БРД., 6).

Обстоятельственное значение цели: *да / п'ът пасу'ду / ла'въч'ку таку'йу п'ьдб'ива'л'и* (ШКФ., 1), *лук саж'а'им нъ ј'аду'* (ДВЦ., 1), *абы'ч'на да'р'ут' атр'езы на пла'т'ја* (ДНК., 14), *кауда' палаво'д'јь / нало'в'иш м'е'лк'их на уху'* (ДНК., 3), *м'ин'а' калхо'с сра'зу нъ тр'ьктара' пасла'л'и уч'и'ць* (БРД., 3), *м'ин'а' посыла'л'и на м'аха'н'ика уч'и'ца* (Н. КРЛ., 2), *пр'ишж'ж'а'л'и с'уда' на ахо'ту з'имо'й* (АЛК.-1, 2).

С другой стороны, высокая частотность вин.п. обусловлена диалектными особенностями его употребления. Так, для обозначения прямого объекта при глаголах с отрицанием в диалектах чаще используется вин.п.

Вариативность употребления вин.п. и род.п. для обозначения объекта – черта архаическая, свойственная в истории языка глаголам разных семантических классов. Для современного русского языка, как отмечает в своей работе А.В. Малышева, такая вариативность «отмечается только у глаголов <...> со значением физического восприятия и передачи (*дать хлеба, взять ткани, купить разной одежды, занять денег, получить зерна, съесть супа, выпить воды*) и <...> со значением перемещения объекта (*принести стульев, привезти книг, послать хлеба*)» [Малышева 2014, с. 124-125].

В случае употребления вин.п. объект переходных глаголов оказывается охваченным действием «в полном объеме». На это обратил внимание Р. Якобсон [Якобсон 1985, с. 140]. А в случае использования формы род.п. – объект переходных глаголов охвачен действием частично. Именно этот семантический признак лежит в основе конкуренции вин.п. с род.п. и вторым род.п.

(партитивным): ср. *выпить сок* (вин.п.) – *попить сока* (род.п.) / *соку* (2-й род.п. - партитив). Здесь чаще отмечается вариативность окончаний.

Вопросам выбора падежа в конструкциях с глаголами с отрицанием в русских диалектах посвящены работы В.И. Собинниковой [Собинникова 1955, 1961], Н.П. Потаповой и И.И. Русиновой [Потапова 1991]. Результаты последних исследований вариативности вин.п. и род.п. при отрицании в русских говорах показали, «последовательное уменьшение генетивных форм с севера на юг» [Малышева 2018, с. 159]. По наблюдениям исследователей в севернорусских говорах род.п. при отрицании употребляется достаточно последовательно, а в южнорусских говорах более частотным в таких конструкциях оказывается вин.п.

В нашем материале отмечены такие примеры: *бра'гу тада' н'а ∪ д'е'ль'л'и* (КРЛП., 4) *м'лако' н'и ∪ пр'дава'л'и* (ДВД., 2), *д'е'н'у'и н'икада' н'ь ∪ дава'л'и* (КЗЛ., 3), *по'мн'у / пон'о'ву н'и ∪ нос'и'л'и* (ХЛБ., 2).

Кроме этого частотность фиксации вин.п. связана со способом выражения в диалекте делиберативного объекта. В устной речи, по наблюдениям исследователей [Воейкова 2011б; Черенкова 1994, 1997, Бромлей С.В. 1972, с. 72], отмечается постепенное вытеснение конструкций типа *о жизни* (*о + пр.п.*) конструкциями *про жизнь* (*про + вин.п.*) с тем же значением с глаголами *думать*, *говорить*. Ее появление исследователи относят к началу письменного периода, а к XIV веку она становится широко известной в языке [Черенкова 1997, с. 183]. При этом разница в их употреблении не ограничивается только областью стилистики (конструкции *про + вин. п.* не используется в языке научной литературы и официально-деловом стиле, по наблюдениям З.Д. Поповой, она отсутствовала в житийной литературе, но была широко представлена в письмах и фольклорных записях [Попова 1969, с. 176]). Так, В.В. Виноградов указывал, что значение предлога *о* в большей степени направлено «на сущность предмета», в то время как предлог *про* выражает поверхностное отношение к объекту, лишь «внешне захватывая» его [Виноградов 2001, с. 565].

Более продуктивным способом передачи указанного значения в говорах является конструкция с предлогом *про + вин.п.* [Собинникова 1961, с. 184,

Черенкова 1994, с. 184]. В нашем материале отмечены такие примеры: *по'сл'и вайны' н'ал'з'а' бы'ль прь ~ вайну' рьзуава'р'ивьт'* (с КЗЛ., 2), *раска'зъвыл'и прь ~ къл'икт'ив'иза'цыйу* (АЛК.-1, 2).

Кроме этого, объект речи может обозначаться конструкцией *за + вин.п.* По мнению А.Д. Черенковой, распространение этой типично южнославянской конструкции на территории восточнославянских языков вызвано языковыми контактами в результате переселения в XVI веке болгар и сербов на территорию южной Украины. «Форма *за + вин.п.* при глаголах речи стала одним из показателей особого одесского жаргона: *поговорим за жизнь; Я вам расскажу за всю Одессу...* <...> Как и в украинском, так и в русском языках были и есть благоприятные условия для распространения этой формы. Большую роль в этом сыграли близкие по выражаемым значениям словосочетания типа “бороться за что”, “заступить за кого”, “высказываться за кого”, а затем “беспокоиться за кого, за что” и “говорить за кого, за что”» [Черенкова 1997, с. 183].

В наших материалах такие примеры с конструкцией *за + вин.п.* не зафиксированы. В научной литературе о говорах Воронежской области находим такие примеры: «*гаварили за Хведю; ана гутарила за веники; <...> Я гьварил табе за лашадей*» [Собинникова 1961, с. 181], «*забыла за компот*» (из разговора в столовой)» [Черенкова 1997, с. 182].

2.3.3. Родительный падеж

По частотности употребления в устной речи род.п. занимает третье место и специализируется на выражении количественных значений. В наших материалах достаточно широко представлены примеры с числительными, где род.п. обусловлен требованиями самой конструкции: *бы'ль во'с'ьм сынав'е'й / во'с'ьм сно'х* (КРЛП., 4), *мы тр'и с'астры'* (МСТ., 1), *дв'е н'ид'е'л'и аддахну'ла* (РСТШ., 1), *ауурца' тр'и / а*

то ч'аты'р'и; палу'ч'иш **рубл'е'й** со'р'ьк (КЗЛ., 4) п'куна'ль сто'урам и'л'и дв'е'с'т'и урам канф'е'т; дв'е' и'л'и тр'и' каро'вы п'дају'; да'л'и мн'е во'с'им каро'ф; во'с'им рубл'е'й п'луч'у' (БРЗ., 1), у'н'иво' бы'ль мно'гъ ард'ино'ф / м'ида'л'ьй (с. Шукафка, 3), па'дв'е' каро'вы д'е'ржат' (ДНК., 6), ад'и'нц'ьт' дн'ей м'ин'а' там д'иржа'л'и (НЖМ, 3), аб'ьгр'ива'й'ьт ч'иты'р'ь ко'мн'ьты (БРД., 1), два' э'т'их на'жа' (БРД., 6), д'и'с'ит' м'е'тр'ьф м'итка'л'и'ту (БРД., 8), шэ'с'т' л'ет ја пра'жы'л с'ма'т'ьр'ју (АЛК.-1, 3).

Достаточно часто формы род.п. имеют значение прямого объекта, в том числе и при отрицании: ја н'ь'нас'ила пан'оф тахт' (СТ. ХВР., 1), н'е'быль б'ан' тада (КРЛП., 2), мы тада' јаје' н'а'в'и'д'ьл'и / ры'бы (КРЛП., 3) пр'ин'асла' п'шан'и'цы / м'ьмалы'г'и; дала' им св'ато'й вады' (СТП., 1), найд'о'ш л'иствы' (ДВД., 2), ав'е'ц из'в'адра' паи'л'и (КЗЛ., 5), калхо'с выд'ил'а'л нам крупы' (ДНК., 14) дай мн'е жо'ду (РСТШ., 1), ра'к'ь н'и'абна'ру'жыл'и (НЖМ, 1), ана' и м'ьлака' н'и'да'јо'т' (НЖМ, 3), п'лаво'д'ьб' н'и'ста'ла ш'ш'ас (БРД., 5) вод'и'ч'к'и мн'е пр'ин'осла' (ХЛБ., 1), мат' наво'р'ит раку'шк'ьф (Н. КРЛ., 1), тут ав'е'ц н'и'было' пр'и'мн'е' (АЛК.-1, 4)

Большую группу представляют контексты родительного приименного с определительным значением, в т.ч. принадлежности, носителя признака, обладающего качеством, свойством: пр'ишы'фк'и бы'л'и из'б'и'с'ьр'ь; спа'л'и нь'пр'имо'с'т'ь из'дасто'к (СТ. ХВР., 2), пл'ату'шк'и бал'шы'й'ь ис'сало'мы; ч'ьр'ану'шк'и из'л'и'ны (СТ. ХВР., 2), ако'лк'и ис'про'вьл'к'и (СТ. ХВР., 1), из'л'и'ны / ч'а'шк'и (КЗЛ., 2), д'е'лал'и фс'е дама' ис'пл'итн'и' (ДНК., 12) дом кул'ту'ры; ру'скай'ь (печь) то'ж'ь с'к'ирп'ич'а' (БРД., 1), кл'и'ч'к'и дава'л'ис' п'им'ина'м пра'д'ьд'ьф (КЗЛ., 2), э'тат ис'сушо'нок кампо'т (ДНК., 15), јес'т' амша'н'н'ик'и дл'а'пч'о'л, а платк'и' ат'каз'ина'таф је'с'т' (ДНК., 11), м'ид'а'нк'и бы'л'и дл'а'развл'ич'е'н'ий (ДНК., 16).

Кроме этого, родительный приименный передает актуальные для повседневной коммуникации обстоятельственные значения места, времени, причины, цели, образа действия и т.п.: по'сл'и вайны' нач'ал'и д'е'н'г'и плат'и'т' (КЗЛ., 2), кру'жы'вь дл'ь'к'р'ьсаты' (КРЛП., 1), а купал'ис из'в'адра (КРЛП., 1)

сунду'к до'ма дл'а ад'е'жды стаи'т' (ДНК., 1), ис хат'и вы'унъл (КРЛП., 5) ако'ны ры'л'и дл'а заш'и'и'ты (ШКВ., 2), м'ин'е' из масквы' присла'л пу'т'ин п'ис'мо' (БРД., 3), в'арнул'с'ь с арм'ии (КЗЛ., 1), иду' с работы' дамо'й (РСТШ., 1), схад'и' дъ сас'о'н вон (БРД., 7), п'иса'л'и и нь газ'е'тъх / м'е'жду стро'ч'ьк (АЛК.-1, 2).

2.3.4. Предложный падеж

Описанные ранее им.п., вин.п. и род.п., по мнению Е. Куриловича, составляют основу падежной системы [Курилович 1962б, с. 196], этим объясняется высокая частотность их употребления, в отличие от дат., твор. и пр. падежей, которые в количественном отношении существенно им уступают.

Так, в анализируемом материале формы пр.п. чаще всего передают пространственное значение: сушы'л'и на ул'ицъ; каро'ву д'аржа'л'и нь двар'е' у сара'и (КРЛП., 2), за с'е'м'д'ьс'т л'ет и у по'л'ь / и нь св'акл'е' / и нь св'ина'рн'ику работълъ (КРЛП., 3), јач'ме'н' талкл'и' у сту'п'ь (КРЛП., 5), нь пала'т'и и нь сало'м'ь спа'л'и (СТ. ХВР., 2), пато'м у страи'т'ьл'ный бр'и ја'д'ь работълъ / пато'м у љражэ' нь љар'е' (ДВЦ., 1), вот ја работъла на пт'и'ч'н'ик'и / нь љар'е' (РСТШ., 1), нь св'акл'е' работала; работала ф калхо'з'и (КЗЛ., 4), на радн'ик'е' кало'д'ицъ зд'е'лал'и; на р'ик'е' ры'бу лав'и'т' н'ипло'ха (ДНК., 3), на стал'е' борш был (ДНК., 15), мы на ерадро'м'ь в з'имл'а'нкъх / мы н'икуда' н'и хади'л'и (ДВД., 1) работъл в а'н'н'и (БРД., 1), в маскв'е' жив'о'т'; работъл в расто'в'и на м'аскъмб'и'нат'и (АЛК.-1, 3).

Достаточно ограничено количество примеров, где предложно-падежная форма имеет временное значение: пр'и н'е'мцъх уб'ира'л'и уража'й лапа'тъм'и (КРЛП., 5) вот ув а'вүүс'т'ь (МСТ., 1), ф ср'е'дн'их кла'съх ја вл'уб'и'л'ьс' ап'а'т' в но'въвъ уч'и'т'ьл'ь (ШКВ., 3), в э'там м'е'с'ицэ до'шии пайд'о'т' (ДНК., 14).

В единичных примерах форма пр.п. имеет объектное значение:
аб ъисто'р'ии этъвъ с'ила' ја абсал'у'тнъ н'ич'о' н'е зна'йу (АЛК.-1, 2).

2.3.5. Творительный падеж

Твор.п. используется в предикативной функции наряду с им.п.: *снача'ль рабо'тъль л'ъсѣш'и'ко'м* (КРЛП., 1), *ла'мпы кант'у'шъч'към'и нъзыва'л'и* (СТ. ХВР., 2), *уч'ин'и'цъй была'* (ДВД., 1), *ја хат'е'ль быт' пал'икма'х'иръм* (КЗЛ., 6), *он жын'ихо'м был; он был наво'ч'икъм* (НЖМ, 1), *мы даја'ркам'и рабо'тал'и* (ДНК, 1), *с'ем' ч'илав'е'к был'и так'и'м'и жэ рабо'тн'икам'и / трахтар'и'стам'и* (ДНК., 15), *ну и рабо'тъл в'а'н'н'и бр'игад'и'ръм / ка'м'ън'и'ш'и'към бр'ига'ды* (БРД., 1), *ја со'ркъ л'ет ско'тн'икъм был), ана' даја'ркъй прърабо'тъла* (АЛК.-1, 3).

Однако прежде всего твор.п. передает обстоятельственные или обстоятельно-определяющие значения, среди которых наиболее частотными оказались следующие:

значение инструмента: *вадо'й прамо'йъи* (ДВЦ., 1), *ма'сль зб'ива'лкъй д'е'лъл'и* (СТ. ХВР., 1), *ла'мпъй пая'л'нъй адур'ава'л'и; фс'о руб'ил'а'м'и мълат'и'л'и* (с ШКВ., 2), *блауаслав'а'л'и ико'най* (ДНК., 14), *талкл'и' усту'п'ъ тълкач'о'м* (КРЛП., 3), *уул'о'м тап'и'л'и* (ДНК., 7), *ја'ш'и'ш'икам'и саб'ира'л'и* (ДНК., 4), *кр'ука'м'и кос'и'л'и* (Н. КРЛ., 1), *св'аклу' кана'ли канач'а'м'и* (БРД., 7) *выст'ила'л'и к'ирп'ич'о'м* (АЛК.-1, 2);

значение совместности действия: *л'уб'им с'с'астро'й зъур'иба'м'и хад'и'т'* (КЗЛ., 6) *ја жыла' с'ма'мъй / с'па'пъйу* (КЗЛ., 7), *захо'д'ут' жын'и'х с'н'ив'е'стай ф'цэ'ркаф'* (НЖМ, 2), *ба'бушка з'д'е'душкъй* (БРД., 5);

обстоятельные места: *жыв'от' пьд'маскво'й* (ШКВ., 3), *зако'нч'ил (войну) пад'в'е'нур'иий; пат'ку'рскъм был* (АЛК.-1, 3).

определительные значения: *п'ирашк'и' с п'ич'о'нкъй* (КРЛП., 3), *карто'х'и съ см'ата'нъйу* (КРЛП., 4), *нъ рабо'ту с сумкъй / с м'ашка'м'и хад'и'л'и* (СТ. ХВР., 1), *пан'о'ву нас'и'л'и / ана кл'е'тъч'към'и была'* (СТ. ХВР., 2), *каду'шъч'к'а с у'шк'им'и* (КЗЛ., 5), *вар'и'л'и ка'шу с ты'квай* (ДНК., 18), *он так как та с прост'и'нкой* (Н. КРЛ., 1), *брал с'аб'е' н'ав'е'сту с сундуко'м* (ШКВ., 1) *п'еч' с патто'пкъм; этъ рускъй п'еч' са сво'дъм'и* (БРД., 1).

2.3.6. Дательный падеж

Последнее место по частотности употребления занимает дат.п. Эта форма отмечена в значении косвенного объекта при указании на возраст (*уадо'ф тр'ина'цът' н'и'нк'и былъ / а н'ус'к'и уадо'ф д'е'в'ат'* (КЗЛ., 4), *пра'дъ у м'ин'е' та'н'и былъ п'ат' м'е'с'ъцъф до'ч'къ маје'й, прашло'* (РСТШ., 1), *маму' сы'ну ют с'ем' м'е'с'ъсф; этъ к уо'ду бл'и'з'илъс'а мал'ч'ику* (НЖМ, 1)). Зачастую это может быть спровоцировано тематикой беседы.

В наших материалах более часто дат.п. употребляется в значении направления и места движения, времени, образа действия: *к пра'з'н'ику мълач'к'у' уск'ип'ат'и'и* (КРЛП., 3), *нъл'ива'иъ пъ стака'н'ч'ику; на ка'жнъуъ пъ кусо'ч'к'у* (КРЛП., 4) *как вайска' гдо'ну пъдашл'и'* (КЗЛ., 2), *п'ик'от' к пра'з'н'ику* (ШКВ., 1), *хпадру'гу'и ја зашла'; а па у'л'ицъ и'д'а мад'ар зружјо'м* (МСТ., 1), *и ја ушла' к малыша'м* (ШКВ., 3) *пъсав'е'тал'и уба'н'к'и с'је'з'д'ит'* (СТП., 1), *н'асут' к мау'и'л'и* (СТП., 2) *иду' па этай даро'уи* (НЖМ, 1), *пр'ије'хала к ууал'к'а'м* (НЖМ, 2), *хажу' к пажа'рк'и* (ДНК., 16), *этъ је'з'д'ил'и пъ калхо'зъм / па с'о'лъм зна'ч'ит'* (БРД., 1), *по'л'ъсу праје'хът'; пъ д'ър'ив'а'ннъму масту' / там п'ър'ейду'т* (БРД., 2), *выво'д'ут' м'ин'е' к даск'е'* (АЛК.-1, 3).

В значении адресата действия дат.п. имен существительных представлен более редкими примерами: *в уша'нкъх каро'в'ъ нъвад'ул'и* (СТ. ХВР., 1) *нъп'иса'л п'ис'мо' ма'м'и* (РСТШ., 1), *жын'иху' спас'ит'ил'а / а д'евач'к'и бо'жеја мат' каза'нскайа; св'о'кару да'р'ит'* (ДНК., 14), *дава'л'и уда'рн'икам* (НЖМ, 2), *скот'и'н'ъ фс'о ко'с'ит* (ХЛБ., 1), *пр'исла'л'и дъкум'е'нты ациу'* (АЛК.-1, 3).

2.4. Категория числа в говорах Воронежской области

Ядро грамматической категории числа в говорах Воронежской области, как и в литературном языке, составляют имена существительные, которые имеют оппозицию ед.ч. и мн.ч. Они отличаются друг от друга окончаниями, местом ударения и основами. Падежные окончания существительных во мн.ч. будут описаны нами в параграфе 3.2. Пути развития склонения имён существительных во множественном числе в говорах Воронежской области. Здесь прежде всего охарактеризуем соотношение основ ед.ч. и мн.ч. и обозначим некоторые особенности лексико-грамматических классов слов, лишенных числовой пары.

Итак, в исследованиях диалектологов выделяется 6 типов словообразовательных отношений ед.ч. и мн.ч. (см. 1.2.2 История развития категории числа). Рассмотрим, как они представлены в наших материалах исследования.

1. Как и следовало ожидать, наиболее объемной оказалась группа существительных, основа ед.ч. и мн.ч. которых равны. Приведем некоторые примеры:

талагайские говоры курско-орловского типа: *л'е'нты, машы'ны, го'ры, бл'о'ск'и, ко'пънк'и, руба'х'и* (КРЛП., 1), *ку'ры, каро'вы, ст'е'ны, п'ър'игуаро'тк'и, м'и'ск'и, кру'шк'и, в'улк'и, лау'к'и, карч'а'шк'и, ч'ър'ану'шк'и, сапо'жн'ик'и,*

бат'у'нк'и (КРЛП., 2), *пан'о'вы*, *ло'шк'и*, *та'пк'и*, *кру'шк'и*, *карз'и'нк'и*, *зако'лк'и* (СТ. ХВР., 1), *ико'ны*, *ман'и'сты*, *луч'и'ны*, *ла'мпы* (СТ. ХВР., 2), *пъм'идо'ры* (ДВЦ., 1);

собственно талагайские говоры: *жэ'ни'ш'ины* (КЗЛ., 1), *в'етк'и*, *о'с'и*, *п'е'ч'и*, *ру'к'и*, *ч'а'шк'и* (КЗЛ., 2), *ла'мпы*, *γру'шы*, *пы'шк'и* (КЗЛ., 4), *машы'ны*, *лапа'ты*, *по'ч'к'и*, *иγо'лк'и*, *му'х'и*, *ко'с'т'и*, *даро'γи*, *но'γи*, *ку'ч'и* (РСТШ., 1), *канхв'е'ты*, *ико'ны*, *с'в'е'ч'к'и*, *в'етк'и*, (СТП., 2), *ск'и'рды*, *ха'ты* (ШКВ., 2);

цуканские говоры: *по'льсы*, *до'ч'к'и*, *кап'е'йк'и* (ДВД., 1), *γармо'шк'и*, *ба'нк'и*, *махо'тк'и*, *або'рк'и*, (ДВД., 2), *крава'т'и*, *ју'пк'и*, *пл'у'шк'и*, *ч'ир'ипу'шк'и*, *д'ир'у'шк'и*, *талку'шк'и*, *ла'фк'и*, *м'ид'а'шк'и*, *с'е'р'γи*, *пл'иту'шк'и*, *тр'иу'х'и*, *ша'пк'и*, *румы'нк'и* (ДНК., 1), *ба'бы*, *кры'шы* (ДНК., 12), *ку'клы*, *сва'д'бы* (ДНК., 1), *л'е'нты*, *γо'ры*, *зв'о'зды* (ДНК., 15), *ку'ры*, *ту'фл'и*, *кл'и'јо'нк'и* (НЖМ, 2);

говоры с севернорусской основой: *фо'рмы*, *пл'и'ты*, *гарну'шк'и*, *п'ър'игаро'тк'и*, *с'е'м'ји*, *м'ъхан'иза'цыи*, *къч'аро'шк'и*, *гарну'шк'и*, *мана'шк'и*, *п'е'ч'и*, *траншэ'и* (БРД., 1), *зв'о'зды*, *ико'ны* (БРД., 3), *ко'фты*, *сарафа'ны* (БРД., 4), *пан'о'вы*, *м'еда'л'и*, *карто'шк'и* (ХЛБ., 1).

русские говоры: *с'о'стры*, *кар'е'ты*, *машы'ны*, *с'ил'хо'спраду'кты*, *салда'ты* (АЛК.-1, 2), *офцы*, *шыв'ил'у'ры ро'цтв'ън'н'ик'и*, *пал'а'к'и дъкум'е'нты* (АЛК.-1, 3), *каро'вы* (АЛК.-1, 4).

2. Круг слов, основа мн.ч. которых равна основе ед.ч. плюс суф. *-j-*, в анализируемом материале невелик и ограничивается следующими примерами: *кар'е'н'ја* (ДВЦ., 1), *л'и'ст'јь* (ДВД., 2), *ко'л'ја* (ДНК., 12), *су'ч'ја*, *мат'ир'ја'* (ДНК., 7) *лашад'ја'* (ДНК., 11); *друз'ја'* (НЖМ, 3), *дъч'ир'ја'* (АЛК.-1, 2).

3. В группе названий лиц мужского пола по признаку родства основа мн.ч. равна основе ед.ч. плюс суф. *-овј-*. Такое соотношение в нашем материале отмечено только для существительного *сын*: *сынав'ја'* (НЖМ, 1, 2, 3, АЛК.-1, 2).

4. В группе названий детенышей основа мн.ч. равна основе ед.ч. минус суф. *-онок-* плюс суф. *-ат-*. В нашем материале отмечены следующие словоформы: *р'иб'а'тъ* (КЗЛ., 1), *ап'а'тъ / масл'а'тъ* (КЗЛ., 5) *д'ифч'а'та* (ДНК., 12), *парас'а'та* (ДНК., 14); *т'ил'а'ты* и *парас'а'ты* (НЖМ, 2), *мнуч'а'та* (ХЛБ., 2);

5. Существительные с основой мн.ч. равной основе ед.ч. минус элемент *ок* в суф. *-онок-* плюс суф. *-ат-* типа *мышенята, волченята, утенята* в нашем материале не зафиксированы.

6. Не попали в поле зрения и существительные из группы названий людей по месту жительства, основа мн.ч. которых равна основе ед.ч. минус суф. *-ин-* типа *крестьяне*.

В современном русском языке существуют лексико-грамматические классы слов, которые лишены соотносительных числовых пар. Одни из них неспособны к образованию форм ед. ч. (plur. t.) другие – мн. ч. (sing. t.). В древнерусском языке, напротив, числовые формы могли иметь все существительные, в том числе с отвлеченным, собирательным и вещественным значением [Марков 1976, с. 20; Хабургаев 1990, с. 43].

В этом отношении диалекты сохраняют древнерусскую черту, поэтому в говорах бинарная числовая оппозиция представлена более последовательно. У существительных sing. t. появляется способность обозначать множественность, если диалектоноситель ощущает в этом коммуникативную потребность, поэтому возникают такие формы: *уо'лады, м'ьхан'иза'цыи, су'кны* и др.: *ф'со'р'ьк с'ад'мо'м уаду' уо'лады бы'л'и* (КЗЛ., 2), *туда' ссына'л'ис' карто'шк'и* (ШКВ., 1), *э'ть тап'и'л'и ч'иво' / там хл'е'бы; и м'ьхан'иза'цыи там бы'л'и / т'е'хн'ика была'* (БРД., 1), *д'е'ль'ют ко'рмы* (БРД., 2), *и фс'о тут сн'има'йт и карто'шк'и; тоды'в'ит' тка'л'и / су'кны тка'л'и* (ХЛБ., 1).

Кроме этого, некоторые несклоняемые в литературном языке существительные в диалектах получают формы словоизменения и, соответственно, возможность образовать форму мн. ч.: *а пато'м паил'и' жык'е'ты / куфа'йк'и / по'л'ты* (ПНН., 1).

Таким образом, ядро грамматической категории числа в воронежских говорах пополняется за счет существительных, имеющих в литературном языке неполную числовую парадигму, что соотносится с общедиалектной тенденцией, когда «непарность по числу остается более редким явлением, чем в литературном языке» [Кумыкова, с. 112].

Глава 3. Склонение имен существительных в воронежских диалектах: древнее наследие и современное состояние

В соответствии с целью и задачами исследования рассмотрим состояние субстантивного склонения в говорах Воронежской области: 1) определим в нем древнерусское наследие; 2) охарактеризуем современные процессы; 3) выявим типологические черты в склонении существительных, присущие различным типам диалектов на территории Воронежской области; 4) попытаемся спрогнозировать дальнейшее развитие деклинационной системы в русских диалектах на примере воронежских говоров.

Структурно-сопоставительный подход к описанию субстантивного склонения в диалектах, положенный в основу настоящего исследования, диктует необходимость отдельного рассмотрения падежных окончаний имен существительных ед.ч. и мн.ч. с учетом разных релевантных признаков. В связи с этим при описании того или иного типа склонения ед.ч. приводится соответствующая номенклатура признаков, определяющих выбор падежного окончания. Склонение существительных во мн.ч., не отличающееся многотипностью парадигм словоизменения, как в ед.ч., представлено по падежам с учетом отраженных в них процессов унификации окончаний.

3.1. Типы склонения и падежные окончания имён существительных в единственном числе в говорах Воронежской области

Решая вопрос о количестве типов склонения в ед.ч. в диалектах, мы придерживаемся традиционного подхода и выделяем 3 типа склонения, соответствующих типам склонения литературного языка.

Диаграмма 12. Распределение сущ. ед. ч. по типам склонения в говорах Воронежской обл.

Материал исследования показал, что самыми продуктивными закономерно оказались 1 и 2 склонение (41% и 51% соответственно), 3 склонение представлено незначительным числом словоформ и насчитывает 7%. Меньше всего слов относится к лексически замкнутому классу разносклоняемых существительных – 1% словоформ, поэтому в работе не представлены (диаграмма 12).

Рассмотрим падежные окончания в пределах парадигм первого, второго и третьего склонения учитывая необходимые релевантные признаки и типологическое разнообразие воронежских диалектов.

Объем каждого типа склонения отражен на диаграмме (диаграмма 13).

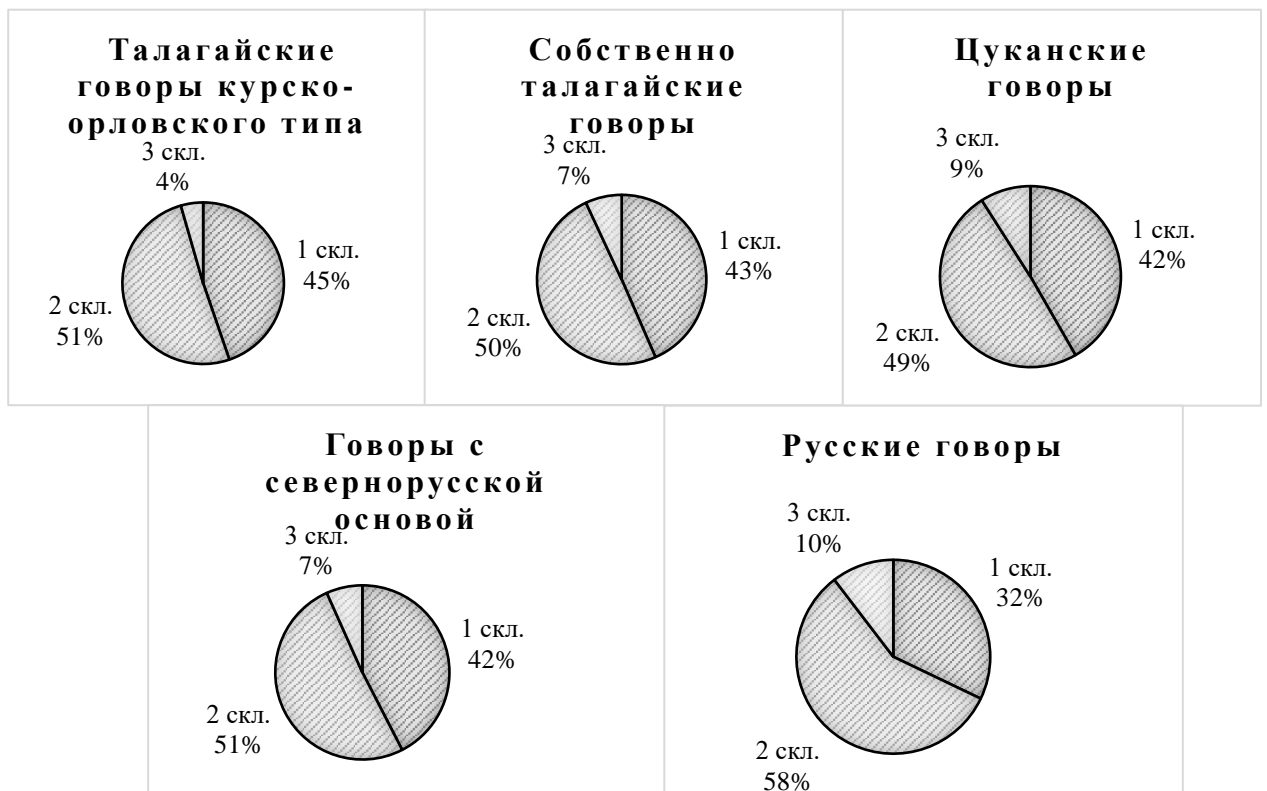

Диаграмма 13. Распределение существительных по типам склонения в говорах Воронежской области

3.1.1. Первое склонение

Первое склонение современного русского языка восходит к древнему склонению с основой на **-ā*, **-jā*, в истории которого произошли изменения как морфологического, так и фонетического характера. Важной особенностью 1 скл. является наличие твердой и мягкой разновидностей, каждая из которых в прошлом имела свою систему окончаний. В литературном языке и в части диалектов окончания твердого варианта сохраняются в исконном виде, за исключением твор.п., а исконные окончания мягкого варианта склонения под влиянием твёрдого варианта заменяются новыми. Однако в некоторых диалектах отмечается обратный процесс, а именно влияние мягкой разновидности на твердую.

В воронежских диалектах к первому склонению относятся существительные ж.р. и м.р., имеющие в им. п. окончания *-а* типа *вода, земля*, как и в литературном языке, а также некоторые существительные ср. р. типа *мясо, лето*, которые вошли в состав ж. р. в результате разрушения категории ср. р. Под ударением они, как правило, сохраняют окончание *-о*, а в безударном положении в условиях аканья окончания ж.р. и ср. р. не различаются. Кроме этого, как существительные 1 склонения изменяются слова *церковь, морковь, свекровь, печь, болезнь, жизнь, грязь*.

Во всех типах говоров ядро 1 склонения составляют существительные ж.р. (таблица 10).

Таблица 10

Соотношение существительных ж.р. и м.р. в составе 1 склонения в говорах Воронежской области

	Типы говоров Воронежской области	Количество словоформ	
		ж.р.	м.р.
1	Талагайские говоры курско-орловского типа	99,6%	0,4%
2	Собственно талагайские говоры	99,7%	0,3%
3	Цуканские говоры	98,5%	1,5%
4	Говоры с севернорусской основой	96%	4%
5	Русские говоры	99%	1%

Первое склонения является одним из продуктивных типов словоизменения существительных, процент которых по типам диалектов колеблется в пределах от 32% до 45% (диаграмма 13).

При анализе падежных окончаний 1 склонения мы учитывали следующие морфофонологические признаки: твердость/мягкость варианта склонения; ударность/безударность окончания; характер согласного основы (имеющий оппозицию по твердости/мягкости, заднеязычный согласный, шипящие [ж], [ш] или аффриката [ц]) [Токарева 2017, с. 170, Токарева 2019б, с. 146].

Рассмотрим существительные 1 склонения в разных типах диалектов Воронежской области с учетом выделенных признаков по разработанной схеме:

1. Твердый вариант.

1.1. Твердый вариант с основой на парный по твердости/мягкости согласный с ударным окончанием;

1.2. Твердый вариант с основой на парный по твердости/мягкости согласный с безударным окончанием;

1.3. Твердый вариант с основой на заднеязычный согласный с ударным окончанием;

1.4. Твердый вариант с основой на заднеязычный согласный с безударным окончанием;

1.5. Твердый вариант с основой на шипящий [ж], [ш] и аффрикату [ц] с ударным окончанием;

1.6. Твердый вариант с основой на шипящий [ж], [ш] и аффрикату [ц] с безударным окончанием.

2. Мягкий вариант.

2.1. Мягкий вариант с основой на парный по твердости/мягкости согласный, [j] и аффрикату [ч] с ударным окончанием;

2.2. Мягкий вариант с основой на парный по твердости/мягкости согласный, [j] и аффрикату [ч] с безударным окончанием;

2.3. Вариант с основой на мягкий заднеязычный, смягчившийся в результате прогрессивной ассимиляции согласных, в безударном положении;

2.4. Мягкий вариант склонения существительных на *-ия*.

Порядок описания падежных окончаний существительных 1 склонения обусловлен частотностью употребления падежей согласно полученным количественным подсчетам (диаграмма 14).

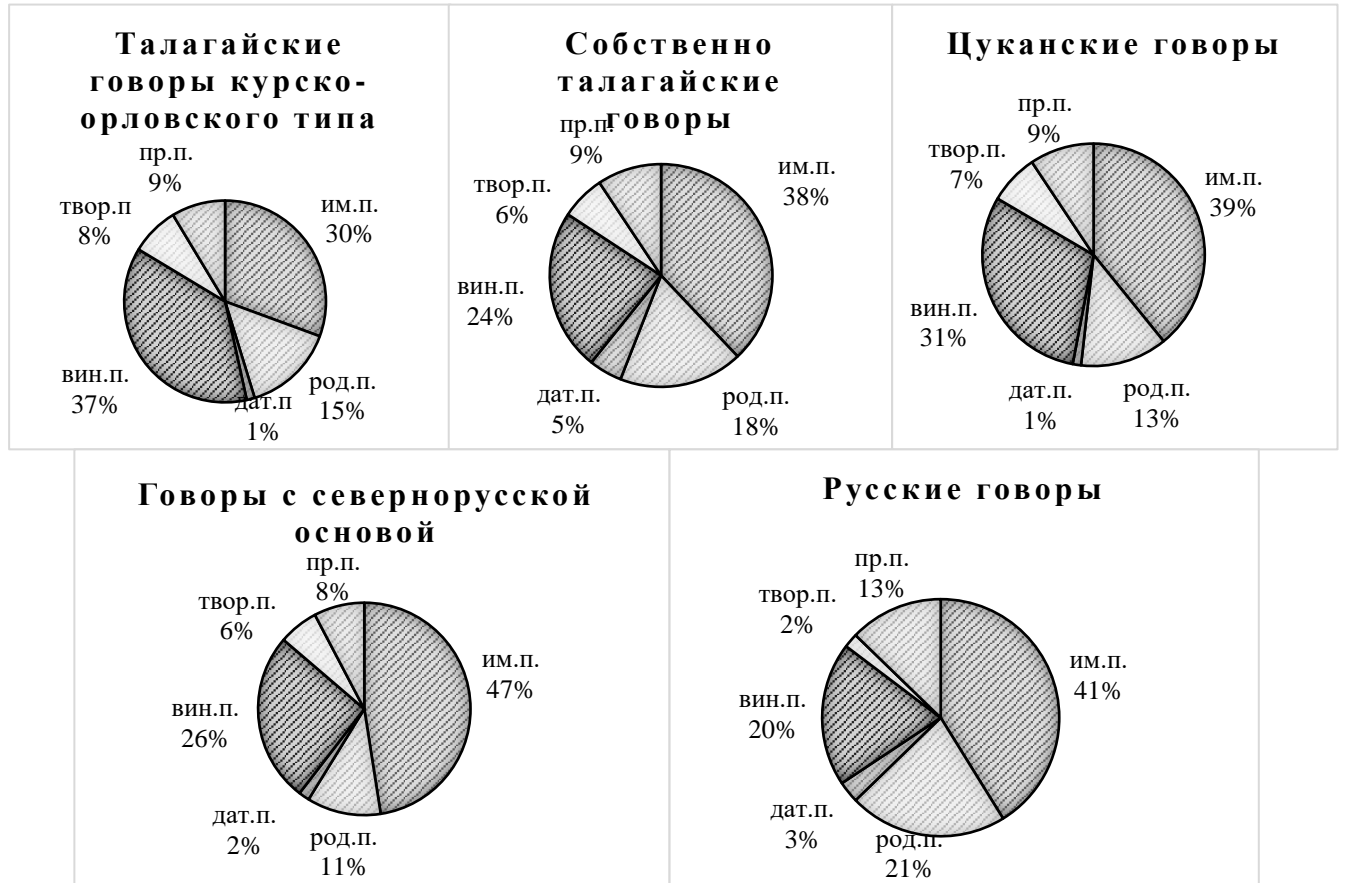

Диаграмма 14. Распределение существительных 1 склонения ед.ч. по падежам в говорах Воронежской области

3.1.1.1. Именительный падеж

Им.п. существительных 1 склонения является одним из самых объемных по количеству зафиксированных словоформ, поэтому здесь наиболее наглядно представлена разработанная нами схема. В редких случаях при отсутствии в анализируемых материалах необходимых контекстов, соответствующий пункт

схемы будет пропущен. Исконным окончанием им.п. 1 скл. было окончание *-а*, которое функционирует до настоящего времени.

В талагайских говорах курско-орловского типа словоформы им.п. с учетом выделенных признаков распределяются следующим образом:

1. Твердый вариант.

1.1. *Ну вот / вайна'* (МСТ., 1), *там вада'* (КРЛП., 1), *з'има' была'*; *ста'н'ьт круна'* (КРЛП., 5), *вада' стаи'т'*; *пъшан'и'инъйь мука'* (КРЛП., 4), *вы'кълъим пака' вада'* (КРЛП., 2).

1.2. *Шко'ла была'* (МСТ., 1), *ја н'а ъба'ба; была' мо'дъ* (КРЛП., 1), *хатъ на ъз'емл'у ста'в'илъс'*; *вот каро'въ; ад'е'ждъ была'* (КРЛП., 2), *пан'о'въ ч'орнъйь* (КРЛП., 3), *каро'въ была'* (КРЛП., 5), *ко'хтъ была'* (СТ. ХВР., 1), *шу'бъ и пад'д'о'фкъ была'*; *шко'лъ у ънас бал'ша'йь* (МСТ., 1).

1.3. *Ска'жъм дууа' / там тап'и'лъс'* (КРЛП., 2).

1.4. *П'е'чка там гар'и'т'* (КРЛП., 2), *буды'лка расто'т'*; (*есть*) *пъв'ил'и'ка и асо'т* (ДВЦ., 1); *саро'къ / п'и'р'е'дн'ик / хва'ртук пра'зн'ич'ный; је'с'т' пътнаја'скъ* (КРЛП., 1), *пал'къ харо'шъйа; была' ла'укъ; судн'айа ла'укъ* (КРЛП., 2), *б'истар'къ / т'ал'е'уъ с ъку'зъвъм; зърашо'нъйь даро'уъ; висо'к'ий хл'еп эт кавр'е'уъ* (КРЛП., 3), *карз'и'нк'и был'и / пл'ату'хъ бал'ша'йь* (СТ. ХВР., 1).

1.5. *Ланша'* (КРЛП., 1), *афца' хад'и'лъ нь ъдвар'е'* (КРЛП., 2).

1.6. *Кры'шь была' сало'м'ънъйа* (КРЛП., 2), *ка'шь была'*; *эт пръстаква'шь* (КРЛП., 3), *јаи'шн'ицъ ж ъжалтка'м'и* (КРЛП., 4).

2. Мягкий вариант.

2.2. *У ън'и'х ку'хн'ь / п'ака'рн'ь был'и* (КРЛП., 5).

2.3. *Вон то'н'к'ь; бр'и'ч'к'а двукал'о'снъйь* (КРЛП., 3), *та'н'к'ь и сын ва'н'к'ь* (КРЛП., 4), *ст'о'жыч'к'а вот така'йь* (МСТ., 1).

2.4. *Была' на'шь п'е'рвъйь л'и'н'ийь* (МСТ., 1).

Представленный материал показывает, что в талагайском диалекте курско-орловского типа в им.п. отмечается иное, чем в литературном языке, распределение существительных между твердой и мягкой разновидностями склонения. Последняя расширяется за счет существительных с основой на заднеязычный согласный,

который получает мягкость в результате прогрессивной ассимиляции (*бр'и'ч'к'а*, *та'н'к'ь*, *ва'н'к'ь* и т.п.). При наличии одинаковых фонетических условий, а именно предшествующего заднеязычному мягкого согласного, процесс прогрессивной ассимиляции отмечается в 60% словоформ.

Существительные ср.р. в им.п., у которых переход в состав ж.р. выражен синтаксически, в ударном положении сохраняют окончание *-о* (*ус'а' б'рахло'*, *ус'а' с'ало'*), а в безударном – в условиях аканья окончания ж.р. и ср.р. совпадают: *устро'йствъ така'йа* ~ *жъ*.

Словоформы им.п. в **собственно талагайских говорах** распределились по обозначенным признакам таким образом:

1. Твердый вариант.

1.1. *М'ичта' д'е'цтвъ был'ь* (ШКВ., 3), *была' с'астра'* (БРЗ., 1), *адна' ст'рана'* *вы'п'ла*; *эт и'јо' суд'ба'* / *эт ма'ја' суд'ба'*; *ка'уда' па'д'жит* / *т'ишы'на'*; *вайна'* *з'м'ир'и'л'ьс'* (РСТШ., 1), *бы'л'и жо'луд'и д'ь* ~ *трава'*; *вайна' была'* (КЗЛ., 2).

1.2. *И шко'ла* / *и скат'и'на* / *и св'акла'* у ма'мы (РСТШ., 1), *рабо'тъ* *н'и* ~ *п'звал'а'й'т* (ШКВ., 4), *скат'и'на до'хнут' н'ьч'ала'* / *каро'ва* *издо'хла* (СТП., 1), *с'ид'ит' жэ'н'ш'и'на*; *с'и'ла* *н'ач'и'ст'ыйа* *пр'ин'асла'* (СТП., 3), *ха'тъ* *ма'л'ин'к'ийа* *была'* (КЗЛ., 4), *пасу'дъ* *была'и* *ул'и'нъ* *сп'еца'л'найа* (КЗЛ., 2), *ул'и'нъ* / *ул'и'на* *о'ч'ьн' в'а'ск'ийа*; *плат'и'нъ* *н'и* ~ *вы'д'ьр'жыла* (РСТШ., 1).

1.3. *Рука'* *вы'скъч'ьна*; *ка'уда' ну'р'я'* *ид'о'т*; *на'я'* *ухо'д'ит* (РСТШ., 1).

1.4. *Д'е'л'ьльс' л'е'с'ьнкъ*; *выдв'и'я'л'ьс' дв'е'ркъ* (ШКВ., 1), *сас'е'тка* *на* ~ *н'их* *по'р'ч'у* *насла'ла* (СТП., 1), *ду'шка* *ул'ата'йа* (СТП., 2), *праба'нкъ* *с'ур'ишы'л'ь*; *аста'лас'* *кл'и'ч'къ* *ул'ич'н'ыйа* (КЗЛ., 1), *в'ју'я'* *нан'есла'* (РСТШ., 1).

1.5. *Называет'ис' д'ажа'* (КЗЛ., 2), *душа'* *л'ата'йа* (СТП., 2).

1.6. *Ро'цтв'ин'н'ицъ* *ма'ми'* (РСТШ., 1), *была' уч'и'т'ьл'н'ицъ* (ШКВ., 3).

2. Мягкий вариант.

2.1. *Была' ма'л'ин'к'ийа с'ам'ја'* (КЗЛ., 2), *с'им'ја'* *р'звал'и'л'ьс'* (РСТШ., 1), *ф* ~ *с'ал'е'* *была' с'ам'ја'* *адна'* (СТП., 1).

2.2. *В'адун'ја дала', по'р'ча стра'шныйа* (СТП., 2), *была' фстр'е'ч'ь то'жь* (ШКВ., 3).

2.3. *Ну как каду'шьч'к'а с'у'шк'им'и* (КЗЛ., 5), *капту'шкь эт пр'им'е'рнь вон ба'ньч'к'ь стаи'т' ис'пъд манаје'сь* (КЗЛ., 4), *спа'л'и до'ч'к'ь / уну'ч'к'ь / в'ир'н'е'йь / мы в'д'е'цтв'ь нь'п'ач'и' спа'л'и* (ШКВ., 1).

2.4. *Фам'ул'ийа была'* (КЗЛ., 1), *јобаура'ф'ийа фс'а* (КЗЛ., 4), *исто'р'ийь с'ила'*; *пс'ихало'г'ийа* и *нач'ал'ныйь кла'сы* (ШКВ., 3).

Проанализированный материал показывает, что, как и для предыдущего типа диалекта, собственно талагайским говорам в им.п. характерно особое соотношение твердой и мягкой разновидностей 1 склонения. Мы отметили активное пополнение мягкой разновидности склонения за счет существительных с основой на заднеязычный согласный, который получает мягкость в результате прогрессивной ассимиляции (*каду'шьч'к'а*, *ба'ньч'к'ь*). При наличии одинаковых фонетических условий, а именно предшествующего заднеязычному мягкого согласного, процесс прогрессивной ассимиляции отмечается в 70% словоформ.

Существительные ср.р. в им.п., как и в талагайских говорах курско-орловского типа, не получают морфологического показателя рода, сохраняя ударное окончание -о: *м'лако' была'*, *са'ла р'е'ткь у'кауо' была'*.

В **цуканских говорах** словоформы им.п. следующим образом распределяются с учетом разработанной схемы:

1. Твердый вариант.

1.1. *Л'уса' была' х'у'трайа* (ДНК., 15), *с'истра' даја'рка* (ДНК., 7), *пл'ита' ис'к'ирп'ич'а'* (ДНК., 12), *вада' фс'о хужэ'йе* (ДНК., 16), *каза' пухо'выйа была'* (ДНК., 11), *изба' бал'ша'йа* (НЖМ., 3), *в'у'орл'и т'у'уата' захва'тывьйа* (НЖМ., 1), *жын'а с'ума сашла'* (НЖМ., 2).

1.2. *Ма'ма пр'ишла'* (ДНК., 15), *саб'ира'л'и в'е'ч'ер <...> балала'йка / г'у'ита'ра / мандал'и'на* (ДНК.14), *там скат'и'на* (ДНК., 12), *быва'ит' ахо'та в'ис'е'н'н'айь* (ДНК., 17), *там јижыв'и'ка / кл'у'ква* (ДНК., 9), *ма'ма была'* (НЖМ., 3), *ну н'ив'е'ста / ч'в'аты' был'и;* *ха'тъ бал'ша'йа* (НЖМ., 2).

1.3. *Рука' н'ипра'вьйа была'* (1 КРШ. В., 1).

1.4. *Н'утка* хад'у'ла (ДНК., 16), *была'* *падру'га* (ДНК., 8), *ска'лка* дл'ь *нат'ира'н'ийа т'е'ста* (ДНК., 1), *л'ижан'ка* стро'ица с *в'е'ч'ира* (ДНК., 17), *р'е'чка* зау'ажына (ДНК., 12), *капт'у'шыч'ка* ур'е'ла, *балала'йка* *была'* (ДНК., 4), *санапр'а'ха* у *м'ин'а'* на *паталку'* (ДНК., 18), *но'шкь* на *баку'* (НЖМ., 1), *д'ит'е'й* *ба'нка* раст'у'т'; *ба'т'шка* заставл'а'ит' (НЖМ., 2), *цынтра'л'н'ийь* *бы'ль* *б'ибл'иат'е'кь*; *ба'нкь* *фс'о* по'мн'а (ДВД., 1), *тра'фкь* там *была'* (ДВД., 2).

1.5. На *стал'е'* <...> *лапша'* и узва'р (ДНК., 15).

1.6. *Уч'у'т'ил'н'ица* *была'* (ДНК., 7), там *иш'ш'о'* *уорн'ица* (ДНК., 12), *д'елал'и* из *мук'у' / и рош* и *пашан'и'ца* (ДНК., 8).

2. Мягкий вариант.

2.2. *Хад'у'ла* ф *шко'лу* *о'л'а* (ДНК., 15), *ба'нка* *л'ус'а* *бува'ла* *памау'ла* (ДНК., 7), *бува'ла* с *ид'у'т' / ба'рын'а* (ДНК., 5).

2.3. *Марус'к'а* *фс'е* ур'ибы' *зна'ја* (ДНК., 13), *до'ч'к'а* *абува'т'* *н'е'ч'ива* (НЖМ., 3).

2.4. Пато'м *ап'ура'цыйа / о'пухал'* *абнару'жыл'и*, (ДНК., 16), *ману'ол'ийа* *ана'* *была'* *на'ш'ий сају'зн'иць* (НЖМ., 1).

В цуканских говорах в пределах им.п. нами отмечены случаи смягчения заднеязычного под влиянием предшествующего мягкого согласного (*марус'к'а*, *до'ч'к'а*). Количественные подсчеты показали, что это характерно только 22% словоформ, а в большинстве контекстов заднеязычный мягкий согласный не изменяется под влиянием предшествующего (*р'е'чка*, *капт'у'шыч'ка*, *балала'йка*). Таким образом, объем мягкой разновидности 1 склонения только незначительно расширяется за счет форм со смягченным заднеязычным, а формы, соответствующие литературному языку, преобладают.

Существительные ср.р. в результате переосмысления их родовой принадлежности, отраженной синтаксически, не получили морфологического выражения этой категории, сохранив окончания ср.р.: *пр'ишла'* *п'ис'мо'* (НЖМ., 1), *пла'т'ја* на *мн'е'* *была'* *пан-ба'рхатнайа* (ДНК., 15).

Самым объемным по количеству зафиксированных в нашем материале примеров оказался им.п. в **говорах с севернорусской основой**. Приведем некоторые из них в соответствии с нашей схемой:

1. Твердый вариант.

1.1. *Имба'* была', *изба'* была' пѣт ъкъмышо'м (ХЛБ., 1), *пл'ита'* така'йѣ / называ'йѣць мана'шкъ (БРД., 1), *вайна'* п'ир'ипутѣла фс'о (БРД., 3), *в'есна'* была' плаха'йа, тут *дыра'* прасв'е'рл'ьнѣ (БРД., 6), нас бы'ль с'и'м'иро / п'ат' брато'ф и с'астра' адна' (БРД., 8).

1.2. *Што эт зѣ пан'о'ва; машы'нѣ* п'ер'ькувырну'ль (ХЛБ., 1), мѣс'т'иро'к к'е'л'мѣ / а ра'н'шѣ к'е'л'мѣ; *пау'одѣ* сыра'йѣ; *гл'и'нѣ* така'йѣ / абыкнав'е'ннѣйа / *гл'и'нѣ* как *гл'и'нѣ* (БРД., 1), вот этѣ м'а'хкѣйѣ *паро'дѣ* (БРД., 2), *муш'и'и'на* расказывал; *ма'ма* атм'е'т'ит кл'е'тѣч'ку (БРД., 7), была' *ср'а'да* (БРД., 8), *коро'ва* была' (Н. КРЛ., 1).

1.3. *Была' саха' / ну' саха'* (БРД., 6), *дууа' / да / ана'* и н'и ътол'кѣ ф ъп'ич'и'; *дууа'* дл'а' ъкла'тк'и сво'дѣ (БРД., 1).

1.4. *Была' куру'шкъ; была' гн'илу'шка; ма'ткъ* была' / *ма'ткъ* ло'пнулѣ (ХЛБ., 1), *п'е'ч'къ* ана' дѣ ъутра' т'о'плайѣ / эт са'мѣйѣ *гарну'шкъ* (БРД., 1), абыкнав'е'ннѣ *т'ил'е'гѣ; р'е'ч'къ* у ъна'с тут је'ст' (БРД., 2), *руба'шкъ* сафс'ем ана' друга'йѣ, *убо'ркѣ* бу'д'ѣт, *маты'гѣ* этѣ *т'а'пкъ / т'а'пкъ / а* ра'н'шѣ *маты'гѣ* (БРД., 6), *ба'бушка* праско'в'ја была' и *д'е'душка* кандра'т, *ашы'пка* нѣ ъашы'пк'и была' (БРД., 7), была' з'амл'а'нка (Н. КРЛ., 1).

1.6. Этѣ *ул'ицѣ* къмаро'фкъ (БРД., 1), была' *ул'ицѣ* (БРД., 3), *пшын'и'цѣ* б'ѣз ъруба'шк'и; *пшын'и'цѣ* пѣсп'ева'йѣт (БРД., 6).

2. Мягкий вариант.

2.1. *С'им'ја'* д'е'с'ѣт'-дв'ина'цѣт' <...> ч'илав'е'к; *с'им'ја'* сы'тѣ (БРД., 1), была' *сваја' з'имл'а'* (БРД., 7), *п'ешн'а'* / ана' вн'изу' (БРД., 6).

2.2. *Ку'хн'а* там то'п'ицѣ (БРД., 1), *л'о'н'а / в* ъар'м'ийу јево' н'е ъвз'ал'и (Н. КРЛ., 1).

2.4. Фс'о этѣ как *сѣн'итар'и'йа* (БРД., 2), *п'и'н'с'ийа / как на* ън'и'јо' жѣт' (БРД., 7).

Анализ материалов показал, что в воронежских говорах с севернорусской основой не зафиксированы характерные говорам южнорусского наречия примеры со смягченным заднеязычным согласным в результате прогрессивной ассимиляции. Таким образом, в им.п. распределение существительных между твердым и мягким вариантом склонения не отличается от литературного языка. Данная черта отличает говоры с севернорусской основой от двух талагайских и цуканских говоров, описанных ранее.

У существительных ср.р. в им.п. переход в состав ж.р. не выявлен.

Не менее многочисленным оказывается им.п. в **русских говорах**. Приведем примеры:

1. Твердый вариант.

1.1. *Жына'* была' (АЛК.-1, 2), *вайна'* нъч'ила'с'; *с'истра'* была' (АЛК.-1, 3).

1.2. *Зърасло' там къмышо'м / т'и'на; ръспыр'ижэ'н'ийь дала жэ'ниш'ш'инъ; там ко'мнъта; св'и'та атту'да / с'масквы'* (АЛК.-1, 2).

1.4. *Ра'н'шы был / ш'ш'ита'й до'ч'къ забро'шъный* (АЛК.-1, 1) *фс'а т'е'хн'икъ калхо'знъя; жыла' апслу'га; была' сушы'лкъ* (АЛК.-1, 2), *ал'икса'ндръфка / пр'исво'ил'и им'а, ана' казако'вкъ нъзыва'льс'* (АЛК.-1, 3).

2. Мягкий вариант.

2.2. *Д'а'д'ь уъвар'и'л, был'ь у'н'иво' и пса'рн'а, у'ба'р'ина пса'рн'а был'ь* (АЛК.-1, 2).

2.4. *Фам'ул'ийа то'жы давн'и'шн'ийа; с'на'спърт'ъм ур'т' исто'р'ийа / фам'ул'ийа ур'т' н'ипра'в'ил'нъя* (АЛК.-1, 2), *в'е'нур'ийа / исто'н'ийа / ла'тв'ийа / эт'ја асвабажда'л* (АЛК.-1, 3).

Итак, в русских говорах, несмотря на большой процент зафиксированных словоформ в им.п., не по всем выделенным признакам удалось найти примеры. В первую очередь это обусловлено фонетическими особенностями данного типа говора. Как и для говоров с севернорусской основой русским говорам нехарактерна прогрессивная ассимиляция заднеязычных согласных по мягкости.

Во-вторых, отсутствие необходимых примеров связано с тематикой записанных бесед. Совсем не представленной оказалась группа существительных с

основой на шипящий [ж], [ш] и аффрикату [ц]. Напротив, группа существительных на *-ия* оказалась самой многочисленной из всех диалектов. В основном она представлена названиями государств (Латвия, Япония, Венгрия, Эстония).

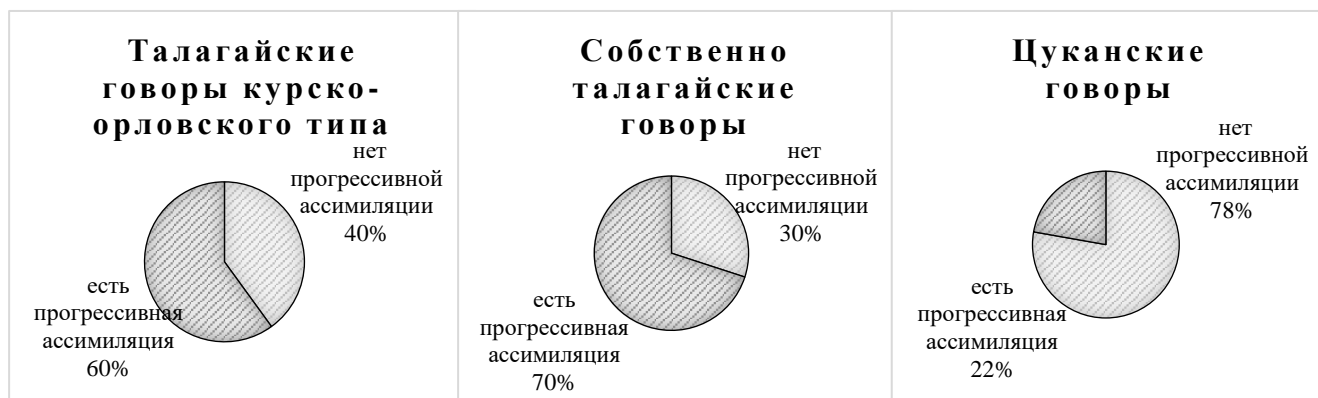
Существительные ср.р., в отличие от говоров с севернорусской основой, в им.п. в редких случаях синтаксически демонстрируют переход в состав ж.р., но при этом не получают морфологического выражения (*ран'е'н'ийь пул'ива'йа была'*).

Выводы. В плане морфологического выражения им.п. не представляет особого интереса. Как и в литературном языке в диалекте функционирует окончание *-а*. Однако при анализе материалов мы отметили некоторые существенные особенности, которые влияют на распределение существительных 1 склонения между твердым и мягким его вариантом. Данное обстоятельство обусловлено характерной говорам южнорусского наречия прогрессивной ассимиляцией заднеязычных согласных по мягкости (*каду'шьч'к'а, ба'ньч'к'ь, то'н'к'ь, бр'у'ч'к'а, та'н'к'ь, ва'н'к'ь, ст'о'жыч'к'а, мару'с'к'а, до'ч'к'а*).

Данная фонетическая черта отмечена не во всех изучаемых типах говорах, а только в двух талагайских и цуканском говорах Воронежской области. Кроме того, при наличии одинаковых фонетических условий (предшествующий заднеязычному мягкий согласный) процесс прогрессивной ассимиляции в этих говорах происходит с разной степенью активности. Более последовательно смягчение заднеязычного согласного отмечено в речи жителей старшего возраста в собственно талагайских и талагайских говорах курско-орловского типа (70% и 60% словоформ соответственно). В цуканских же говорах смягчение заднеязычного происходит только в 22% случаев, а формы, соответствующие литературной норме, преобладают (диаграмма 15).

Таким образом, выбор окончания зависит не только от принадлежности к твердому или мягкому варианту склонения, но и от качества конечного согласного основы по месту его образования. Таким образом, мы видим, как фонетические особенности диалектов приводят к изменениям на морфологическом уровне, а именно: иному распределению существительных 1 склонения между твердой и мягкой его разновидностью, что является отличительной чертой талагайских

говоров курско-орловского типа, собственно талагайских говоров и частично цуканских диалектов.

Диаграмма 15 Изменения заднеязычного согласного в результате прогрессивной ассимиляции по мягкости, отраженные в формах им.п. сущ. 1 скл. в говорах Воронежской области

В говорах с севернорусской основой и русских говорах прогрессивной ассимиляции заднеязычного не наблюдается, поэтому в этих двух типах воронежских говоров соотношение твердой и мягкой разновидности 1 склонения не отличается от литературного языка. В первом случае языковые черты, соответствующие нормам литературного языка, сохраняются более устойчиво, несмотря на южнорусское окружение, а во втором случае сказывается изначальная близость говора литературному языку.

Существительные, которые в результате разрушения категории ср.р. вошли в состав ж.р., в им.п. не получили морфологического подтверждения их родовой принадлежности. В ударном положении существительные сохраняют окончание -о, а в безударном – редукция гласного приводит к неразличению окончаний ж.р. и ср.р. (*ус'а' б'рахло', м'лако' была', пр'ишла' н'ис'мо'; устро'йств' така'йа, са'ла была, ран'е'н'ий' пул'ива'йа*). Таким образом, фонетические особенности предударного вокализма южнорусских говоров поддерживают условия для изменений на морфологическом уровне.

3.1.1.2. Винительный падеж

На втором месте по количеству зафиксированных примеров существительных 1 склонения располагается вин.п., исконным для которого было окончание -у, сохранившееся до настоящего времени. Рассмотрим особенности его употребления по типам говоров с учетом ранее выделенных признаков.

В талагайских говорах курско-орловского типа существительные в форме вин.п. представлены таким образом:

1. Твердый вариант.

1.1. *Казу'* купл'у' (КРЛП., 1), *у* ъ *улюб'ину'* вы'кѣпѣим (КРЛП., 2), *р'а'быи* (быки) *у* ъ *бъразду'* (КРЛП., 4), *сажа'им нъ* ъ *јаду'* (ДВЦ., 1).

1.2. *Каро'ву* д'аржа'л'и (КРЛП., 2), *н'ав'е'сту* на ъ *ло'шѣд'у* сажал'и; *нър'ажал'иць* у ъ *пан'о'ву* (КРЛП., 3), *на* ъ *ско'ворѣду* ма'слу нал'ју'т'; *ма'слу* зб'ива'ли; д'е'н'у'и на ъ *мы'лу* давал'и; *ма'слу* нал'ју'т' (КРЛП., 4), *пан'о'ву* нас'и'л'и (СТ. ХВР., 2), *ста'ръсту* вы'бръл'и, (МСТ., 1), *капу'сту* рубл'у' (ДВЦ., 1).

1.3. *Муку'* брасал'и (КРЛП., 5), *сы'п'ут'* муку' (СТ. ХВР., 2).

1.4. *Нър'ажал'иць* у ъ *руба'ху*; *акро'шку* ус'у' жыс'т' квас нъзыва'йут' (КРЛП., 3), *нас'и'л'и* *руба'ху* (СТ. ХВР., 2), *бу'тку* зд'елъл'и (МСТ., 1).

1.5. *Ланшу'* вар'и'л'и / *ка'тѣнку* *ланшу'* (КРЛП., 3).

1.6. *Ад'о'жу* у ъ *сунду'к* склада'л'и (КРЛП., 2), *на* ъ *ул'ицу* выхад'и'л (КРЛП., 4), *абу'жу* в ъ *будн'и* нас'и'л'и (СТ. ХВР., 2), *пиан'и'цу* с'е'йут' (ДВЦ., 1), *у* ъ *свају'* жыл'и'ишу пр'и'д'ѣм (МСТ., 1).

2. Мягкий вариант.

2.1. *Кѣнапл'у'* выра'ш'ш'ивъл'и (ДВЦ., 1), *кут'ју'* д'елъл'и (КРЛП., 3).

2.2. *На* ъ *з'емл'у* став'ильс' (КРЛП., 2), *на* ъ *шѣ'йу* сн'и'с'к'и нѣд'и'вал'и (с КРЛП., 3), *у* ъ *ку'ч'у* таска'иш (ДВЦ., 1) *уо'н'ут'* <...> *на* ъ *ку'хн'у* (МСТ., 1).

2.3. *Н'а* ъ *п'и'л'и* мно'уѣ // *р'умѣч'к'у* и пл'а'шут'; *бо'ч'к'у* уско'т'или (КРЛП., 4), *у* ъ *ку'ч'к'у* събрал'и'с'а (МСТ., 1).

Анализ талагайских говоров курско-орловского типа показал, как и в им.п., отмечается иное чем в литературном языке соотношение между твердым и мягким вариантом 1 склонения. Последняя расширяется за счет слов с основой на заднеязычный согласный, смягчившийся в результате прогрессивной ассимиляции (*р'у'мьч'к'у*, *бо'ч'к'у*, *у'ку'ч'к'у*). При наличии фонетических условий изменение заднеязычного согласного происходит в 60% отмеченных форм. Все они зафиксированы в речи старшего поколения.

Кроме того, если в им.п. существительные ср.р., переходя в состав ж.р., не получали морфологического выражения рода, то в вин.п. мы отмечаем характерное 1 склонению окончание -у (*на'мы'лу*, *ма'слу*, *у'свају' жыл'и'шшу*). Отмечены случаи смены места ударения. Это приводит к его выравниванию по всей парадигме (*у'бъразду'* (КРЛП., 4)).

Формы вин.п. в **собственно талагайских говорах** представлены так:

1. Твердый вариант.

1.1. *Уч'у'с' <...> на'м'етс'истру'* (КЗЛ., 4), *пръ'вайну' ръзуава'р'ивьт'* (КЗЛ., 2), *патр'е'скъла фс'у'яду'* (СТП., 3).

1.2. *Шку'ру дава'л'и*; *каро'ву д'аржа'л'и* (КЗЛ., 2), *л'убл'у' рабо'ту* (КЗЛ., 3), *на'л'ету са'лу упако'вывал'и*; *ста'вил'и т'есту* (КЗЛ., 4), *л'и'ну м'ал'и*; *брал с'аб'е' н'ав'есту с'сундуко'м*; *път'насу'ду / ла'въч'ку таку'йу пьдб'ивал'и* (ШКВ., 1), *скат'и'ну насу'т' / и ры'бу ла'в'ут' / и ры'бу разво'д'ут'*; *на'у'ру вы'йд'и*; *па'дъит и на'во'ду* (РСТШ., 1), *панаф'и'ду зака'зываета* (СТП., 2).

1.4. *Т'аса'л'и кл'о'нку нь'парахо'ды*, *ч'ич'ав'и'ку пр'инас'и'л* (КЗЛ., 2), *капту'шку наста'в'иши на'уарну'шку* (КЗЛ., 4), *ла'въч'ку таку'йу пьдб'ивал'и* (ШКВ., 1), *но'ру туда' наста'в'иши* (РСТШ., 1), *ду'шку пръважа'йут'*; *паду'шку ап'илк'им'и ньб'ива'йут'* (СТП., 2).

1.6. *Пт'и'цу д'аржа'л'и* (КЗЛ., 2), *в'бал'н'и'цу папа'лъ* (РСТШ., 1), *на'кла'д'б'ишшу идут'* (СТП., 2), *в'бал'н'и'цу је'з'д'ила* (СТП., 3).

2. Мягкий вариант.

2.2. *По'р'ч'у насла'ла* (СТП., 2), *д'ир'е'вн'у ръздалб'и'л'и* (ШКВ., 2).

2.3. С'е'јал'и **пало'сч'к'у** ржы'цы / **пало'сч'к'у** јач'м'ьн'к'у' / **пало'сч'к'у** про'сь (КЗЛ., 2), в **э'тају** **ды'рач'к'у** прапхн'е'ш; **п'е'ч'к'у** тап'ил'ь (КЗЛ., 4), ч'ауо' **ш** куп'и'т' / ил' **на'вълъч'к'у** адну' (БРЗ., 1).

2.4. Вот ухад'ил'и в **а'рм'ийу** (КЗЛ., 1), давал'и **пр'ем'ийу** (КЗЛ., 4), в **а'рм'ийу** заб'иру'т (КЗЛ., 3), п'исал'и мы **исто'р'ийу** с'ила' (ШКВ., 3).

Итак, представленные материалы фиксируют, что в собственно талагайских говорах мягкий вариант 1 склонения значительно пополняется существительными с основой на заднеязычный согласный, смягчившийся в результате прогрессивной ассимиляции, о чем свидетельствуют количественные подсчеты. В 86% соответствующих форм используется окончание мягкого варианта (**пало'сч'к'у**, **ды'рач'к'у**, **п'е'ч'к'у**).

Существительные ср.р., переходя в состав ж.р., в безударном положении получают характерное 1 склонению окончание -у (**на** **л'е'ту** са'лу **упако'вывал'и**; **ста'вил'и** **т'е'сту**, **на** **кла'д'б'ишиу** иду'т'). Отмечены случаи смены места ударения. В предложно-падежной форме ударение может смещаться на предлог (**на** **у'ру** вы'йд'и – **па'дъит** **на** **во'ду**).

Вин.п. в **цуканских** говорах представлен следующими словоформами, распределившимися по выделенной схеме таким образом:

1. Твердый вариант.

1.1. **Л'аб'аду'** давал'и (ДВД., 2), **ф'т'ур'му'** сажал'и, с'в'иклу' ч'и'с'т'ил'и (ДНК., 4), **валач'и'ла** **траву'** (ДНК., 8), **вываз'и'л'и** **јиду'** (ДНК., 10), в **вайну'** у **м'ин'е'** дом **сажл'и'**, **зв'азду'** на **пам'итн'ик** (НЖМ., 2).

1.2. **Ты'кву** сажал'и; **ф'хату** во'д'им; **каро'ву** даил'и; **св'оклу** сажал'и; **кукуру'зу** кур'ам давал'и (ДВД., 2), **ры'бу** лав'и'т' н'ипло'ха; **ры'бу** жа'р'ил'и (ДНК., 3), **тра'ву** јел'и; **унал'и** на **рабо'ту** кнута'м'и (ДНК., 4), **над'ава'йа** **пан'о'ву**; **про'су** палол'и (ДНК., 5), до'ма сажал'и то'жы **ја'раду** и **мал'и'ну** (ДНК., 8), **на** **у'ру** н'ос на **рука'х** (НЖМ., 1).

1.3. **Нало'в'иши** м'елк'их **на** **уху'** / **уху'** вар'ил'и (ДНК., 3).

1.4. **Ста'л'и** **дра'ку** у устра'ивът'; **пало'жът** **до'ску** // ч'е'р'из **ма'тку** п'ър'ив'ерну'т' (ДВД., 2), в **б'ибл'иат'е'ку** пашла'; л'а'жым **път** **т'иле'уу** (ДВД.,

1), *н'и* выпуска'им на даро'уу (ДНК., 6), *з'имл'анку* вы'рыл (ДНК., 17), *фп'е'ч'ку* и'јо' (ДНК., 4), *фс'ем* бы на инама'рач'ку зас'е'с'т' (ДНК., 10), *ды'мку* так вот накрыва'л'и; *ч'а'шку* нал'ју'т', *варло'фку* јијо' атпра'в'ил'и (НЖМ., 2), на *р'е'ч'ку* нашл'у'т' (НЖМ., 3), *н'и* даслы'шът' на адну'у'шку (НЖМ., 1).

1.6. *Ку'р'ицу* нар'а'дут', саб'ира'л'и ул'ицу (ДНК., 15), *вар'ул'и ка'шу* (ДНК., 18), *паје'хълъ ја* в бал'н'и'цу, скрос' *кры'шу* уда'р'иль пу'л'ийу (НЖМ., 1).

2. Мягкий вариант.

2.2. *З'емл'у* свају' ја аддала' (ДНК., 16), *ја и в'ит'у и та'н'у* на даму' хр'ист'у'ла (ДНК., 15).

2.3. *Разбрыка'л'и марко'вч'к'у*, на *р'е'ч'к'у* хад'ил'и (ДВД., 2), *сумьч'к'у* саш'ју' (ДВД., 1).

2.4. Ну *правад'илъ* в армийу; *назна'ч'ил'и* в ману'л'ийу (НЖМ., 1), на *је'ту сав'иш'и'а'н'ийу* на каку'йтъ (НЖМ., 3).

По материалам исследования выявлено, что в цуканских говорах соотношение существительных твердой и мягкой разновидностей склонения обусловлено изменением заднеязычного согласного в результате прогрессивной ассимиляции. В связи с этим в одной половине записанных примеров существительные изменяются по мягкой разновидности 1 склонения (*марко'вч'к'у*, *р'е'ч'к'у*, *сумьч'к'у*). Эта черта характеризует прежде всего традиционный диалект с. Давыдовка Лискинского района. В другой половине примеров подобные существительные остаются в пределах твердого варианта склонения (*фп'е'ч'ку*, *на инама'рач'ку*, *на р'е'ч'ку*).

У существительных ср.р. отмечаются морфологически выраженные признаки их перехода в состав ж.р. и соответственно в 1 склонения (*на је'ту сав'иш'и'а'н'ийу*, *про'су пало'л'и*, *на адну'у'шку*). Отмечены случаи вариативности места ударения в пределах одного слова (*валач'у'ла траву' – тра'ву је'л'и*).

В говорах с севернорусской основой в форме вин.п. зафиксированы следующие словоформы.

1. Твердый вариант.

1.1. *О'ч'ьн' л'у'б'ат во'ду / но н'и ж'ару'; ја'рмъркь была' ф стар'ину'* (БРД., 2), *св'аклу' капа'ли* (БРД., 7), *рабо'тн'ик'и ты'ла / в вайну'* (БРД., 3), *јово' въз'ал'и нъ войну'* (ХЛБ., 2).

1.2. *Кто даст ко'фту; п'ър'тр'ахнул и'збу* (ХЛБ., 1), *пон'о'ву н'и нос'ил'и* (ХЛБ., 2), *зъб'ира'ит л'уд'е'й / бр'иуа'ду; пр'ин'ис'и' но'ч'ву* (БРД., 1), *с'е'йут св'о'клу* (БРД., 6); *атм'е'т'ил'и зълату'ю сва'д'бу, адну' ко'мнату зд'ел'л'и, во'ду ваз'ил'и* (БРД., 7).

1.3. *Р'ику' назва'л'и у на'с мардо'ф* (БРД., 7).

1.4. *Даст то н'и'жн'уйу руба'шку / ил'и ју'нку* (ХЛБ., 1), *в'э'ту гарн'ушку лажу'* (БРД., 1), *т'е'хн'ику пькупа'ит; т'ан'ьт с'е'илку; ло'шьт' зьпр'ега'им ф со'ху и карто'шку сад'ил'и* (БРД., 6), *в'р'е'чку ссыпа'л'и* (БРД., 7), *раш'ш'о'ску прос'ила* (Н. КРЛ., 1).

1.6. *Ушла' на ул'ицу* (ХЛБ., 2), *на ма'сл'ин'ицу вот / кой када' выје'дут* (БРД., 2), *с'е'ит аз'и'мьйу пшын'и'цу* (БРД.6), *за м'илую ду'шу је'л'и* (БРД., 7).

2. Мягкий вариант.

2.1. *Л'он и канапл'у' (сажали)* (БРД., 4).

2.2. *В н'ид'ил'у рас пу'ст'ут* (Н. КРЛ., 1), *је'ду на фстр'е'ч'у* (Н. КРЛ., 2), *фс'у вр'и'м'у пло'хо жыла'* (ХЛБ., 1).

2.4. *П'и'н'с'ийу пьлуч'а'йу* (ХЛБ., 1), *забра'л'и м'ин'а' в ар'м'ийу* (БРД., 1), *на ста'нцыйу ваз'ил'и* (БРД., 2), *тода' пр'и'м'ийу дава'л'и* (Н. КРЛ., 1).

Итак, отметим, что в говорах с севернорусской основой не выявлены случаи прогрессивной ассимиляцией заднеязычных согласных по мягкости, поэтому соотношение твердого и мягкого вариантов склонения не отличается от литературного языка.

Существительные ср.р. в некоторых случаях получают морфологический показатель ж.р. и отнесенность к 1 склонению (*фс'у вр'и'м'у пло'хо жыла'*), однако не исключено сохранение окончаний ср.р. при синтаксически выраженном ж.р. (*в адну' л'е'то постро'ил*). Кроме того, в говорах наблюдается смена места ударения, что в одних случаях способствует его выравниванию по всей парадигме (*р'ику' назва'л'и у на'с мардо'ф*), в других – приводит к вариативности форм

(*св'аклу' кана'ли – с'е'йут св'о'клу*). Причину отличной от литературного языка акцентуации в сочетаниях типа *ло'шът' зьпр'ега'им ф со'ху, п'ьр'тр'ахнул и'збу* можно объяснить сохранением особенностей черт севернорусского ударения, для которого характерно сохранение ударения на основе у существительных ж.р. на -а в вин.п. В.И. Собинникова приводит и другие примеры: *бо'рзду, го'ру, зе'млю, зи'му, но'гу, о'вцу* (Бродовое), *вёсну, во'ду, зо'лу, до'ску, бо'рьну* (Новый Курлак) и др. [Собинникова 1981, с. 107].

Вин.п. в **русских говорах** представлен такими словоформами:

1. Твердый вариант.

1.1. *Нь* $\curvearrowright$ *кълыму' атправл'а'л'и* (АЛК.-1, 2), *нь* $\curvearrowright$ *вайну' ја пашо'л; кн'и'шк'и пьт* $\curvearrowright$ *крава'т' / а сам'и нь* $\curvearrowright$ *гару'* (АЛК.-1, 3).

1.2. *Пр'ишж'ж'а'л'и с'уда' на* $\curvearrowright$ *ахо'ту з'имо'й, машы'ну н'икак н'и* $\curvearrowright$ *над'ел'ут', он пр'ив'из'от' свайу св'иту аттуда, вот ч'ер'ьз лаш'ш'и'ну* (АЛК.-1, 2), *ф* $\curvearrowright$ *шко'лу бьс'ико'м хад'и'л'и; спаса'л свайу' шку'ру; в'ирну'л'ис' на* $\curvearrowright$ *ро'д'ину* (АЛК.-1, 3).

1.4. *Мн'е / вро'д'и / на'* $\curvearrowright$ *руку* (АЛК.-1, 3).

2. Мягкий вариант.

2.2. *Зашо'л в* $\curvearrowright$ *д'ир'е'вн'у* (АЛК.-1, 3).

2.4. *Раска'зъвыл'и прь* $\curvearrowright$ *къл'икт'ив'иза'цыйу* (АЛК.-1, 2).

Изученные материалы показали, что для русских говоров оказалось нехарактерным изменение заднеязычного согласного в результате прогрессивной ассимиляции по мягкости, как и для говоров с севернорусской основой. Этим они близки друг другу и литературному языку.

У существительных ср.р., примкнувших к ж.р., морфологически выраженного перехода в состав 1 склонения не выявлено.

В говорах наблюдаются случаи смены ударения (*сам'и нь* $\curvearrowright$ *гару'*, *мн'е / вро'д'и / на'* $\curvearrowright$ *руку*). В первом случае это приводит к выравниванию места ударения по всей парадигме словоизменения, а во втором в пределах устойчивого выражения произошел перенос ударения на предлог.

Выводы. Вин.п. ед.ч. в воронежских диалектах представлен большим количеством примеров, тем не менее не все выделенные нами параметры были проиллюстрированы. Наиболее уязвимыми в этом плане оказались словоформы твердого варианта склонения с основой на заднеязычный согласный (обозначены как 1.3.), шипящий [ж], [ш] и аффрикату [ц] с ударным окончанием (обозначены как 1.5.). Согласно данным обратного словаря [Обратный словарь русского языка] в русском языке количество таких слов крайне мало. Так из более чем 8 тыс. слов с основой на заднеязычный согласный в форме вин.п. ударное окончание могут иметь только 11 существительных (*тайга, нуга, дуга, слуга, кочерга, мука, чека, Лука, соха, сноха, уха*), почти из 2,5 тыс. слов с основой на шипящий [ж], [ш] и аффрикату [ц] в указанной форме ударное окончание получают всего 7 слов (*дежа, межа, возжа, госпожа, левша, лапша, парша*). Вероятность употребления некоторых из них носителями диалекта невелика.

Все зафиксированные формы не отличаются разнообразием, во всех случаях функционирует окончание -у.

Как и в им.п., в вин.п. в части говоров выявлено иное, чем в литературном языке, соотношение твердого и мягкого варианта склонения: в талагайских говорах курско-орловского типа, в собственно талагайских и цуканских говорах мягкий вариант 1 склонения представлен шире. Это связано с фонетическими особенностями данных говоров: прогрессивной ассимиляцией заднеязычного согласного по мягкости (*р'у'мъч'к'у, бо'ч'к'у, у'ку'ч'к'у, пало'съч'к'у, ды'рач'к'у, на'въльч'к'у, марко'въч'к'у, на'р'е'ч'к'у, су'мъч'к'у*).

Важно отметить, что при наличии одинаковых фонетических условий, процесс прогрессивной ассимиляции в вин.п. более последовательно и более мощно, по сравнению с им.п., представлен в собственно талагайских говорах (86% словоформ). Особенно эта черта характеризует диалект с. Козловка Бутурлиновского района. В талагайских говорах курско-орловского типа подсчеты совпали с результатами анализа им.п. (60% словоформ). Чаще всего прогрессивная ассимиляция встречается в речи жителей сел Краснолипые Репьевского района и Мастюгино Острогожского района. В цуканских же говорах смягчение заднеязычного согласного в вин.п.

происходит в половине случаев, что превышает показатели подобных изменений в им.п. (ср. диаграмму 15 и диаграмму 16) и чаще отмечена в речи жителей с. Давыдовка Лискинского района.

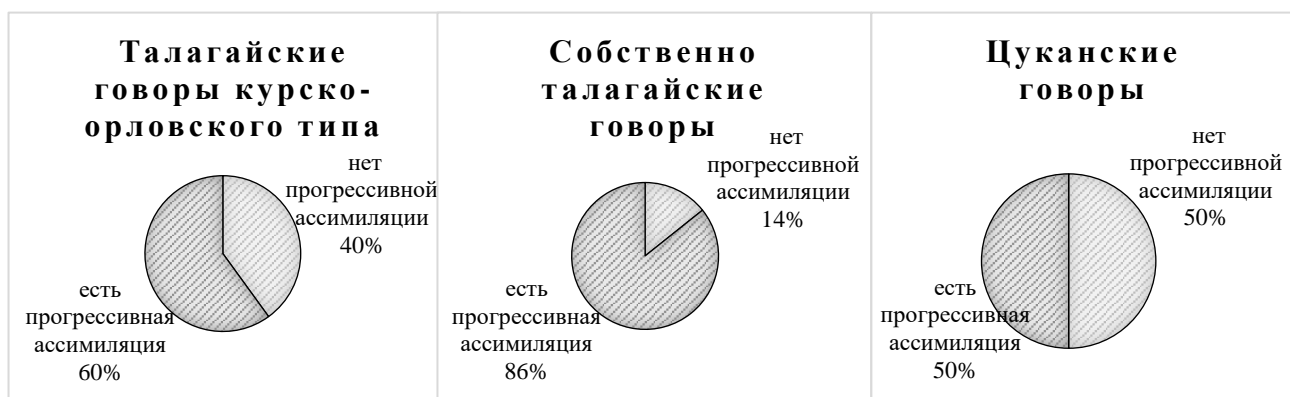

Диаграмма 16. Изменения заднеязычного согласного в результате прогрессивной ассимиляции по мягкости, отраженные в формах вин. п. сущ. 1 скл. в говорах Воронежской области

В говорах с севернорусской основой и русских говорах прогрессивной ассимиляции заднеязычного не происходит, как и в им.п., поэтому соотношение твердого и мягкого вариантов склонения не отличаются от литературного языка.

Кроме того, если в им.п. существительные ср.р., переходя в состав ж.р., не получали морфологического выражения рода, то в вин.п. в безударном положении мы отмечаем характерное для 1 склонения окончание -у. Оно часто наблюдается в двух талагайских и цуканском говорах (*намы'лу*, *у свају' жыл'и'ишу*, *са'лу упако'вывал'и*, *ста'в'ил'и т'е'сту*, *накла'д'б'ишу иду'т'*, *про'су пало'л'и*, *на адну' у'ику*). Не исключены такие примеры и в переселенческих говорах с севернорусской основой, когда существительные ср.р. в некоторых случаях получают морфологический показатель ж.р. и отнесенность к 1 склонению (*фс'у вр'и'м'у*), а в некоторых – сохраняют окончания ср.р. при синтаксически выраженном ж.р. (*в адну' л'е'то*). В русских говорах род существительных преимущественно выражается синтаксически (*фс'у вр'е'м'ь*).

По всем типам говоров в вин.п. наблюдается смена места ударения, что в одних случаях приводит к его выравниванию по всей парадигме (*у б'ьразду'*; *р'ику' назва'л'и*; *нъ'уару'*), в других – приводит к вариативности форм (*св'аклу'* – *св'о'клу*; *траву'* – *тра'ву*). В предложно-падежной форме ударение может

смещаться на предлог (*на' ъру вы'йд'и; на' руку*). В некоторых случаях отличия в акцентуации обусловлены сохранением особенностей материнского диалекта переселенческими говорами с севернорусской основой (*ло'шьт' зьпр'ега'им ф со'ху, п'ьр'тр'ахну'л и'збу*). Подобные случаи требуют дополнительного изучения, что не входит в задачи данного исследования. Отметим только, что в говорах с севернорусской основой мы заметили более частые, нежели в других типах, примеры отличающейся акцентуации.

3.1.1.3. Родительный падеж

Окончания род.п. представлены вариантами *-ы (-и), -е, и*, соотношение которых по выделенным типам воронежских говоров отличается. Кроме того, из-за отсутствия вариативности ударных и безударных окончаний существительных с основами на заднеязычный согласный, с одной стороны, и шипящий [ж], [ш] и аффрикату [ц], с другой, считаем целесообразным объединить их при описании и обозначить 1.3-4. и 1.5-6 соответственно. Также в пределах мягкой разновидности склонения отдельно не выделяются основы на мягкий заднеязычный, смягчившийся в результате прогрессивной ассимиляции согласных, поскольку его изменение обусловлено иными историческими процессами, поэтому при описании отсутствует пункт 2.3.

В талагайских говорах курско-орловского типа род.п. представлен следующими словоформами.

1. Твердый вариант.

1.1. В падежных и предложно-падежных формах отмечено только окончание *-ы*: *дас'т' нам вады'* (МСТ., 1), *на ъ'вадро' вады'* (ДВЦ., 1) *кру'жывь дл'ь кр'саты'* (КРЛП., 1), в том числе и в сочетании с числительными: *мы тр'и с'астры'* (МСТ., 1) *дв'е касы' укл'ата'ль* (КРЛП., 1).

1.2. В падежных и предложно-падежных формах отмечено окончание *-ы*: *н'а в'и д'ьл'и ры'бы* (КРЛП., 3), *пл'ату'шк'и бал'шы'йь ис сало'мы*; *ч'ьр'ану'шк'и из м'и'ны* (СТ. ХВР., 2) *ну ис сало'мы мал'ьн'к'им'и снапо'ч'к'ьм'и* (КРЛП., 2), *св'ерху нан'о'вы* (СТ. ХВР., 1) *сало'му дл'ь каро'вы* (ДВЦ., 1), в том числе в конструкциях при отрицании: *см'ены н'ету* (МСТ., 1). Такие примеры насчитывают 71%. Безударное окончание *-и* встречается реже (29% предложно-падежных форм): *л'ан'о'шк'и ат каро'в'и* (КРЛП., 3), *ис хат'и вы'гнъл* (КРЛП., 5).

1.3-4. Используется исторически обусловленное безвариантное окончание *-и*: *ч'уу'н м'малы'у'и*; *с кра'сн'ый го'рк'и ид'ем* (КРЛП., 1), *у п'е'ч'к'и была' ла'укь* (КРЛП., 2), *ач'и'стки ат карто'шк'и*; *с'ем'ь у ја'бл'ьч'к'и* (КРЛП., 3), *у ма'је'й ба'бушк'и был'ь во'с'ьм сынав'ей*; *пр'ин'асла' м'малы'у'и* (КРЛП., 4), *ну н'и кру'шк'и / н'ич'о' н'ету* (МСТ., 1), *зако'лк'и ис про'вълк'и* (СТ. ХВР., 1), *ис кардо'нк'и* (СТ. ХВР., 2), *у м'и'н'ши'ш'ь / у в'е'рб'ич'к'и* (ДВЦ., 1).

1.5-6. Все примеры с безвариантным окончанием *-ы*: *из ад'о'жы шу'бь и пад'д'о'фкь была'* (СТ. ХВР., 2), *пр'ив'азу'т' пшан'и'цы* (ДВЦ., 1), *пр'ин'асла' пшан'и'цы* (КРЛП., 4).

2. Мягкий вариант.

2.1. *Н'итк'и ис к'ьнап'е' н'ь пр'ала'* (КРЛП., 3).

2.2. *Н'ад'ел'и дв'е' пъл'и'жа'т'* (КРЛП., 3), *мы н'ад'ел'и дв'е' шл'и, н'е'д'ел'и дв'е' мы шл'и / н'ад'ел'и тр'и* (МСТ., 1).

Представленный материал позволяет обозначить две существенные особенности, характерные для форм род.п. в талагайских говорах курско-орловского типа. Во-первых, в указанной форме до настоящего времени сохраняете исконное окончание мягкого варианта 1 склонения (*н'итк'и ис к'ьнап'е' н'ь пр'ала'*). Такие примеры зафиксированы в речи неграмотной информантки Елисеевой Марии Павловны (1929 г.р.)

Во-вторых, для этого типа диалекта характерно иное, по сравнению с литературным языком, формирование окончаний 1 склонения при взаимодействии двух его вариантов по пути влияния мягкого варианта на твердый. В свою очередь,

это приводит к вариативности окончаний. В нашем материале такая вариативность отмечена в безударном положении (*ис сало'мы – ис ха'т'и; дл'ь каро'вы – ат каро'в'и*).

По данным диалектологов, в говорах сел Старая Хворостань Лискинского района, Россошки Репьевского района до сих пор сохраняются следы такого взаимодействия и в ударном положении: *у капп'е' у нас р'иб'а'ты ма'т'ер'у п'н'има'йут'* (Старая Хворостань), *у кум'е' ол'г'и и т'ил'ихфо'н јес'т'* (Россошки) [Черенкова 2016, с. 140]. Эти формы отмечаются исключительно после предлогов, среди которых наиболее частотны *у, от, из, для*.

Однако данная черта подвержена разрушению, поскольку фиксируется только в речи старшего поколения, что подтверждается другими исследователями. Так в говоре с. Мастюгино Острогожского района данная черта, по наблюдениям С.В. Дьяченко, в речи молодого поколения не отмечена [Дьяченко 2007, с. 35].

Кроме этого, некоторые существительные ср.р. в род.п. получают морфологическое выражение их перехода в состав ж.р. (*с'е'м'ь у ја'бл'ч'к'и*).

Род.п. **собственно талагайских говоров** можно проиллюстрировать такими примерами:

1. Твердый вариант.

1.1. Окончание *-ы* в падежных и предложно-падежных формах преобладает и насчитывает 96,4% примеров: *по'сл'ь жь вайны'; ат трубы' вот тут* (ШКВ., 1), *по'сл'и вайны' нач'ал'и д'е'н'г'и плат'и'т'* (КЗЛ., 2), *с'эт'ьй жары' и с'той жары'; д'ь ялавы' дашло'* (РСТШ., 1), *дала' им св'ато'й вады'* (СТП., 1). Редкие примеры (5,6% словоформ) фиксируют окончание *-е*: *у л'ис'е' хво'ст / л'ис'и'ный* (АНШ., 1).

1.2. В 78,5% словоформ отмечено окончание *-ы*: *зд'е'с'ть рабо'ты н'ет; ако'ны ры'л'и дл'а заш'и'и'ты* (ШКВ., 2), *из ул'и'ны / ч'а'шк'и / жаршк'и'* (КЗЛ., 2), *иду' с рабо'ты дамо'й* (РСТШ., 1), в том числе в конструкциях при отрицании: *ана' с'аку'нды н'а л'ажы'т'* (КЗЛ., 2), *рабо'ты н'ет* (ШКВ., 2), в сочетании с числительными и неопределенно-количественными словами: *ја' дв'е' и'л'и тр'и' каро'вы п'дају'* (БРЗ., 1), *сало'мы ста'ль мно'г'ь* (КЗЛ., 2), *а рабо'ты у на'с ско'л'к'ь* (РСТШ., 1).

Окончание *-и* представлено в 21,5% падежных и предложно-падежных форм: *измо'д'и* *т* *вы'шль фс'о* (ШКВ., 1), *н'а ху'жы ба'н'к'и матр'о'н'и* (КЗЛ., 4), *ро'цтв'ин'н'ицъ ма'м'и* (РСТШ., 1).

1.3-4. Используется исторически обусловленное безвариантное окончание *-и*: *з'у'и бо'жый н'и* *в'ида'т'* (РСТШ., 1), *у* *падру'г'и* *у* *маје'й была' с'астра'* (БРЗ, 1), *во'зл'ь н'е'ч'к'и* / *ко'н'ик* / *он шы'р'и скам'е'йк'и* (ШКВ., 1), *была' ии* *шука'фк'и*; *штоп пр'хад'и'ль пу'шк'и дуло'* (ШКВ., 2), *т'аса'л'и* <...> *на* *иша'лы жсал'езнай даро'г'и* (КЗЛ., 2), *нъ* *пал'а'н'х э'т'ый з'имл'ан'и'к'и* (КЗЛ., 5).

1.5-6. Только безвариантное окончанием *-ы*: *с'е'жал'и пало'с'ч'к'у ржы'цы* (КЗЛ., 2), *пасл'а' кла'д'б'ишишы* *п'м'ина'йут'* (СТП., 2).

2. Мягкий вариант.

2.1. *К'ида'йут' на* *ю'р'с'т'и з'амл'и'* (СТП., 2), *з'имл'и'* *мно'г'ь* (РСТШ., 1).

2.2. *Дв'е н'ид'е'л'и* *аддахнула* (РСТШ., 1).

2.4. *Уч'и'т'ьл' биало'г'и* (ШКВ., 4), *до* *р'ьвал'у'цыи* *ана' н'ч'ина'ль рабо'т'ьт'*; *уч'и'т'ьл' г'у'и* *аура'ф'и* (ШКВ., 3), *в'арну'лс'ь с'а'рм'и* (КЗЛ., 1).

Материалы нашего исследования позволяют говорить о том, что в собственно талагайских говорах для формы род.п. твердого варианта склонения характерна вариативность окончаний как в ударном положении (*с* *той г'ры'* – *у* *л'ис'е'*), так и в безударной позиции (*с* *рабо'ты* – *из* *мо'д'и*). Нетрудно заметить, что количественное преимущество получают формы с окончанием *-ы*, тогда как число форм типа *у* *л'ис'е'* крайне мало, в большинстве своем они отмечаются в речи носителей традиционного диалекта 1919, 1928, 1933 г.р. Однако следует отметить, что вариантное окончание *-и* как следствие влияния мягкого варианта 1 склонения на твердый в данном типе диалекта возможно и в беспредложных сочетаниях (*н'а ху'жы эт ба'н'к'и матр'о'н'и*, *ро'цтв'ин'н'ицъ ма'м'и*).

Как и в талагайских говорах курско-орловского типа, у некоторых существительных ср.р. можно наблюдать окончание, характерное для 1 склонения (*пасл'а' кла'д'б'ишишы* *п'м'ина'йут'*).

В цуканских говорах род.п. отмечен в следующих примерах:

1. Твердый вариант.

1.1. Характерна вариативность ударных окончаний *-ы* и *-е*. В большинстве падежных и предложно-падежных форм (92% примеров) отмечено окончание *-ы*: *найд'о'ш л'иствы'*; *нато'пч'им эт'ьй л'ьб'ады'* (ДВД., 2), *л'иб'иды' нарв'от'* (ДНК., 4), *да са'май з'имы'* (ДНК., 6), *калхо'с выд'ил'а'л нам крупы'* (ДНК., 14), *ва вр'е'м'а вайны'*; *он нав'ида'лс'а вайны' је'тай* (НЖМ., 1). Однако 8% примеров фиксирует окончание *-е*: *нъч'ала' с ку'рскъй дуу'е'* (ДВД., 1).

1.2. Также отмечается вариативность окончаний. В 83% словоформ фигурирует окончание *-ы* в падежных и предложно-падежных формах: *у ма'мы ты'къф сто* (ДВД., 2), *сундук до'ма дл'а ад'е'жды* (ДНК., 1), *пашухар'ул'и да сва'д'бы* (ДНК., 15), *с'ид'ат' б'из работы* (ДНК., 12), *палав'ик'и' ис про'с'т'ины* (ДНК., 16), а также в конструкциях при отрицании: *д'исцыпл'ины н'е'ту* (ДНК., 10) и в сочетании с числительными: *јес'т' на дв'е' каро'вы д'е'ржат'* (ДНК., 6).

Окончание *-и* в предложно-падежных формах отмечено в 17% словоформ: *у ма'м'и п'ат'иръ былъ* (НЖМ., 3).

1.3-4. Используется исторически обусловленное безвариантное окончание *-и*: *махотк'и дв'е вы'л'ьши'* (ДВД., 2), *талку'шк'и дл'ь карто'шк'и* (ДНК., 1), *у радно'й т'отк'и была', за в'идро' карто'х'и ф'тур'му' сажал'и, јел'и из ул'и'н'анай ч'ир'ипу'шк'и* (ДНК., 2), *д'елал'и из мук'и'* (ДНК., 9), *с'и'нул с по'лк'и и тава'р'иши с ји'м* (НЖМ., 1), *ч'а'шк'и н'ет* (НЖМ., 2).

1.5-6. Только безвариантное окончание *-ы*: *пр'ид'о'ш с ул'ицы* (ДНК., 15).

2. Мягкий вариант.

2.1. *Дама' ис пл'итн'и'* (ДНК., 12).

2.2. *Куп'ул' дл'а ку'хн'и* (ДНК., 12), *у аднаю' д'а'д'и во'с'им' д'ит'е'й была* (НЖМ., 2).

2.4. *Ин'еру'иш н'е' была* (ДНК., 1), *был наво'ч'икъм т'ажо'лай арт'ил'ер'иш; жын'и'т' да ар'м'иш* (НЖМ., 1).

Представленные материалы свидетельствуют о том, что в цуканских говорах, как и в собственно талагайских, вариативность окончаний род.п. в твердом варианте отмечается как в ударном (*да са'май з'имы' – с ку'рскъй дуу'е'*), так и в безударном положении (*у ма'мы – у ма'м'и*). Однако в этих говорах

вариативность окончаний возможна только после предлогов. В исследованиях В.Н. Кретовой 1960-х гг., отмечается, что эта диалектная особенность имеет широкое распространение не только в речи старшего поколения носителей диалекта, но и в речи молодежи: *у жане, у сястре, у снахе, из муке, окъль ряке, биз руке, биз работи, для карови, у нявес'ти, у нашъй усад'би* [Кретьова, с. 127]. Наши наблюдения за современным состоянием этих диалектов показывают, что формы род.п. с окончанием *-ы*, совпадающие с литературным языком, преобладают. А примеры, фиксирующие иной путь взаимодействия твердого и мягкого вариантов 1 склонения, встречаются редко, используются только представителями старшего поколения (1919, 1925 г.р.).

Существительные ср.р., которые синтаксически показывают отнесенность к ж.р., сохраняют окончания 2 склонения (*вы'л'жъш туда' мълака' // ана' н'аск'и'сн'ь*).

В говорах с севернорусской основой записаны такие существительные в форме род.п.:

1. Твердый вариант.

1.1. Представлена вариативность ударного окончания *-ы* и *-е*.

Окончание *-ы* зафиксировано в 83% падежных и предложно-падежных форм: *карал'е'ва красаты'* (БРД., 5), *ач'иш'и'а'льс' <...> ат'травы'* (БРД., 2), *из'масквы' присла'л пу'т'ин п'ис'мо'* (БРД., 3), *пр'ишо'л с'ф'и'нскъй вайны'* (БРД., 7), а также в конструкциях при отрицании: *вро'д'и войны' н'ет* (БРД., 7). Окончание *-е* встречается в 17% словоформ: *у'му'жн'инъй с'астр'е'* (БРД., 7).

1.2. Большинство словоформ 80% отмечено с окончанием *-ы*: *дом кул'ту'ры; ка'м'ьн'ш'и'ш'икъм бр'ига'ды* (БРД., 1), *вакру'х шко'лы* (БРД., 2), *к'шыйс'атл'е'т'ийу поб'е'ды* (Н. КРЛ., 1), *сало'мы натаска'им* (БРД., 8), а также в сочетании с числительными *ч'иты'р'ь комнъты* (БРД., 1).

Часть словоформ (20%) имеют окончание *-и*: *с'машы'н'и уб'и'лса с'машы'н'и розб'и'лса* (ХЛБ., 1), *у'на'п'е бы'л'и руба'шк'и* (БРД., 4).

1.3-4. Используется исторически обусловленное безвариантное окончание *-и*: *мну'ч'к'и* муш, *вод'и'ч'к'и* мн'е пр'ин'осла' (ХЛБ., 1), *дл'а' κла'тк'и* сво'дъ (БРД., 1), *пшын'и'ць б'ъз руба'шк'и* (БРД., 6), *дъ κра'ск'и* ку'п'иш (БРД., 8).

1.5-6. Только с безвариантным окончанием *-ы*: *да пьн'ир'е'иньй ул'ицы* (БРД., 2), *по'сл'ь аз'и'мьй пшын'и'цы* (БРД., 6).

2. Мягкий вариант.

2.2. *Ул'он'и κтн'е'быль* (Н. КРЛ., 1).

Итак, приведенные материалы демонстрируют, что в говорах с севернорусской основой вариативность окончаний род.п. с предлогом возможна как в ударном (*из масквы', у му'жн'иньй с'астр'е'*), так и в безударном положении (*с машы'н'и, у на'п'е'*). При этом обращает на себя внимание больший по сравнению с другими типами воронежских говоров процент словоформ с признаками влияния мягкой разновидности 1 склонения на твердую (17% под ударением и 20% без ударения). Предполагаем, что данное обстоятельство, противоречащее основной характеристике севернорусского наречия, может свидетельствовать об активной перестройке диалекта в условиях южнорусского окружения. По наблюдениям Д.Н. Гальцовой, форм с признаками влияния мягкой разновидности 1 склонения на твердую часто встречается в речи жителей с. Новый Курлак Аннинского района: *у Ли'д'и два сы'на, у В'ер'и спрос'и', у с'истр'е' кало'диж был на двор'е'* [Гальцова 2019а, с. 16].

Существительные ср.р. в форме род.п. не демонстрируют тенденцию к переходу в состав ж.р. ни на морфологическом, ни на синтаксическом уровне.

В русских говорах род.п. оказался самым многочисленным по сравнению с другими типами говоров, приведем некоторые примеры:

1. Твердый вариант.

1.1. В падежных и предложно-падежных формах отмечено только ударное окончание *-ы*: *с той и с эт'ьй стьраны'*; *ва вр'ем'ь вайны'* (АЛК.-1, 2), *пам'е'ш'и'ш'ик эт'ьт был с масквы'*; *ва вр'ем'ь вайны'* (АЛК.-1, 3).

1.2. Отмечается вариативность окончаний:

В 75% словоформ отмечено окончание *-ы* в падежных и предложно-падежных формах: *в ъд'ен' наб'е'ды, он изм'ен'н'ик ро'д'ины* (АЛК.-1, 3), *бу'квы ур'т' н'и ъхвата'ит'* (АЛК.-1, 2).

В 25% словоформ – окончание *-и* в предложно-падежных формах: *иш ъшко'л'и пр'ид'о'м* (АЛК.-1, 3).

1.5-6. Только безвариантное окончание *-ы*: *шама'н'ины с ъпол'шы* (АЛК.-1, 3).

2. Мягкий вариант.

2.1. *Ч'ьты'р'и с'им'ји' бы'ль* (АЛК.-1, 1).

2.4. *А рабо'тъйу / да ъса'мьй н'е'нс'иш* (АЛК.-1, 2), *прот'ив на'шьй фам'ил'иш; из ъв'енур'иш; из ъарм'иш при'ишо'л* (АЛК.-1, 3).

Анализ материала показал, что в русских говорах вариативность окончаний род.п., связанная с воздействием мягкого варианта склонения на твердый, обнаружена только в безударном положении в сочетании с предлогом (*иш ъшко'л'и*).

Существительные ср.р. в форме род.п., как и в говорах с севернорусской основой тенденцию к переходу в состав ж.р. на морфологическом уровне не демонстрируют.

Выводы. Род.п. в плане морфологического выражения вызывает научный интерес в силу наличия вариативности окончаний *-ы (-и)*, *-е*, *-и*, анализ которых позволяет нам обозначить две существенные особенности данной формы.

В первую очередь отметим формы, где вариативность отсутствует в силу разных исторических причин. К таким формам относятся:

1) сочетания с числительными и неопределенно-количественными словами (*тр'и с'астры', дв'е касы', ч'иты'р'ь комн'ьты, мно'уь сало'мы, ско'л'къ рабо'ты*);

2) конструкции с отрицанием (*см'е'ны н'е'ту, д'исцыпл'и'ны н'е'ту, ч'ашк'и н'ет, войны' пут'о'м н'ет*);

3) словоформы с основой на отвердевшие шипящие [ж], [ш] и аффрикату [ц], поскольку эти согласные не имеют оппозиции по твердости/мягкости (*из ъад'о'жы, с ъпол'шы, пр'ин'асла' п'шан'и'цы, пр'ид'о'иш с ъул'и'цы*);

4) словоформы с основой на заднеязычный согласный, в которых безвариантное окончание *-и* появилось после перехода [гы], [кы], [хы] в [ги], [ки], [хи] в XIII-XIV вв. под действием фонетических и морфологических причин (*у́п'е'ч'к'и*, *ис'про'вълк'и*, *у'падру'г'и*, *за'в'идро'карто'х'и*).

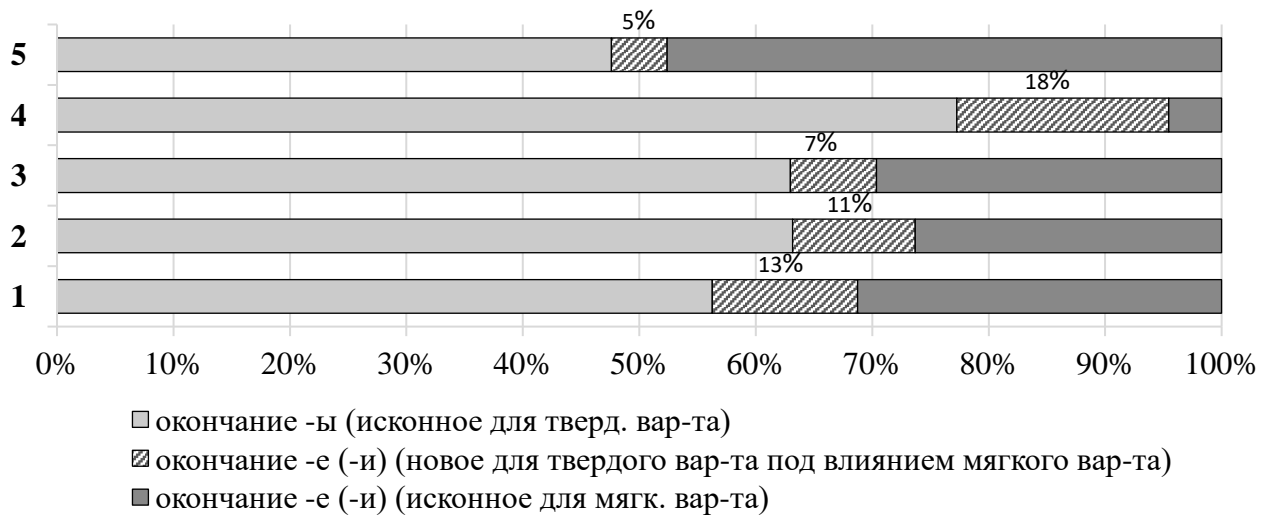
Данное положение сложилось исторически и характеризует в равной степени систему литературного языка и диалекты. Безвариантные формы в целом представляют собой древнерусское наследие.

Если исключить из подсчетов такие безальтернативные формы, то род.п. мы увидим особое взаимодействие твердого и мягкого вариантов 1 склонения, что является другой существенной особенностью данной формы.

Известно, что во многих диалектах русского языка (в т.ч. и тех, которые легли в основу литературного языка) процесс сближения двух разновидностей склонения пошел по пути влияния твердого варианта склонения на мягкий, которое завершилось тем, что окончания мягкого варианта были вытеснены окончаниями твердого. Однако, в некоторых говорах, этот путь взаимодействия был обратным, исконное окончание мягкого варианта *-ѣ*, совпавшее в истории русского языка с [е], стало употребляться у существительных с твердой основой.

Во всех обозначенных типах говоров Воронежской области на современном этапе развития отмечаются следы обозначенной особенности взаимодействия твердого и мягкого вариантов (*ис'кънап'е'*, *у'л'ис'е'*, *с'курскъй ду'е'*, *из'мо'д'е'*, *у'па'п'е'*, *ис'ха'т'и*, *ат'каро'в'и*, *у'ма'м'и*, *с'машы'н'и*, *иш'шко'л'и*). Повсеместное распространение этих форм отражает карта ДАРЯ [ДАРЯ, к. 1].

Статистические подсчеты помогают нам выявить степень влияния мягкого варианта склонения на твердый в разных типах воронежских говоров. О ней можно судить по протяженности заштрихованной части поля на диаграмме: чем она длиннее, тем больше словоформ, отражают влияние мягкого варианта склонения на твердый (диаграмма 17).

1 - талагайские говоры курско-орловского типа, 2 - собственно талагайские говоры, 3 - цуканские говоры, 4 - говоры с севернорусской основой, 5 - русские говоры

Диаграмма 17. Результаты взаимодействия твердого и мягкого вариантов в родительном падеже 1 склонения в говорах Воронежской области

Отметим, что в целом процент таких форм невелик по всем говорам. Ограниченное количество примеров с сохранением исконных окончаний мягкого варианта обусловлено влиянием литературного языка, которое с каждым годом становится все сильнее. Поэтому даже в речи старшего поколения формы типа *у с'астр'е'*, *ис ха'т'и*, *с машы'н'и* соседствуют с формами, закрепленными литературным языком (*у ма'мы*, *ис сало'мы*, *с рабо'ты*).

Ближкие значения получены в двух талагайских говорах (13% и 11%), что подчеркивает близость их происхождения. Чуть меньше их в цуканских говорах (7%). Самый низкий процент форм, отражающих влияние мягкого варианта склонения на твердый зафиксирован в русских говорах (5%), что демонстрирует их близость к литературному языку. Обращает на себя внимание активность обозначенного процесса в переселенческих севернорусских по происхождению говорах. Здесь насчитывается 18% словоформ, что, возможно, обусловлено перестройкой диалекта в условиях южнорусского окружения.

Важно отметить, что новые окончания в большинстве случаев отмечаются в предложно-падежных формах с предлогами *из*, *у*, *с*, *от* (*ис ха'т'и*, *из мо'д'е*, *иш шко'л'и*, *у ма'м'и*, *у с'астр'е'*, *у па'н'е*, *с машы'н'и*, *ат каро'в'и*). Однако в собственно талагайских говорах такие окончания возможны и в

беспредложных констукциях (*н'а ху'жы эт ба'п'к'и матр'о'н'и, ро'цтв'ин'н'ицъ ма'м'и*).

С учетом вышеизложенного в типологическом отношении приходится отмечать скорее близость говоров, чем их противопоставленность.

Некоторые существительные ср.р. в талагайских говорах курско-орловского типа и собственно талагайских говорах получают морфологическое выражение их перехода в состав ж.р., т.е. они получают окончания, характерные для род.п. 1 склонения (*с'е'м'ь у ја'бл'ч'к'и, насл'а' кла'д'б'ишишы нъм'ина'йут'*). В цуканских говорах существительные ср.р., которые синтаксически показывает отнесенность к ж.р., сохраняют окончания 2 склонения (*вы'л'јыш туда' мьлака' // ана' н'аск'у'сн'ь*). В севернорусских по происхождению и русских говорах тенденцию к переходу в состав ж.р. существительные ср.р. не демонстрируют ни на морфологическом, ни на синтаксическом уровне.

3.1.1.4. Предложный падеж

Исконным окончанием пр.п. для твердой разновидности склонения было окончание -ѣ, которое в литературном языке и части диалектов в результате взаимодействия двух разновидностей 1 склонения вытеснило исконное окончание мягкой разновидности – -и. Однако в части говоров исконные окончания мягкого варианта сохраняются. Так, С.И. Котков при изучении южнорусских памятников письменности XVII века отмечает устойчивость исконных окончаний мягкого варианта склонения, приводя убедительный ряд примеров [Котков 1963, с 180-181], и подтверждает свои мысли современным состоянием диалекта орловского типа: *аб рад'н'и'*; *на з'ам'л'и'* и др. Исконные окончания мягкого варианта склонения употребляются в говоре с. Роговатое Старооскольского района Белгородской

области (бывшего Нижнедевицкого района Воронежской области): *на* $\sim$ *е'т'ь* *з'ам'л'и'*, *у* $\sim$ *радн'и'* и др. [Тер-Аванесова 2013, с. 162].

В воронежских говорах в настоящее время в пр.п. под ударением нами отмечено окончание *-е*, в безударном положении его редуцированный вариант *-ь* или *-и*. Рассмотрим данные формы по типам диалектов.

В талагайских говорах курско-орловского типа в пр.п. под ударением употребляется окончание *-е*: *м'лат'и'л'и н'ь* $\sim$ *з'имл'е'* (КРЛП., 2), *н'ь* $\sim$ *св'акл'е'* *рабо'тль* (КРЛП., 3), *карто'х'и у* $\sim$ *вад'е'*, *хад'и'л'и н'ь* $\sim$ *жн'ав'е'*, (КРЛП., 4), *работ'ль'ь н'ь* $\sim$ *яр'е'* (ДВЦ., 1), *н'ь* $\sim$ *вайн'е' н'е'* $\sim$ *был* (МСТ., 1).

В безударном положении наблюдается редуцированный вариант окончания *-е* (*-ь*): *уч'и'л'ис' ум'е'ст'ь у* $\sim$ *шко'л'ь* (КРЛП., 1), *л'уд'е'й мно'у'ь у* $\sim$ *ха'т'ь* (КРЛП., 2), *на* $\sim$ *мы'ч'к'ь* *мы'к'ль'и*; *у* $\sim$ *ступ'н'ь* *т'ьлкач'о'м*; *у* $\sim$ *ступ'н'ь* *п'ьталк'е'*; *у* $\sim$ *сарок'ь* *замуш'и* *выхад'ил'и* (КРЛП., 3) *талкл'и' у* $\sim$ *ступ'н'ь* (КРЛП., 5), *у* $\sim$ *ха'т'ь* *умыва'л'ис'* (СТ. ХВР., 1), *н'ь* $\sim$ *сало'м'ь* *спа'л'и* (СТ. ХВР., 2), *н'ь* $\sim$ *база'р'ь* *п'ькупа'ль* *у* $\sim$ *па'ч'к'ь*; *кто н'ь* $\sim$ *машы'н'ь* *рабо'т'ьют'*; *рабо'т'ль'ь у* $\sim$ *а'уаро'дн'ий* *бр'и'у'д'ь*; *у* $\sim$ *страи'т'ьл'н'ий* *бр'и'у'д'ь* *рабо'т'ль'ь* (ДВЦ., 1).

После шипящих и [ц], не имеющих оппозиции по твердости/мягкости, отмечено безвариантное *-ы* (*-ь*): *сушы'л'и на* $\sim$ *у'л'иц'ь* (КРЛП., 2).

В собственно талагайских говорах в ударном положении отмечается окончание *-е*: *на* $\sim$ *вайн'е'* *пау'и'п* (КЗЛ., 2), *рабо'т'ля н'ь* $\sim$ *яр'е'*; *в* $\sim$ *у'лав'е'* *ко'с'т'и ста'л'и рос'т'* (РСТШ., 1), *н'ь* $\sim$ *св'акл'е'* *рабо'тала* (КЗЛ., 4), *н'ал'з'а'* *в* $\sim$ *ыз'б'е'* *мух б'ит'* (СТП., 2).

В безударном положении окончания *-е* представлено в редуцированном виде (в одной половине случаев *-ь*, в другой половине – *-и*): *ф* $\sim$ *ка'с'с'ь* *тр'и кап'е'йк'и* (КЗЛ., 2), *ја р'ьд'ил'а'с'* *ф* $\sim$ *казло'фк'ь* (КЗЛ., 6), *в* $\sim$ *да'нный* *шко'л'ь* *ја* *рабо'т'ью*, *д'ь* $\sim$ *ф* $\sim$ *ха'т'ь* *жыву'* (ШКВ., 1), *б'ир'и' јот* *харо'шый* *в* $\sim$ *ант'е'к'ь* (РСТШ., 1), *сундук'и' бы'л'и тады' в* $\sim$ *мо'д'и* (ШКВ., 4), *ф* $\sim$ *каду'шыч'к'и* *л'ажы'т' м'а'с'ь*; *тут на* $\sim$ *р'е'ч'к'и* *был* (КЗЛ., 2), *в'идната'* *ф* $\sim$ *ха'т'и*; *в'а'жым пр'и'* $\sim$ *э'т'ь* *капту'шк'и* (КЗЛ., 4), *уч'у'с'* *в* $\sim$ *бутурл'и'н'ьфк'и* *на* $\sim$ *м'етс'и'стру'* (КЗЛ., 6).

Употребление безударного *-и* поддерживается существительными на *-ия*, где оно является исконным: *а нь фам'ул'ии так ы была' кл'и'ч'къ* (КЗЛ.,1). По нашим наблюдениям, «безударное окончание *-и* встречается преимущественно в речи старшего поколения и произносится достаточно отчетливо, а в речи молодого, образованного поколения эти окончания конкурируют (например, в речи студентки С.В. Чулковой (1982 г. р.) употребление этих форм равноправно: *ја рѣд'ил'а'с' ф казло'фк'ъ и жыву' зд'е'ж жь; с'еч'а'с уч'у'с' в бутурл'и'ньфк'и на м'етс'истру'»* [Токарева 2017, с.173].

После шипящих и [ц], не имеющих оппозиции по твердости/мягкости, отмечены окончания *-ы*: *ма'му уб'ил'и в бал'н'и'цы* (РСТШ., 1), *рабо'тьль в бал'н'и'ць д'из'инф'е'ктъръм* (ШКВ., 2), *а то на у'л'и'ць* (ШКВ., 1).

Формы пр.п. в цуканских говорах под ударением отмечены с окончанием *-е*: *пауи'бл'и на вайн'е'* (ДВД., 1), *на р'ик'е' ры'бу лав'и'т'* (ДНК., 3), *жыв'о' на стар'ин'е'* (ДНК., 2), *ф трав'е' н'и найд'о'иш'; вываз'ил'и јиду' на тра'ссу на мурав'е'* (ДНК., 10), *в маскв'е' была'* (НЖМ., 3).

В безударном положении отмечены позиционные изменения окончания *-е* с разной степенью редукции (*-ь* или *-и*): *в з'имл'а'ньч'къ жы'л'и* (ДВД., 1), *ф ка'ждѣй уса'д'б'ъ јест'* (ДВД., 2), *су'ч'ѣа свала'к'ивал на л'исару'пк'ъ* (ДНК., 7); *рабо'тьль ја в б'ибл'иат'е'к'и д'е'цкѣй, нь машы'нк'и ино'й рас сум'ѣч'к'у саи'ју'* (ДВД., 1), *искупа'лс'а в ба'н'и л'е'тн'ий, в давы'дафк'и жы'л'и, расл'и' в адно'й ко'мнат'и* (НЖМ., 2), *л'ижа'л'и ан'и' на в'е'рхн'ий полк'и* (НЖМ., 1), *пр'али мы на санапр'а'х'и, ку'ры у м'ин'е' ф курн'ик'и* (ДНК., 2), *с'ид'ат' фс'е на карто'шк'и* (ДНК., 18), *п'ил'о'нк'и на р'е'ч'к'и мо'им* (ДНК., 5). Количественное преимущество получает вариант *-и*, он отчетливо произносится в 80% словоформ.

В говорах с севернорусской основой под ударением также употребляется окончание *-е*: *сод'ил'ис' на гор'е; оста'вил'и на борозд'е'* (Н. КРЛ., 1), *вызб'е' т'ипло'; ф пл'ит'е' то'пкѣ; паг'и'п сра'зу нь вайн'е'* (БРД., 1), *нь р'ик'е' у на'с мост был* (БРД., 2).

В безударном положении отмечен редуцированный вариант окончания *-е* (*-ь* или *-и*): *служы'л нь украин'н'ь* (БРД., 1) *ан'и' в лу'жын'ь* (БРД., 8), *ашы'пка нь ашы'нк'и* (БРД., 3), *на сва'д'б'и* (БРД., 4), *с'ид'е'л ф каб'и'нк'и* (ХЛБ., 1), *рабо'тъл в а'н'н'и бр'игад'и'р'ьм; каз'ик'и' ф п'е'ч'к'и вот ру'скъй и тап'и'л'и* (БРД., 1). Количественные подсчеты демонстрируют количественное преобладание варианта *-и*, он зафиксировано в 79% словоформ и поддерживается системой окончаний существительных на *-ия*: *но'гу р'е'зат' в герма'н'ии* (Н. КРЛ., 2).

После шипящих и [ц] отмечено безвариантное *-ы*: *на ул'иць ув'и'д'ишс'а* (ХЛБ., 2).

В русских говорах, как и в других говорах, в пр.п. под ударением наблюдается окончание *-е*: *жыл он в маскв'е'*, *на той ст'ран'е'* *бы'ль у н'иво' и пса'рн'а* (АЛК.-1, 2), *ад'и'н в маскв'е'* *жыв'от'* (АЛК.-1, 3), *н'и в ызб'е' т'иб'е' / а нь вайн'е'* (АЛК.-1, 4).

В безударном положении зафиксированы редуцированные варианты окончания *-е -ь* и *-и*: *нь кварт'и'р'ь* (АЛК.-1, 2), *п'ьм'ира'т' фс'о' р'ьвн'ь тут / на род'ин'ь нь сваје'й* (АЛК.-1, 3), *р'е'ч' у фс'е'х ад'ина'к'ьв'ья в ал'икса'ндр'ьфк'и; фс'е в адно'й ку'ч'и жы'л'и* (АЛК.-1, 2).

В количественном отношении эти варианты употребляются практически равноправно, с небольшим преимуществом *-и* (60% словоформ). Оно поддерживается окончаниями существительных на *-ия*, где является исконным: *ко'н'ч'ил ја в в'е'нур'ии* (АЛК.-1, 3), *аб'ыстор'ии эт'ьв'ь с'ила'* (АЛК.-1, 2).

Выводы. Анализ форм пр.п. 1 склонения в говорах Воронежской области показал единообразие средств его морфологического выражения в ударном положении, где ожидаемо по всем типам говоров зафиксировано окончание *-е* (*нь жар'е'*, *на вайн'е'*, *на р'ик'е'*, *на борозд'е'*, *в маскв'е'*). Однако в безударном положении обращает на себя внимание окончание *-и*, которое практически по всем типам воронежских говоров звучит довольно отчетливо и употребляется достаточно последовательно, чтобы безоговорочно считать его результатом только фонетических процессов конца слова. В этом отношении особой ценностью для нашего исследования оказываются наблюдения А.В. Тер-

Аванесовой над безударными разновидностями *a*-склонения. По мысли ученого, в акающих русских говорах различие ударных и безударных показателей одного падежа не всегда объясняется «исключительно редукцией гласных <...> (ср. южнорусск. И.–В. мн. *моря – окны, селы*; Р. ед. ж. [аднэ'й] – [йасн'е'й], тв. мн. *руками-палкими* и др.)» [Тер-Аванесова 2002, с. 171]. Следовательно, «безударные» разновидности *a*-склонения не всегда «являются результатом прямого фонетического развития системы ударных флексий» [Тер-Аванесова 2002, с. 171].

Известно, что изменения заударного конца слова, который у существительных представляет собой формальную единицу (флексию), подвержены изменениям по аналогии, т.е. по образцу других форм. Именно этот факт позволяет предположить, что последовательная фиксация отчетливого безударного окончания *-и* (*вмо'д'и, на р'е'ч'к'и, фха'т'и, нъ машы'нк'и, вба'н'и, вадно'й ко'мнат'и, на сва'д'б'и, вадно'й ку'ч'и*) может свидетельствовать о начале формирования особого безударного окончания пр.п. существительных 1 склонения при поддержке аналогичного безударного окончания род.п. (*вмо'д'и, фха'т'и, на сва'д'б'и* по аналогии с *исха'т'и, ума'м'и*). Данное предположение впервые прозвучало в исследованиях А.Д. Черенковой [Черенкова 2016] и требует дальнейшего подробного изучения при наблюдении за развитием диалектов.

Сводная картина соотношения безударных окончаний в пр.п. выглядит следующим образом (диаграмма 18): в собственно талагайских говорах окончание

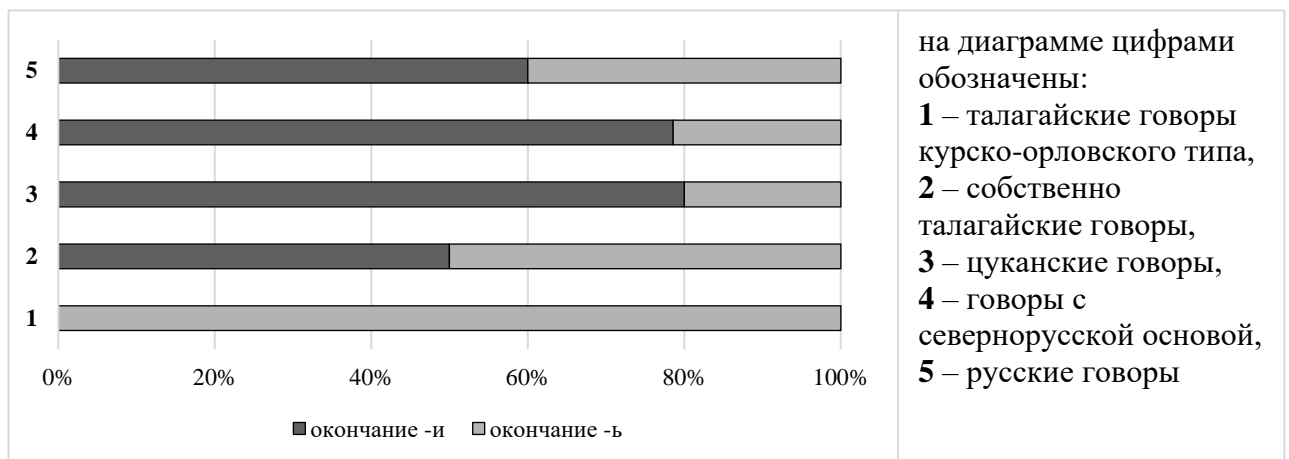

Диаграмма 18. Соотношение вариантов безударного окончания предл.п. ед. ч. 1 скл. существительных в говорах Воронежской области

-и отмечено в половине примеров, в русских говорах отмечается небольшое преобладание окончания -и (60% примеров), в цуканских и севернорусских по происхождению говорах процент подобных форм значительно выше (80% и 79% примеров соответственно).

Спорным представляются результаты анализа талагайских говоров курско-орловского типа. В них окончание -и по нашим материалам не зафиксировано. Однако наблюдения А.Д. Черенковой за современным состоянием этого типа говоров свидетельствуют об обратном. В ее исследовании выявлено, что в безударном положении в «наибольшей степени представлено окончание -И: *а он кн'ав'е'ст'и ушо'л* (Старая Хворостань); *кн'е'ч'к'и пр'исъид'ин'ал'ис' до'ск'и* (Краснолипые); *на сва'д'б'и м'ялада'йа пла'ч'а и пла'ч'а* (Россошки); *снаха' у нав'е'тк'и спала'* (Россошки); *у н'е'й ку'шал'и / у ч'ир'ану'шк'и* (Краснолипые); *св'о'кър л'ижы'т' на ко'йк'и* (Россошки); *п'акл'и' хл'е'бы у н'е'ч'к'и у ру'скъй* (Краснолипые) и др. Редко отмечаются флексия -Е и её редуцированный вариант -Ъ: *нъ на'шн'е нашла'* (Оськино); *хад'у'ла к калду'н'ъ* (Старая Хворостань)» [Черенкова 2016, с. 141]. Несмотря на то, что отсутствие количественных подсчетов затрудняет сопоставление полученных диалектологом результатов с нашими, они в целом совпадают с особенностями функционирования безударных окончаний в других типах воронежских диалектах, выявленных в результате настоящего исследования, и требуют дальнейшего наблюдения в динамике.

3.1.1.5. Творительный падеж

Твор.п. в наших материалах занимает предпоследнее место по частотности употребления, в плане морфологического выражения твор.п. интересен наличием конкуренции двух окончаний: более древнего -ою и нового -ой, возникшего, по

мнению А.А. Шахматова, в результате выравнивания окончаний по количеству слогов. Рассмотрим соотношение этих окончаний в соответствии с типологией воронежских говоров.

В талагайских говорах курско-орловского типа в твор.п. конкуренция окончаний отмечается как в твердом, так и в мягком варианте склонения. Количественное преимущество получает новое окончание *-ой*. Оно функционирует в 67% словоформ: *вадо'й* *прамо'йьш* (ДВЦ., 1), *п'ирашк'и' с'п'ич'о'нк'й*; *з'н'ав'е'ст'ьи* *je'х'л'и* (КРЛП., 3), *в'адро' цыба'рк'й* *называ'ль*; *н'ь'рабо'ту с'сум'к'й*; *ма'сл'ь зб'ива'лк'й* *д'ьр'и'в'а'нн'й* *д'е'льл'и* (СТ. ХВР., 1), *скат'ор'к'й* *стол накры'тый*; *нас'и'л'и рубаху н'и'т'к'й* *раишы'туйу* (СТ. ХВР., 2), «*Дь ты хот' пр'и'уо'рш'й*» - *ја пр'и'уо'рш'й* *з'ч'ар'пла'* (МСТ., 1).

Форма наречия, восходящая к существительному в твор.п., также оканчивается на *-ой*: *з'имо'й* *из'ад'о'жы шу'б'ь* *и пад'д'о'фк'ь была'* // *в'асно'й* *хала'т'ик'и* *бы'л'и с'к'ьстр'аца'м'и* (СТ. ХВР., 2), *в'асно'й* *кар'е'н'ја у'рабл'а'м'и* *с'ур'иб'о'ш* (ДВЦ., 1).

Древнее окончание *-ою* представлено в 33% случаев: *д'афч'о'нк'ью* *у'хор* *п'а'т'н'ицк'ьв'ь* *пр'и'улаша'л'и* (КРЛП., 1), *п'ирашк'и' с'карто'шк'ью* (КРЛП., 3), *карто'х'и с'см'ата'н'ью* (КРЛП., 4), *з'у'аражо'н'ый'ь* *за'а'ура'д'ью* / *э'т'ь / ишко'ла была'* (МСТ., 1), *рабо'т'ль у'по'л'ь с'т'а'нк'ью* (ДВЦ., 1).

В твор.п. также отмечается прогрессивная ассимиляция заднеязычного, что приводит к расширению мягкой разновидности склонения *пато'м талкл'и' у'сту'п'ь* *т'лкач'о'м с'ру'ч'к'ью* (КРЛП., 3).

В форме твор.п. в собственно талагайских говорах также отмечается конкуренция односложного и двусложного окончаний. Окончание *-ой* преобладает (85% словоформ): *жыв'от* *в'жуко'вск'ьм / п'ьд'маскво'й*; *рабо'т'ый'т* *у'лаво'й* *м'е'сн'й* *адм'ин'истра'цыи* (ШКВ., 3), *ла'мп'й* *па'ја'л'н'й* *ад'ур'ава'л'и* (ШКВ., 2), *пр'а'лк'й* *в'арт'и'ш*; *на'ю'й* *в'арт'и'ш* (КЗЛ., 8), *л'у'б'им с'с'астро'й* *з'ур'иба'м'и* *хад'и'т'* (КЗЛ., 6), *ја* *пашла'* *да'ја'рк'й* (БРЗ, 1).

Исконное окончание *-ою* употребляется не так часто (15% словоформ): *фс'о* *нарма'л'н'ь / з'бо'жын'к'ью* (КЗЛ., 3), *жыла'* *ја с'ирато'ю* (ШКВ., 5).

Интересно, что конкурирующие окончания встречаются в речи одного человека в пределах одного предложения. Вспоминая о своем детстве, жительница с. Козловка Бутурлиновского района В.И. Сушкова (1947 г.р.) произносит: *в д'е'цтв'и ја жыла' с ма'мьй / с па'ньйу* (КЗЛ., 7).

В цуканские говоры представлена конкуренция окончаний отмечается как в твердом, так и в мягком варианте склонения. Количественное преимущество получает новое окончание *-ой*. Оно зафиксировано в 75% словоформ: *разв'ил'и'с' жэ жано'й*; *вот д'ет з ба'нкай нам'орл'и*; *захо'д'ут' жын'и'х с н'ив'е'стай фцэ'ркаф'* (НЖМ., 2), *завадо'й хад'ил'и*; *блауаславл'ал'и ико'най* (ДНК., 14), *п'е'ч' у м'ин'а' была' з засло'нкай* (ДНК., 8), *ахо'тай зан'има'лс'а* (ДНК., 17), *вар'ил'и ка'шу с л'иву'ху / с ты'квей* (ДНК., 18), *тада' сало'мьй то'п'ьт* (ДВД., 2), *уч'ин'и'цъй была'* (ДВД., 1).

Древнее окончание *-ою* представлено в 25% случаев: *жыво'т' внук жэ жано'йю*; *бо'гу мол'ица жын'и'х с н'ив'е'стайю* (НЖМ., 2), *маню'л'ийа ана' была' с на'ин'ьй з'им'л'о'йю*; *уда'р'иль пу'л'ийю и ра'ниль јаво'*; *ја была' д'е'фкъйю* (НЖМ., 1), *ја рабо'тъль ско'л'к'и л'ет даја'ркайю* (НЖМ., 3).

Форма наречия, восходящая к существительному в твор.п., также оканчивается на *-ою*: *з'имо'ју на р'е'ч'ку паил'у'т'* (НЖМ., 3).

В твор.п. в говорах с севернорусской основой под ударением зафиксировано окончания *-ой*: *мнуч'ок зэ жано'й*; *з баишко'й пло'ха* (ХЛБ., 1), *штыр' зъб'ива'йьт и во'т наго'й / этъй руко'й выкавы'р'ьвьии*; *этъ карто'шку сад'ил'и мы вот сахо'й* (БРД., 6), *с с'астро'й* (БРД., 8), *он так как та с прост'и'нкой* (Н. КРЛ., 1), *ан'и' пад'ју'нкай*, *пайду' за платко'м за бро'ишай* (БРД., 5), *јач'м'е'н' с руба'шкый* (БРД., 6)).

Существительные с суффиксами *-ушк-*, *-ишк-* в ряде случаев имеют окончание *-ой* (*ба'бушка с д'е'душкый* (БРД., 5)), а иногда – окончание *-ом*: *када' ја был мал'ч'и'шкьм / ја је'зд'ил* (БРД., 2). Последний вариант объясняется отнесенностью подобных существительных в севернорусских говорах ко 2 склонению, однако существование в условиях южнорусского окружения привело к

частичной утрате особенности склонения данных существительных, чем обусловлено появление окончания *-ой*, характерного для 1 склонения.

Зафиксированные формы твор.п. в **русских говорах** крайне немногочисленны: всего 2% словоформ. Все они с окончанием *-ой*: *ана' даја'ркѣй прѣрабо'тъла; зако'нч'ил (войну) надъ в'е'нур'иий* (АЛК.-1, 3).

Выводы. В части воронежских диалектов в твор.п. наблюдается вариативность окончаний: конкурируют окончания *-ой* и *-ою*. Если в литературном языке последнее имеет стилистическую окраску, то в диалектной речи оно может рассматриваться как древнерусское наследие. Более высокая активность использования форм с этим окончанием отмечается в талагайских говорах курско-орловского типа (33% словоформ), частотны подобные формы в цуканских и собственно талагайских говорах (25% и 15% словоформ соответственно) (диаграмма 19).

Диаграмма 19. Соотношение вариантов окончаний в твор.п. существительных 1 склонения ед.ч. в говорах Воронежской области

В русских говорах и севернорусских по происхождению подобной вариативности не отмечается. Однако в переселенческих севернорусских по происхождению говорах возможна вариативность окончаний другого происхождения. В редких случаях существительные с суффиксами *-ушк-*, *-ишк-* в твор.п. сохраняют характерное для материнского диалекта окончание *-ом*, в котором такие существительные входят в состав 2 склонения.

Таким образом, твор.п. существительных 1 склонения дает материал для типологического противопоставления говоров Воронежской области. В этом отношении можем выделить две группировки говоров. В одних до настоящего времени обнаруживается древнерусское наследие в виде сохранения окончания -

ою (с карто'шкѣу, съ см'ата'нѣу, за аура'дѣу, сна'пѣу, жжано'ѣу, сн'ив'е'стѣу). Это два талагайских и цуканские говоры. В других говорах двусложное окончание не обнаружено и все формы имеют новое односложное окончание -ой (сн'ич'о'нкѣй, пѣд'маскво'ѣй, сн'ив'е'стѣй, сс'астро'ѣй, пад'ју'пкѣй).

3.1.1.6. Дательный падеж

Судьба исконных окончаний дат.п. схожа с судьбой окончаний пр.п.: окончание твердого варианта -ѣ вытеснило исконное окончание мягкой разновидности – -и. В некоторых диалектах окончания мягкого варианта сохраняются более устойчиво, о чем свидетельствуют данные С.И. Коткова (γз'ам'л'и', крад'н'и', кс'ам'ѣи' и др. [Котков 1963, с 180-181]), А.В. Тер-Аванесовой (тваѣ'ѣ ус'е'ѣ с'ам'ѣи', кз'амл'и', крадн'и' [Тер-Аванесова 2013, с. 162]).

В воронежских диалектах дат.п. существительных по всем выделенным говорам во всех типах склонения оказался самым малочисленным. Выбор окончания в этих формах зависит от его ударности/безударности: под ударением отмечается -е, а в безударном положении – его позиционные варианты -ь или -и.

В талагайских говорах курско-орловского типа отмеченные формы дат.п. имеют безударное окончание: в'уша'нкѣх каро'в'ѣ нѣвад'и'л'и (СТ. ХВР., 1), х'падру'γ'и ја зашла'; а па'у'л'ицѣ и'д'а мад'а'р з'ружѣ'м (МСТ., 1)

Считаем важным отметить, что в выпускной квалификационной работе С.В. Дьяченко, посвященной изучению говора с. Мастюгино Острогожского района (2006 год) в дат.п. были отмечены формы с окончанием -ы как в ударном, так и в безударном положении: па'то'ѣ стѣраны', к'мамы', адда'ѣ Л'у'ды, Св'е'ты м'иша'иш [Дьяченко 2007, с. 35]. Такие формы объясняются унификацией окончаний род., дат. и предл. падежей по род.п., что является типологической чертой

для севернорусского наречия, в целом несвойственно южнорусскому наречию, но спорадически встречается на территории его распространения, в том числе и на территории Воронежской области, о чем свидетельствуют карты ДАРЯ [ДАРЯ: к. 2]. Кроме этого, по мнению А.В. Тер-Аванесовой, окончание *-ы* в дат.п. в таком случае сближает говоры с «деснинским» юго-западным типом [Тер-Аванесова 2013, с. 163].

Однако в статье А.Д. Черенковой, посвященной талагайским говорам курско-орловского типа (2016 год), в анализируемом материале не встретилось ни одного случая типа *пошел к Люды*, равно как и в наших материалах. Таким образом наши наблюдения свидетельствуют о непрерывном развитии диалекта и его изменении под влиянием литературного языка.

В собственно талагайских говорах в ударном положении независимо от качества согласного основы употребляется *-е*: *п'отр нь р'ик'е' п'ир'иплав'а'л* (КЗЛ., 6), *м'ин'е' как абухо'м нь у'лав'е'* (РСТШ., 1), *к'ст'ен'е'* (ШКВ., 1). В безударном положении чаще наблюдается отчетливо произносимое *-и* как после парных по твердости/мягкости согласных, так и после заднеязычных: *а пато'м он ньп'иса'л п'ис'мо' ма'м'и*; *г'даро'у'и в'ид'о'м* (РСТШ., 1), *ну у'адо'ф тр'ина'ц'ят' н'и'нк'и бы'ль / а н'у'с'к'и у'адо'ф д'е'в'ат'* (КЗЛ., 4), *у'ба'п'к'и с'је'з'д'ит'* (СТП., 1), *н'асу'т' к'ма'у'л'и* (СТП., 2). В немногих примерах отмечен более краткий, редуцированный *-ь*: *хад'у'ль к'ма'м'ь нь у'ро'к'и* (ШКВ., 4), *бы'ль п'ат' м'е'с'ьц'ьф до'ч'к'ь ма'је'й* (РСТШ., 1).

В цуканских говорах дат.п., как и в талагайских курско-орловского типа, все примеры имеют безударное окончание. Снова обращает на себя внимание довольно отчетливое *-и*, отмеченное у существительных с основой на заднеязычный согласный: *ја иду' па'э'тай даро'у'и* (НЖМ., 1), *жын'иху' спас'у'т'ил'а / а д'е'вач'к'и бо'ж'ја мат' каза'нска'я* (ДНК., 14), *хажу' к'па'жа'рк'и* (ДНК., 16). Более краткий редуцированный вариант *-ь* отмечен в одном примере: *пр'ишл'у' к'адно'й жэ'нч'ин'ь а у'је'й дво'йе д'ит'е'й* (НЖМ., 3).

В дат.п. в говорах с севернорусской основой в ударном положении окончание *-е*: *к'сах'е' пр'икр'епл'а'йуць* (БРД., 6), *к'в'ис'н'е'*, (Н. КРЛ., 1), в безударном – в равных долях представлены его позиционные варианты:

по карт'у'нк'и (вышивала) (БРД., 5); *ашы'пка нь ашы'пк'и* была' (БРД., 3); *па жу'пк'ь саишо'м* (БРД., 8), *скот'у'н'ь фс'о ко'с'ит* (ХЛБ., 1).

В дат.п. в **русских говорах** распределение падежных окончаний не отличается от выявленного в других типах. В ударном положении функционирует *-е*: *выво'д'ут' м'ин'е' к даск'е'* (АЛК.-1, 3), в безударном *-ь* и *-и*: *эт ужэ' ны ука'ск'ь ста'л'ина, аб'исп'е'ч'ил'ых жыло'й пло'ш'ш'ьд'жу / куп'ул' нь каро'в'и / па ло'ш'ьд'и* (АЛК.-1, 2).

Выводы. Итак, самым малочисленным дат.п. оказался в талагайских говорах курско-орловского типа и цуканских говорах (по 1% словоформ), больше всего форм отмечено в собственно талагайских говорах (5%). Анализ показал, что в формальном плане дат.п. близок пр.п., поскольку релевантным здесь оказывается только один из морфофонологических признаков – ударность/неударность окончания. Под ударением во всех типах говоров нами зафиксировано окончание *-е* (*пъ р'ик'е', к ст'ен'е', к в'ис'н'е', к даск'е'*). В безударном положении снова обращает на себя внимание отчетливое звучание окончания *-и* (*х надру'у'и, к ма'у'л'и, по карт'у'нк'и, нь каро'в'и*), которое фиксируется во всех выделенных типах говоров.

Сводная картина соотношения вариантов безударного окончания с учетом их типологии представлено на диаграмме (диаграмма 20).

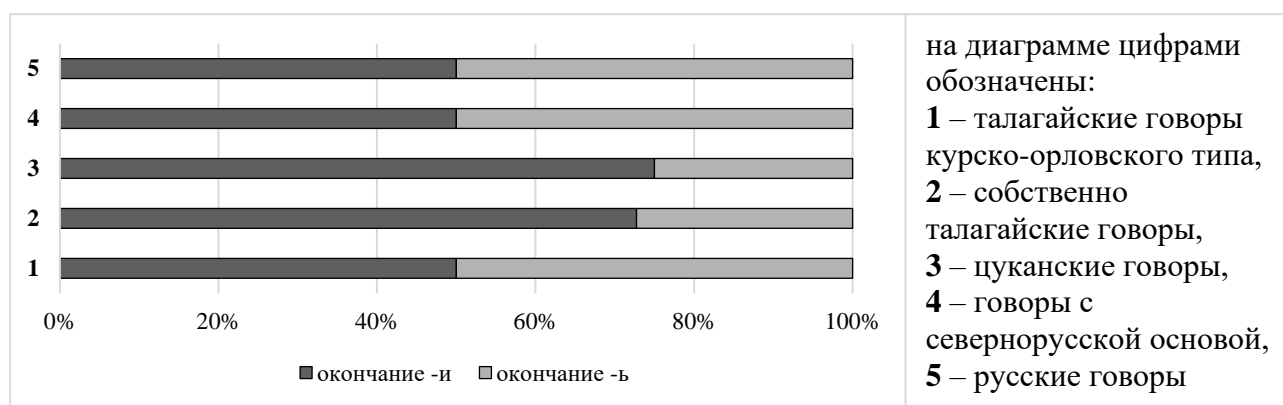

Диаграмма 20. Соотношение вариантов безударного окончания дат.п. ед. ч. 1 скл. существительных в говорах Воронежской области

Равное соотношение безударных вариантов окончания (по 50% примеров) отмечено в талагайских говорах курско-орловского типа, говорах с севернорусской основой и русских говорах. Заметное преимущество безударного окончания *-и*

получило в собственно талагайских и цуканских говорах (по 73% и 75% примеров соответственно).

Обозначенный факт еще раз иллюстрирует возможность формирования особого безударного окончания единого для род.п., дат.п. и пр.п. (*ис* $\sim$ *ха'т'и*, *у* $\sim$ *ма'м'и* – *к* $\sim$ *ма'у'л'и*, *по* $\sim$ *карт'и'нк'и* – *в* $\sim$ *мо'д'и*, *ф* $\sim$ *ха'т'и*, *на* $\sim$ *сва'д'б'и*).

Считаем важным отметить, что для характеристики диалектного склонения в целом оказывается значимым сам факт фиксации такого незначительный объема форм дат.п., что спровоцировано особенностями выбранного материала исследования и метода его обработки.

Выводы

В ходе анализа падежных окончаний существительных 1-го склонения в говорах Воронежской области мы выявили черты, сохранившиеся с древнерусского периода (I), обозначили актуальные направления развития системы (II), выделили некоторые типологические черты (III).

I. Существенные особенности 1 склонения в диалектах обусловлены историческим взаимодействием двух его разновидностей: твердой и мягкой. В литературном языке, как и во многих диалектах, отражается такое сближение его разновидностей, при котором исконные окончания мягкого варианта вытеснялись окончаниями твердого варианта. Однако в части говоров сближение двух разновидностей склонения происходило обратным путем. Следы именно такого взаимодействия мы находим в современных говорах Воронежской области в формах род.п. преимущественно с предлогами *у*, *из*, *с*, *от*: *у* $\sim$ *с'астр'е'*, *у* $\sim$ *ма'м'и*, *ис* $\sim$ *ха'т'и*, *из* $\sim$ *мо'д'е*, *с* $\sim$ *машы'н'и*, *ат* $\sim$ *каро'в'и*.

Отметим, что в целом процент таких форм невелик по всем говорам. Даже в речи старшего поколения формы типа *у* $\sim$ *с'астр'е'*, *ис* $\sim$ *ха'т'и*, *с* $\sim$ *машы'н'и*

соседствуют с формами, закрепленными литературным языком (*у́ма'мы*, *ис'сало'мы*, *с'рабо'ты*).

О степени влияния мягкого варианта на твердый в воронежских диалектах можно судить по протяженности заштрихованной части поля на диаграмме: чем она длиннее, тем больше словоформ отражают влияние мягкого варианта склонения на твердый (диаграмма 21). Близкие значения получены в двух талагайских говорах

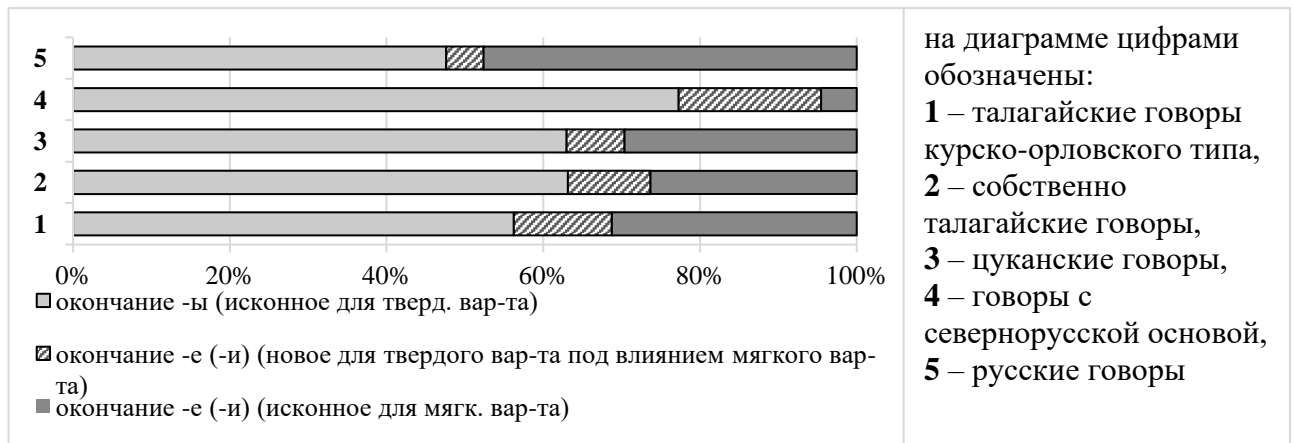

Диаграмма 21. Взаимодействие твердого и мягкого вариантов в род. п. 1-го скл. в говорах Воронежской обл.

(13% и 11%), что подчеркивает их близость по происхождению. Чуть меньше их в цуканских говорах (7%). Самый низкий процент форм, отражающих влияние мягкого варианта склонения на твердый зафиксирован в русских говорах (5%), что демонстрирует их близость к литературному языку и может рассматриваться как типологическая черта. В переселенческих севернорусских по происхождению говорах насчитывается 18% словоформ, что, возможно, обусловлено перестройкой диалекта в условиях южнорусского окружения.

В части воронежских диалектов в твор. п. наблюдается вариативность окончаний: конкурируют окончания *-ой* и *-ою*. Если в литературном языке последнее имеет стилистическую окраску, то в диалектной речи его следует рассматривать как сохранение древнерусской черты. Более высокая активность использования форм с этим окончанием отмечается в талагайских говорах курско-орловского типа (33% словоформ: *карто'х'и сь'см'ата'нъюу*, *рабо'тьль у'по'ль с'т'а'пкъюу*), частотны подобные формы в цуканских и собственно талагайских говорах (25% и 15% словоформ соответственно: *жын'и'х с'н'ив'е'стайу*, *рабо'тьль даја'ркайу*). В русских говорах и севернорусских по

происхождению подобной вариативности не отмечается. Однако в переселенческих севернорусских по происхождению говорах возможна вариативность окончаний другого происхождения. В редких случаях существительные с суффиксами *-ушк-*, *-ишк-* в твор. п. сохраняют характерное для материнского диалекта окончание *-ом*, поскольку такие существительные в говорах севернорусского наречия входят в состав 2 скл.: *када' ја был мал'ч'и'шкъм*.

II. Другой не менее значимой диалектной особенностью 1 скл. является унификация форм род., дат., пр. п. по дат. и пр. п. Главную причину этого явления А.А. Шахматов видел во влиянии прилагательных и местоимений, формально совпадающих в этих падежах (*у моей родной сестре, к моей родной сестре, о моей родной сестре*). С.П. Обнорский кроме этого учитывал возможную аналогию с едиными формами род., дат. и пр. п. в 3-м скл. (*у печи, к печи, о печи*) [Русская диалектология 1998, с. 87]. Все это позволяет выражать падежные значения более общими средствами, в частности синтаксическими.

В настоящее время в диалектном языке в ударном положении унификация встречается редко, а в безударном положении отражается более последовательно и приводит к единообразному оформлению трех падежей: *у н'ав'е'ст'и* – *к н'ав'е'ст'и* – *на н'ав'е'ст'и*, *у п'е'ч'к'и* – *к п'е'ч'к'и* – *на п'е'ч'к'и*.

Такое безударное окончание *-и* по всем типам воронежских говоров звучит довольно отчетливо, чтобы безоговорочно считать его результатом только фонетических процессов конца слова, а его последовательная фиксация может свидетельствовать о начале формирования особого безударного окончания дат.п. и пр.п. существительных 1 склонения при поддержке аналогичного безударного окончания род.п. (*в мо'д'и*, *ф ха'т'и*, *на сва'д'б'и*; *к ма'у'л'и*, *по карт'и'нк'и* по аналогии с *ис ха'т'и*, *у ма'м'и*). Данная гипотеза выдвинута в исследованиях А.Д. Черенковой [Черенкова 2016], для ее доказательства следует продолжить наблюдение за развитием диалектов.

Еще одной не менее важной чертой 1 скл. является особое соотношение твердой и мягкой его разновидностей. Это обусловлено прогрессивной ассимиляцией

заднеязычного согласного по мягкости, отмеченной в им. и вин. п.: *каду'шьч'к'а*, *бр'и'ч'к'а*, *та'н'к'ь*, *ст'о'жыч'к'а*; *р'у'мьч'к'у*, *бо'ч'к'у*, *у'ку'ч'к'у*, *пало'съч'к'у*, *марко'въч'к'у*, *на'р'е'ч'к'у*. Это является отличительной чертой талагайских говоров курско-орловского типа, собственно талагайских и частично цуканских диалектов. В результате мягкость заднеязычного согласного отмечается по всей парадигме (им.п. *каду'шьч'к'а*, *до'ч'к'а*, род.п. *у'п'е'ч'к'и*, дат.п. *к'п'е'ч'к'и*, вин.п. *бо'ч'к'у*, *ды'рач'к'у*, твор.п. *с'ру'ч'к'ьйу*, пр.п. *ф'каду'шыч'к'и*). В говорах с севернорусской основой и русских говорах прогрессивной ассимиляции заднеязычного не происходит, поэтому соотношение твердой и мягкой разновидностей склонения соответствует литературному языку. В первом случае языковые черты, соответствующие нормам литературного языка, сохраняются более устойчиво, несмотря на южнорусское окружение, а во втором случае сказывается изначальная близость говора литературному языку.

Таким образом, фонетические особенности диалектов могут приводить к изменениям на морфологическом уровне: к иному распределению существительных 1-го скл. между твердой и мягкой его разновидностью, а на выбор окончания влияет не только принадлежность к твердому/мягкому варианту склонения, но и качество конечного согласного основы по месту его образования.

Состав существительных 1 скл. пополняется, в первую очередь, за счет слов ср.р., которые в результате разрушения категории ср.р. в некоторых косвенных падежах получают морфологическое выражение их отнесенности к 1 скл. Больше всего примеров, подтверждающих это, мы находим в собственно талагайских говорах и талагайских говорах курско-орловского типа, прежде всего, в вин. п. (*на'мы'лу*, *в'у'ьсуда'рству*, *са'лу брала*, *на'је'ту сав'иш'и'а'н'ийу*), затем в род. п. (*с'е'м'ь у'ја'бл'ч'к'и*, *о'къл кла'д'б'ишшы*) и твор.п. (*с'нав'и'дл'й*, *с'м'а'с'ьй*, *над'ако'шк'ьй*). Другим источником пополнения состава 1 скл. служат существительные 3 скл. Это объясняется реализацией универсальной славянской тенденции к объединению словоизменительных моделей в пределах одного рода (подробнее об этом см. 3.1.3. Третье склонение).

III. Говоря о типологических чертах воронежских говоров в области 1-го склонения, приходится констатировать скорее их типологическое сходство. Так, талагайские говоры курско-орловского типа, собственно талагайские и цуканские говоры оказываются близки друг другу в плане сохранения древнего окончания *-ою* в твор. п., особого соотношения твердого и мягкого варианта склонения, вызванного прогрессивной ассимиляцией заднеязычного согласного по мягкости, и иного взаимодействия твердого и мягкого вариантов склонения по пути влияния мягкого варианта на твердый. Особенно активно последний процесс отмечен в говорах с севернорусской основой. Русские говоры по всем параметрам отличаются от остальных близостью к литературному языку.

3.1.2. Второе склонение

Второе склонение в современном русском языке восходит к древнему типу склонения с основой на **-ǫ*, **-jǫ*, ключевые изменения которого обусловлены его взаимодействием с древним склонением на **-ǫ̃*, поэтому наряду с исконными в парадигме появились вариантные окончания, помогающие в некоторых случаях дифференцировать партитивное и локативное значения.

Второе склонение объединяет существительные м.р. с нулевым окончанием в им.п. типа *дом, отец, уголь, зять* и существительные ср.р. с окончанием *-о* типа *озеро, поле*. Количественное преимущество получают существительные м.р., они и составляют ядерный класс существительных, изменяющихся по второму типу склонения (таблица 11).

**Соотношение существительных м.р. и ср.р. в составе 2 склонения в говорах
Воронежской области**

	Типология говоров Воронежской области	Количество словоупотреблений	
		М.р.	Ср.р.
1	Талагайские говоры курско-орловского типа	80%	20%
2	Собственно талагайские говоры	86%	14%
3	Цуканские говоры	86%	14%
4	Говоры с севернорусской основой	88%	12%
5	Русские говоры	81%	19%

При подсчетах и в дальнейшем описании не участвовали существительные ср.р., которые в говорах перешли в состав 1 склонения и восприняли его окончания типа *ат ъ ја'блѣч'к'и*, *ма'слу нал'ју'т'*, *с ъ нав'и'длѣй* и т.д. Подобные случаи описаны в параграфах 2.2.1 Категория среднего рода в говорах Воронежской области и 3.1.1. Первое склонение.

Второе склонение в количественном отношении по всем типам говоров оказывается более мощным по сравнению с первым, процент относящихся к нему существительных колеблется в пределах от 49% до 58% словоформ (диаграмма 13).

При анализе падежных окончаний существительных 2 склонения помимо морфофонологических характеристик (качество конечного согласного основы, место ударения, его подвижность/неподвижность, количество слогов) необходимо учитывать ряд грамматических признаков (род, одушевлённость/неодушевленность у существительных м.р.). Кроме этого, важным в некоторых случаях оказывается лексическое значение существительного и значение падежной или предложно-падежной формы [Бромлей, с. 62; Токарева 2019б, с. 147].

В книге С.В. Бромлей, Л.Н. Булатовой используется специальная матрица, система метаклассов, некогда предложенная А.А. Зализняком и усовершенствованная авторами для «сопоставительного описания диалектного языка». С учетом грамматических и морфофонологических признаков выделяется 48 классов существительных, которые охватывают структуру 2 склонения во всем многообразии.

Однако, по многим выделенным параметрам авторы не нашли регулярных ответов ни в материалах, собранных по программе обследования говоров, ни в своих материалах, поэтому предложенная система может служить неким эталоном для дальнейшего уточнения особенностей 2 склонения [Бромлей, с. 65-66]. Так, например, класс слов с многосложной основой на мягкий парный согласный отсутствует в диалектном языке, о чем свидетельствует пустая клетка в системе метаклассов С.В. Бромлей, Л.Н. Булатовой [Бромлей, с. 65], поэтому в нашем исследовании отдельно не выделяется. Кроме того, для некоторых падежей (им.п., вин.п., твор.п.) место ударения не играет решающей роли. В связи с этим мы упростили схему описания 2 склонения. Для род.п. и пр.п., где место ударения и его подвижность имеет существенное значение, мы будем дополнительно указывать отнесенность слов к одной из акцентных парадигм, выделенных А.А. Зализняком [Зализняк 1987]. Таким образом, существительные 2 склонения будут описаны по следующей схеме:

1. Неодушевленные существительные м.р.:
  - 1.1. Односложная основа:
    - 1.1.1. Односложная основа на твердый парный согласный³;
    - 1.1.2. Односложная основа на заднеязычный согласный;
    - 1.1.3. Односложная основа на шипящие, [ц] и [j];
    - 1.1.4. Односложная основа на мягкий парный;
  - 1.2. Многосложная основа:
    - 1.2.1. Многосложная основа на твердый парный согласный;
    - 1.2.2. Многосложная основа на заднеязычный согласный;
    - 1.2.3. Многосложная основа на шипящие, [ц] и [j];
    - 1.2.4. Многосложная основа на мягкий парный согласный.
2. Одушевленные существительные м.р.:
  - 2.1. Односложная основа:
    - 2.1.1. Односложная основа на твердый парный согласный;

---

³ Для краткости твердый согласный, парный по твердости/мягкости, мы называем твердым парным, а мягкий согласный, парный по твердости/мягкости, – парным мягким

- 2.1.2. Односложная основа на заднеязычный согласный;
- 2.1.3. Односложная основа на шипящие, [ц] и [j];
- 2.1.4. Односложная основа на мягкий парный согласный;
- 2.2. Многосложная основа:
  - 2.2.1. Многосложная основа на твердый парный согласный;
  - 2.2.2. Многосложная основа на заднеязычный согласный;
  - 2.2.3. Многосложная основа на шипящие, [ц] и [j];
  - 2.2.4. Многосложная основа на мягкий парный согласный.
- 3. Существительные среднего рода:
  - 3.1. Односложная основа:
    - 3.1.1. Односложная основа на твердый парный согласный;
    - 3.1.2. Односложная основа на заднеязычный согласный;
    - 3.1.3. Односложная основа на шипящие, [ц] и [j];
    - 3.1.4. Односложная основа на мягкий парный согласный;
  - 3.2. Многосложная основа:
    - 3.2.1. Многосложная основа на твердый парный согласный;
    - 3.2.2. Многосложная основа на заднеязычный согласный;
    - 3.2.3. Многосложная основа на шипящие, [ц] и [j];

Порядок описания падежных окончаний существительных 2 склонения, как и в 1 склонении, обусловлен частотностью употребления падежей согласно полученным количественным подсчетам (диаграмма 22).

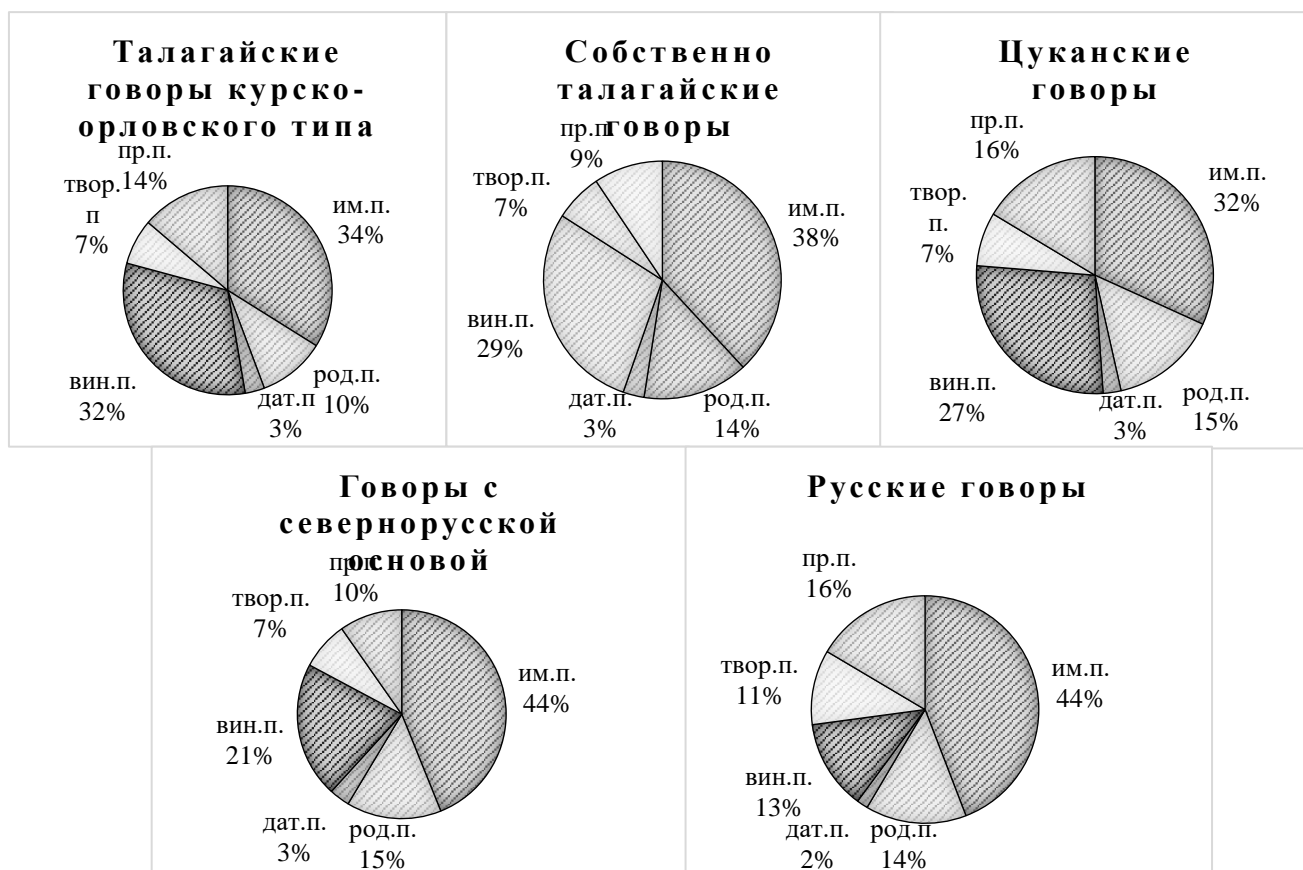

Диаграмма 22. Распределение существительных 2 скл. ед.ч. по падежам в говорах Воронежской области

3.1.2.1. Именительный падеж

Им.п. существительных 2 склонения оказался самым многочисленным, как и в первом склонении. Большой объем зафиксированных примеров позволяет наиболее полно проиллюстрировать разработанную схему описания 2 склонения. В редких случаях при отсутствии необходимых примеров соответствующий пункт схемы будет пропущен. Представим наш материал с учетом его типологического разнообразия.

В талагайских говорах курско-орловского типа примеры существительных в им.п. распределились по выделенным классам следующим образом.

1. Неодушевленные существительные м.р.:

1.1. Односложная основа:

1.1.1. *Дым* на *у'л'ицу* *выхад'ул*; *дом* *д'ил'улс'ь* на *с'ен'и* и *ха'ту* (КРЛП., 2), *сл'есн'иц'ьм'и хот*; *высо'к'ий хл'е'п* *эт кавр'е'уь* (КРЛП., 3), *м'ел* *р'ьздава'иц'ь* (КРЛП., 4), *скат'орк'ий стол* *накры'тый* (СТ. ХВР., 2), *э'т'ьт р'ат* и *друуо'й р'ат* (МСТ., 1).

1.1.2. *Нь* *с'им'ана' лук с'аво'к⁴* (ДВЦ., 1), *там у'нас лух* (МСТ., 1).

1.1.3. *В'и'н'э'ц* *съмад'ел'к'ьвий* (КРЛП., 1).

1.1.4. *Д'ен'* *прашо'л* (МСТ., 1), *нож* *был*; *пр'ив'азыв'ьлс'ь* *како'й патоли'и'е кан'е'ц* (КРЛП., 2), *бо'риш* *был* (КРЛП., 4).

1.2. Многосложная основа:

1.2.1. *Нъзыва'л'и кушы'н*; *наво'с* *нъзыва'иц'ь*, *был дым'ьправот* (КРЛП., 2), *кампо'т тада' узва'р* *нъзыва'л'и* (КРЛП., 3), *за'н'и'м'и уxo'т ну'ж'ьн*; *укро'п* *сам раст'е'т'* (ДВЦ., 1), *в'е'ч'ьр* *п'ьдашо'л* (МСТ., 1).

1.2.2. *У'н'е'й* и *саро'к'ь* / *п'и'р'э'дн'ик* / *хва'ртук* *пра'зн'ич'ьныи* (КРЛП., 1), *как пра'з'н'ик* *так у'л'е'с* *иду'т'* (КРЛП., 3), *шыхван'е'р'ьф н'е'быль* / *сунду'к* *был* (СТ. ХВР. 2), *бы'л кл'е'ч'ьтый плато'к*; *был* *зубно'й п'ьрашо'к* (СТ. ХВР., 1).

1.2.4. *Аставалс'ь ад'ин* *яч'м'е'н'* (КРЛП., 3), *кашэ'л'* *в'н'ом* *з'арно'хран'и'л'и* (СТ. ХВР., 1), *был у'нас* *уо'сп'ит'ьл'* (МСТ., 1).

2. Одушевленные существительные м.р.:

2.1. Односложная основа:

2.1.1. *ја* *была'* / *брат* (КРЛП., 3), *св'о'к'ьр* *но'с'ь*; *сын* *ва'н'к'ь* (КРЛП., 4), *спас'и'б'ь* / *д'ет* (МСТ., 1).

2.1.3. *Ат'е'ц* *ста'рый* (МСТ., 1), *мой ат'е'ц* *был* (КРЛП., 4), *муш* *жыл* (КРЛП., 1), *н'е'м'ьц* *пр'ишо'л* (КРЛП., 5).

2.2. Многосложная основа:

2.2.1. *И'д'а* *мад'а'р* (МСТ., 1), *был хаз'а'ин* (КРЛП., 2).

2.2.2. *Он* *высо'к'ьи нач'а'л'н'ик* *был* (КРЛП., 5).

3. Существительные ср.р.:

⁴ Вслед за С. В. Бромлей и Л. Н. Булатовой, к существительным с односложной основой мы относим все существительные, которые хотя бы в одной из форм имеют односложную основу (например, *дом*, *луг*, *савок*, *венец*, *конец* по количеству слогов относятся к одному классу).

3.1. Односложная основа:

3.1.1. *Вым'ата'йуць з'арно'* (ДВЦ., 1) *с'ало' зна'м'ьнкъ* (МСТ., 1), *м'а'сь нь* $\hookrightarrow$ *кусо'чк'у* (КРЛП., 4), *кано'пнъйь ма'сл'ь / поснъйь ма'сл'ь* (КРЛП., 3).

3.1.3. *Л'ицо'* *дл'и'н'н'ишиъйь* (МСТ., 1).

3.1.4. *Н'ипа'хънъйа по'л'ь на'ръм нъзыва'йьць* (ДВЦ., 1).

3.2. Многосложная основа:

3.2.1. *Вот ш'ш'ас јест' како'иь-тъ устройствъ* (КРЛП., 2).

3.2.2. *К'и'слъйь мълако' эт пръстаква'шь* (КРЛП., 3), *сн'а'тъиь мълако'* (КРЛП., 4), *луко'шкъ / ма'л'ьн'къйь ис* $\hookrightarrow$ *хво'ръсть* (СТ. ХВР., 1).

3.2.3. *Хва'ртуч'ьк да* $\hookrightarrow$ *пла'т'иць бы'лъ* (СТ. ХВР., 1).

Итак, большой объем проанализированных форм им.п. в талагайских говорах курско-орловского типа достаточно полно представил разработанную схему, однако не все классы слов оказались проиллюстрированными. Среди них наиболее уязвимым в этом отношении оказался класс одушевленных существительных как с односложной основой (2.1.2, 2.1.4) так и с многосложной (2.2.3, 2.2.4). Кроме этого, не удалось найти примеры неодушевленных существительных с многосложной основой на шипящие, [ц] и [j] (1.2.3.) и существительных ср.р. с односложной основой на заднеязычный согласный (3.1.2.). Данное обстоятельство обусловлено тематикой записанных бесед.

В собственно талагайских говорах существительные в им.п. по выделенным классам они распределились следующим образом.

1. Неодушевленные существительные м.р.:

1.1. Односложная основа:

1.1.1. *Л'от* *засты'л; дво'р* *бал'шо'й; җрунт* *ид'о'т; прут* *абыкнав'е'нный; эт* *кат'о'л* (РСТШ., 1), *сноп* *на* $\hookrightarrow$ *сноп* (ШКВ., 2), *тут стол; был у'уъл* *тако'й* (ШКВ., 1), *хл'е'н* *тако'й был; сат* *тако'й был; како'й* $\hookrightarrow$ *тъ св'ет* (КЗЛ., 4), *ипа'л'ный л'ес; хот* *хоро'шый был* (КЗЛ., 2).

1.1.2. *Ид'о'т сн'ех; з'имл'и' мно'уь / и п'есо'к* (РСТШ., 1), *зна'к* *дру'жбы* (КЗЛ., 6).

1.1.3. *Он ско'къ калхо'зъф // луч'* (КЗЛ., 4).

1.1.4. *До'шт'* ну'жън (РСТШ., 1).

1.2. Многосложная основа:

1.2.1. *Был л'есхо'с* (КЗЛ., 2), *калхо'з* был; в *э'тъм сара'и по'гр'ьп* (ШКВ., 1), *калхо'с* ръзвал'улс'ь (ШКВ., 4), *был тако'й факул'т'ет* (ШКВ., 3), *кар'је'р* р'адъм; *афто'бус* н'и *п्राйд'от*; *маро'с* ыд'от; л'ез'ьт *хо'лът* / *вот како'й хо'лът* (РСТШ., 1).

1.2.2. *Ч'арда'к* абы'ч'на *што*; *сундук* здаро'вый; *сара'йч'ик* настро'ин; *ко'н'ик* / он шы'р'ь был (ШКВ., 1), *ш'ш'ас* *ут'у'х* (ШКВ., 2), *лъзб'ано'к* эт тако'й д'ьр'ав'анный зд'елънъ; *х'в'ит'ил'о'к* гар'и'т'; *вот пра'з'н'ик* (КЗЛ., 4), *ид'от до'жд'ик*; *кур'атн'ик* зд'елъл'и (РСТШ., 1), *аткры'лс'ь лар'о'ч'ьк* (БРЗ., 1).

1.2.3. *К'ир'п'н'и'ч'* *т* гар'а'ч'ий; *бл'ин'е'ц* н'е *йд'от*; *и'уд'е' па'р'е'б'иц'ь* / *кто* нъзыва'л *сара'й* (ШКВ., 1) *стал уража'й* харо'шый (КЗЛ., 2).

1.2.4. *Руб'ил'э'т'ь руб'ил'* (ШКВ., 2).

2. Одушевленные существительные м.р.:

2.1. Односложная основа:

2.1.1. *П'отр* на'шы дупк'и'пъ *р'ик'е'п'ир'иплавл'ал* (КЗЛ., 6), *э'т'ь мой сын* (ШКВ., 3), *брат* ује'хъл; *д'ет* уста'л (РСТШ., 1).

2.1.3. *Муш* дама' стро'ил; *ат'е'ц* та'уда' пашо'л (КЗЛ., 2), *муж* был д'ир'е'ктъръм (ШКВ., 3), *ат'е'ц* зап'ил (СТП., 1), *н'е'м'ьц* с'уда' н'и *п'ришо'л* (ШКВ., 2), *вра'ч'* так *ы'сказа'лъ* (РСТШ., 1).

2.2. Многосложная основа:

2.2.1. *ја* в'иду'ш'и'ий *сп'ьцал'ист* (КЗЛ., 3), *пра'д'ит* был (КЗЛ., 1), *хаз'а'ин* *ја'у'р'ьспр'ьд'ал'а'ит'* (ШКВ., 1).

2.2.2. *Калхо'з* был / *бъл'шав'и'к*; *је'з'д'ил* *збо'ри'ш'и'к* (КЗЛ., 4), *был* *пам'е'ш'и'и'к* (ШКВ., 2), он *нако'йн'ик* (РСТШ., 1), *д'елал* *ч'илав'ек* ад'ин (КЗЛ., 2).

2.2.3. *В'дал'е'й* *пъ'ураско'пу* (КЗЛ., 2).

2.2.4. *ја* в'иду'ш'и'ий *сп'ьцал'ист* / *с'ькр'ата'р'* (КЗЛ., 3), *был* *уч'и'т'ьл'* *у'иаура'ф'иш* (ШКВ., 3), *ну* *вот* *п'ритс'ида'т'ьл'* *и* *зъм'ьст'и'т'ьл'* *п'ришил'и'* (РСТШ., 1).

3. Существительные ср.р.:

3.1. Односложная основа:

3.1.1. *Бал'шо'йь с'ало' бы'ль; пр'хад'у'ль пу'шк'и дуло'* (ШКВ., 2), *то'пк'ыйь м'е'сть* (РСТШ., 1), *л'ажы'т' м'а'сь* (КЗЛ., 2).

3.1.3. *Б'ил'жо' д'е'льиць бо'л'ь м'е'н'ь пахо'ш на д'е'ль* (ШКВ., 2), *со'ниц'ь фс'о паж'ло'* (РСТШ., 1).

3.1.4. *Зд'ес' бы'ль мо'р'ь* (РСТШ., 1).

3.2. Многосложная основа:

3.2.2. *М'ялако' была'* (КЗЛ., 2).

3.2.3. *У м'ин'е' вон атлажэ'н'ийь сал'е'й / д'ь ч'алавы' дашло'; како'й-та жес'т' абл'ихч'е'н'ийь* (РСТШ., 1).

Анализ форм им.п. существительных 2 склонения в собственно талагайских говорах обозначил классы слов из разработанной для их характеристики схемы, слабо представленные в диалекте. Среди них, как и в талагайских говорах курско-орловского типа, оказались одушевленные существительные с односложной основой (2.1.2, 2.1.4), что связано с тематикой записанных бесед с диалектоносителями, и существительные ср.р. с односложной и многосложной основой (3.1.2, 3.2.1), которых в диалектах в целом насчитывается незначительное количество.

Формы им.п. **цуканских говоров** следующим образом распределились по выделенным морфофонологическим и грамматическим признакам.

1. Неодушевленные существительные м.р.:

1.1. Односложная основа:

1.1.1. *ча'с н'и прав'ид'о'н* (ДНК., 1), *сво'й хл'е'п лу'ч'и'и; л'е'с та'м крас'и'вый; ду'п же'с'т'* (ДНК., 8), *сто'лп стаја'л* (ДНК., 14), *стан дл'а тка'на* (ДНК., 16), *э'тат дом харо'шый* (НЖМ., 2), *был шра'м; эта торф* (НЖМ., 1).

1.1.2. *С'н'ех ид'о'т'* (ДНК., 14), *дамо'к был кур'ин'о'к* (ДНК., 7), *мох раст'о'т'* (ДНК., 8).

1.1.3. *До'шиш пайд'о'т'* (ДНК., 14), *бо'риш был* (ДНК., 15), *л'е'там душ з'ба'нк'и* (ДНК., 12), *кл'уч' был* (ДНК., 3).

1.1.4. *У'гал' был* (ДНК., 16).

1.2. Многосложная основа:

1.2.1. *Этъ аҧаро'т* (ДВД., 2), *сарахва'н ра'н'шь был* (ДНК., 8), *на стал'е' лапша' и узва'р* / *этат ис сушо'нок кампо'т* (ДНК., 15), *зал'ит'е'л самал'о'т*; *је'хал по'ист* (НЖМ., 1), *туды' ид'е' маҧаз'и'н* (НЖМ., 2), *был ҧо'лат*; *хо'лът н'имо'жнѣй* (НЖМ., 3).

1.2.2. *Мо'ст'ик даста'н'ицѣ* (ДВД., 2), *фшко'лу хад'и'л'и / хва'ртуч'ѣк б'ел'ѣн'к'ий* / *ју'бѣч'ка*; *на усп'е'н'јѣ пра'з'н'ик*; *ха'тъ бал'ша'ѣа как д'ив'ит'ир'и'к* (НЖМ., 2), *јес'т' и ч'ирда'к*; *на о'кнах нал'и'ч'н'ик* (ДНК., 12), *сунду'к до'ма*; *ҧр'иб'ишо'к дл'а вало'с был*; *ч'а'йн'ич'ик был ад'и'н* (ДНК., 1), *д'ива'н'ч'ик ма'хан'к'ий / сунду'к стаи'т' / шыфан'е'рч'ик ста'рай* (ДНК., 9).

1.2.3. *Ум'ин'а' ҧара'иш* (ДНК., 10), *сара'ѣ јес'т'* (ДНК., 12), *на прано'шках наво'ѣ* (ДНК., 16).

1.2.4. *Вот таб'е' и трудад'е'н'* (ДНК., 4).

2. Одушевленные существительные м.р.:

2.1. Односложная основа:

2.1.1. *Д'ет зба'пкаи пам'орл'и*; *поп в'ин'ч'ал*; *сын пр'ишо'л* (НЖМ., 2), *бра'т в'ит'ир'ина'рам рабо'тал* (ДНК., 7).

2.1.2. *Внук унас паҧи'п*; *внук жыв'от'*; *внук жжано'ѣу* (НЖМ., 2), *сыно'к фстал* (НЖМ., 1).

2.1.3. *Там врач был*; *мой муш пр'ѣе'хъл*; *ат'ес у'м'ир* (НЖМ., 1), *ат'е'ц п'е'рвѣй на сал'е' был* (ДНК., 7).

2.2. Многосложная основа:

2.2.1. *Сас'е'д был* (ДНК., 7).

2.2.2. *Р'иб'о'нѣк был* (НЖМ., 1), *ма'л'ч'ик аста'лс'а*; *мо'л'ица жын'и'х* (НЖМ., 2), *жын'и'х / руба'шка на јо'м* (ДНК., 6), *пр'исн'и'лс'и супру'х* (ДНК., 15), *ч'илав'е'к та'ма* (ДНК., 14), *был ахо'тн'ик* (ДНК., 17).

2.2.3. *Тава'р'иш сјим* (НЖМ., 1).

2.2.4. *Пр'идс'ад'ат'ел'* (НЖМ., 3), *пр'итс'ида'т'ил' калхо'за* (ДНК., 14).

3. Существительные ср.р.:

3.1. Односложная основа:

3.1.1. *М'е'сть харо'шыйь* (ДВД., 2).

3.1.3. *С'е'риць зав'иха'йыць* (НЖМ., 1), *с'е'рица н'и т'е'ри'а* (НЖМ., 3).

3.2. Многосложная основа:

3.2.1. *Как къл'асо'*; *мно'гъ убо'ръ / ма'ль / б'рахло'* (ПНН., 1).

3.2.2. *М'лако' т'ич'о'т'* (ДНК., 13).

3.2.3. *Кауда' палаво'д'жъ / нало'в'иш м'елк'их на'уху'* (ДНК., 3), *параво'йь атапл'ен'ийь* (ДНК., 10), *эта'во'т зда'н'ийь былъ б'ибл'иат'е'къ* (ДВД., 1), *то уул'ан'ийь былъ* (ДВД., 2), *здаро'в'жъ у'м'ин'е' как што н'бу'т' п'валну'йус' / хоп пр'и'ступ* (НЖМ., 1).

Проанализированный материал показывает, что в цуканских говорах не все выделенные классы существительных проиллюстрированы соответствующими примерами. Как и следовало ожидать, среди них оказались существительные ср.р. с односложной основой (3.1.2, 3.1.4) и одушевленные существительные (2.1.4). Очевидно, это связано с темами записанных бесед, которые использовались в исследовании.

В говорах с севернорусской основой на им.п. зафиксированные примеры распределились по выделенным признакам следующим образом.

1. Неодушевленные существительные м.р.:

1.1. Односложная основа:

1.1.1. *До'м та на'избу похо'ш; пол был з'имл'ано'й; столп стоја'л* (ХЛБ., 1), *л'ес был* (БРД., 2).

1.1.2. *Шолк как л'ажы'т* (БРД., 5), *лук / капу'ста (были)* (БРД., 3).

1.1.3. *Был борш'ш'* (Н. КРЛ., 1).

1.1.4. *До'шт' прайд'о'т /* (БРД., 8), *у'гъл' драва' гар'а'т* (БРД., 1).

1.2. Многосложная основа:

1.2.1. *Дымахо'т аб'гр'ива'йьт* (БРД., 1), *был тако'й инструм'е'нт* (БРД., 2), *калхо'с сра'зу нъ тр'яктара' пасла'л'и уч'и'ць* (БРД., 3).

1.2.2. *Р'е'чкъ је'ст' / б'ит'ужо'к* (БРД., 2), *јес'т' куша'к* (БРД., 4), *потоло'к поб'ел'ен* (ХЛБ., 1).

1.2.3. *У'ка'ждъвъ сво'й кало'д'ьц* (БРД., 7).

1.2.4. *Был пусты'р'* (БРД., 2), *јач'м'е'н' с руба'шкѣй* (БРД., 6), *фунда'м'ѣнт э'тъ ка'м'ѣн' ш'ш'е'б'ѣн' / а цо'кѣл' э'тъ ужэ' то'л'и ка'м'ѣн'* (БРД., 1).

2. Одушевленные существительные м.р.:

2.1. Односложная основа:

2.1.1. *Бы'л бра'т* (БРД., 7), *бы'л у м'ен'а' сын* (ХЛБ., 1), *сын пр'ишо'л* (БРД., 5).

2.1.2. *Сыно'к мн'е п'ър'тр'ахну'л и'збу;* *мнуч'о'к з жоно'й* (ХЛБ., 1).

2.1.3. *ат'е'ц пѣ каза'цк'и гѣвар'и'л* (БРД., 3), *му'ш рабат'а'ш'ш'ий* (БРД., 7), *муш то'жъ п'јот* (ХЛБ., 1)

2.2. Многосложная основа:

2.2.1. *Эт д'ир'е'ктър* (Н. КРЛ., 1), *ма'с'т'ер так пр'идугада'л* (БРД., 5).

2.2.2. *Ч'елов'е'к дв'и'жыцѣ* (Н. КРЛ., 1), *ат'е'ц каза'к* (БРД., 3).

3. Существительные ср.р.:

3.1. Односложная основа:

3.1.1. *С'ило' та'к разгава'р'иваит* (БРД., 7), *з'арно' ад'д'е'л'нѣ ид'о'т* (БРД., 6), *у бѣыко'ф бы'ль / јурмо';* *адно' ды'шль на два'и'х / и адно' јармо'* (БРД., 2).

3.1.3. *Со'нцѣ взашло'* (БРД., 3).

3.2. Многосложная основа:

3.2.1. *Эт вот палатно' и э'та палатно'* (БРД., 4), *д'е'р'ѣвъ зѣсыха'йѣт,* *ср'е'цѣвъ бы'ль п'ър'ѣдв'ижэ'н'ийа* (БРД., 2), *кары'тъ абыкнав'е'ннѣйѣ* (БРД., 1).

3.2.2. *Эт со'лнышка* (БРД., 5).

Итак, им.п. в говорах с севернорусской основой достаточно полно представил разработанную схему анализа форм существительных 2 склонения. Как и в предыдущих типах диалектов, в нашем материале не отмечено некоторых основ одушевленных существительных (2.1.4, 2.2.3, 2.2.4) и основ существительных ср.р. (3.1.2, 3.1.4, 3.2.3)

В русских говорах по обозначенным признакам существительные в им.п. распределились таким образом:

1. Неодушевленные существительные м.р.:

1.1. Односложная основа:

1.1.1. *Там лес;* *был дом* (АЛК.-1, 2), *был пр'истар'е'лый дом* (АЛК.-1, 3).

1.1.3. Там **пл'аш** был (АЛК.-1, 2).

1.2. Многосложная основа:

1.2.1. **Калхо'с** был; *эт адно' и то' жь / тра'ктър / камба'йн; там бал'шо'й падва'л* (АЛК.-1, 2).

1.2.2. *Про'сть куста'рн'ик; до'м'ик стаи'т'; пруд'ик* был (АЛК.-1, 2).

2. Одушевленные существительные м.р.:

2.1. Односложная основа:

2.1.1. **Сын** у н'и'х; **брат** у вар'у'л (АЛК.-1, 2), **сын** аста'лс'и (АЛК.-1, 3), н'и' у вар'у' / д'ет (АЛК.-1, 4).

2.1.2. Был **друх** у м'ин'е'; **харо'шый внук** (АЛК.-1, 3).

2.1.3. **Н'е'м'ьц** вашо'л (АЛК.-1, 2), **ат'е'ц** п'ат' рас жын'и'лс'и (АЛК.-1, 3), **ат'е'ц** раска'зъвъл (АЛК.-1, 4).

2.2. Многосложная основа:

2.2.1. **М'ихан'иза'тър** шыро'къвъ про'ф'ил'а; **ба'р'ин** так рьспър'ид'и'лс'ь; **арх'ит'е'ктър** д'е'лъл (АЛК.-1, 2).

2.2.2. Ну / **дура'к** ыл'и у'мный; он **изм'е'н'н'ик** ро'д'ины; мн'е **ат'е'ц** раска'зъвъл то'жа / **нако'йн'ик; пам'е'ш'и'ш'ик** эт'ът был; **каза'к** тут жыл; **каза'к** был (АЛК.-1, 3).

2.2.3. Был **тава'р'иш'** (АЛК.-1, 3).

3. Существительные ср.р.:

3.1. Односложная основа:

3.1.1. **Ръзрасло'с' с'ило'**; **дно** п'иско'м фс'о вы'слъна (АЛК.-1, 2), **д'е'ла** јаво' (АЛК.-1, 3).

3.1.3. **Вот пл'ич'о'** (АЛК.-1, 3).

3.1.4. **уор'ь** на'шъ (АЛК.-1, 4).

3.2. Многосложная основа:

3.2.1. **Ш'и'ас** фс'о зърасло' там къмышо'м / т'и'на / **бало'та** (АЛК.-1, 2), **пато'мствъ** на'ша / пал'а'к'и (АЛК.-1, 3).

3.2.3. **Пъм'иш'и'е'н'ийъ** былъ (АЛК.-1, 2), **уд'е'вът** кла'дб'иш'и'ш'ь; **ран'е'н'ийъ** было' (АЛК.-1, 3).

В ходе анализа форм им.п. в русских говорах обозначились некоторые классы слов, слабо представленные в этом диалекте. Среди них оказались некоторые основы одушевленных существительных (2.1.4, 2.2.4), и неодушевленных существительных (1.1.2, 1.1.4, 1.2.3, 1.2.4) что связано с тематикой бесед с диалектоносителями, и основы существительных ср.р. (3.1.2, 3.2.2), которых в диалектах целом насчитывается незначительное количество.

Выводы. Несмотря на достаточной большой объем материала, им.п. существительных второго склонения не представляет интерес в плане его морфологического выражения. Во всех без исключения случаях в им.п. существительные имеют нулевое окончание, которое восходит к древнерусскому -ь или -ь, а немногочисленные существительные ср.р. – исконное -о. В этом говоры полностью совпадают с литературным языком.

Однако, при распределении слов по обозначенным в начале главы классам мы заметили, что некоторые из них оказались абсолютно непредставленными. Данное обстоятельство объясняется особенностями материала, выбранного для нашего исследования. Именно связная неподготовленная речь, записанная в ходе беседы с жителями разных сел, дает богатый материал для изучения особенностей грамматической системы в ее непосредственной реализации, когда диалектоноситель непреднамеренно использует привычные ему формы, функционирующие в диалектном языке в данное время. Однако в таком случае возникают некоторые трудности с фактической представленностью определенных классов слов, выделенных исследователями для наблюдений. В нашем случае среди них по всем типам диалектов оказались одушевленные существительные м.р. с односложной основой на мягкий парный согласный (2.1.4.) типа *конь, зять*, существительные ср.р. с односложной основой на заднеязычный согласный (3.1.2.) типа *лыко*.

Считаем важным отметить, что класс одушевленных существительных в целом в диалектах является слабо представленными. Кроме полностью отсутствующего класса слов типа *конь, зять*, в диалекте сложно найти существительные с многосложной основой на мягкий парный согласный (2.2.4)

типа *почтарь, учитель*, на шипящие, [ц] и [j] (2.2.3) типа *жеребец, товарищ* и односложные существительные на заднеязычный согласный (2.1.2) типа *бык, друг*.

Для существительных ср.р. отмечена более пестрая картина в плане представленности разных классов слов, но нетрудно заметить, что во всех выделенных типах говоров отсутствуют в среднем по 2-3 класса, что связано не только с тематикой записанных бесед, но и их незначительным количеством в диалекте.

3.1.2.2. Винительный падеж

На втором месте по количеству зафиксированных примеров существительных 2 склонения располагается вин.п. В этой форме существительные морфологически не отличаются от литературного языка: неодушевленные существительные м.р. имеют нулевое окончание, одушевленные существительные м.р. – окончанием *-а*, существительные ср.р., как правило – окончание *-о*. Об окончаниях существительных ср.р., возникших как следствие разрушения категории ср.р. см. в параграфе 2.2.1. Категория среднего рода в говорах Воронежской области. Рассмотрим некоторые примеры существительных по типам говоров и 3.1.1.2. Винительный падеж.

В талагайских говорах курско-орловского типа в форме вин.п. в большинстве случаев зафиксированы неодушевленные существительные м.р.: *пр'ишло'с' ит'и'т' ап'а'т' у хор; ид'е'м у л'е'с* (КРЛП., 1), *борш вар'и'л'и; л'о'хкуйу ад'о'жу у сундук' склада'л'и; дава'л'и там с'е'нь* (КРЛП., 2), *борш / ст'уд'ьн' / х'лад'е'ц лапуш' вар'и'л'и / к'ис'е'л' вар'и'л'и* (КРЛП., 3), *зур'аб'ом жар / хл'еп нь лапа'ту; браса'ши у по'т; налы'жн'ик нь рауа' над'е'н'ьш* (КРЛП., 4), *ја в'ида'ль како'шн'ик* (СТ. ХВР., 2), *цэ'лай д'ен' ч'и'с'т'им карто'х'и* (МСТ., 1), *лук саж'а'им; уро'х с'е'ил'и; ваз'и'л'и в астрау'рск нь завот* (ДВЦ., 1). Вин.п. одушевленных существительных представлен единичными примерами: *тада' п'рас'о'нкъ зар'е'жут'* (КРЛП., 4).

В небольшом объеме отмечены существительные ср.р.: *сы'н'ут' муку' / пашано'* (СТ. ХВР., 2), *нам в'адро' дадут'* (МСТ., 1), *на в'вадро' вады' каро'нку сп'и'ч'ьк; пол'ь на ра'знъму нъзыва'им* (ДВЦ., 1).

В собственно талагайских говорах в вин.п. преимущество также получают неодушевленные существительные м.р.: *с'е'на пр'иб'ира'л'и; нъ ч'арда'к на э'тът; пьд лапа'сьм вы'рыл йаю' / э'тът пьур'або'к* (ШКВ., 1), *кр'ест став'ут' ил' на'м'ит'н'ик; сьр'ькау'ст слу'жут'* (СТП., 2), *пьдава'йт'ь ф'сут* (РСТШ., 1), *стал'и на трудадн'и' хл'е'п дава'т'; пашо'л рабо'тът' в л'асхо'с; суп вар'и'л'и* (КЗЛ., 2), *ну дадут' на ко'фту / ил' патша'л'н'ик; ује'хъл в варо'н'ьш; палол'и патсол'нух* (КЗЛ., 4). Среди одушевленных существительных встречаются такие: *ацца' ссад'и'л'и; пр'итс'ада'т'ьл'ь с'ьл'сав'е'т'ь ваз'и'ль* (КЗЛ., 2), *р'ьд'ила' маво' д'е'да* (КЗЛ., 1), *пьпрас'и'ла сас'е'да* (СТП., 3), *абмыва'йут' нако'йн'ика* (СТП., 2), *дал'и ч'илав'е'ка; ч'ут' р'иб'о'нкъ н'и уран'и'ль* (РСТШ., 1), *зар'е'жут' пьрас'о'нка* (ШКВ., 1), *вл'убл'а'льс' в но'въвъ уч'и'т'ьл'ь* (ШКВ., 3).

Существительные ср.р. отмечены в таких примерах: *он лажы'цца нъ пл'ич'о'* (РСТШ., 1), *хаз'а'ин јаю' рьспр'ьд'ал'а'ит' пь м'аста'м / куды' на са'ла / ил' на м'а'са там паруб'ит' / пасол'ит'* (ШКВ., 1).

В вин.п. цуканских говоров неодушевленные существительные м.р. также получили преимущество: *на'да сьмал'о'т' уато'в'ит'; хл'е'п с'е'ил'и; вы'пус'т'ил'и на фронт; в варо'н'иш пaje'халь* (ДВД., 1), *п'ир'в'ил'и ф'пъч'инско'й с'ил'сав'е'т; сажал'и карто'ф'ил'; п'иса'л'и трудад'е'н'; выхад'и'л'и на мо'ст'ик; з'арно' б'ьр'иул'и* (ДВД., 2), *је'зд'ил'и аш в л'ьн'инурат; заступ'ил в бой* (НЖМ., 1), *заступ'ил рабо'тат' ф'калхо'с; за стол сад'а'ца* (НЖМ., 2), *иура'л'и в вал'итбо'л* (ДНК., 10), *пух д'о'руал'и* (ДНК., 11), *бу'сы ад'ива'ла на пра'зн'ик / плато'к цв'итно'й; хл'еп п'икл'и; к'ис'е'л' с'ней во'р'им и камп'от* (ДНК., 9). Среди одушевленных существительных отмечены следующие: *рад'ила' мал'ч'икъ* (НЖМ., 1), *нашл'и' пр'идс'а'дат'ел'а; ацца' схаран'и'л'и* (НЖМ., 3), *забра'л'и мужа* (ДВД., 1), *б'ит'*

с'ел'из'н'а (ДНК., 17), *бара'на р'езал'и*; *парас'онка давал* (ДНК., 14), *т'ил'онка пай'ла* (ДНК., 6), *паступа'ит на врач'а'* (ДНК., 16).

Существительные ср.р. встречаются редко: *м'лако' н'и пр'едавал'и* (ДВД., 2).

В говорах с севернорусской основой аналогично другим типам говоров абсолютное большинство существительных м.р. в вин.п. являются неодушевленными и их форма совпадает с им.п.: *хад'ул'и нь база'р*; *уп'ира'л'ис' ф'сн'ех* (БРД., 2), *пр'ишо'л ја в'дом*; *наво'с м'ис'ул'и*; *выкла'дыв'ьём цо'къл'*; *аставл'ал'и пусто'йь м'е'сть* (БРД., 1), *ваз'ул'и нь сахзаво'т* (БРД., 7), *ра'н'шь ваз'ул'и хл'е'п в'анну нь ил'ива'тьр*; *патсо'лнух с'е'ил* (БРД., 6), *м'от / сыр / бры'нзу давал'и* (Н. КРЛ., 1). Одушевленных существительных существенно меньше, по форме они совпадают с родительным падежом: *ма'л'ч'икъ рад'илъ* (БРД., 8), *калхо'зн'ика с'рабо'ч'им н'икада' н'и равн'ал'и* (БРД., 7), *м'е'тр'ф за сто'ужэ' ч'ялав'е'къ по'л'ьсу в'иднь* (БРД., 2) *мн'е порос'онка* (Н. КРЛ., 1) *м'ин'а' посыла'л'и на м'аха'н'ика уч'и'ца* (Н. КРЛ., 2).

Существительные ср.р. можно проиллюстрировать такими примерами: *присла'л п'ут'ин п'ис'мо'* (БРД., 3), *абмала'ч'вь'ют з'арно'* (БРД., 6), *давал'и ов'е'ч'я'ь молоко'* (Н. КРЛ., 1).

В русских говорах вин.п. оказался самым малочисленным по сравнению с остальными типами говоров. Среди существительных м.р. здесь отмечено только неодушевленные, форма которых совпадает с им.п.: *дом он прадал тута*; *вашо'л в'варо'н'ьш*; *пр'ишж'ж'ал'л'е'т'ьм с'уда' на о'ддых* (АЛК.-1, 2), *п'ьр'в'изал'и и абра'тнь на фро'нт*; *л'икв'ид'и'рвъл'и дом э'т'ьт*; *пашо'л ја в'второ'й л'има'н*; *асв'бажда'л кры'м* (АЛК.-1, 3), *корм р'здавал'и* (АЛК.-1, 4). Существительные ср.р. отмечены в таких примерах. *адб'ира'л'и барахло'* (АЛК.-1, 2), *асв'бажда'л о'з'ьрь с'ива'шы* (АЛК.-1, 3).

Выводы. Несмотря на достаточной большой объем материала, вин.п. существительных 2 склонения, как и им.п., не представляет интерес в плане его морфологического выражения.

Для существительных м.р. решающим фактором в выборе окончания является его одушевленность/неодушевленность. У неодушевленных

существительных форма вин.п. совпадает с им.п. и имеет нулевое окончание, а у одушевленных существительных м.р. форма вин.п. совпадает с род.п., и получает окончание *-а* безвариантно.

Для существительных ср.р., которые сохраняют свою родовую принадлежность, форма вин.п. всегда совпадает с им.п.. В этом отношении все говоры однородны. Однако часть существительных ср.р. демонстрирует переход в состав ж.р. В этом случае функционирует окончание *-у*: *ма'слу нал'ју'т'*, *са'лу брала'*, *ста'в'ил'и т'е'сту*, *на'кла'д'б'ишшу иду'т'*, *на'адну' у'шку* и др. (см. подробнее об этом параграф 2.2.1 Категория среднего рода в говорах Воронежской области и 3.1.2.2. Винительный падеж).

Материал исследования показал, что в форме вин.п. наблюдается явная тенденция к преобладанию неодушевленных существительных над одушевленными (таблица 12).

Таблица 12

Количественное соотношение существительных 2 склонения в им.п. и вин.п. по признаку одушевленности/неодушевленности

Тип говора	Процент существительных			
	Им.п.		Вин.п.	
	неодуш.	одуш.	неодуш.	одуш.
Талагайские говоры курско-орловского типа	78,8%	21,2%	99,6%	0,4%
Собственно талагайские говоры	61,4%	38,6%	96,2%	3,8%
Цуканские говоры	60,2%	39,8%	95,4%	4,6%
Говоры с севернорусской основой	80%	20%	98,4%	1,6%
Русские говоры	38,5%	61,5%	100%	

В таблице отражено соотношение одуш./неодуш. существительных м.р. в им.п., где в целом преимущественное количество также получают неодушевленные существительные. В им.п. соотношение одуш./неодуш. существительных, прежде всего, обусловлено тематикой записанных бесед. Во всех типах говоров, за исключением русского, анализируемые тексты содержали рассказы о предметах быта, праздниках, традициях и обычаях, строительстве, войне и т.п., поэтому процент неодушевленных существительных выше. В русских говорах наблюдается обратная ситуация, поскольку в большинстве контекстов речь идет о детях, отцах, хорошем барине и его семье.

В вин.п. преимущество неодушевленных существительных обусловлено не только содержанием проанализированных текстов, но также увеличивается за счет типичного для него падежного значения. Неодушевленные предметы окружающего мира чаще выступают объектом коммуникации, по меткому замечанию Г.А. Золотовой, явления, понятия и предметы «не действуют, не мыслят, не передвигаются самостоятельно, они пассивны, они осуществляются или существуют» [Золотова 2007, с. 37], поэтому для неодушевленных существительных предпочтительным оказывается объектное значение, которое передается формой вин.п.

3.1.2.3. Родительный падеж

В ходе исторических преобразований системы склонения в форме род.п. существительные 2 склонения кроме исконного окончания *-а* могут иметь вариантное окончание *-у*, употребление которого в литературном языке имеет лексико-семантические ограничения.

В русских диалектах может наблюдаться иное распределение этих окончаний. При этом считаем важным учитывать не только морфофонологические характеристики существительного и его грамматические признаки, но и значение падежной и предложно-падежной формы, поэтому при характеристике многозначного по своей природе род.п. мы будем отдельно рассматривать следующие группы:

1. Род.п. в сочетании с числительным.
2. Родительный прямого объекта, в т.ч. при отрицании.
3. Родительный приименный с определительным значением, в т.ч. принадлежности, носителя признака, обладающего качеством, свойством.

4. Родительный приглагольный с обстоятельственным значением места, времени, причины, цели, образа действия и т.д.

Количественное соотношение вариантных окончаний в форме род.п. отражено в диаграмме (диаграмма 23), на которой видно, что наибольший процент словоформ с окончанием -у зафиксирован в талагайских говорах курско-орловского типа и составляет 25% от общего количества словоформ в род.п. В собственно талагайских и цуканских говорах процент таких форм немного меньше – 15%. Самый маленький процент форм с вариантным -у в род.п. отмечен в говорах с севернорусской основой (6% словоформ). В русских говорах в наших материалах все зафиксированные формы имеют окончание -а.

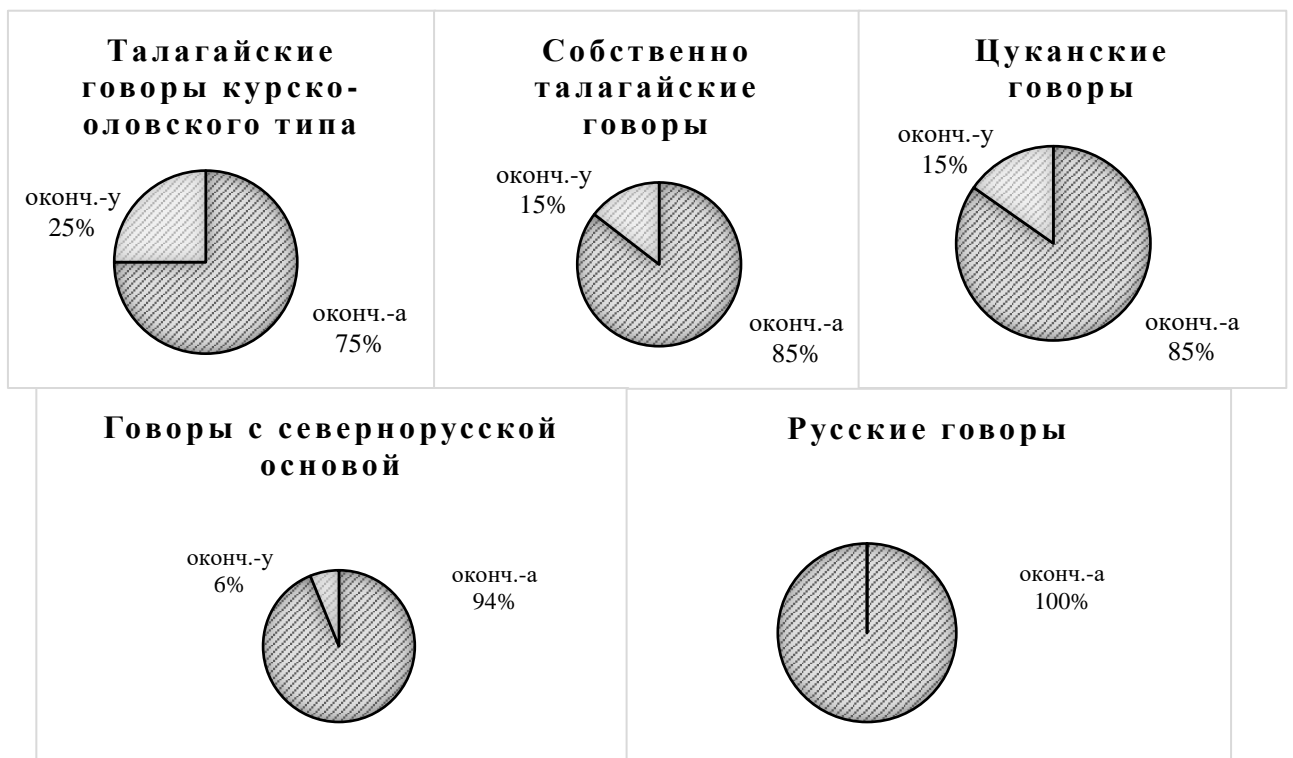

Диаграмма 23. Количественное соотношение вариантных окончаний в род.п. существительных 2 скл. в говорах Воронежской области

Рассмотрим подробнее в каких случаях появляется вариативность окончаний род.п. в воронежских диалектах с учетом типологии.

В талагайских говорах курско-орловского типа род.п. представлен следующими примерами:

1. В сочетании с числительным независимо от места ударения, одушевленности и рода используется окончание -а: м.р.: *тр'и к'ило'мьтръ* (КРЛП., 1), *нъруба'л'и*

м'е'тръ на *тр'и'* (КРЛП., 2), *два'ццѣтъ' вас'мо'уъ а'вуустъ* (МСТ., 1); ср.р.: *два д'ит'а'* (КРЛП., 1), *два пал'та'* зд'е'льль (КРЛП., 1), *тр'и в'адра'* пр'ин'ас'е'м (МСТ., 1). С неопределенно количественными словами возможно -у: *мно'уъ бураку'* стало'въвъ *сажа'им* (ДВЦ., 1), *м'и'ру* нас *мно'уа* (МСТ., 1).

2. В конструкциях с род.п. прямого объекта при отрицании у существительного с многосложной основой отмечено окончание -а: *хълад'и'л'никъ н'е'быль* (КРЛП., 4), а у существительного односложной основой – окончание -у: *у'сара'тъв'и до'жжу н'е'ту* (КРЛП., 4). Подобные примеры мы находим в работе А.Д. Черенковой: *у'н'и'х л'е'су н'е'ту; до'жжу н'е'ту / пло'хъ; до'жжу н'и'было'* (с. Ст. Хворостань). Существительные имеют неподвижный тип ударения на основе, в том числе и слово *дождь*, с подвижным ударением в литературном языке [Черенкова 2017, с. 191].

Если падежная форма получает партитивное значение, то функционирует окончание -у несмотря на многосложность основы и родовую принадлежность существительного: м.р.: *зъкуп'и'л ишио'л'аску'* (КРЛП., 1), *патсо'лнуху* пр'ив'азу'т' (ДВЦ., 1), *ръзуав'е'цъ твърау' је'л'и* (КРЛП., 4); ср.р.: *к'пра'з'н'ику мълач'к'у' уск'ип'ат'и'и* (КРЛП., 3),

3. В родительном приименном с определительным значением чаще употребляется окончание -а: м.р.: *ууишу ат'хл'е'бъ см'е'шываиш* (КРЛП., 3), *пр'ишы'фк'и бы'л'и из'б'и'с'ъръ* (СТ. ХВР., 2); ср.р.: *вы'жърк'и ат'сала* (КРЛП., 3) *кало'цъ из'д'е'р'въвъ* (КРЛП., 2), *кусо'к мълъ* (КРЛП., 5). Окончание -у возможно, оно отмечается у существительного ср.р.: *абу'жу в'будн'и нас'и'л'и из'лы'ку* (СТ. ХВР., 2).

4. В родительном приглагольном с обстоятельственным значением независимо от места ударения, одушевленности и рода используется окончание -а: м.р.: *нав'е'рх хва'ртукъ* (КРЛП., 3), *хл'е'п н'акл'и' из'јач'м'и'н'а'* (КРЛП., 4), *луко'шкъ ис'хво'ръсть* (СТ. ХВР., 1); ср.р.: *нъруба'л'и из'д'е'р'въвъ, купа'л'ис из'в'адра'* (КРЛП., 2).

Окончание -и, зафиксированное в речи 78-летней жительницы с. Краснолипые Репьевского района Воронежской области у существительного

яблочко свидетельствует о его переходе в состав 1 склонения: *ач'и'стк'и ат карто'шк'и // а ат ја'блч'к'и с'ерд'е'ч'к'и / γд'е с'е'м'ь у ја'блч'к'и* (см. об этом в параграфе 2.2.1.1. Категория среднего рода в талагайских говорах курско-орловского типа и 3.1.1.3. Родительный падеж).

Таким образом, в талагайских говорах курско-орловского типа вариативность окончаний род.п. зафиксирована почти по всем обозначенным группам. Окончание -у отмечено в четверти случаев (диаграмма 29). Оно появляется при партитивном значении падежной формы как у существительных м.р., так и ср.р. (*патсо'лнуху пр'ив'азут', м'ялч'к'у' уск'ип'ат'и'ш,*), а также в род.п. прямого объекта при

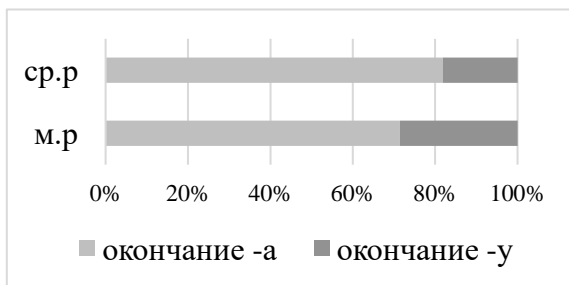

Диаграмма 24. Соотношение вариантных окончаний род. п. сущ. 2 скл. в талагайских говорах курско-орловского типа

отрицании (*до'жжу н'е'ту, л'е'су н'е'ту*), с определительным значением (*абу'жа из лы'ку*) и в сочетании с неопределенно количественными словами (*мно'γъ бураку', м'и'ру мно'γа*). Важно отметить, что окончание -у могут получать при этом как существительные м.р. (25%), так и у существительные ср.р. (18%) (диаграмма 24).

В собственно талагайских говорах род.п. отмечен в таких примерах:

1. В сочетании с числительным независимо от места ударения, одушевленности и рода функционирует окончание -а: м.р.: *ч'аты'р'и дн'а* (КЗЛ., 2), *два удо'йа; ауурица' тр'и* (КЗЛ., 4), *тр'и м'е'с'ьцъ* (ШКВ., 2), *ч'иты'р'ь γо'дъ* (ШКВ., 6), *ч'аты'р'и ч'илав'е'ка* (СТП., 1); ср.р.: *палл'и'тру м'ялака'* (КЗЛ., 4), *два в'адра'* (КЗЛ., 5).

2. В конструкциях с род.п. прямого объекта при отрицании у существительного с односложной и многосложной основой отмечено только окончание -а: м.р.: *х'лад'и'л'никъ н'е'быль* (КЗЛ., 2), *н'и адна'γо' уриба' н'е'быль* (КЗЛ., 5), *ацца' ја н'и дажда'л'с'*; *па'рн'а н'и дажда'л'с'*; ср.р.: *м'ялака' не'быль* (КЗЛ., 4), *пан'а'тийа н'и зна'ль* (РСТШ., 1).

Если предложно-падежная форма получает партитивное значение, то окончание -у преимущественно функционирует у существительных м.р. как с односложной, так и многосложной основой: *дай мн'е јо'ду; сн'е'γу н'вал'и'ла*

(РСТШ., 1), *твъраишкү' с сабо'й ваз'м'е'ш; нъл'ива'йши в н'е'е' к'ирас'и'ну* (КЗЛ., 4), *насы'пъла жей в жаду' ја'ду* (СТП., 3). Существительные ср.р. в форме с подобным значением оформлены окончанием *-а*. В этом плане показательным является предложение, где в одинаковом окружении оказываются существительные разного рода: *с'е'јал'и палосъч'к'у ржы'цы / палосъч'к'у јач'м'ьн'к'у' / палосъч'к'у про'съ / кукуру'ск'и* (КЗЛ., 2).

Кроме этого, если в предложении есть указание на точное количество, то в род.п. употребляется окончание *-а*: *пъ н'аццо'т урам хл'е'бъ* (КЗЛ., 2), *даду'т' два' с пълав'и'нъй м'е'тра с'и'цца* (КЗЛ., 4).

3. В родительном приименном с определительным значением употребляется только окончание *-а* как в падежных, так и в предложно-падежных формах: м.р.: *пр'итс'ада'т'ьл'ь с'ьл'сав'е'тъ ваз'и'ль* (КЗЛ., 2), *ба'нъч'к'ь стаи'т' ис пьд манаје'съ* (КЗЛ., 4); ср.р.: *м'ичта' д'е'цтвъ бы'ль; п'иса'л'и мы исто'р'ийу с'ила'* (ШКВ., 3), *до'шт' ну'жън <...> б'ьс со'нцъ* (РСТШ., 1).

Безвариантно окончание родительного принадлежности: *рѣд'ила' д'е'да ат аф'ицэ'рѣ* (КЗЛ., 1), *у ацца' была' ло'шът'* (КЗЛ., 2).

4. В родительном приглагольном с обстоятельственным значением независимо от места ударения, одушевленности и рода используется окончание *-а*: м.р.: *дъ п'ир'икры'т'ийа дашо'л / дъ пьталка'*; *дъ пьдако'н'н'ика ръзвал'и'л'и* (РСТШ., 1), *по'сл'ь бр'уад'и'ра* (КЗЛ., 4), *ста'н'ьш у кало'д'из'а* (КЗЛ., 5), *јар'е'т' далжны' у ро'ба; выно'с'ут' пасл'а' аб'е'да* (СТП., 2); ср.р.: *по'сл'ь п'ьдуч'и'л'иш'ш'ь ја пр'ије'хъль* (ШКВ., 3), *из в'адра' пай'л'и* (КЗЛ., 5)

Окончание *-у* отмечено также в некоторых устойчивых выражениях: *з ро'льду н'а у'м'ир* (КЗЛ., 2), *то'лку ат н'е'й н'икако'ва* (СТП., 3).

Окончание *-ы*, зафиксированное в речи 85-летней жительницы с. Ступино Рамонского района у существительного *кладбище* свидетельствует о его переходе в состав 1 склонения: *пато'м / пасл'а' кла'д'б'ишишы пьм'ина'йут' до'ма, снач'ала о'къл кла'д'б'ишишы астана'вл'ивъщут'* (см. об этом в параграфе 2.2.1.2. Категория среднего рода в собственно талагайских говорах и 3.1.1.3. Родительный падеж).

Таким образом, в исследуемом нами типе говора в род.п., в большинстве своем существительные м.р. и ср.р. имеют окончание *-а*, а сфера употребления вариантного окончания *-у* уже, чем в предыдущем типе говоров, что отражается и на количестве зафиксированных примеров (диаграмма 29). Оно отмечается только в родительном партитивном у существительных м.р. с вещественно-собирательным значением (*дай мн'е жо'ду, сн'е'юу н'вал'и'ла*). Кроме этого,

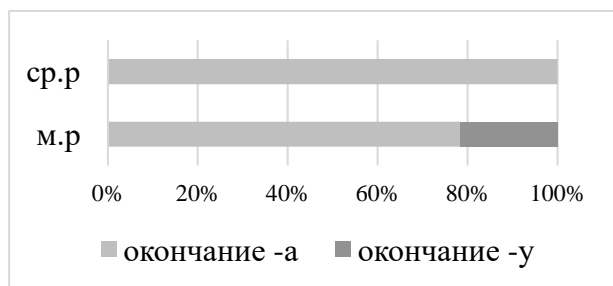

Диаграмма 25. Соотношение вариантных окончаний род. п. сущ. 2 склонения в собственно талгайских говорах

окончание *-у* используется в устойчивых выражениях типа *з'ю'льду н'а'у'м'ир, то'лку ат'н'е'й н'икако'ва*. У существительных ср.р. вариантного окончания *-у* в нашем материале не зафиксировано (диаграмма 25). В этом отношении собственно талгайские говоры

не отличаются от литературного языка.

В **цуканских говорах** существительные в род.п. были отмечены в таких примерах:

1. В сочетании с числительным независимо от места ударения, одушевленности и рода отмечено безальтернативное окончание *-а*: м.р.: *ч'еты'р'и бра'та* (ДВД., 1), *па'тр'и' дн'а* (ДНК., 14), *по'тр'и' м'е'тра* (НЖМ., 2).

2. В конструкциях с род.п. прямого объекта при отрицании у существительных м.р. и ср.р. с многосложной основой отмечено, как правило, окончание *-а*: м.р.: *ра'къ н'и'абнару'жыл'и* (НЖМ., 1), *н'ет' н'и'рубл'а'*; (НЖМ., 3), *самава'ра н'е'была* (ДНК., 8), *т'ил'ив'и'з'ира у'м'ин'а'н'ет* (ДНК., 16); ср.р.: *м'лака' н'и'да'јот'* (НЖМ., 3). Однако в редких случаях существительное м.р. с ударной многосложной основой может быть оформлено окончанием *-у*: *н'икако'въ н'е'быль сканда'лу* (ДВД., 2).

Если падежная форма получает партитивное значение, то у существительных ср.р. используется окончание *-а*: *м'лака' харашо' дава'л'и*; (НЖМ., 3), *калхо'с выд'ил'а'л нам м'исца' / крупы' / ма'сл'ица* (ДНК., 14), *дава'л'и з'арна'* (ДВД., 2). У существительных м.р. с односложной основой под ударением сохраняется окончание

-а (*бариа' свар'у'ла* (ДНК., 15)), а в безударном положении используется -у (*ко'рму сво'л'ьт'* (НЖМ., 3)).

3. В родительном приименном с определительным значением употребляется только окончание -а как в падежных, так и в предложно-падежных формах: *дама' ис'к'ирп'ич'а'*; *пл'ита' ис'к'ирп'ич'а'* (ДНК., 12), *пр'итс'ида'т'ил' калхо'за*; *пра'зн'ик уража'йа* (ДНК., 14).

Безвариантно окончание родительного принадлежности: *мы был'и давы'д'ьвск'ьвь с'ил'сав'е'та* (ДВД., 2).

4. В родительном приглагольном с обстоятельственным значением у существительных м.р. отмечается конкуренция окончаний -а и -у. Количественное преимущество получают формы с окончанием -а. Формы на -у встречаются в его более частных значениях (места, времени, цели). Для удобства приведем примеры в таблице (таблица 13).

Таблица 13

Соотношение вариантов окончаний существительных м.р. 2 склонения в форме род.п. с обстоятельственным значением в цуканских говорах Воронежской области

Значение падежной формы	Родительный падеж сущ. м.р., оформленный:	
	окончанием -а	окончанием -у
Место	<i>у'пру'да з'имл'ан'и'ка мал'ин'к'ьйь</i> ; <i>мно'га к'ило'м'итраф ат'у'рада</i> (ДНК., 8), <i>у'пн'а' расту'т'</i> (ДНК., 13), <i>саб'ира'л'ис' у'двара'</i> ; <i>ис'кру'га выхо'д'ит'</i> (ДНК., 14), <i>о'кала вада'жо'ма</i> (ДНК., 17), <i>да'са'м'ьвь б'ирл'и'нь даил'и'</i> (ДВД., 1)	<i>у'гал' с'расто'ву во'з'ат'</i> (ДНК., 16)
Время	<i>да'акт'ибр'а'</i> ; <i>з'имл'ан'ку вы'рыл / пр'и'нач'а'л'е с'изо'на</i> (ДНК., 17)	<i>н'и'дажы'л да'м'и'ру</i> (НЖМ., 3)
Цель	<i>стан дл'а'тка'на</i> (ДНК., 16)	<i>пл'ил'и' пл'иту'ик'и дл'а'наво'зу</i> (ДНК., 1)

Существительные ср.р. в аналогичных значениях а форме род.п. имеют окончание -а: *з'д'е'цтва пр'иуч'о'ный* (НЖМ., 2), *ска'лка дл'ь'нат'ира'н'ийа т'е'ста* (ДНК., 1).

Окончание -у отмечено также в некоторых устойчивых выражениях: *ат'яво' н'и'д'е'с'ат' м'е'с'ьсьф слу'ху н'е'была / н'е'была слу'ху* (НЖМ., 1).

В наречии, образованном на базе предложно-падежной формы с род.п., отмечается смена ударения: *руба'шка на'жо'м с'баку' заст'ажо'на* (ДНК., 5).

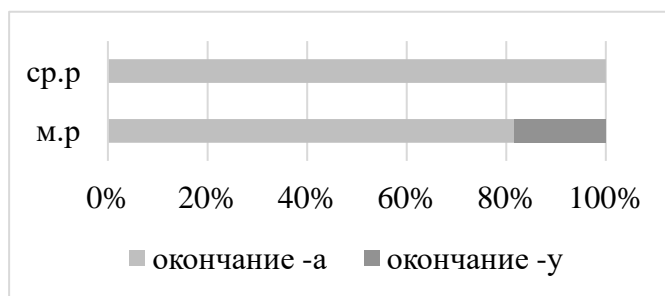

Диаграмма 26. Соотношение вариантных окончаний род. п. сущ. 2 склонения в цуканских говорах

Материал исследования показал, что в цуканских говорах вариативность окончаний род.п., как и в собственно талагайских говорах, представлена только у существительных м.р. (диаграмма 26).

Однако, если в собственно талагайских говорах окончание -у употребляется преимущественно в родительном партитивном и в этом совпадает с литературным языком, то в цуканских говорах оно используется и в случаях, когда род.п. имеет обстоятельственное значение. В этом отношении цуканские говоры самобытны.

В говорах с севернорусской основой род.п. зафиксирован в следующих примерах:

1. В сочетании с числительным независимо от места ударения, одушевленности и рода в род.п. отмечено окончание -а: м.р.: *тр'и сарафа'на* (БРД., 3), *тр'и к'ило'м'итра*, *ч'и'р'из два' до'мь* (БРД., 7), *два' э'т'их нажа'* (БРД., 6), *на два' быка'* (БРД., 2); ср.р.: *четы'р'ь кал'аса'* (БРД., 2).

2. В род.п. прямого объекта при отрицании преимущественно отмечено окончание -а: м.р.: *до'мь т ш'ш'ита'й н'и было'* (ХЛБ., 1), *га'зь н'е'ту; л'е'са н'е'ту* (БРД., 1), *асфа'л'ть у на'с тут н'ь было'* (БРД., 2), *оца' н'е' была* (Н. КРЛ., 2); ср.р.: *п'лаво'д'жь н'и ста'ла ш'ш'ас* (БРД., 5). Однако встречаются примеры с окончанием -у: *по'лу н'и было'* (ХЛБ., 1).

Выбор окончания -у обусловлен, прежде всего, партитивным значением предложно-падежной формы. Его получают существительные м.р.: *да'л'и д'и'с'ит' м'е'тръф м'иткал'и'ту* (БРД., 8). Существительные ср.р. отмечены с окончанием -а: *м'лач'ка' жиму' нал'жо'м* (Н. КРЛ., 1).

За рамки ядерного класса, слова которого могут получать окончание -у, выходят неодносложные конкретные существительные с парным твердым согласным на конце основы: (*было*) *тра'нспарту м'е'н'шь* (БРД., 2).

Безвариантна форма родительного приименного с определительным значением: *рабо'тн'ик'и ты'ла* (БРД., 3), *дл'а'к'ла'тк'и сво'дъ, наво'ч'ч'ик ару'д'ийь; ру'скаийь (печь) то'жъ с'к'ирп'ич'а'* (БРД., 1), *ср'ец'твъ былъ п'ър'ьдв'ижэ'н'ийа* (БРД., 2), *луч'и' со'нца* (БРД., 5).

В родительном прилагольном с обстоятельственным значением у существительных зафиксировано только окончание *-а*: м.р.: *страи'т'ил'ствъ л'убо'йь нъч'ина'ицъ с'фунда'м'ьнтъ / з'грунта'*; *эт дл'а'к'исларо'да* (БРД., 1), *вы'тъч'ины с'мът'ир'я'ль; ваз'ул'и <...> с'калхо'за* (БРД., 2), *с'в'е'ч'и'ерьъ займа'л'и о'ч'и'ер'ьт'* (БРД., 8), *пр'ала иза'л'на' / тка'л'и иза'л'на'* (БРД., 4); ср.р.: *з'жыл'езъ выруба'л'и* (БРД., 1), *из'д'ер'ьвъ зд'ельны* (БРД., 2).

Окончание *-у* отмечено в устойчивых выражениях: *з'го'лodu пог'иба'ла з'д'ит'а'м'и* (ХЛБ., 1).

Таким образом, в говорах с севернорусской основой отмечается более последовательное употребление вариантных окончаний род.п. *-а, -у*, что в целом соотносится с особенностями функционирования вариантных окончаний на северных территориях [Бромлей, с. 71] и соответствует общей тенденции дальнейшего сокращения сферы функционирования вариантных окончаний в народных говорах при поддержке литературного языка. Процент

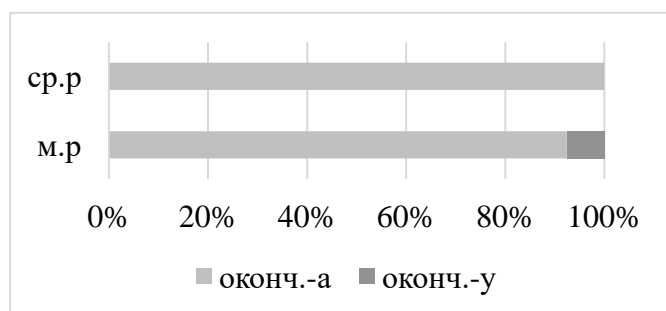

Диаграмма 27. Соотношение вариантных окончаний род. п. сущ. 2 склонения в говорах с севернорусской основой

словоформ с окончанием *-у* оказался очень маленьким и составил 6% от общего количества форм род.п. (диаграмма 29). У существительных ср.р. варианта окончания *-у* не зафиксировано (диаграмма 27), а у существительных м.р. оно обусловлено партитивным значением падежа.

Все зафиксированные формы род.п. в **русских говорах** имеют окончание *-а*:

1. В сочетании с числительным независимо от места ударения, одушевленности и рода в род.п. отмечено окончание *-а*: *тр'и сы'на; тр'и фхо'дъ; два дома'; тр'и бра'тъ* (АЛК.-1, 2), *ч'иты'р'и кла'съ; тр'и уур'та каро'в* (АЛК.-1, 3).

2. В родительном прилагольном со значением прямого объекта при отрицании отмечено окончание *-а*, как в литературном языке: м.р.: *н'икако'въ р'изул'та'тъ н'е'ту; аица' мо'жнъ сказа'т' то'жъ н'е' ъбыла* (АЛК.-1, 2); *нас как во'инъф запа'съ туда' н'ър'ибро'с'ил'и* (АЛК.-1, 3); ср.р.: *што ја мауу' аб ъисто'р'ии с'ала'* (рассказать) (АЛК.-1, 3).

Примеров, где род.п. имеет партитивное значение, не отмечено, но по наблюдениям за диалектом можно ожидать последовательного употребления варианта *-у* при наличии соответствующих лексико-семантических и морфофонологических характеристик существительного.

3. Безвариантна форма родительного приименного беспредложного с определительным значением: м.р.: *м'ихан'иза'тър шыро'къвъ про'ф'ил'а; ны ъука'ск'ъ ста'л'ина* (АЛК.-1, 2); ср.р.: *нъ ъбуур'е' с'ела'* (АЛК.-1, 2).

4. В родительном прилагольном с обстоятельственным значением у существительных зафиксировано только окончание *-а*: *ад'д'ил'а'иц ат ъаица'; зал'и'та / да ъбл'е'ска цым'е'нтъм; ат ътаво' кра'ја да ъэ'тъва* (АЛК.-1, 2), *зач'ал' ја аттэ'дъ / с ъваро'н'ижа; ты буд'ьш жыт' с ън'и'м'и / з ъуор'да* (АЛК.-1, 4).

Отсутствие вариативности окончаний обусловлено отсутствием объективных условий для ее возникновения.

Выводы. Материалы исследования показали, что во всех группах, выделенных в соответствии с типичными для род.п. значениями, в разной степени представлена конкуренция вариантных окончаний.

1. Наблюдая за особенностями функционирования окончаний род.п. при числительном, которое в силу своего лексического значения требует содержательного восполнения, мы не выявили вариативности окончаний. В этих конструкциях род.п. только «информативно восполняет то слово с количественным значением, которое этого необходимо требует, и вместе с этим словом обозначает количество предметов» [Русская грамматика 1980, с. 478]. В этом отношении говоры демонстрируют единообразие и совпадают с литературным языком. Однако, если словосочетание содержит неопределенно-количественные слова, то возможно использование

варианта -у: *мно'уъ бураку' стало'въвъ сажа'им, а м'и'ру нас мно'уа*. Эта особенность отмечена только в талагайских говорах курско-орловского типа.

2. Анализ конструкций с род.п. прямого объекта при отрицании позволил дополнить исследования последних лет, которые показывают, что «в севернорусских говорах генетив при отрицании достаточно последовательно сохраняется и в тех случаях, когда в современном литературном языке употребляется аккузатив» [Малышева 2018, с. 160], а для южнорусских говоров характерным явлением оказывается вытеснение родительного при отрицании и замещение его вин.п. [Малышева 2018]. Мы считаем, что еще одной особенностью генетива при отрицании в изучаемых говорах можно рассматривать наличие вариативности окончаний: *х'лад'и'л'никъ н'е' ъбыль, самава'ра н'е' ъбыла, л'е'са н'е'ту, га'зь н'е'ту; до'жжу н'е'ту, н'е' ъбыль сканда'лу, по'лу н'и ъбыло'*. Эта черта свойственна талагайским говорам курско-орловского типа, цуканским говорам и говорам с севернорусской основой.

3. Родительный приименный с определительным значением во всех говорах оформлен окончанием -а, за исключением талагайских говоров курско-орловского типа, где в указанной форме окончание -у получает существительное ср.р.: *абу'жу в ъбу'дн'и нас'и'л'и из ълы'ку*.

4. В родительном прилагольном с обстоятельственным значением независимо от места ударения, одушевленности и рода используется окончание -а. Исключением стали цуканские говоры. Окончание -у, наряду с -а, встречается в формах, где род.п. имеет обстоятельственное значение места (*у'уал' с ърасто'ву во'з'ат'*), цели (*пл'ил'и' пл'иту'шк'и дл'а ънаво'зу*).

Кроме этого, в талагайских говорах курско-орловского типа окончание -у распространяется на существительные и м.р., и ср.р.: *патсо'лнуху пр'ив'азу'т'*; *к ъпра'з'н'ику м'ялч'к'у' уск'ип'ат'и'и*. В собственно талагайских и говорах с севернорусской основой использование окончания -у ограничивается родовой принадлежностью слова: у существительных м.р. возможно -у, а у существительных ср.р. – -а: *с'е'жал'и пало'съч'к'у јач'м'ьн'к'у', да'л'и д'и'с'ит' м'е'трѣф м'иткал'и'ту; м'ялч'ка' јиму' нал'јо'м, пало'съч'к'у про'съ*.

В цуканских говорах конкуренция вариантных окончаний отмечается в пределах класса слов м.р.: под ударением в большей степени используется окончание *-а* (*барша' свар'и'ла*), а в безударном положении отмечается *-у* (*ко'рму сво'л'ьт'*).

Таким образом, все обозначенные особенности функционирования окончаний род.п. в говорах Воронежской области доказывают, что в диалектной речи стираются границы между формальным и семантическим разграничением падежных форм, этим обусловлено более широкое, чем в литературном языке, распространение вариантного окончания *-у*. Ярким доказательством служат примеры с *-у* в род.п. прямого объекта при отрицании, а также в форме с обстоятельственным и определительным значениями. Эти особенности в большей степени проявляются в талагайских говорах курско-орловского типа и цуканских говорах (отмечаются в речи носителей традиционного типа диалекта), менее характерны говорам с севернорусской основой. Собственно талагайские и русские говоры продемонстрировали в этом отношении близость литературному языку, в котором окончание *-у* все больше вытесняется окончанием *-а* и сохраняется в обязательном порядке только в устойчивых фразеологических сочетаниях (*тот з'уо'льду н'а'у'м'ир*, *то'лку ат'н'е'й н'икако'ва*).

3.1.2.4. Предложный падеж

Существительные в форме пр.п. могут иметь окончания *-е*, *-у* или *-и*. Под ударением отмечается вариативность окончаний *-е* и *-у*, которая обусловлена историческими процессами взаимодействия двух древних склонений. Выбор окончания в этом случае зависит от ряда условий, среди которых: 1) значение предложно-падежной формы, 2) особенности акцентной парадигмы (см. подробнее с. 46), 3) одушевленность/неодушевленность существительного, 4) качество согласного основы, 5) наличие предлога *в* или *на*.

При анализе мы постарались учесть рассмотренные выше критерии выбора вариантного окончания. Отметим также, что в нашем материале у существительных ср.р. в пр.п. окончание *-у* не отмечено, поэтому в таблицах (14-18) отражено соотношение вариантных окончаний только у существительных м.р.

В безударном положении у нас тоже появляются основания говорить о вариативности окончаний *-е (-ь)* и *-и*. Отчетливая и последовательная фиксация безударного окончания *-и* в пр.п. может свидетельствовать о формировании нового безударного окончания под действием аналогии (см. об этом ниже и в выводах к параграфу 3.1.1. Первое склонение).

Рассмотрим особенности функционирования окончаний пр.п. по выделенным типам говоров.

Во всех типах говорах, как и ожидалось, количественное преимущество получает окончание *-е* (диаграмма 28), вариантное окончание *-у* представлено разным количеством примеров и по разным типам говоров колеблется в пределах от 9% до 32%.

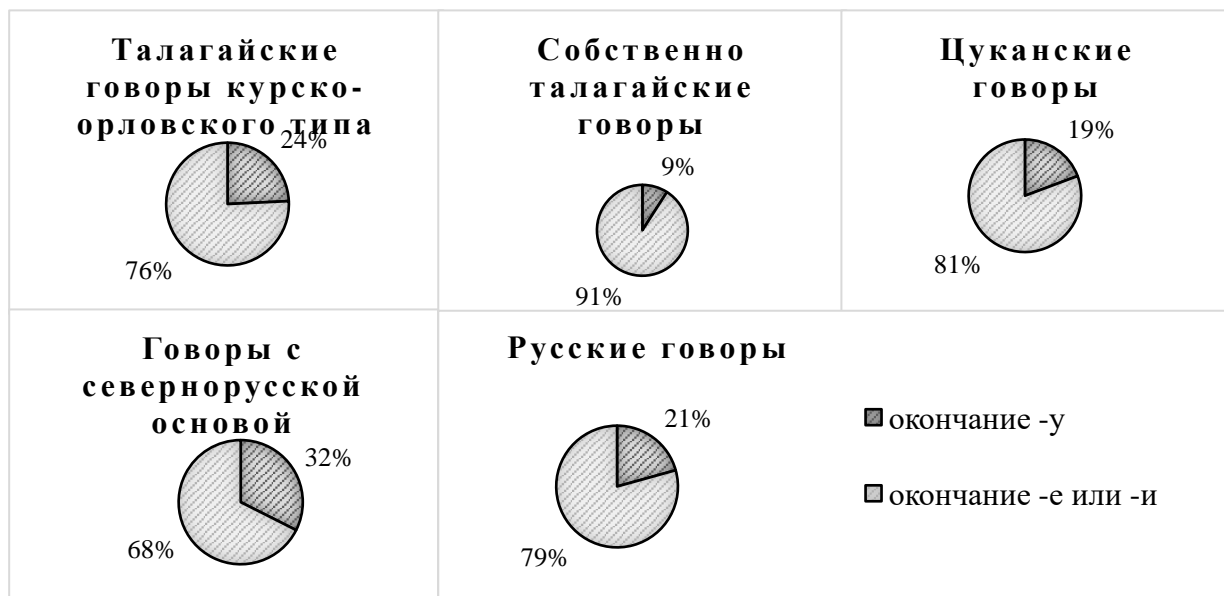

Диаграмма 28. Соотношение вариантных окончаний сущ. 2 склонения в предложном падеже в говорах Воронежской области

В талагайских говорах курско-орловского типа формы пр.п. с ударным окончанием *-е* представлены такими примерами: *хад'и'ль нь двар'е'* (КРЛП., 2), *у в'адр'е'п'акл'и'* (КРЛП., 4), *на'шых ра'н'иных нь двар'е'*, *нь двар'е'* *каку'йутъ бутку зд'е'льл'и* (МСТ., 1), *рабо'тъл'ь у у'ражэ'* (ДВЦ., 1).

Чтобы выявить закономерность употребления окончания -у (отмечено в 24% словоформ пр.п.), мы распределили все примеры по акцентным парадигмам, и подсчитали количественное соотношение вариантных окончаний (таблица 14).

Таблица 14

**Окончания пр.п. существительных 2 склонения
в талагайских говорах курско-орловского типа**

Акцентная парадигма	Количество словоформ с окончанием -у (%)	Количество словоформ с окончанием -е или -и (%)	Примеры
a (баритонеза)	5,3%	94,7%	<i>нъ св'ина'рн'ику</i> рабо'тъль (КРЛП., 3), <i>у сара'тв'и</i> до'жжу н'е'ту (КРЛП., 4), <i>у д'ецтв'и</i> кънап'и' с'е'ил'и <i>нъ уаро'д'ь</i> (КРЛП., 3), (лопаты, сохи хранились) <i>ус'е' у сара'и</i> / <i>у адд'ел'нъм ууало'ч'к'ь</i> (КРЛП., 2)
b (окситонеза)	25%	75%	<i>уру'ч'къ нъ бач'ку'</i> , стол <i>у ууалку'</i> стајал (КРЛП., 2), <i>на'шых ра'н'иных нъ двар'е'</i> (МСТ., 1), <i>рабо'тъль у уржэ'</i> (ДВЦ., 1)
c (подвижная парадигма)	83,3%	16,6%	<i>хто нъ паду' н'о'к</i> (КРЛП., 3), <i>лажа'ць спа'т'</i> <i>нъ палу'</i> (КРЛП., 4), <i>на э'тъм луу' раса'</i> (МСТ., 1), <i>жыл на то'м крају'</i> (КРЛП., 1), <i>кънап'и' э'т'и мач'и'л'и у л'е'с'ь</i> <i>у прутка'х</i> (КРЛП., 3)

Наибольшее количество примеров с вариантным окончанием -у (83,3%), как и следовало ожидать, отмечено у односложных существительных с подвижным ударением с локативным значением предложно-падежной формы в сочетании с предлогами *в* и *на*, как и в литературном языке (*нъ паду'*, *нъ палу'*, *на э'тъм луу'*, *на то'м крају'*). Однако у подобных существительных иногда отмечается окончание -е (*на то'м кънап'и' э'т'и мач'и'л'и у л'е'с'ь*). По мнению С.К. Пожарицкой, это свидетельствует о слабой противопоставленности пр.п. (*о лесе*) мест.п. (*в лесу*).

Расширение сферы функционирования вариантного окончания в данном типе говора происходит за счет неодносложных существительных, относящихся к акцентной парадигме *a* с неподвижным ударением на основе (*нъ св'ина'рн'ику*) и существительных с беглым гласным в основе в косвенных падежах, относящихся к акцентной парадигме *b* с неподвижным ударением на окончании (*нъ бач'ку'*, *у ууалку'*).

Кроме этого обращает на себя внимание качество безударного окончания. В 65% примеров фиксируем редуцированный вариант окончания *-e -ь*: *у ч'ула'нч'ик'ь* / *у адд'ел'нъм ууало'ч'к'ь* (хранились) (КРЛП., 2), *ат'е'ц был пр'иц'ада'т'ъл'ъм у калхо'з'ь*; *рабо'тъл'и у пол'ь* (КРЛП., 4), *нъ база'р'ь пькупа'ль*; *у пол'ь гаро'х с'е'ил'и* (ДВЦ., 1), *спа'л'и нъ пр'имо'с'т'ь из дасто'к* СТ. ХВР., 2), *вот ув а'вуус'т'ь* (МСТ., 1), а в 35% примеров мы отчетливо фиксируем окончание *-и*: *а ло'шьт' у сара'и была'* (КРЛП., 2), *у къръв'а'к'и мач'и'л'и*; *у д'ецтв'и кьнап'и с'е'ил'и* (КРЛП., 3), *у сара'тв'и до'жжу н'е'ту* (КРЛП., 4), *ра'н'ьный л'ажат' пр'ам тут / у кал'идо'р'и* (МСТ., 1).

Если учитывать, что изменения заударного конца слова могут быть вызваны не только позиционными фонетическими изменениями, но и изменениями под действием аналогии, т.е. по образцу других форм, то можно предположить, что последовательная фиксация отчетливого безударного окончания *-и* может свидетельствовать о начале формирования особого безударного окончания пр.п. существительных не только первого, но и второго склонения.

В собственно талагайских говорах зафиксированы следующие формы пр.п. с ударным окончание *-e*: *нъ свајо'м јизык'е' љвар'и'т, мы с'ид'и'м ф катл'е'* (РСТШ., 1), *ф с'ал'е' была' с'ам'ја'*, *у кур'е'й ф кьтух'е'* (СТП., 3), *въ двар'е' и ку'ры у м'ен'е'* (КЗЛ., 5).

Окончание *-у* в целом отмечается в небольшом количестве примеров (9%). Их функционирование в зависимости от особенностей ударения и указание количественных подсчетов представлено в таблице (таблица 15).

**Окончания пр.п. существительных 2 склонения
в собственно талагайских говорах**

Акцентная парадигма	Количество словоформ с окончанием -у (%)	Количество словоформ с окончанием -е или -и (%)	Примеры
а (баритонеза)	-	100%	<i>je'z'd'ила нь афто'бус'и</i> (СТП., 3), <i>нь аҭаро'д'и свајо'м запут'ьиис'а</i> (РСТШ., 1), <i>вл'асхо'з'и давал'и</i> (КЗЛ., 2), <i>жы'зн' прашла' ф калхо'з'ь</i> (КЗЛ., 4), <i>уч'и'льс' в варо'н'ьжь</i> (ШКВ., 2)
б (окситонеза)	16,7%	83,3%	<i>в э'т'ьм сундуку'</i> (ШКВ., 1), <i>нь свајо'м јизык'е' рвар'и'т; мы с'ид'и'м ф катл'е'</i> (РСТШ., 1), <i>а вь двар'е'и ку'ры у м'ен'е'</i> (КЗЛ., 5)
с (подвижная парадигма)	25%	75%	<i>фс'о вл'асу'</i> (КЗЛ., 2), <i>ф пруду' ры'бу разво'д'ут</i> (РСТШ., 1), <i>ф стар'рьм до'м'ь лар'о'ч'ьк</i> (БРЗ., 1), <i>ф по'ур'ьб'и д'аржа'л'и</i> (КЗЛ., 4)

Анализ материала показал, что чаще окончание -у используется у односложных существительных акцентной парадигмы с в сочетании с предлогом в при локативном значении падежа (*вл'асу'*, *ф пруду'*). Расширение сферы функционирования окончания -у происходит за счет односложных существительных с неподвижным ударением на окончании, если предложно-падежная форма также имеет локативное значение (*в э'т'ьм сундуку'*).

В безударном положении в 38% примеров наблюдается редуцированный вариант окончания -е -ь: *мо'жьт' ув до'м'ь и был'и* (ШКВ., 1), *ф стар'рьм до'м'ь лар'о'ч'ьк како'й'ть* (с. БРЗ., 1), *сн'ех в во'здух'ь свара'ч'ивьщиць* (РСТШ., 1), *жы'зн' прашла' ф калхо'з'ь* (КЗЛ., 4). Однако небольшое преимущество получает окончание -и. Оно зафиксировано в 62% примеров: *рабо'тала ф калхо'з'и; ф по'ур'ьб'и д'аржа'л'и; бра'л'и нь база'р'и* (КЗЛ., 4), *вл'асхо'з'и давал'и; была' пар'и'лкь вл'есхо'з'и* (КЗЛ., 2), *ф цэ'нтр'и пр'важа'т' афто'бус; нь аҭаро'д'и свајо'м запут'ьиис'а; рабо'тла на нт'и'ч'н'ик'и; ра'ны в жылу'тк'и зькрыва'јуциць* (РСТШ., 1), *в э'т'ьм сара'йи по'ур'ьп* (ШКВ., 1), *je'z'd'ила нь афто'бус'и; на тра'хт'ьр'и п'ир'aje'хъл* (СТП., 3). Представленный материал демонстрирует возможное формирование в собственно талагайских говорах нового окончания -и в безударном положении, как и в талагайских говорах курско-орловского типа.

В цуканских говорах, как и в талагайских, в пр.п. под ударением отмечается *-е*: *на радн'ик'е'* кало'д'ицэ зд'елал'и; *ф кл'уч'е'* јих памы'л'и (ДНК., 3), *ат'е'и* п'ервый *на с'ал'е'* был (ДНК., 7), *ва двар'е'* и л'ијсы'м; *на стал'е'* борш был (ДНК., 15), *на ур'ибн'ик'е'* ть и падр'иза'йа (ДНК., 13).

Пр.п. с окончанием *-у* по нашим подсчетам представлен 19% словоформ от общего количества пр.п. Распределение анализируемых форм с учетом особенностей ударения и возможной вариативности окончаний представлены в таблице (таблица 16).

Таблица 16

**Окончания пр.п. существительных 2 склонения
в цуканских говорах**

Акцентная парадигма	Количество словоформ с окончанием <i>-у</i> (%)	Количество словоформ с окончанием <i>-е</i> или <i>-и</i> (%)	Примеры
а (баритонеза)	2,9%	97,1%	<i>на наво'зу расту'т'</i> (ДНК., 13), <i>на тра'хтар'и</i> рабо'тайа (НЖМ., 2), <i>кало'ицэ у'фс'е'х в'до'м'и</i> (ДНК., 1), <i>рабо'тал ја' ф'калхо'з'и</i> (ДНК., 12), <i>рабо'тала в'варо'н'ијсы</i> (ДНК., 4), <i>таруу'йт</i> <i>на база'р'е</i> (ДНК., 7), <i>нач'ина'ицэ в'а'вуус'т'и</i> (ДНК., 17)
б (окситонеза)	30%	70%	<i>купа'имс'а в'латку'</i> (ДНК., 1), <i>санапр'а'ха у'м'ин'а'</i> <i>на паталку'</i> (ДНК., 16), <i>ла'з'ил'и на сталбу'</i> (ДНК., 12), <i>ф кл'уч'е'</i> јих памы'л'и; <i>на радн'ик'е'</i> / <i>кало'д'ицэ</i> зд'елал'и (ДНК., 3), <i>на стал'е'</i> бо'рш был с'ма'слам (ДНК., 13), <i>ва двар'е'</i> кало'д'ис' (ДНК., 16)
с (подвижная парадигма)	58,3%	41,7%	<i>нъ тарфу' ја</i> была' и <i>муш мой</i> был <i>нъ тарфу'</i> ; <i>но'шкъ</i> <i>на баку'</i> (НЖМ., 1), <i>раст'ел'ут' на палу'</i> (НЖМ., 2), <i>в'лауу'</i> кл'уч' был (ДНК., 3), <i>в'э'там м'е'с'ицэ</i> до'иши <i>пайд'от'</i> ; <i>д'ет'и в'у'рад'и</i> јыву'т' (ДНК., 12), <i>уб'илъ</i> <i>на фро'нт'и</i> (НЖМ., 3)

Большинство примеров с вариантным окончанием *-у* в цуканских говорах, как и талагайских курско-орловского типа, наблюдается у односложных существительных с подвижным ударением в сочетании с предлогами *в* и *на*, соответствующее литературному (*на баку'*, *на палу'*).

Интересными нам кажутся наблюдения над существительным *торф*, которое в речи Зиновьевой Ефросиньи Семеновны (1914 г.р.), жительницы с. Нижнемарьино Лискинского района в одинаковых условиях употребления получает оба варианта окончания: *нъ тарфу' ја* была' и *муш мой* был

нь тарфу'; *нь то'рф'и* мы ужэ как на'дъ. Словоформы отличаются не только окончаниями, но и местом ударения.

Окончание -у отмечено у неодносложных существительных, принадлежащих акцентной парадигме *a* (*на наво'зу*) и *b* (*в латку'*, *на паталку'*, *ла'з'ил'и* *на сталбу'*). За счет этого происходит существенное расширение сферы его употребления. Таким образом, подвижность ударения уже не оказывается определяющим условием выбора окончания.

В безударном положении в цуканских говорах гласный окончания в 12% примеров сохраняет свои отличительные признаки, т.е. четкое произношение [e]: *в заку'т'е с'ид'и'т'* (ДНК., 6), *таруу'йт на база'ре* (ДНК., 7), *саб'ира'л'и ул'ицу ф'стру'б'е* (ДНК., 15), *вэ'там м'е'с'ицэ до'ши пайд'от'* (ДНК., 14), *пр'и нач'ал'е с'изо'на* (ДНК., 10), *пъсад'ил'и в вау'н'е* (НЖМ., 1). В незначительной части примеров (8%) гласный окончания испытывает редукцию, как в литературном языке [ь]: *мы на ерадро'м'ь* (ДВД., 1), *найд'о'ш' л'иствы' на ауаро'д'ь* (ДВД., 2), *муш на тра'хтар'ь рабо'тал* (ДНК., 7). В большинстве записанных примеров (80%) звучит отчетливое [и]: *на фро'нт'и была'* (ДВД., 1), *в д'е'цтв'и съб'ира'л'ис'ь* (ДВД., 2), *кало'ицы у фс'е'х в до'м'и* (ДНК., 1), *на с'инавал'и рабо'тайет; рабо'тал ф'калхо'з'и* (ДНК., 7), *д'е'т'и ф'уо'рад'и жывут'* (ДНК., 12), *ја на то'рф'и рабо'тала* (ДНК., 4), *круу'и р'ису'йут' на прасто'р'и; жына' рабо'тала ф'камсамо'л'и* (ДНК., 10), *жы'з'н' прав'ил'и ф'пол'и* (ДНК., 8), *каро'ф д'иржа'л'и в заку'т'и* (ДНК., 2), *на с'е'н'и спа'л'и* (ДНК., 18), *в уо'рл'и т'иуата'* (НЖМ., 1), *жын'и'х ф'каст'у'м'и; в мау'яз'и'н'и таруу'иа; на тра'хтар'и рабо'тайа* (НЖМ., 2), *му'жэ уб'и'ль на фро'нт'и* (НЖМ., 3).

Отчетливое произношение окончания -и не позволяет считать его только результатом редукции гласного заударного конечного слога, но дает основание полагать, что здесь формируется новое безударное окончание.

В говорах с севернорусской основой в пр.п. под ударением отмечается окончание -е: м.р.: *медал'и вон ф'сундук'е'* (ХЛБ., 1); ср.р.: *у на'с ф'с'ил'е'* (БРД., 1)).

Процент словоформ с окончанием -у в говорах с севернорусской основой оказался самым высоким и насчитывает 32% примеров (диаграмма 34), которые мы распределили по акцентным парадигмам с целью выяснения закономерностей его употребления (таблица 17).

Таблица 17

**Окончания пр.п. существительных 2 склонения
в говорах с севернорусской основой**

Акцентная парадигма	Количество словоформ с окончанием -у (%)	Количество словоформ с окончанием -е или -и (%)	Примеры
а (баритонеза)	-	100%	<i>ма'ль их ф̣калхоз'и'</i> (БРД., 2), <i>нъ̣ьгаро'д'е жука'</i> <i>н'екарм'и'</i> (БРД., 6), <i>ф̣къзахста'н'ь был'и</i> (БРД., 1), <i>ф̣цэ'нтр'и с'ала'</i> (БРД., 3), <i>п'атна'цът' д'е'вок был'ь в̣отр'а'д'ь</i> (Н. КРЛ., 1)
б (окситонеза)	60%	40%	<i>на̣станку'</i> <i>выд'е'львала</i> (БРД., 4), <i>нъ̣быку'</i> <i>во'ду ваз'и'л'и</i> (БРД., 7), <i>и'ю' нъ̣кр'есту'</i> <i>ло'жът</i> (БРД., 1), <i>меда'л'и вон ф̣сундук'е'</i> (ХЛБ, 1)
с (подвижная парадигма)	69%	31%	<i>он в'ис' в̣м'оду'</i> (Н. КРЛ., 1), <i>ф̣пл'ену'</i> <i>ја̣б н'и̣вы'жыл</i> (Н. КРЛ., 2), <i>спа'л'и на̣палу'</i> (БРД., 8), <i>ш'ш'а'с в̣л'ису'</i> <i>пъз'расло'</i> (БРД., 2), <i>пъгл'ад'и'т'ь в̣до'м'ь</i> (БРД., 1)

Представленный материал показывает, что в говорах с севернорусской основой вариантное окончание -у, как и следовало ожидать, используется в предложно-падежных формах со значением времени и места, с предлогами *в* и *на* у односложных существительных с подвижным ударением (*ф̣пл'ену'*, *на̣палу'*, *в̣л'ису'*). Это общезыковой процесс.

Кроме этого окончание -у используется и в том случае, когда предложно-падежная форма имеет значение способа действия: *на̣станку'* *выд'е'львала*, *нъ̣быку'* *во'ду ваз'и'л'и*. Важно отметить, что при этом данные существительные односложные или с беглым гласным в основе и имеют постоянное ударение на окончании, т.е. относятся к акцентной парадигме *б*.

В заударном положении, как и в цуканских говорах, гласный может сохранять свои отличительные признаки (четкое произношение [е]): *нъ̣ьгаро'д'е* (БРД., 6), *в̣э'том сарафа'н'е*, *в̣э'том каст'у'м'е* (БРД., 5) или испытывать редукцию, как в литературном языке [ь]: *на̣э'тъм патто'нк'ь*; *ф̣къзахста'н'ь* (БРД., 1), *в̣отр'а'д'ь* (Н. КРЛ., 1), а может звучать как [и]: *ф̣цэ'нтр'и* (БРД., 4),

*ф*калхоз'и (БРД., 2), *ф*курла'к'и (БРД., 7), на*тра'*ктар'и (Н. КРЛ., 1), в*э'*том сарафа'н'и (БРД., 5).

В русских говорах количество словоформ в пр.п. оказалось самым большим. Под ударением отмечено *-е*: нашл'и' *ф*сльвар'е'; на*н'*е'рвѣм этажэ'; нѣ*буур'*е' с'ела' (АЛК.-1, 2), в*ырт'*ил'е' жест' (АЛК.-1, 3).

Окончание *-у* отмечено в нашем материале в 21% примеров от общего количества существительных в форме пр.п. Эти примеры мы распределили с учетом особенностей ударения и подсчитали количественное соотношение вариантных окончаний (таблица 18).

Таблица 18

Окончания пр.п. существительных 2 склонения в русских говорах

Акцентная парадигма	Количество словоформ с окончанием <i>-у</i> (%)	Количество словоформ с окончанием <i>-е</i> или <i>-и</i> (%)	Примеры
а (баритонеза)	7,1%	92,9%	во'та'м / в <i>л'</i> исо'ч'ку (АЛК.-1, 2), <i>ф</i> калхо'з'и; <i>ф</i> надва'л'и (АЛК.-1, 2), в <i>ро'</i> сп'итѣл'ѣ н'и <i>л'</i> ижа'л; он рабо'тѣл тада' в <i>расто'</i> в'и (АЛК.-1, 3)
б (окситонеза)	-	100%	нѣ <i>буур'</i> е' с'ела'; на <i>фтаро'</i> м этажэ' (АЛК.-1, 2)
с (подвижная парадигма)	62,5%	37,5%	нѣ <i>палу'</i> спа'л'и (АЛК.-1, 2), во'т на <i>то'</i> м баку'; кто на <i>фро'нт'</i> ѣ был / а кто <i>ф</i> тылу' нѣхад'и'лс'и (АЛК.-1, 3), пау'и'п на <i>фро'нт'</i> и, вот в и'хѣм до'м'и жы'в'от' (АЛК.-1, 3)

В русских говорах, как и следовало ожидать, окончание *-у* используется только у односложных существительных с подвижным типом ударения в предложно-падежной форме с локативным значением (нѣ*палу'*, на*то'*м баку', *ф*тылу'), за исключением единичного случая его употребления у существительного с уменьшительно-ласкательным суффиксом (да'ч'а / во'та'м / в*л'*исо'ч'ку).

В безударном положении явное преимущество получает окончание *-и*, которое отмечено в 78% примеров: *ф*надва'л'и; *ф*сахзаво'ди (АЛК.-1, 2), рабо'тѣл в*расто'*в'и на*м'*асѣкѣмб'и'нат'и; в*р'*из'ерв'и; в*ы'*хѣм до'м'и'; пау'и'п на*фро'нт'*и; в*д'*е'цтв'и с*н'*им *ф*стр'ич'а'лс'и (АЛК.-1, 3). Редуцированный вариант окончания *-е* представлен реже (22% примеров): *ф*на'хѣр'ѣ (АЛК.-1, 2), в*ро'*сп'итѣл'ѣ н'и*л'*ижа'л; на*фро'нт'*ѣ был (АЛК.-1, 3).

Выводы. По результатам проведенного анализа можно говорить о том, что вариативность окончаний пр.п. вызвана, с одной стороны, историческими изменениями системы склонения, происходившими в предшествующие эпохи развития языка и представляющие собой древнерусское наследие в общеязыковом плане. Такая вариативность в пр.п. представлена окончаниями *-e* и *-y*. С другой стороны, вариативность окончаний может свидетельствовать об актуальных процессах развития диалектной системы склонения, еще не нашедших отражения в системе литературного языка. Такая вариативность представлена окончаниями *-e* и *-и*.

В первую очередь обратимся к сводной таблице употребления вариантных окончаний пр.п. *-e* и *-y* по типам диалектов (таблица 19).

Таблица 19

**Сводная таблица окончаний пр.п. существительных 2 склонения по типам диалектов
Воронежской области**

Акцентная парадигма	Талагайские говоры курско-орловского типа (%)		Талагайские говоры (%)		Цуканские говоры (%)		Говоры с севернорусской основой (%)		Русские говоры (%)		Среднее количество (%)	
	-y	-e/-и	-y	-e/-и	-y	-e/-и	-y	-e/-и	-y	-e/-и	-y	-e/-и
(а.п. а)	5,3	94,7	-	100	2,9	97,1	-	100	7,1	92,9	2,8	97,2
(а.п. б)	25	75	16,7	83,3	30	70	60	40	-	100	25	75
(а.п. с)	83,3	16,6	42,9	57,1	58,3	41,7	69	31	62,5	37,5	62,2	37,8
Общее количество	24	76	9	91	19	81	32	68	21	79	21	79

Количественные подсчеты показывают, что во всех типах говоров окончание *-y* широко представлено примерами односложных существительных с подвижным типом ударения (а.п. с) в сочетании с предлогами *в* и *на* в предложно-падежных формах со значением места и времени (*нѣ ѿпалу'*, *на ѿтѣм лууу'*, *на то'м крају'*, *вл'асу'*, *ф пруду'*, *ф пл'ену'*, *на палу'*, *вл'ису'*, *ф тылу'*, *в два'ццат' п'а'тѣм гаду' прасва'тѣл'и*).

Расширение сферы употребления окончания *-y* активно происходит за счет односложных (в т.ч. с беглым гласным в основе) и неодносложных существительных с постоянным ударением на окончании (а.п. б) (*нѣ бач'ку'*, *у ууалку'*, *в ѿтѣм сундуку'*, *влатку'*, *на паталку'*, *ла'з'ил'и на сталбу'*,

нь $\curvearrowright$ *кр'есту*'). Такие существительные зафиксированы по всем типам говоров, за исключением русских, что свидетельствует об их близости литературному языку.

Кроме этого, в талагайских говорах курско-орловского типа, цуканских и русских говорах отмечаются единичные случаи употребления окончания *-у* в безударном положении (а.п. а) у неодносложных существительных (*нь* $\curvearrowright$ *св'ина'рн'ику*, *на* $\curvearrowright$ *наво'зу*, *в* $\curvearrowright$ *л'исо'ч'ку*).

Окончание *-у* может употребляться и в том случае, когда предложно-падежная форма не имеет локативного значения. Такие случаи в нашем материале зафиксированы в говорах с севернорусской основой (*на* $\curvearrowright$ *станку'* *выд'е'лывала*, *нь* $\curvearrowright$ *быку'* *во'ду* *ваз'ил'и*).

Наличие относительной свободы в выборе вариантов окончания пр.п. приводит к появлению в говорах Воронежской области таких соотносительных пар, как: *в* $\curvearrowright$ *л'асу'* (КЗЛ., 2) – *у* $\curvearrowright$ *л'е'с'ь* (КРЛП., 3), *в* $\curvearrowright$ *эт'ьм сундуку'* (ШКВ., 1) – *ф* $\curvearrowright$ *сундук'е'* (ХЛБ., 1), *нь* $\curvearrowright$ *тарфу'* – *нь* $\curvearrowright$ *то'рф'и* (НЖМ., 1). Это приводит к тому, что границы между формальным и семантическим разграничением падежных форм стираются. Аналогичная ситуация замечена в род.п..

Вероятно, по этой причине ярких противопоставленных отличий в распределении вариантных окончаний *-е* и *-у* по типам диалектов мы не выявили. Количественное преимущество окончания *-у* в пр.п. зафиксировано нами в воронежских говорах с севернорусской основой, а самый маленький процент подобных форм отмечен в собственно талагайских говорах. Последнее наблюдение несколько противоречит данным ДАРЯ [ДАРЯ, к. 14], по которым в северо-восточной части Воронежской области, где сосредоточены говоры этого типа, окончание *-у* насчитывает от 71% до 80%. Такое наблюдение может свидетельствовать об изменении диалекта.

Интересным представляются наблюдения над частью говоров Воронежской области, которые территориально относятся к юго-западной диалектной зоне южнорусского наречия. В них по данным ДАРЯ окончание *-у* менее мощно представлено в классе неодушевленных односложных существительных с подвижным ударением, но более часто отмечается у неодушевленных

неодносложных существительных с постоянным ударением на основе. Данное обстоятельство Л.Н. Булатова объясняет унификацией окончаний по формуле типа *из посёлку – к посёлку – в посёлку – о поселку* [Булатова 1987, с. 123]. На данной территории сосредоточены воронежские талагайские говоры курско-орловского типа. По нашим материалам вариантное окончание *-у* встречается в них чаще, что отчасти подтверждает предположение об унификации окончаний.

Складывается впечатление, что унификация окончаний происходит и в безударном положении, о чем свидетельствует наличие вариативности окончаний *-е* и *-и*. Количественные подсчеты употребления этих вариантов окончаний представлены на диаграмме (диаграмма 29).

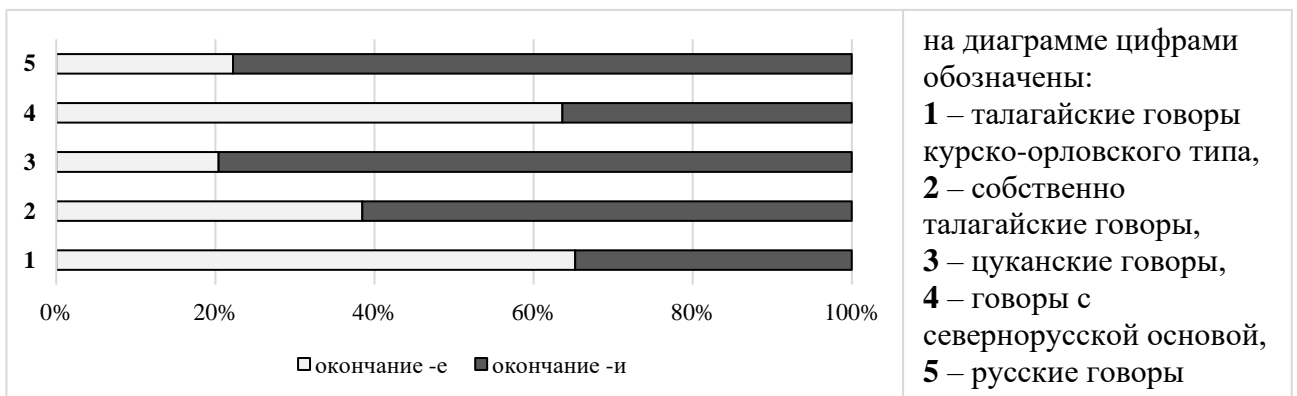

Диаграмма 29. Соотношение вариантов безударных окончаний пр.п. сущ. 2 склонения в говорах Воронежской области

В целом по говорам это выглядит следующим образом: наиболее последовательно в пр.п. окончание *-и* фиксируется в цуканских, русских и собственно талагайских говорах, что отражают количественные подсчеты.

При учете рассмотренных ранее особенностей 1 склонения, обусловленных унификацией безударных окончаний в род., дат. и предл. падежах, кажется вполне вероятным, что единое окончание *-и* формируется по всей парадигме склонения, которое схематично можно представить так:

	1 скл.	2 скл.	3 скл.
Род. п.	иско'мнат'и		дл'а'ста'рост'и
Дат. п.	нако'мнат'и		к'ста'рост'и
Предл. п.	фко'мнат'и	ф'калхо'з'и	при'ста'рост'и

Окончание *-и* поддерживается едиными исконными формами род., дат. и пр. п. 3 скл. (*у печи, к печи, о печи* и т.п.), род.п. мягкого варианта 1 склонения (*из земли,*

от капли, у грязнули и т.п.), род., дат. и пр. п. существительных ж.р. на *-ия* (из истории, к истории, об истории и т.п.), пр.п. существительных м.р. на *-ий* (в санатории и т.п.) и ср.п на *-ие* (об угощении и т.п.).

3.1.2.5. Творительный падеж

Окончание твор.п. восходит к древнерусским *-ьмь*, *-ьмь*, преобразования которого в *-ом* (*-ем*) объясняются фонетически: в связи с падением редуцированных гласных произошло отвердение конечного [м] и прояснение сильного редуцированного в гласный полного образования [о], [е].

Процент словоформ в твор.п. по всем типам говоров невелик и в среднем составляет 6%. Приведем некоторые примеры по типам говоров:

1) талагайские говоры курско-орловского типа: *с сундуко'м ја выхад'и'ль за'муш, рабо'тъль л'ьсьфш'и'ко'м* (КРЛП., 1), *став'ил'и р'ьгач'о'м; н'и пр'ят'ака'ль п'ьд дажо'м; б'ал'и'л'и м'е'лъм* (КРЛП., 2), *у б'орду нажо'м уд'ива'ль; талкл'и' у сту'п'ь т'ьлкач'о'м; је'хъл'и н'ь сан'а'х з затко'м; т'ал'е'у'ь с ку'з'ьв'ьм* (КРЛП., 3), *у нас с аццо'м* (МСТ., 1), *наво'з'ьм о'с'ьн'ју удабр'а'йут'; н'ипа'х'ьн'ья по'л'ь па'р'ьм н'ьзыва'й'ьц'ь* (ДВЦ., 1); *был пр'иц'ада'т'ьл'ьм* (КРЛП., 4).

2) собственно талагайские говоры: *сн'ех з дажд'о'м; м'ин'е' как абухо'м п'ь љлав'е'; паје'хъл'и з бра'т'ьм* (РСТШ., 1), *брал н'ав'е'сту с сундуко'м* (ШКВ., 1), *р'а'д'ьм с л'е'с'ьм; хат'е'ль быт' пал'икма'х'ир'ьм* (КЗЛ., 6), *назна'ч'ут' там ко'н'ух'ьм* (КЗЛ., 2), *с м'ьлако'м је'л'и* (КЗЛ., 4), *ч'орным м'ьт'ир'ја'лъм аб'ива'јут'* (СТП., 2); *стат' уч'и'т'ьл'ьм* (ШКВ., 4).

3) цуканские говоры: *он жын'ихо'м был; был с к'ьманд'и'рч'ик'ьм; он был наво'ч'ик'ьм* (НЖМ., 1), *дажыла' с аццо'м; рабо'тат' ф'калхо'с' / трахтар'и'стам* (НЖМ., 2), *с л'отным саста'в'ьм; в'ин'ч'а'л'ьс' с му'ж'ьм*

(ДВД., 1), *св'истко'м* падзва'иш' (ДНК., 17), *н'и* $\cup$ *усп'ива'л* / *н'и* $\cup$ *цыплако'м* / *н'и* $\cup$ *парас'о'ньч'към*; *в'ит'ир'ина'рам* рабо'тал; *уул'а'л'и* фс'е'м *с'ало'м* (ДНК., 7); *ја* *страи'т'ил'ем* был (ДНК., 12).

4) говоры с севернорусской основой: *изба' была' пѣт* $\cup$ *къмышо'м* (ХЛБ., 1), *рабо'тъл* в $\cup$ *а'н'н'и* *бр'игад'и'рѣм* / *ка'м'ьн'ш'ш'икѣм* бр'ига'ды; *п'еч'* $\cup$ *патто'нкѣм*; *што* *пат* $\cup$ *по'лъм* (БРД., 1), *зѣ* $\cup$ *масто'м* л'ес был (БРД., 2), *заро'с* *камышо'м* (БРД., 3), *пайду'* $\cup$ *платко'м*; *вы'шыта* *кр'исто'м* (БРД., 4).

5) русские говоры: *дно* *п'иско'м* фс'о *вы'сльна*; *зѣрасло'* там *къмышо'м*; $\cup$ *сы'ньм* *н'ипала'тк'и*; *зал'и'та* да $\cup$ *бл'е'ска* *цым'е'нтѣм*; $\cup$ *па'спѣртѣм* *ур'т'* *исто'р'ийа*; *доч'* *живо'* $\cup$ *ш'ш'итаво'дѣм* была'; *пато'м* *м'ихан'иза'тѣрѣм* (работал) (АЛК.-1, 2), *рабо'тъл* <...> *байцо'м*; *жыз'н'* *пашла'* *къл'исо'м*; *ско'тн'икѣм* был; *ро'стѣм* *бал'шо'й*; *пат* $\cup$ *курскѣм* был (АЛК.-1, 3); $\cup$ *го'р'ѣм* *пына'лам* (АЛК.-1, 3).

Выводы. Твор.п. существительных 2 склонения в плане морфологического выражения не представляет интерес. Во всех типах воронежских диалектов, как и в литературном языке, релевантным признаком для выбора окончания становится качество согласного основы: в твердом варианте функционирует окончание *-ом* (*нажо'м*, $\cup$ *аццо'м*, $\cup$ *мѣлако'м*, $\cup$ *сы'ньм*, $\cup$ *па'спѣртѣм*), в мягком варианте – *-ем* (*был пр'иц'ада'т'ьл'ѣм*, *страи'т'ил'ем* был, $\cup$ *го'р'ѣм*).

3.1.2.6. Дательный падеж

Дат.п. по всем выделенным типам говоров во втором склонении также, как и в первом, оказался самым малочисленным. Процент словоформ по типам говоров в среднем составляет 3%. Приведем некоторые примеры.

В талагайских говорах курско-орловского типа дат.п. представлен такими словоформами: $\cup$ *канцу'*; $\cup$ *пра'в'илу* (КРЛП., 2), $\cup$ *пра'з'н'ику* (КРЛП., 3),

нъл'ива'иь *пъ* *стака'н'ч'ику* (КРЛП., 4), *пъ* *в'адру'* нъсына'л'и (КРЛП., 5), ска'жым *п'ър'аво'ч'ч'ику*; *пъ* *в'адру'* даду'т' (МСТ., 1).

Говору свойственна прогрессивная ассимиляция заднеязычного согласного по мягкости, поэтому такие существительные будут относиться к мягкому варианту склонения: на *ка'жнъуъ* *пъ* *кусо'ч'к'у* (КРЛП., 4).

В собственно талагайских говорах зафиксированы такие существительные в дат.п.: *пъ* *сталу'* э'т'им'и руб'ил'а'м'и; *пъ* *варо'н'ъжу* / *пъ* *р'ак'е'* на *ло'тк'и* сажал'и (ШКВ., 2), *пъ* *фс'аму'* *двару'* и *ю'лк'и* пракл'а'т'и и набро'сыны (СТП., 1), *г* *до'ну* пьдашл'и' (КЗЛ., 2), *пъ* *рајо'ну* мно'уъ маи'х (ШКВ., 3), *к* *васто'ку* пр'и *ул'а'дывъл'и* у *уало'к*; *п'ик'о'т'* *к* *пра'з'н'ику* (ШКВ., 1), *прајно'зу* н'ич'иво' н'и *пъч'ч'ин'а'ицъ* (РСТШ., 1).

Говору свойственна прогрессивная ассимиляция заднеязычного по мягкости: *пало'л'и* *патсо'лнух* *пъ* *р'адо'ч'к'у*; *руб'ил'и* *патсо'лнух* / *то'жъ* *пъ* *р'адо'ч'к'у* (КЗЛ., 4).

Форма дат.п. в цуканских говорах представлена следующими словоформами: *съмал'от* *к* *вы'л'иту* *уато'в'ит'* (ДВД., 1), *жын'иху'* *спас'и'т'ил'а*; *св'о'кару* *дар'ит'*; *сп'ецыал'и'с'ты* *па* *сталбу'* (ДНК., 14), *к* *ю'ду* бл'и'з'ил'т'с'а *мал'ч'ику*; *паје'хълъ* в *давы'дафку* / *к* *врач'у'* *к* *д'е'цкъму*; *прашло'* *јаму* / *маму'* *сы'ну* / *јот* *с'ем'м'е'с'ъсѣф* (НЖМ., 1), *бо'ју* *памол'имс'и* (НЖМ., 2).

В говорах с севернорусской основой в дат.п. отмечены такие словоформы: *по'л'ъсу* *праје'хът'*; *пъ* *д'ър'ив'а'ннъму* *масту'*; *зд'ел'ът'* *пр'ътс'ада'т'ъл'у* *харо'шыи* *дро'шк'и*; *пъ* *фс'иму'* *рајо'ну* *мы* *је'з'д'ил'и*; *како'му* *калхо'зу* *каро'вн'ик*; *во'пи'ш'ьм* (делали) *пъ* *разм'е'ру* (БРД., 2), *ја* *сам* *их* *лажу'* / *тут* *вот* *пъ* *с'илу'* (БРД., 1), *ч'елов'е'к* *дв'и'жыцъ* *пъ* *гър'изо'нту* (Н. КРЛ., 1).

В русских говорах среди словоформ найдены такие примеры в дат.п.: *пъ* *т'ил'ив'и'з'иру* *да'жы* *н'и* *фстр'ич'а'йу*; *пр'исла'л'и* *дъкум'е'нты* *аицу'* (АЛК.-1, 3).

Выводы. Дат.п. по всем выделенным типам говоров во втором склонении оказался самым малочисленным и морфологически единообразным. Во всех типах

говоров в дат.п. выбор окончания не зависит от рода существительного, его одушевленности / неодушевленности, места ударения, характера согласного основы. Во всех случаях употребляется исконное окончание *-у* (*напра'в'илу*, *пъв'адру'*, *пъваро'н'ьжу*, *гдо'ну*, *кврач'у'*, *пъс'илу'*). В талагайских говорах курско-орловского типа и собственно талагайских говорах, которым свойственна прогрессивная ассимиляция заднеязычных согласных по мягкости, отмечены случаи изменения существительных по мягкому варианту: *пъкусоч'к'у* (КРЛП., 4), *р'адоч'к'у* (КЗЛ., 4).

Кроме того, необходимо еще раз отметить, что выявленная малочисленность существительных в форме дат.п. оказывается значимой не только для характеристики диалектного склонения в целом, но и дает материал для изучения связи грамматических особенностей с диалектной картиной мира.

Выводы

Анализ падежных окончаний существительных 2 склонения в воронежских говорах показал, что для словоформ м.р. в им., дат., твор. и вин. пп. морфологических отличий от литературного языка не выявлено:

1) в им.п. во всех случаях существительные м.р. имеют нулевое окончание: *дом*, *стол*, *кан'е'ц*, *плато'к*, *сын*, *муш*, *хаз'а'ин* и т.п.

2) в дат.п. независимо, одушевленности / неодушевленности существительного, места ударения, характера согласного основы употребляется окончание *-у* (*пъваро'н'ьжу*, *гдо'ну*, *кврач'у'* и т.п.).

3) в твор.п. в зависимости от твердости/мягкости согласного основы и ударности/безударности самого окончания во всех говорах, как и в литературном языке, функционируют окончания *-ом*: *нажо'м*, *сацицо'м*, *к'ирп'ич'о'м*, *угл'о'м*, *ссы'нъм*, *сна'спъртъм*, *был пр'иц'ада'т'ъл'ъм*, *страи'т'ил'ем был* и т.п.

4) в вин.п. для существительных м.р. решающим фактором в выборе окончания является его одушевленность/неодушевленность. У неодушевленных существительных, которые по всем типам говоров получают количественное преимущество перед одушевленными, форма вин.п. совпадает с им.п. (*пало'л'и патсо'лнух, на'да съмал'о'т ѱато'в'ит', н'иса'л'и трудад'е'н', к'ис'е'л' вар'и'л'и, хл'е'н с'е'ил'и, в ѱваро'н'иш паје'халь* и т.п.), а у одушевленных существительных м.р. форма вин.п. совпадает с формой род.п., оформленного окончанием *-а* (*зобра'л'и му'жа, бара'на р'езал'и, ма'л'ч'икъ рад'и'ль, ацца' ссад'и'л'и, вл'убл'а'льс' в ѱуч'и'т'ьл'ь, наступа'ит на ѱврач'а'* и т.п.). В этом отношении все говоры однородны и не отличается от литературного языка.

У существительных ср.р. особая судьба. Для невовлеченных в процесс разрушения категории ср.р. в им.п. функционирует окончание *-о*: *з'арно', с'ало', по'л'ь* и т.п.; в дат.п., как и у существительных м.р., отмечено окончание *-у*: *на ѱпра'в'илу, нъ ѱв'адру' нъ ѱс'илу'*. Форма вин.п. всегда совпадает с им.п. (*с'е'на пр'иб'ира'л'и, лажы'цца нъ ѱпл'ич'о'* и т.п.). В твор.п., как и существительных м.р., используется окончание *-ом*: *с ѱмълако'м, з ѱуор'ьм* и т.п.

Существительные ср.р., которые испытывают тенденцию к переходу в состав ж.р., соответственно, перемещаются в состав 1 склонения, поэтому воспринимают его окончания: род.п. – *ат ѱја'бл'ьч'к'и*, вин.п. – *ма'слу нал'ју'т'*, твор.п. – *с ѱнав'и'дл'ьй* и т.д. Подобные случаи подробно описаны в параграфах 2.2.1 Категория среднего рода в говорах Воронежской области и 3.1.1. Первое склонение.

Большой интерес в плане морфологического выражения представляют род. и пр. падежи, анализ которых позволил выявить черты, являющиеся древнерусским наследием в общезыковом плане (I), обозначить актуальные направления развития системы (II), выделить некоторые типологические черты (III).

I. Как известно, вариативность окончаний *-а* и *-у* род.п. и *-е* и *-у* пр.п. обусловлена процессом взаимодействия двух древних типов склонения: II с основами на **-ѡ*, **-јѡ* и III с основой на **-ѣ*. В истории развития языка употребление формы род.п. и пр.п. на *-у* получило лексико-семантические и грамматические

ограничения, которые в литературном языке были кодифицированы. В диалектах, в том числе и воронежских, некоторые из этих ограничений не действуют, что приводит к более широкому распространению форм на -у и, по мнению С.К. Пожарицкой, свидетельствует о слабой противопоставленности род.п. второму род.п. (партитиву), пр.п. второму пр.п. (локативу).

Так, в род.п. окончание -у возможно не только у вещественных и собирательных существительных м.р. в предложно-падежной форме с партитивным значением (*твѣраишкѹ сѣ сабо'й ваз'м'е'ш, нѣл'ива'йши вѣн'е'е'к'ирас'у'ну*), но и у конкретных существительных в предложно-падежной форме с определительным значением (*абѹ'жу вѣбудн'и нас'ул'и изѣлы'ку*) или обстоятельственным значением места (*у'гал' сѣрасто'ву во'з'ат'*), времени (*два дн'а н'идажыл'да м'у'ру*), цели (*пл'ил'и' пл'иту'шк'и дл'анаво'зу*). Кроме этого окончание -у могут иметь существительные ср.р. (*мѣлач'к'у' уск'ип'ат'у'ш*).

Наличие относительной свободы в выборе вариантов окончания род.п. приводит к появлению в говорах Воронежской области таких соотносительных пар, как *мѣлач'ка' нал'жо'м – мѣлач'к'у' уск'ип'ат'у'ш, изѣб'ис'ѣрь – изѣлы'ку, атѣу'рада – сѣрасто'ву, сѣпу'ха – исѣхво'расту, самава'ра н'е'была – н'е'быль сканда'лу, га'зѣ н'е'ту, л'е'са н'е'ту – по'лу н'ибыло'*. Они в свою очередь свидетельствуют, что в диалектной речи стираются границы между формальным и семантическим разграничением падежных форм. Это может служить причиной более широкого употребления окончания -у, чем в литературном языке.

Похожая ситуация в употреблении окончания -у складывается в пр.п. Во всех типах говоров, как и следовало ожидать, оно широко представлено примерами односложных существительных с подвижным типом ударения в сочетании с предлогами *в* и *на* в предложно-падежных формах со значением места и времени (*нѣпалу', наѣтѣм луу', наѣто'м крају', вѣл'асу', фѣпруду', фѣпл'ену', напалу', вѣл'ису', фѣтылу', вѣдва'ццат'п'а'тѣм ѣаду' прасва'тѣл'и*).

Расширение сферы употребления окончания -у активно происходит за счет односложных (в т.ч. с беглым гласным в основе) и неодносложных

существительных с постоянным ударением на окончании (*нъ бач'ку'*, *у ууалку'*, *в э'тм сундуку'*, *в латку'*, *на паталку'*, *ла'з'ил'и на сталбу'*, *нъ кр'есту'*) и безударном положении у неодносложных существительных (*нъ св'ина'рн'ику'*, *на наво'зу'*, *в л'исо'ч'ку'*).

Окончание *-у* может употребляться и в том случае, когда предложно-падежная форма не имеет локативного значения (*на станку'* *выд'е'лывала'*, *нъ быку'* *во'ду ваз'ил'и'*).

Наличие в пр.п. таких соотносительных пар, как: *в л'асу'* – *у л'е'с'ь'*, *в э'тм сундуку'* – *ф сундук'е'*, *нъ тарфу'* – *на то'рф'и'* свидетельствует о том, что границы между формальным и семантическим разграничением падежных форм, как и в род.п., стираются, что способствует более широкому и недифференцированному употреблению окончания *-у*.

Отметим, что формы на *-у* отмечаются преимущественно в речи носителей традиционного диалекта.

II. Наблюдая за особенностями произношения безударных окончаний пр.п., мы заметили что по всем типам говоров четко и последовательно звучит *-и* (*у д'е'цтв'и'*, *у кал'идо'р'и'*, *ф э'нтр'и'*, *на пт'и'ч'н'ик'и'*, *на тра'хтър'и'*, *на прасто'р'и'*, *ф по'л'и'*, *в ма'у'яз'и'н'и'* и т.п.). Если учитывать тот факт, что изменения конца слова могут быть вызваны не только позиционными изменениями, но и действием принципа аналогии, то отчетливое *-и* можно рассматривать как новое безударное окончание, которое начинает формироваться по всей парадигме по модели:

	1 скл.	2 скл.	3 скл.
Род. п.	<i>ис ко'мнат'и'</i>		<i>дл'а ста'рост'и'</i>
Дат. п.	<i>па ко'мнат'и'</i>		<i>к ста'рост'и'</i>
Предл. п.	<i>ф ко'мнат'и'</i>	<i>ф калхо'з'и'</i>	<i>при ста'рост'и'</i>

Окончание *-и* поддерживается едиными исконными формами род., дат. и пр. п. в 3-м скл. (*у печи'*, *к печи'*, *о печи'* и т.п.), род.п. мягкого варианта 1 склонения (*из земли'*, *от капли'*, *у грязнули'* и т.п.), род., дат. и пр. п. существительных ж.р. на *-ия* (*из истории'*, *к истории'*, *об истории'* и т.п.), пр.п. существительных м.р. на *-ий* (*в санатории'* и т.п.) и ср.р. на *-ие* (*об угощении'* и т.п.).

Данное обстоятельство приводит к возникновению новой вариативности окончаний *-e* и *-и*. Это явление отмечается и в речи носителей традиционного диалекта, и в речи сельской интеллигенции, и в речи молодежи. Как известно, любые изменения в языке всегда связаны с конкуренцией вариантных форм, одна из которых в ходе языкового развития оказывается общепринятой. Считаем необходимым продолжить наблюдение за изменениями диалектной системы склонения для уточнения наших предположений.

III. Ярких противопоставленных отличий в распределении вариантных окончаний род.п. и пр.п. по типам диалектов мы не выявили, однако некоторые типологические черты обозначим.

Более широко вариантное окончание *-у* представлено в талагайских говорах курско-орловского типа. Среди нетипичных условий его употребления в род.п. можно отметить: 1) существительные ср.р. (*м'ял'ч'к'у' уск'ип'ат'и'и*); 2) род.п. при отрицании (*л'е'су н'е'ту; до'жжу н'е'ту*); 3) предложно-падежные формы с определительным значением (*абу'жа из лы'ку*).

В пр.п. расширение сферы функционирования окончания *-у* происходит за счет неодносложных существительных с неподвижным ударением на основе (*нъ св'ина'рн'ику*) или на окончании (*нъ бач'ку', ууалку'*).

Отличительной чертой цуканских говоров стало употребление окончания *-у* в родительном приглагольном с объектным значением (*ис хво'расту пл'ил'и*) и обстоятельственным значением места (*у'уал' с'расто'ву во'з'ат'*), времени (*н'и дажы'л да м'и'ру*), цели (*пл'иту'ик'и дл'а наво'зу*).

В русских говорах отмечается более последовательное употребление вариантных окончаний род.п. *-а, -у* и пр.п. *-е, -у*, что в целом соответствует общей тенденции дальнейшего сокращения сферы функционирования вариантных окончаний в народных говорах при поддержке литературного языка.

3.1.3. Третье склонение

К 3 типу склонения относятся только существительные ж.р. с нулевым окончанием и основой на мягкий согласный (типа *кость, грязь, мать, церковь*) или шипящий (*рожь, мышь*). В этом его уникальная однородность, поскольку в остальных типах склонения присутствуют слова разных родов.

При этом не стоит забывать о том, что современное 3 склонение исторически объединяет в себе три типа древних склонений. В связи с этим считаем необходимым отдельно рассматривать группы существительных, в прошлом относившихся к разным типам словоизменения:

1. Сущ. ж.р., относившиеся в прошлом к древнему IV склонению с основой на *-ĭ типа *кость, грязь, рожь*;
2. Сущ. древнего V склонения с основой на согласный *-r *мать, дочь*;
3. Сущ. древнего VI склонения с основой на *-ŭ, которые получили формант *-овь* типа *свекровь, церковь, морковь*.

Возможность изменения существительных по двум типам женского склонения в говорах осознается как избыточное, поэтому менее продуктивное третье разрушается, уступает место более мощному первому. В этом проявляется реализация универсальной славянской тенденции к объединению словоизменительных моделей в пределах одного рода.

Активность объединения парадигм 1 и 3 склонения по разным типам воронежских диалектов неодинакова. Самые высокие показатели отмечены в талагайских говорах курско-орловского типа и собственно талагайских (24% и 16% соответственно). В цуканских, севернорусских по происхождению и русских говорах процент таких словоформ меньше (диаграмма 30).

Диаграмма 30. Степень сближения существительных третьего склонения с первым склонением в говорах Воронежской области

Однако говорить о полном объединении 1 и 3 склонений преждевременно. Рассмотрим подробнее степень сближения двух типов женского склонения в воронежских диалектах с учетом их типологического разнообразия по обозначенной схеме.

3.1.3.1. Склонение существительных типа *кость, грязь, рожь*

Рассмотрим в первую очередь склонение существительных, которые относились к древнему IV склонению с основой на *-й и составили ядерный класс существительных современного 3 склонения.

В **им.п.** и **вин.п.** существительные этой группы совпадают и, как правило, имеют нулевое окончание. В этом отношении говоры близки литературному языку. Приведем некоторые примеры:

1) талагайские говоры курско-орловского типа: им.п.: *сы'ръс'т' / ан'и' н'а* ∪ *д'е'ржъць* (КРЛП., 4) *малад'о'ш но'ч'ју ус'о' вару'йут'* (ДВЦ., 1), *закры'тъ д'в'ер'* (МСТ., 1), *ло'шът' / кан'е'инъ у* ∪ *сара'и была'*; *там и п'еч' стаја'лъ* (КРЛП., 2); вин.п.: *таку'йу ч'е'тв'ьр'т' св'о'кър но'с'ь* (КРЛП., 4); *сушы'л'и рош* (КРЛП., 2), *нато'п'им п'еч'*; *ус'у' ноч' н'е* ∪ *спъла'* (МСТ., 1).

2) собственно талагайские говоры: им.п.: *там т'аплы'н' страшэ'ннъйа; п'еч' была'* (ШКВ., 1), *ур'ас' астајо'ццъ; о'т'т'ип'ъл' была'* (РСТШ., 1), *лаха'н' / ну как каду'шъч'к'а* (КЗЛ., 5) *до'лжнъс'т' маја'* (КЗЛ., 3); вин.п.: *ло'шът' ф'чо' зъпр'ауа'јут'* (КЗЛ., 2), *пр'ицта'ф'т'и ло'шът'* (РСТШ., 1), *но'ч' атмало'т'иши* (КЗЛ., 4), *пънато'п'ут' п'еч'* (ШКВ., 1), *аста'лъс' на'фс'у' жыз'н'* (ШКВ., 3).

3) цуканские говоры: им.п.: *п'е'ч' у'м'ин'а' была з'засло'нкай; крава'т' д'ир'ив'а'ннайа у'м'ин'а'* (с ДНК., 9), *жыз'н' была' в'ис'ил'е'й* (ДНК., 18), *ло'шът' у'на'с сваја' была'*; *пато'м власт' прашила'* (ДВД., 1), *б'е'днас'т' была'* (НЖМ., 3), *там уа'дъст'* (ДНК., 13), вин.п.: *жыз'н' прав'ил'и' ф'пол'и; пл'аса'л'и пад'уармо'н'* (ДНК., 8), *уб'ира'л'и рош* (ДВД., 1), *сажа'л'и фасо'л'* (ДВД., 2), *п'еч' тап'и'л'и* (ДНК., 16), *о'пухал' абнару'жыл'и* (ДНК., 16), *ја м'ада'л' палуч'и'ла* (НЖМ., 2).

4) говоры с севернорусской основой: им.п.: *ло'шът' б'јот п'ата'м'и; рош висо'къйа* (Н. КРЛ., 1), *ру'скъй п'еч' угл'ом н'и'тап'и'лъс'* (БРД., 1); вин.п.: *ло'шът' зъпр'ега'им* (БРД., 6), *б'јут ф'с'у м'лад'о'ш* (БРД., 7).

Русские говоры: *св'ас' этъ дл'и'нный дом* (АЛК.-1, 2), *так жыз'н' пашла' къл'исо'м* (АЛК.-1, 3); вин.п.: *кн'и'шк'и път'крава'т'* (АЛК.-1, 3), *фс'у жыз'н' работъла* (АЛК.-1, 4).

Однако в некоторых случаях у подобных существительных в им.п. отмечается окончание *-а*, а в вин.п. – *-у*. Это результат разрушения 3 склонения и переход существительных в состав более продуктивного 1 склонения (см. 3.1.1. Первое склонение). В им.п. такие формы зафиксированы у слова *жизнь* в собственно талагайских (*вот и фс'а жы'зн'а прашила' ф'калхо'з'и* (КЗЛ., 4)) и цуканских говорах (*ра'н'шэ была' жы'зн'а лучишэ* (ДНК., 13)). В талагайских говорах курско-орловского типа окончание *-у* в вин.п. получает существительное *лошадь* (*на'ло'шъд'у сажа'л'и да в'азл'и'* (КРЛП., 3)). Эти редкие примеры, наряду с исконными формами, можно встретить исключительно в речи старшего поколения (1919 г.р., 1923 г.р., 1929 г.р.). В речи среднего поколения существительные третьего склонения не отличаются от литературного языка.

Итак, в им.п. редкие случаи перехода существительных третьего склонения в первое отмечены у существительных *жизнь* (в талагайских и цуканских говорах), в вин.п. у слова *лошадь* (в талагайских говорах курско-орловского типа). Остальные существительные сохраняют исконную форму.

В род., дат. и предл. падежах существительные 3 склонения чаще всего при поддержке литературного языка получают единое безударное окончание *-и*. Приведем некоторые примеры по типам говоров.

1) талагайские говоры курско-орловского типа: *из ав'е'ч'ый шэ'рст'и* (КРЛП., 1), *а ја и б'ас на'м'ьт'и* (МСТ., 1), *нъ пала'т'и спа'л'и* (СТ. ХВР., 2).

2) собственно талагайские говоры: *ацца' ссад'и'л'и сло'шад'и; л'етъм зару'б'иш ил' зар'е'жыш чауо' нь н'ипхад'и'мьс'т'и* (КЗЛ., 2), *ш'ш'а'с ис на'м'ьт'и ушло'* (ШКВ., 1), *за'в'ис'т'и т ско'л'к'а* (СТП., 1), *н'и ту' уру'пу кров'и вл'и'л'и; про'сть ур'аз'и мно'уь* (РСТШ., 1), *см'ерт'и н'ет* (КЗЛ., 4), *па уор'с'т'и з'амл'и'и зака'пвыйут* (СТП., 2).

3) цуканские говоры: *ма'ла м'е'б'ил'и* (ДНК., 12), *ло'м'е ад бо'л'и* (ДНК., 7), *за н'е'й иду'т по'пыл'и* (НЖМ., 2), *на'с забрал'и ф сара'тьфскый о'бльс'т'и* (ДВД., 1).

4) говоры с севернорусской основой: *жд'ош с'м'е'р'т'и* (БРД., 3), *насы'п'ут ржы на пос'е'ф; ко'с'ьн'и с'и'йим* (Н. КРЛ., 1), *пр'и ста'р'ьс'т'и л'ет пьньдава'л'и* (ХЛБ., 1), *стаи'ш в о'ч'и'р'ьд'и* (БРД., 8).

5) русские говоры: *с саула'с'ийь м'е'сн'ий вла'ст'и; куп'и'л па ло'шъд'и* (АЛК.-1, 2).

В ударном положении в случае сближения 3 и 1 склонений возникает окончание *-е*, обусловленное унификацией окончаний в род., дат. и пр. падежах по дат.п и пр.п. Такие примеры мы находим в талагайских говорах курско-орловского типа у существительного *печь*: *пасудь ф п'ач'е' л'ижа'ль* (СТ. ХВР., 2), *пр'ашла' с та'нцъф и нь п'ач'е' л'аула'* (СТ. ХВР., 1). Аналогичные наблюдения находим в материалах С.В. Дьяченко, посвященных говору с. Мастюгино Острогожского района: *о'кълъ п'ач'е'*, *па у'с'е'й п'ач'е' разур'е'ст'*, *у гр'аз'е' в'ес'*, *у ст'ап'е'*,

д'елал'и у н'ач'е' [Дьяченко 2007, с. 37], в материалах А.Д. Черенковой: *да са'май дь н'ач'е'* [Черенкова 2019, с. 81].

В собственно талагайских говорах в речи одного человека отмечаются колебания в выборе парадигмы словоизменения, что подтверждает неустойчивое положение 3 склонения: *мы в д'е'цтв'ь нь н'ач'и' спа'л'и – нь н'ач'е' пъл'ажса'т'* (ШКВ., 1).

В говорах с севернорусской основой по нашим материалам существительное *печь* имеет только окончание *-и*: *то'нкъ ф н'ич'и' абыкнъв'е'ннйь* (БРД., 1).

Кроме этого, наряду со словом *печь* во всех диалектах активно используется абсолютно синонимичное ему слово *печка*. Это обстоятельство может рассматриваться как еще один способ, словообразовательный по своей природе, разрушения менее продуктивного типа склонения [Черенкова 2019, с. 78].

В цуканских говорах и говорах с севернорусской основой в нашем материале словоформы с окончаниями 1 склонения не представлены, но в более ранних материалах других диалектологов находим подтверждение сближения с 1 склонением. Так, например, В.Н. Кретьова в говорах Рождественско-Хавского района (цуканских по типологии) отмечает *пъ грязе', к пиче', в грязе', ф пыле'* [Кретьова 1962, с.131]. В.И. Собинникова находит подобные примеры в говорах сел Бродовое, Новый Курлак, Хлебородное: *из двире', в любве', на пиче', в гризе', на цепе'* [Собинникова 1981, с. 113]. Видимо, под влиянием литературного языка подобные формы в этих говорах исчезают активнее, хотя Д.Н. Гальцова в с. Новый Курлак фиксирует окончание *-е*: *нь п'ич'е' спа'л'и; он в гр'из'е'* [Гальцова 2019а, с. 16].

В русских говорах в наших материалах представлено только безударное окончание.

Твор.п. для существительных 3 склонения оказался малопредставленным, как и дат.п. Однако во всех зафиксированных нами примерах сближения с первым склонением не отмечено: *пала'т'и за н'е'ч'ю д'бр'ав'а'нныйь* (СТ. ХВР., 1), *аб'исп'е'ч'ил'ых жыло'й пло'ш'ш'ьд'ю* (АЛК.-1, 2). Аналогичные данные представлены в материалах А.Д. Черенковой: *а ш'ш'а см'е'рт'ю па'хн'а; но'ч'ю*

прасну'с' (Старая Хворостань), *там спа'л'и но'ч'ч'ју* (Краснолипые), *с'кра'с'ју / з'б'е'л'ју / с'па'л'ч'иками крух* (Болдыревка) [Черенкова 2019, с. 81].

Выводы. Итак, для существительных, которые относились к древнему IV склонению с основой на *-ї, в им.п., вин.п. и твор. падежах в большей степени характерно сохранение исконных словоформ (*п'еч' была', о'т'т'ип'ьл' была', но'ч' атмало'т'иш, пл'аса'л'и над'уармо'н', уб'ира'л'и рош, пала'т'и за'п'е'ч'ју*). Редкие случаи его разрушения отмечаются в речи представителей старшего возраста, носителей традиционного диалекта. Это проявляется морфологически: у существительных появляется характерные для 1 склонения окончания *-а* в им.п. (*жы'зн'а прашла'*), *-у* в вин.п. (*на'ло'ш'д'у сажал'и*), ударное *-е* в род., дат. и предл. падежах (*н'ь'п'ач'е' л'а'ла'*). В безударном положении окончания 3 склонения формально совпадают с окончаниями 1 склонения, где отмечается унификация безударных окончаний в род., дат. и предл. падежах по дат. и предл. в довольно четком *-и* (*б'ас'па'м'ьт'и, с'ло'шад'и, па'ю'р'с'т'и, ад'бол'и*), поэтому не участвовали в подсчетах.

Объединение 3 и 1 склонения активнее происходит в талагайских говорах курско-орловского типа (19%). Чаще переход демонстрируют слова *жизнь, лошадь, печь*. Последнее активно заменяется синонимичным словом *печка*. В собственно талагайских говорах и говорах с севернорусской основой данный процесс тоже достаточно активен (12,5% и 11,5% соответственно). В меньшей степени это характерно для цуканских говоров (2,5%). В русских говорах процесс взаимодействия 1 и 3 склонения на зафиксирован вообще, что свидетельствует о близости русского типа диалекта к русскому литературному языку (диаграмма 31).

Диаграмма 31. Степень сближения существительных третьего склонения типа *кость, рожь* с существительными первого склонения типа в говорах Воронежской области

3.1.3.2. Склонение существительных *мать, дочь*

Существительные с древней основой на согласный *-г *мати, дъчи* рано переходят в состав склонения с основой на *-ї, при этом в косвенных падежах и в говорах, и в литературном языке они до сих пор сохраняют свою древнюю основу. Как отмечает С.И. Котков, старые формы им.п. ед.ч. *мати, дочи*, не чуждые и в настоящее время отдельным севернорусским говорам, в южнорусских говорах не сохранились. Нет следов этих форм и в памятниках письменности. Не зарегистрировано и более позднего проникновения формы *мати* в южнорусские говоры из украинского языка [Котков 1963, с. 183].

Возникновение формы *мать* в литературном языке и во многих говорах объясняется двояко: в первую очередь, это связано с воздействием соответствующих форм склонения с основой на *-ї. С другой стороны, это обусловлено фонетическими изменениями гласного в конечном заударном открытом слоге до его полной редукции [Кузнецов 1959, с. 33].

В некоторых говорах может отмечаться обобщение основы существительного *мать* по косвенным падежам, что приводит к появлению в им.п. и вин.п. формы *матерь*, которая долгое время поддерживалась церковно-книжной

традицией его употребления в сочетаниях *Божья мать*, *Богоматерь* для обозначения Богородицы. В результате сближения двух парадигм женского склонения в говорах южнорусского наречия появляются формы *маретя (матря) - матерю (матрю)*.

Существительное *дочь* во многих говорах активно замещается его производным с суффиксом *-к-* – *дочка*, что можно рассматривать словообразовательным по своей природе способом разрушения менее продуктивного 3 склонения.

Рассмотрим, как изменяются существительные древнего V склонения с основой на согласный *-г в современных воронежских говорах с учетом их типологии.

В **им.п.** в талагайских говорах курско-орловского типа, в собственно талагайских и русских говорах отмечены формы *мать*, *дочь* (первая встречается гораздо чаще). Приведем примеры:

Талагайские говоры курско-орловского типа: *мат'* зд'е'льль д'ар'у'шку (КРЛП., 1), *мат'* пашла' п'б'ира'ць (КРЛП., 4), *уйд'е' мат'* нь'рабо'ту (КРЛП., 3).

Собственно талагайские говоры: *мат'* з'хвара'ла (СТП., 1), *т'о'ткь жыла' и ма'т'* (ШКВ., 1).

Русские говоры: *мат'* з'бал'е'ла (АЛК.-1, 3), *доч'* йиво' за'ш'и'итаво'д'ъм была' (АЛК.-1, 2).

В цуканских говорах и говорах с севернорусской основой отмечены формы *мать* и *матеря*, последняя встречается в единичных случаях:

Цуканские говоры: *б'уамо'л'найа мат'* была' (ДВД., 1), *ма'т'ир'ь* ть / рад'и'т (ДВД., 2), *доч'* жив'о' на'стар'ин'е' (ДНК., 2), *мат'* наро'йа карто'шк'и (ДНК., 18), *у'м'ин'е' ат'е'с у'м'ир мат'* ста'рыйа (НЖМ., 1).

Говоры с севернорусской основой: *вот доч'* (ХЛБ., 1), *мат'* ру'ск'йа; *ма'т'ьр'а* раска'зывает'а (БРД., 3), *ма'т'* ум'ирла' у'м'ин'а' (БРД., 1).

Итак, для **им.п.** свойственно более широкое и последовательное употребление форм *мать* и *дочь*. Это в полной мере поддерживается литературным языком. Примеры с выравниванием основы во всей парадигме склонения по

косвенным падежам представлены в единичных случаях в цуканских говорах и говорах с севернорусской основой.

В **вин.п.** отмечается обратная ситуация: во всех зафиксированных примерах представлена форма *матерю*: талагайские говоры курско-орловского типа: *у на'с р'иб'а'ты ма'т'ьр'у п'н'има'йут'* (СТ. ХВР., 3); цуканские говоры: *што свају' ма'т'ур'у / што је'ту ма'т'ур'у / ма'мка / па'пка* (НЖМ., 2); русские говоры: *ма'т'р'у аста'в'ил* (АЛК.-1, 3).

Появление таких форм относится к более позднему времени. На большом материале памятников письменности южновеликорусского наречия XVII века это доказал С.И. Котков, говоря, что «формы *матерю, дочерю* сменили не старые формы вин. ед. *матерь, дочь*, а формы *метере, дочере*, проникшие в вин. из род. падежа, которые в южновеликорусских условиях приобрели вид *матеря, дочеря*» [Котков 1963, с. 184]. Взаимодействие вин.п. и род.п. в этом случае происходило по аналогии с одушевленными существительными м.р. [Русская диалектология / Касаткин 2005, с. 125]. Примечательно, что подобные формы отмечаются в изначально близких литературному языку русских воронежских говорах.

На наш взгляд, наличие формы *матерю* в вин.п. свидетельствует о сближении 3 и 1 склонения.

В **род., дат. и предл.** падежах, как и для слов древнего IV склонения, характерно использование окончания *-и*. Формально оно совпадает с унифицированным безударным окончанием *-и* существительных 1 склонения. Примеров в указанной форме по материалам немного. Больше всего их в род.п.:

Талагайские говоры курско-орловского типа: *мы у ма'т'ьр'и ч'е'тв'орь был'и* (КРЛП., 4).

Собственно талагайские говоры: *бы'ль во'с'ьм' ч'ьлав'е'к у ма'т'ьр'и* (ШКВ., 2), *п'е'рвыи д'е'т'и у ма'т'ьр'и ум'е'рл'и* (КЗЛ., 2).

Цуканские говоры: *ја адн'а была' у ма'т'ур'и нака'* (НЖМ., 2), *хач'у' к до'ч'ур'и ује'хат' ф'уо'рат* (ДНК., 9).

Говоры с севернорусской основой: *у ма'т'ур'и была' ср'а'да* (БРД., 8).

Русские говоры: *a ат ма'т'ьр'и аста'лс'и ја шыс'т'и' л'ет* (АЛК.-1, 3), *д'е'т'и јес'т' / дв'е до'ч'ьр'и је'з'д'ут'* (АЛК.-1, 4).

В дат.п. существительного *мать* зафиксировано в цуканских говорах (*вос'им' к ма'т'ур'и л'е'зут' ф ч'а'шкy* (НЖМ., 2)), в говорах с севернорусской основой (*набо'л'и к до'ч'р'и схожу* (ХЛБ., 1)), а в материалах А.Д. Черенковой отмечено и в талагайских говорах курско-орловского типа (*ја вот ма'т'ур'и пам'ина'ла д'е'в'ит' д'он; он свад'ул к ма'т'ур'и; ма'т'ур'и ана' панра'в'илас'* и др. [Черенкова 2019, с. 80]).

Твор.п. представлен в целом небольшим количеством примеров, а существительные *мать, дочь* в этой форме встречаются еще реже. По нашим наблюдениям в большинстве говоров Воронежской области отмеченные словоформы имеют окончание - *ју*:

Талагайские говоры курско-орловского типа: *ба'ба мо'т'а жив'е' з до'ч'ьр'ју* [Черенкова 2019, с. 81].

Цуканские говоры: *ја с аццо'м с ма'т'ур'ју дажива'ла* (НЖМ., 2).

Русские говоры: *с мат'ьр'ју; ја пражыл с мат'ьр'ју* (АЛК.-1, 3).

В части говоров отмечается форма с окончанием *-ей* (как *землей*) типа *ма'тр'ьй*. Она отмечена только в собственно талагайских говорах (*жыла' с ма'тр'ьй; и ја с ма'тр'ьй и с сы'нъм; за ма'тр'ьй уха'живьль* (ШКВ., 5).

Очевидно, что наличие такой формы свидетельствует о сближении этих существительных с 1 склонением.

Выводы. Анализ материала показал, что в большей степени сближение существительных с древней основой на согласный *-г *мать, дочь* с первым склонением прослеживается в вин.п. и твор.п. В этих формах существительные могут чаще получать соответствующие окончания (*ма'т'ьр'у пьн'има'йут', аста'лс'е ма'тр'ьй*). В редких случаях результат сближения с первым склонением отмечается в им.п. в том случае, когда происходит выравнивание его основы по косвенным падежам (*ма'т'ьр'а раска'зывает*). В род., дат. и предл. падежах безударные окончания 1 и 3 склонения формально совпадают и служат базой для объединения двух типов женского склонения (*у ма'т'ьр'и,*

к *ма'т'ир'и*). Такой процесс сближения ограничивается влиянием литературного языка, а формы, отражающие его, отмечаются только в речи старшего поколения (1908 г.р., 1909 г.р., 1927 г.р., 1931 г.р.).

Активнее всего объединение 1 и 3 склонения отмечено в собственно талагайских говорах. В них 40% словоформ демонстрируют переход в состав 1 склонения. В талагайских говорах курско-орловского типа и цуканских говорах оно представлено менее активно (по 14% и 16% словоформ соответственно), а в говорах с севернорусской основой и русских говорах отмечается самый низкий процент подобных словоформ (6% и 10% соответственно) (диаграмма 32).

Диаграмма 32. Степень сближения существительных 3-го склонения *мать, дочь* с существительными 1-го склонения

3.1.3.3. Склонение существительных типа *свекровь, церковь*

История VI типа склонения на *-*ŭ* связана, прежде всего, с утратой старой формы им.п., вытесненной исконной формой вин.п., имевшей форму на *-ъвь*. «Ряд слов этой группы, получив в им.п. форму на *-ъвь*, такие как *кръвь, любъвь, моркъвь, свекръвь, церкъвь*, совпали со словами типа *кость* и начали изменяться по склонению с древней основой на *-*ĭ*» [Котков 1963, с. 184]. Другие существительные данного типа попали под влияние 1-го склонения и получили формант *-ъва* (*буква, тыква*). В говорах шире отразился процесс перехода

существительных данного типа в состав 1 склонения с основой на *-ā, и именно поэтому ареной сближения двух типов женского склонения стали им.п. и вин.п.

Рассмотрим, насколько активно это явление представлено в говорах Воронежской области.

В талагайских говорах курско-орловского типа все отмеченные примеры демонстрируют сближение с 1 склонением: *св'акро'в'я* р'а'дъм стаи'т' ууаш'ш'а'ит' (КРЛП., 4), *маркву'* сажа'им (ДВЦ., 1). Кроме этого, по наблюдениям А.Д. Черенковой, в этих диалектах к 1 склонению относится не только слово *свекровь*, но и слово *церковь*: у на'с была' пало'мана *цэ'рква*, ид'о'т *св'акро'в'ја*. [Черенкова 2019, с. 77-78].

Напротив, в собственно талагайских говорах все примеры демонстрируют отнесенность к 3 склонению: *ф* *цэ'ркѣф'* на'дъ хад'и'т' (КЗЛ., 3), и *св'акро'в'* пьм'ирла' (ШКВ., 5).

В остальных говорах наблюдается несколько иная картина: словоформы могут демонтировать отнесенность или к 3 склонению, или к 1. Отличия заключаются только в количественных характеристиках активности сближения с 1 склонением.

Так, в цуканских говорах слова древнего VI типа склонения на *-ū чаще относятся к 3 склонению (80% словоформ): *цэ'ркѣф'* была' харо'шъйь у на'с; мы *ф* *цэ'ркѣф'* хад'и'л'и (ДВД., 1), *св'икро'ф'* пр'ид'о'т' (НЖМ., 2), *малада'йа* далжна' абдар'и'т' *св'икро'ф'* (ДНК., 12), *ф* *цэ'ркаф'* вад'и'л'и; захо'д'ут' жын'и'х с н'ив'е'стай *ф* *цэ'ркаф'* (НЖМ., 2), *ф* *цэ'ркаф'* је'дут' (ДНК., 5), нар'ажал'ис' в *марко'ф'* (ДНК., 18). Однако в вин.п. и твор.п. отмечаются формы, характерные 1 склонению: *ф* *кау'тах* пр'а'тал'и *маркву'* (ДНК., 16), мы с *св'акро'в'я* д'у'жъ пла'къл'и (НЖМ., 1).

В говорах с севернорусской основой существительные с древней основой на *-ū чаще представлены как существительные 1 склонения: *бы'ль* бѣклажа'ны / *марква'* / *лук* / *капу'ста* (БРД., 3), (*приходили сватать*) *св'окро'в'ја* ды *св'окро'в'инь* с'остра' (ХЛБ., 2). Однако слово *любовь* в вин. п. совпадает с литературной формой: н'е'къдъ *бы'ль* л'убо'ф' зъвад'и'т' (БРД., 3).

В русских говорах в речи 70-летнего информанта существительные представлены как слова 3 склонения: *цэ'ркѣф' была' тут; ну э'та была' цэ'ркѣв' / н'и зна'йу како'й арх'ит'е'ктър д'е'лъл э'ту цэ'ркѣв'; ну цэ'ркѣв' э'ту ва'вр'ем'ь вайны' салда'ты взрыва'л'и* (АЛК.-1, 2). В речи другого 86-летнего информанта – как слова 1 склонения: *цэ'ркѣв'а была' настро'ина; цэ'ркѣв'а была' ра'н'шы* (АЛК.-1, 3).

Итак, в воронежских говорах широко отразился процесс перехода существительных древнего VI типа склонения на *-ŭ в состав 1 склонения. Особенно активно это представлено в талагайских говорах курско-орловского типа. В собственно талагайских говорах примеров сближения этих существительных с 1 склонением не выявлено (диаграмма 33).

Диаграмма 33. Степень сближения существительных типа *свекровь, церковь* с существительными первого склонения

Выводы

Третье склонение существительных по нашим подсчетам оказалось самым малочисленным, что в какой-то степени может быть связано с реализацией универсальной славянской тенденции к объединению словоизменительных моделей в пределах одного рода. Наличие двух типов женского склонения в говорах осознается как избыточное, поэтому менее продуктивное третье разрушается, уступает место

более мощному первому. Процесс перегруппировки существительных по склонениям в русских говорах нельзя однозначно считать окончательно завершившимся, поскольку наблюдается достаточно активное сближение двух типов женского склонения в одно. Так, слова, которые по родовому признаку примкнули к древнему IV склонению с основой на *-ĭ и в современном литературном языке сформировали 3 склонение, в говорах чаще демонстрируют отнесенность к 1 склонению. Это наглядно продемонстрировано в сводной диаграмме (диаграмма 34).

Диаграмма 34. Степень сближения разных типов существительных третьего склонения с первым склонением в говорах Воронежской области

Если в литературном языке, объединившись в одном типе склонения, разные групп слов приобрели единую парадигму словоизменения, то в говорах они продолжают вести себя обособленно. Более того, анализ показал, что круг слов, обладающих способностью к перемещению из третьего склонения в первое лексически ограничен. Это, во-первых. Во-вторых, пути и способы подобного перемещения в каждом случае могут быть разными:

1) у существительных *мать, дочь* происходит выравнивание основы им.п. по образцу косвенных, что приводит к единству основы по всей парадигме. В плане

морфологического воплощения парадигма словоизменения близка первому склонению (*ма'т'ьр'а – у ма'т'ьр'и – к ма'т'ир'и – ма'т'ьр'у – с ма'тр'ьй*).

2) у существительных *церковь, морковь* используется формант *-ва*, вместо *-овь*, что также формально сближает эти слова с первым склонением (*марква' – марквы' – маркв'е' – маркву' – маркво'й*).

3) у существительного *свекровь* особая судьба. К его основе присоединяется суффикс *-j-*, что совместно с окончанием *-а* объединяет его со словами первого склонения (*св'окро'в'ја – с св'акро'в'јьй*).

Кроме этого, существительные ж.р., исконно принадлежавшие IV склонению с основой на **-ї*, также демонстрируют признаки объединения с первым склонением. Круг этих слов невелик, чаще всего в материалах представлены слова *болезнь, жизнь, лошадь, печь, грязь*. При их словоизменении используются характерные первому склонению окончания (*жы'зн'а, бал'е'зн'а – на ло'шъд'у – фп'ач'е' – у гр'аз'е'*).

У слов *печь, дочь* появляется иной способ сближения с существительными первого склонения, а именно присоединение суффикса *-к-*, не имеющего ни дополнительной семантики, ни стилистической окраски.

Основным сдерживающим фактором для объединения двух типов женского склонения в одном оказывается литературный язык. Все формы, отражающие сближение 3 и 1 склонения, представлены в речи старшего поколения (1908 г.р., 1909 г.р., 1919 г.р., 1923 г.р., 1927 г.р., 1929 г.р., 1931 г.р.).

Среди типологических различий укажем следующие:

Для талагайских говоров курско-орловского типа характерна наибольшая степень сближения третьего склонения с первым. Оно происходит и у слов типа *жизнь, болезнь*, и у слов *мать, дочь*, и в особенности у слов типа *свекровь, церковь*.

Для собственно талагайских говоров, по нашим данным, процессом сближения с первым склонением охвачены слова типа *жизнь, болезнь* и слова *мать, дочь*.

В цуканских говорах слова *мать*, *дочь* и слова типа *свекровь*, *церковь* чаще оформлены как существительные 1 склонения, а слова типа *жизнь*, *болезнь* в большей степени сохраняют исконные окончания.

Для русских говоров сближение с первым склонением характерно только для слов *мать*, *дочь* и слов типа *свекровь*, *церковь*. Слова типа *жизнь*, *болезнь* имеют только нулевое окончания.

Интересными нам кажутся наблюдения над говорами с севернорусской основой. Носители этого типа диалекта предположительно потомки переселенцев из Владимирской, Ярославской и Московской губерний. Для этих территорий сближение первого и третьего склонения не характерно. Однако за долгое время существования в условиях южнорусского диалектного окружения эти севернорусские черты начали ассимилироваться и в настоящее время у существительных третьего склонения появилась тенденция к переходу в состав 1 склонения.

3.2. Пути развития склонения имён существительных во множественном числе в говорах Воронежской области

Склонение существительных во мн.ч. не отличается многотипностью парадигм словоизменения, как в ед.ч. Преобразование системы склонения во мн.ч. связаны с тенденцией к устранению родовых различий. Это способствовало усилению противопоставленности ед.ч. и мн.ч., т.е. развитию числа как категории.

Полная нейтрализация признака рода реализована в дат.п., твор.п. и пр.п. Здесь установились единые, характерные древнему типу склонения на *-ā, -jā окончания дат.п. -ам, твор.п. -ами, пр.п. -ах. В несколько обособленном положении находятся им.п. и род.п. В современном литературном языке здесь родовые отличия отчасти сохраняются. В диалектах процесс межродовой унификации приводит к частичному устранению родовых различий и в этих двух падежах.

Кроме того, унификация родовых различий во мн.ч. привела к преобразованию категории одушевленности в парадигме мн.ч. в универсальную лексико-грамматическую категорию: если в ед.ч. она морфологически выражается только у существительных м.р. 2 склонения, то во мн.ч. у существительных всех трех родов и типов склонения. Одушевленность выражается совпадением форм вин.п. с формой род.п., а неодушевленность – совпадением форм вин.п. с формой им.п. В связи с этим формы вин.п. не рассматриваются отдельно, а включены в описание им.п. или род. п. соответственно.

Учитывая вышесказанное, считаем целесообразным строить описание

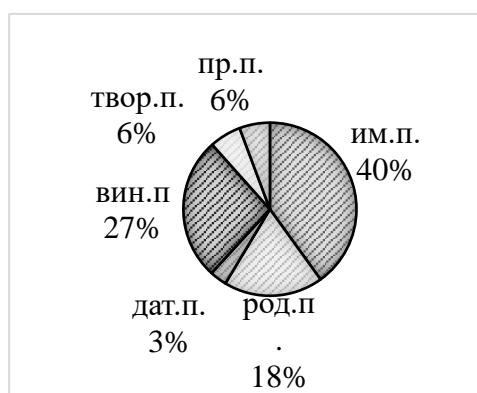

Диаграмма 35. Распределение существительных по падежам во мн.ч. в говорах Воронежской области

склонения во мн.ч. по падежам с учетом отраженных в них процессов унификации окончаний.

Количественные подсчеты показывают, что на долю им.п. приходится 40% словоформ, на долю вин.п. – 27%, род.п. – 18%. Эти падежи в научном плане представляют особый интерес. Твор.п. и пр.п. представлены 6% словоформ каждый, а самый малочисленный снова оказался дат.п.,

который представлен 3% словоформ (диаграмма 35).

3.2.1. Дательный падеж

Формы дат.п. в говорах Воронежской области во мн.ч. не отличаются от литературного языка и получают окончание *-ам*. Приведем примеры с учетом типологического разнообразия изучаемых диалектов.

Талагайские говоры курско-орловского типа: *кто коуо' пр'ин'а'л к'л'уд'а'м; к'на'им па'л'уд'а'м карто'х'и* (МСТ., 1).

Собственно талагайские говоры: *т'ьрп'и'м'ьй к'л'у'д'ам* (КЗЛ., 3), *кл'и'ч'к'и дава'л'ис' нь им'ина'м пра'д'ьд'ьф / фам'и'л'ийьм да'жъ то'жъ пра'д'ьд'ьф* (КЗЛ., 1), *кл'е'тк'и к'с'е'ницьм бы'л'и; рьспр'ьд'ал'а'ит' нь м'аста'м; ва'вр'е'м'ь вайны' нь на'стра'ньм ньсма'тр'е'л'ис'* (ШКВ., 1), *ја ушла' к' малыша'м* (ШКВ., 3).

Цуканские говоры: *дава'л'и уда'рн'икам; пр'и'е'хала к' уал'к'а'м* (НЖМ., 2).

Говоры с севернорусской основой: *je'з'д'ил'и нь калхо'зьм / на'с'о'льм зна'ч'ит'* (БРД., 1), *то'жъ нь ч'аст'а'м эт'ь ру'ск'ийь п'еч'* (БРД., 1), *на'кра'ја'м ан'и' пр'иты'к'ьны* (БРД., 2), *два'ју'рдным с'о'страм ма'ма атдала'* (БРД., 4).

Русские говоры: *так нь раска'зьм; по'маско'ўск'им эт'им... прэ'кт'ьм; спуска'ис'с'и туда' на'мар'иш'ьм / ступ'е'н'к'ьм* (АЛК.-1, 2).

Таким образом, в дат.п. мы наблюдаем функционирование единого окончания *-ам*, выработанного в результате общезыкового процесса утраты родовых отличий в парадигме мн.ч.

3.2.2. Творительный падеж

Твор.п. мн.ч. в говорах Воронежской области представлен словоформами, в которых наряду с окончаниями *-ами* отмечается характерное для южнорусского наречия окончание *-ими* после заднеязычного согласного. Рассмотрим, как эти окончания представлены в разных типах говоров.

В талагайских говорах курско-орловского типа в большинстве примеров отмечено окончание *-ами*: *сваи'м'и рука'м'и шы'л'и; атуаро'жън в'е'ткьм'и из'д'ир'е'в'ь'ьф* (КРЛП., 2), *с'ко'сьм'и хад'и'л'и* (КРЛП., 1), *кар'е'н'ја урабл'а'м'и сур'иб'о'ш* (ДВЦ., 1), *с'м'ашка'м'и хад'и'л'и; б'е'лый шолк'ьвьый плато'к раку'ш'ьч'кьм'и* (СТ. ХВР., 1), *ла'мпы капт'у'ш'ьч'кьм'и ньзыва'л'и; ана' кл'е'т'ьч'кьм'и была'* (СТ. ХВР., 2).

В части примеров после заднеязычного согласного существительные получают окончание *-ими*: *ш'ш'ас јест' с ър'ив'а'ным'и руч'к'им'и* (КРЛП., 2), *пад ът'им тр'а'нк'им'и на'шы л'ажал'и* (МСТ., 1).

Похожая ситуация складывается в **собственно талагайских говорах**. В твор.п. преимущественно функционирует окончание *-ами*: *на'шы там с ъул'им'отъм'и; фс'о руб'ил'ам'и мьлат'ил'и* (ШКВ., 2), *л'уб'им зь ър'убам'и хад'ит'* (КЗЛ., 6), *цапл'ал'ис' рука'м'и* (ШКВ., 1), *ана' пашла' сь ъсл'изам'и; ъэ'лым'и нач'ам'и вот так с'ижусь; буду з ъзубам'и* (РСТШ., 1). После заднеязычного согласного отмечается типичное для южнорусского наречия окончание *-ими*: *паду'шку ап'илк'им'и ньб'ива'йут'* (СТП., 2), *как каду'шьч'к'а с ъу'шк'им'и* (КЗЛ., 5).

В **цуканских говорах** во всех зафиксированных примерах только окончание *-ами*: *кто с ъмужыка'м'и; мы даја'ркам'и работал'и* (ДНК., 1), *ма'ткъм'и их ньзывал'и* (ДВД., 2), *с ът'им'и ра'зным'и т'ат'шкам'и* (НЖМ., 2), *то'п'им уул'ом / а ра'н'шь к'из'ика'м'и; ја'ш'ш'икам'и саб'ира'л'и* (ДНК., 4), *с ъбат'ушкам'и харон'ут'; был'и так'им'и ъжэ работн'икам'и / трахтар'истам'и* (ДНК., 15).

В **говорах с севернорусской основой** в твор.п. функционирует окончание *-ами*: *за ъва'шым'и огоро'дъм'и была' з'амл'анка; кр'ука'м'и кос'ил'и; б'јот п'ата'м'и* (Н. КРЛ., 1), *п'ешн'ам'и капа'л'и; ну'жнь нага'м'и* (БРД., 6), *пог'ибала з ъд'ит'ам'и* (ХЛБ., 1). После заднеязычного согласного отмечается окончание *-ими*: *кто ку'б'ик'им'и (вышивал)* (БРД., 4).

В русских говорах, по нашим наблюдениям, используется только окончание *-ами*: *с ънага'м'и ч'ио' ът был'ль; падје'здам'и их ньзыва'йут' / фхо'дам'и* (АЛК.-1, 2), *уха'жывьл зь ъкаро'въм'и* (АЛК.-1, 4), *уха'жъвьла за ъафца'м'и; жыт' с ърад'ит'ъл'ъм'и н'и ъбу'д'ит'* (АЛК.-1, 3).

Выводы. Итак, материалы исследования показали, что в части воронежских говоров в твор.п. наряду с окончанием *-ами* (*рука'м'и сь ъсл'изам'и, нач'ам'и, з ъзубам'и*) отмечается окончание *-ими* (*пад ът'им тр'а'нк'им'и, ап'илк'им'и ньб'ива'йут', с ъу'шк'им'и*). Появляется оно после заднеязычных согласных и

объясняется действием фонетических и морфологических факторов. По мнению Р.И. Аванесова, редукция гласного в заударном неконечном слоге привела к отождествлению безударных окончаний твор. п. мн. ч. у существительных и прилагательных: *сытыми* = *ребятыми*, *синими* = *песниими*, *свежими* = *улицыими*. Это подготовило почву для воздействия форм прилагательных на существительные с основой на заднеязычный согласный: *тихими* = *старухими*, *долгими* = *книгими*, *русскими* = *яблоками* [Аванесов 1949, с. 213].

Обозначить ареал этого явления сложно, т.к. в ДАРЯ специальных карт не предусмотрено. Некоторые замечания о территории фиксации окончания *-ими* находим в научной литературе. Так, С.Б. Бромлей отмечает распространение окончания *-ими* в говорах Рязанской мещеры [Бромлей 1972, с. 111], П.С. Кузнецов указывает, что окончание *-ими* известно во многих среднерусских и южнорусских говорах [Русская диалектология 1973, с. 120], К.Ф. Захарова, В.Г. Орлова пишут, что такое диалектное окончание характерно для южной части владимиро-поволжских неполноокающих говоров [Захарова 1970, с. 155]. По наблюдениям Т.Ф. Зибровой и Ю.Д. Фурман, формы на *-ими* – характерная черта восточных южнорусских говоров, также они возможны в акающих среднерусских и восточных среднерусских неполноокающих говорах [Зиброва, с. 232].

На территории Воронежской области окончания *-ими* известно не всем типам говоров. Прежде всего оно распространено в собственно талагайских говорах, относящих воронежские говоры к восточной группе южнорусского наречия, и близких им по происхождению талагайских говорах курско-орловского типа. Отмечено окончание *-ими* и в переселенческих говорах с севернорусской основой. Количественные характеристики фиксации окончания *-ими* представлена на диаграмме (диаграмма 36).

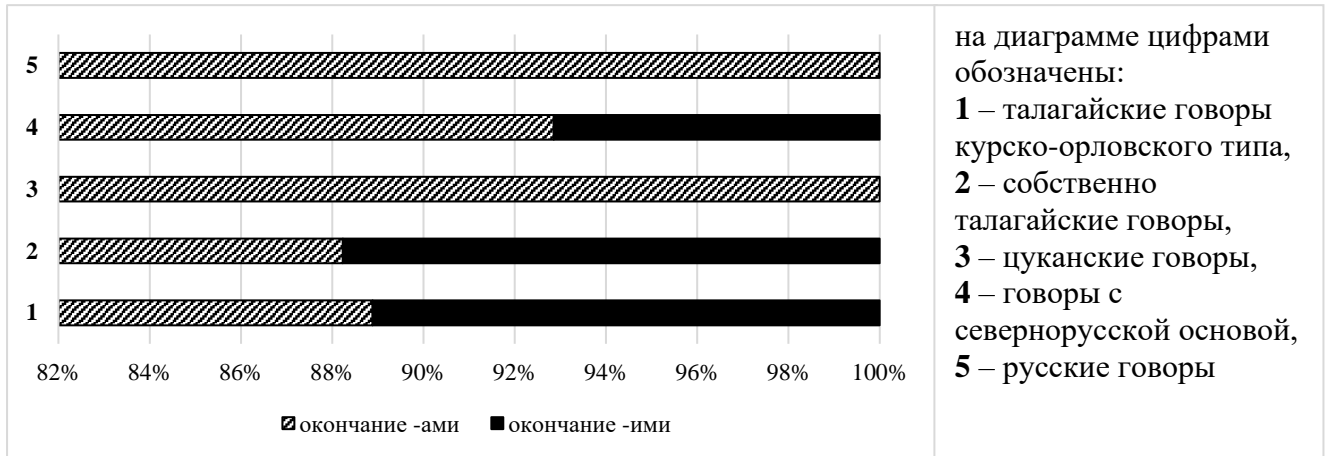

Диаграмма 36. Окончания твор.п. мн.ч. существительных в говорах Воронежской области

3.2.3. Предложный падеж

В пр.п. окончания существительных совпадают с литературными *-ах*. Приведем примеры по типам говоров.

Талагайские говоры курско-орловского типа: *нѣ ѿбыка'х паха'л'и* (КРЛП., 4), *мы талкл'и' у ѿсту'пѣх*; *мач'и'л'и у ѿпрутка'х*; *је'хѣл'и нѣ ѿсан'а'х з ѿзатко'м* (КРЛП., 3), *у ѿс'е'ницѣх нѣч'ива'л'и*; *суп вар'и'л'и у ѿч'уууна'х ил'ум'и'н'ѣвых*; *спа'л'и на ѿн'е'ч'к'ѣх* (КРЛП., 2), *спа'л'и нѣ ѿпр'имо'стѣх*; *ф ѿкаду'шкѣх у ѿха'т'ѣ умыва'л'ис'*; *в ѿуша'нкѣх каро'в'ѣ нѣвад'и'л'и* (СТ. ХВР., 1).

Собственно талагайские говоры: *лапа'ты нѣ ѿд'ир'ив'а'нных ру'ч'кѣх*; *нѣ ѿпала'т'ѣх спа'л'и*; *хад'и'лѣ в ѿбр'у'кѣх* (РСТШ., 1), *фс'ауда' нѣ ѿрука'х н'ас'л'и'*; *нѣ ѿмашы'нах ваз'и'т' ста'л'и* (СТП., 2), *нѣ ѿуаро'дѣх с'е'жал'и*; *пр'иваз'и'л'и нѣ ѿлѣшад'а'х / на ѿта'ч'к'ѣх* (КЗЛ., 2), *нѣ ѿпал'а'нѣх ѣтѣй з'имл'ан'и'к'и* (КЗЛ., 5), *ста'лѣ рабо'тѣт' ф ѿста'риых кла'сѣх* (ШКВ., 3).

Цуканские говоры: *на ѿрука'х над'иржа'т'* (ДНК., 15), *на ѿв'ѣтках с'ид'а'т'* (ДНК., 6), *на ѿерадро'м'ѣ ф ѿз'имл'ан'кѣх* (ДВД., 1), *н'о'с на ѿрука'х* (НЖМ., 1), *в ѿѣтай бал'ни'цѣ в ѿд'ѣфках л'ижа'ла* (НЖМ., 2).

Говоры с севернорусской основой: *нъ* *нога'х* *с'ин'ак'и'* (ХЛБ., 1), *нъ* *льшыд'а'х* *ваз'ул'и*; *на* *самол'отъх* *фс'о* *ји'зди'йут* (БРД., 7), *хажу'* *в* *ва'л'ьнкъх* (БРД., 1), *нъ* *быка'х* *ваз'ул'и*; *нъ* *р'исо'ръх*; *је'з'д'ил'и* *на* *льшад'а'х* *з'имо'й* (БРД., 2).

Русские говоры: *п'иса'л'и* и *нъ* *раз'е'тъх* (АЛК.-1, 2), *нъ* *франта'х*; *нъ* *хад'улс'и* *ја* *в* *ынжын'е'рных* *ч'ис'т'а'х* (АЛК.-1, 3).

Выводы. Материал исследования показал, что в пр.п. функционирует единое окончание *-ах* (*нъ* *быка'х*, *на* *льшад'а'х*), выработанное в результате общезыкового процесса утраты родовых отличий в парадигме мн.ч., как в дат. и твор.пп.

В то же время, по свидетельству А.Д. Черенковой, в отдельных словоформах в говорах Воронежской обл. сохраняются древние окончания, в частности *-ех*, восходящее к исконному окончанию местного падежа существительных с основой на **-ǫ/*-jǫ* *-Ѣхъ*: *на* *м'ест'е'х*. Эта форма употребляется только в одной коммуникативной ситуации, когда речь идет о весенних посевах: *капу'сту* и *пъм'идо'ры* *выса'жывайу* *на* *мест'е'х* (*не* *рассадой* – С.Т.).

3.2.4. Именительный падеж, винительный падеж неодушевленных существительных

Как мы отмечали ранее, при характеристике окончаний им.п. в качестве иллюстрации используются формы вин.п. неодушевленных существительных.

В истории языка в им.-вин.п. возникла конкуренция двух окончаний: более архаичного *-ы* (*-и*), охватившего все имена ж. р., подавляющее большинство имен м.р., а по южнорусским диалектам и имена ср.р., и более позднего по происхождению окончания *-а*, которое рассматривалось многими исследователями как универсальный показатель значения множественности. В русских говорах до

настоящего времени отмечается активная конкуренция этих окончаний. Об этом свидетельствуют достаточно пестрые карты ДАРЯ, посвященные формам им. п. мн. ч., например, карты № 24-27, 31-34 [ДАРЯ].

На распределение вариантов окончаний влияют исторически сложившиеся особенности словообразовательной структуры слова: основа мн. ч. может совпадать с основой ед.ч., может быть осложнена дополнительными суффиксальными элементами (-j-, -ovj-) или отличаться набором суффиксов (-ат- / -онок-, усечение суффикса -ин-). Рассмотрим особенности падежных окончаний в им.п. в нашем материале.

I. Для существительных, соотносимых в ед.ч. с **ж.р.**, характерно следующее:

1. В случае, когда основа мн.ч. равна ед.ч. и соотносится с 1 склонением, после твердого согласного функционирует окончание *-ы*, а после мягкого и заднеязычного согласного – окончание *-и*:

Талагайские говоры курско-орловского типа: им.п.: *л'е'нты дл'ъ* $\curvearrowright$ *кръсаты'*, *с'ажжа'лис' машы'ны*, *го'ры нъзыва'л'ис'*, *бы'л'и ко'пънк'и* (КРЛП., 1), *кру'шк'и* *бы'л'и м'едныйь*, *карз'и'нк'и* *бы'л'и*, *бы'л'и зако'лк'и* *ис* $\curvearrowright$ *про'вълк'и* (СТ. ХВР., 1); вин.п.: *руба'х'и са'м'и шје'м* (КРЛП., 1), *ко'хты* *и пан'о'вы нас'и'л'и*, *пу'улицы* *из* $\curvearrowright$ *раку'шък д'е'лъ'и* (СТ. ХВР., 1).

Собственно талагайские говоры: им.п.: *н'и* $\curvearrowright$ *машы'ны* / *н'и* $\curvearrowright$ *афто'бусы* / *н'икто'* *н'и* $\curvearrowright$ *прахо'д'ит*, *лапа'ты жыл'езныи*, *ра'ны* *в* $\curvearrowright$ *жылу'тк'и* *зъкрыва'јуцъ*, *му'х'и* *н'и* $\curvearrowright$ *куса'йут'* (РСТШ., 1); вин.п.: *даро'уи* *фс'е* *п'ър'им'ита'ит* (РСТШ., 1), *н'асут'* *канхв'еты*, *ико'ны* *н'асут'*, *с'в'е'ч'к'и* *вакру'х* *зъжы'а'јут'*, *в'етк'и* *јало'выи* *зъ* $\curvearrowright$ *сабо'й* *браса'йут'*, *платк'и'* *аддава'т'* *ил'* *ло'шк'и* / *тар'е'лк'и* *мо'жна* (СТП., 2).

Цуканские говоры: им.п.: *по'льсы* *бы'л'и* (ДВД., 1), *пан'о'вы* / *кл'е'ч'ч'итыи* *ју'нк'и*, *каро'вы* *је'с'т'* (ДНК., 1), *ту'фл'и* *н'и* $\curvearrowright$ *ту'фл'и* *и шо'бы* *б'е'лыи*, *скат'орк'и* *бы'л'и* *ну* *как* *кл'и'јо'нк'и* (НЖМ., 2); вин.п.: *с'е'р'уи* *нас'и'л'и* / *м'ид'а'шк'и*, *пл'ил'и'* *пл'иту'шк'и*, *ша'нк'и* *нас'и'л'и* / *тр'иу'х'и* (ДНК., 1).

Говоры с севернорусской основой: им.п.: *фо'рмы* *так'и'йь*; *гарну'шк'и* *про'сть* *бы'л'и*, *с'е'м'ји* *бы'л'и* *бал'шы'и* (БРД., 1), *м'и'с'ъц* *и* / *зв'о'зды*

как *ш'ш'а'с*, то **ико'ны** (БРД., 3), ну а **т'ил'е'г'и** как *'и'й'ь был'и* (БРД., 2); вин.п.: *лажы'л так'и'й'ь абыкнав'е'ный'ь пл'и'ты* (БРД., 1), **до'ск'и** *пр'иб'ива'й'ут*, *у'стра'ив'ъл'и уо'нк'и* (БРД., 2),

Русские говоры: **с'о'стры** *у'н'их эт / апр'а'ч'ьнкъвы, там кар'е'ты, машы'ны сла'б'ьн'к'ии был'и, с'е'м'ји* *бал'шы'и был'и, фс'е сно'х'и*, (АЛК.-1, 2), *был'и о'фцы* (АЛК.-1, 3); вин.п.: **шыв'ил'у'ры** *наво'д'ит'*; **кн'и'шк'и** *път' крава'т'* (АЛК.-1, 3).

2. В случае, когда основа мн.ч. равна ед.ч. и соотносится с 3 склонением, окончания могут варьироваться. Это наглядно продемонстрировали данные анкетирования:

В собственно талагайском типе диалекта обнаружены слова, которые устойчиво сохраняют исконное окончание *-и*: *специа'льности, коне'чности, мете'ли, мо'цности, окру'жности, о'пухоли, ре'чи, ро'ли*. Однако заметной особенностью этого диалекта является активность ударного окончания *-а*, где отмечены такие формы *лошадя'* (ЛЗВ), *матеря'* (ЛЗВ, РСН), *дочеря'* (ЛЗВ, РСН), *площадя'* (РСН), *степеня'* (КЗЛ, ЛЗВ, РСН), *сте'пя'* (РСН), *ноча'* (ЛЗВ, РСН).

В цуканских говорах также обнаружены слова, которые устойчиво сохраняют исконное окончание *-и*: *специа'льности, коне'чности, мете'ли, мо'цности, окру'жности, о'пухоли, ре'чи, со'ли, сте'пени, сте'пи, пло'щади, но'чи, ло'шади*. В то же время есть слова, в которых наряду с исконным окончанием возникает окончание *-а* в силу своей продуктивности в диалектной речи: *матеря'* (ДНК, КРФЛ), *роля'* (ДРК).

3. В случае, когда основа мн.ч. осложнена *-j-* суффиксального происхождения, функционирует окончание *-а*. По нашим материалам такие формы отмечены в цуканских говорах: **мат'ур'ја'** *хад'и'л'и ф'сарахва'нах* (ДНК., 7), *je'c't' у'на'с лашад'ја'* (ДНК., 11); и русских говорах: **дъч'ур'ја'** *йиво' / д'е'т'и ро'дныи* (АЛК.-1, 2).

Это подтверждается и данными анкетирования: в цуканских говорах частотны такие словоформы: *дочерья'* (КШР, ДРК, ДВД), *матерья'* (КШР, ДРК, ДВД, ПНН).

Таким образом, у существительных ж.р., в отличие от литературного языка, возможно окончания *-а*, сфера распространения которого расширяется за счет слов, соотносимых с 3 склонением (*матеря'*, *площадь'*, *степя'*, *ноча'*) и имеющих осложненную основу (*лошадья'*, *дочерья'*, *матерья'*).

Среди типологических черт выделяются следующие: для собственно талагайских говоров заметной особенностью является активность ударного окончания *-а* у существительных ж.р. соотносимых с 3 склонением (*лошадя'*, *матеря'*, *дочеря'*, *площадь'*, *степеня'*, *степя'*, *ноча'*), а для цуканского диалекта характерна устойчивость форм с основой мн. ч., осложнённой *j* (*дочерья'*, *матерья'*).

II. У существительных, соотносимых с **м.р.**, отмечены все три окончания. Их распределение очень разнообразно и требует учета не только качества основы, но и особенностей акцентной парадигмы.

Окончание *-ы* присоединяется к основе мн.ч., равной ед.ч. с твердым согласным в исходе основы как с неподвижным (на основе (1) или окончании (2)), так и с подвижным ударением (3). Приведем примеры с учетом типологии говоров Воронежской области.

Талагайские говоры курско-орловского типа: (1) им.п.: *камба'ины пайав'ул'ис'*; *стака'ны был'и* (КРЛП., 2); вин.п.: *стънав'ул'и кушы'ны* (КРЛП., 2); (2) им.п.: *сталы'-казлы'* и *сундук был* (СТ. ХВР., 1), *до'мъ ауурицы'* (ДВЦ., 1), *ид'е' ауурицы'* (КРЛП., 2) *дажжы' сыр'ьс'т'* (КРЛП., 4); (3) им.п.: *зу'бы-тъ вот так'и'йи* (МСТ., 1); вин.п.: *палы' мыт'* (МСТ., 1).

Собственно талагайские говоры: (1) им.п.: *афто'бусы н'икто'н'и прахо'д'ит;* *б'ју'т маро'зы;* *ка'рпы во'д'уццъ;* *так'и'йи у'на'с аууро'ды;* *вон как'и'йе сууро'бы* (РСТШ., 1); вин.п.: *хо'д'им на'та'нцы* (КЗЛ., 6); (2) им.п.: *там пруды'* (РСТШ., 1), *ат'ав'е'ц хвасты'* (КЗЛ., 4); вин.п.: *снапы' таска'т'* (КЗЛ., 4); (3) им.п.: *зу'бы вы'пъл'и* (РСТШ., 1), *э'т'и го'ды* (КЗЛ., 2).

Цуканские говоры: (1) им.п.: *на'шы т'ьхснабжэ'нцы* (*или*) *по'сл'и* (ДВД., 1); вин.п.: *калхо'зы укрупн'ал'и* (ДВД., 2), *высыла'л дакум'е'нты* (НЖМ., 1); (2) им.п.: *папы'* *были ба'а'тыи* (НЖМ., 3), *у'фс'е'х кавры'* (ДВД., 2), *ч'в'аты'* *был'и*

(НЖМ., 2); вин.п.: *дају'т' пр'изы'*; *бл'ины'* са'м'и п'икл'и' (ДНК., 14), *бл'инцы'* п'икл'и' (ДНК., 4).

Говоры с севернорусской основой: (1) *да'л'шь разм'е'ры*; *сво'ды* д'е'лайуць (БРД., 1), *бы'л'и сп'ыцал'исты* (БРД., 2); вин.п.: *нъ* *быка'х ваз'ул'и уру'зы* (БРД., 2); (2) им.п.: *нас* дражн'ул'и брафск'и'и *цыкуны'*; ра'н'шы *игуры'* гъвар'ул'и / *а ја н'ет* / *агуры'* (БРД., 3), *а цв'еты'* / *эт фс'ак'иш* (ХЛБ., 2); вин.п.: *углы'* даво'д'иш / *нъ* *углы'* иду'т ч'итв'орк'и (БРД., 1), (3) им.п.: *да во'ласы* м'иша'л'ис (БРД., 4); вин.п.: *нъзнач'ал'и пр'изы'* (БРД., 2).

Русские говоры: (1) им.п.: *уд'е с'ил'хо'спраду'кты*; *салда'ты* взрыва'л'и (АЛК.-1, 2); вин.п.: *пр'исла'л'и дъкум'ен'ты* (АЛК.-1, 3); (2) им.п.: *кусты'* на той (АЛК.-1, 2).

Окончание *-и* присоединяется к основе мн.ч., равной ед.ч. с мягким и заднеязычным согласным в исходе основы как с неподвижным (на основе (1) или окончании (2)), так и с подвижным ударением (3):

Талагайские говоры курско-орловского типа: (1) им.п.: *сапо'жн'ик'и* д'ельл'и (КРЛП., 2), *хала'т'ик'и* был'и; *ур'е'бн'и* был'и (КРЛП., 3); вин.п.: *бат'инк'и* д'ельл'и (КРЛП., 2), *вал'ьнк'и* з'имо'й нас'ул'и (СТ. ХВР., 2); (2) им.п.: *жук'и'* ус'о' сажра'л'и; *аууры'* *круч'к'и'* / *с'ъм'ьнн'ак'и'* (ДВЦ., 1), *музык'и'* нас'ул'и; *м'ашк'и'* был'и (СТ. ХВР., 2), *тылкач'и'* так'и'яа был'и (КРЛП., 2); вин.п.: *палол'и бурак'и'* / *къбач'к'и'* (ДВЦ., 1), *бъшмак'и'* абува'л'и (СТ. ХВР., 2); (3) им.п.: *о'вьш'ш'и* был'и (КРЛП., 2); вин.п.: *пл'ат'о'ныйь ла'нт'и* (носили) (СТ. ХВР., 2), *ла'нт'и* пл'ал'и' (КРЛП., 1).

Собственно талагайские говоры: (1) им.п.: *кро'л'ик'и* п'ир'адо'хл'и (СТП., 1), *ко'н'ик'и* был'и; *ја'ш'ш'ики* вын'имал'ис'; *пр'исту'пк'и* был'и (ШКВ., 1), был'и *рад'и'т'ьл'и* (ШКВ., 1), *жыву'т маи'* *рад'и'т'ьл'и* (ШКВ., 4), *сундук'и'* был'и (ШКВ., 1); вин.п.: *апуст'и'ла насо'ч'к'и* / *та'пъч'к'и* (РСТШ., 1), *в'анк'и'* кладут'; *платк'и'* аддава'т' (СТП., 2), *стал'и на* *трудо'д'н'и'* хл'е'п дава'т' (КЗЛ., 2), *стро'ил с* *н'их кърабл'и'* (КЗЛ., 6); (3) им.п.: *ур'ибо'ф* мно'уъ был'ь / *уру'з'д'и* / (КЗЛ., 5), вин.п.: *жо'льд'и* је'л'и (КЗЛ., 2).

Цуканские говоры: (1) им.п.: *пало'мн'ик'и* и *с'ич'а'с хо'д'ут'*; *паро'гу'и јес'т'* (ДНК., 3), *вну'к'и вот тут'а рад'ил'и'с'а* (НЖМ., 2), *рад'и'т'ил'и* / *мат'с аццо'м* (НЖМ., 2); вин.п.: *нало'гу'и тр'е'бъл'и* (НЖМ., 1), *в'е'н'ик'и у'на'с малат'и'л'и* (НЖМ., 2); (2) *платк'и' ат'каз'ина'таф јес'т'*; *јес'т' у'на'с бык'и'*; *врач'и' сказа'л'и* (НЖМ., 2); вин.п.: *пр'ала' наск'и'* (ДНК., 11), *п'ирагу'и' п'икла'*; *валач'и'ла м'ишк'и'* (ДНК., 8); (3) им.п.: *па'рн'и* иду'т' (ДНК., 14); вин.п.: *ла'пт'и* нас'и'л'и (ДНК., 1), *о'ваи'ш'и* падава'л'и (ДНК., 14).

Говоры с севернорусской основой: (1) им.п.: *л'исто'ч'к'и там вон как'и'й та ја'гатк'и* / *калако'л'ч'ик'и* (БРД., 4), *рад'и'т'ел'и* / *в'э'том сарафа'н'е* (БРД., 5); вин.п.: *с'н'има'йу вал'енк'и*; *стро'ил'и каро'вн'ик'и* (БРД., 1); (2) им.п.: *бы'л'и бык'и'*; *сучк'и'* / *их пьдб'ира'л'и дл'а тапл'е'н'ийь* (БРД., 2), *луч'и'* со'нца (БРД., 5), *врач'и'* н'е'будут пр'ин'имат' (БРД., 3); вин.п.: *бра'л'и званк'и'* (БРД., 4), *к'ирп'ич'и'* рьзнас'и'л (БРД., 1); (3) им.п.: *доч' помога'йьт* / *дъ и мнук'и'*⁵ (ХЛБ., 1), *мнук'и'* н'е'зна'йут н'ич'аво' (Н. КРЛ., 1).

Русские говоры: (1) им.п.: *атс'е'к'и* / *уд'е с'ил'хо'спрадукты*, (АЛК.-1, 2), *кто ро'цтв'ьн'н'ик'и*, *патомствъ наша* / *пал'а'к'и* (АЛК.-1, 3), *сас'е'д'и жы'л'и* (АЛК.-1, 2), *ут'иб'е' рад'и'т'ьл'и* (АЛК.-1, 4).

Окончание *-а* отмечено во всех типах говоров у существительных, основа мн.ч. которых равна ед.ч. с подвижной акцентной парадигмой (1), основа которых осложнена суффиксами *-j-* или *-овj-* (2):

Талагайские говоры курско-орловского типа: (1) им.п.: *јьруса'* / *шалон на'убо'р'ь* (КРЛП., 1); вин.п.: *на'рага'* над'е'н'ьш (КРЛП., 4); (2) вин.п.: *кар'е'н'ја* урабл'а'м'и сур'иб'о'ш (ДВЦ., 1).

Собственно талагайские говоры: (1) им.п.: *у'на'с дама'* (ШКВ., 1); вин.п.: *муш дама'* стро'ил (КЗЛ., 2).

Цуканские говоры: (1) им.п.: *улаза'* н'а'в'и'д'ут' (ДНК., 2), *дама'* ис'к'ирп'ич'а' абло'жыны (ДНК., 12), *паур'иба'* јес'т' (ДНК., 12); вин.п.: *дама'* ис'к'ирп'ич'а' стро'ил'и (ДНК., 8); (2) им.п.: *св'е'рху л'и'ст'јь* (ДВД., 2),

⁵ В данном типе говора слово *внуки* относится к парадигме с подвижным ударением

сад'а'цут' сынав'ја' (НЖМ., 2), *друз'ја'* с сабо'й бра'л'и; *сынав'ја'* маји' фс'е у'мныи (НЖМ., 1), *сынав'ја'* н'и п'ју'т' (НЖМ., 3); вин.п.: *ко'л'ја'* апл'ита'л'и (ДНК., 12), *су'ч'ја'* свала'к'ивал (ДНК., 7).

Говоры с севернорусской основой: (1) им.п.: *л'аса'* тут бы'л'и (БРД., 3), *уч'ит'ел'а'* гъвар'и'л'и (БРД., 3), бы'л'и *тръктара'* (БРД., 6); вин.п.: *стро'ил'и дама'* (БРД., 3), нъ *тръктара'* насла'л'и уч'и'цъ (БРД., 3).

Русские говоры: (1) им.п.: *дама'* там ы аста'л'ис' (АЛК.-1, 3); (2) *на'ч'ьл'и сынав'ја'* ад'д'ил'а'цъ ат'а'цца', *сынав'ја'* жэ'н'ьцъ (АЛК.-1, 2).

Таким образом, у существительных, соотносимых в ед.ч. с м.р., в им.-вин.п. мн.ч. материал не показал расхождений с литературным языком. Окончание *-ы (-и)* присоединяется к основе мн.ч., равной ед.ч. и преимущественно с неподвижным ударением (на основе или окончании): *камба'ины, авто'бусы, калхо'зы; бат'и'нк'и, насо'ч'к'и, рад'и'т'ел'и; стaлы', снапы', кавры'; жук'и', платк'и', сучк'и'.* Окончание *-а* отмечено во всех типах говоров у существительных, основа мн.ч. которых равна основе ед.ч. с подвижной акцентной парадигмой (*јъруса', рауа', дама', улаза', уч'ит'ел'а'*) или основа которых осложнена суффиксами *-j-* или *-овj-* (*кар'е'н'ја, л'и'ст'јь, су'ч'ја, сынав'ја'*).

III. В распределении окончаний существительных, соотносимых в ед.ч. со ср.р., отмечается конкуренция окончаний *-а* и *-ы (-и)*. Рассмотрим примеры:

Талагайские говоры курско-орловского типа: вин.п.: *на'с'ьм'ина'* лук с'аво'к, (ДВЦ., 1), *са'м'и в'азал'и кружыва'* (СТ. ХВР., 1) – им.п.: *с'ерд'е'ч'к'и ат'ја'бл'ч'ки* (КРЛП., 3), вин.п.: *ја'ицы б'ар'аул'и к св'ато'и; ја'ицы зб'ира'л'и* (КРЛП., 4), *на'т'е в'е'дры* (МСТ., 1), *кружыва'* на'п'лат'е'ницы (СТ. ХВР., 1)

Собственно талагайские говоры: им.п.: *вайска'* г'до'ну п'дашл'и' (КЗЛ., 2), *патхо'д'ут' вайска'* (ШКВ., 2), *то'нк'ийь м'еста'* (РСТШ., 1); вин.п.: *акрап'и'л'и м'аста'* (СТП., 1) – вин.п.: *ја'бл'к'и задв'и'ну* (КЗЛ., 4), *кал'о'сы д'е'лал* (КЗЛ., 2).

Цуканские говоры: им.п.: *там м'еста'* ть' балот'истыи (ДНК., 3); вин.п.: *кружава'* са'м'и в'азал'и (ДНК., 1), – им.п.: *ко'л'ицы из'жол'тых д'е'н'их* (ДНК., 1); вин.п.: *начал п'и'с'мы сла'т'* (НЖМ., 1), *пла'т'ји* с сабо'й бра'л'и (НЖМ., 2).

Говоры с севернорусской основой: им.п.: *вот так'и'йе д'ила' был'и* (БРД., 4); вин.п.: *кружава' в'ид'ит'е как тка'л'и* (БРД., 4) *ф'т'е вр'ьм'ана'* (БРД., 2) – им.п.: *вот а э'та палат'е'ницы* (БРД., 4), *с'олы стро'ил'ис'* (БРД., 7); вин.п.: *в'о'слы то'жь л'охк'ии д'е'льют* (БРД., 2)

Русские говоры: вин.п.: *слава' у'вар'и'т'* (АЛК.-1, 4).

Таким образом, для существительных, соотносимых в ед.ч. со ср.р. различие окончаний *-а* и *-ы (-и)* расценивается диалектологами как «важное двучленное «соответственное явление» в области морфологии, противопоставляющее северное наречие южному» [Трубинский 2004, с. 108]. Во всех типах воронежских диалектов, за исключением русских говоров, отражается характерное южнорусскому наречию сохранение ударного окончания *-а* (*с'ьм'ина', вайска', м'еста', кружава'*), и преимущественное использование в безударном положении окончания *-ы (-и)* после заднеязычного (*ја'бл'ьк'и, кал'о'сы, в'о'слы, в'е'дры, кол'ц'ы, палат'е'ницы*). В русских говорах по нашим наблюдениям в данной группе слов функционирует окончание *-а*, что сближает их с литературным языком.

Отдельного внимания заслуживает группа слов для названий детенышей. Исторически эти слова относились к существительным ср.р.. Их основа во мн.ч. в большинстве случаев как в литературном языке, так и в говорах оформляется суффиксом *-ат-*. В этом случае литературный язык использует окончание *-а*, а в говорах они могут варьироваться.

По нашим материалам в собственно талагайских и русских говорах указанные существительные не отличаются от литературного языка: *как'ий'т азарны'йь р'иб'а'ть* (КЗЛ., 1), *ур'ибо'ф мно'уь был'ь ап'а'ть / масл'а'ть* (КЗЛ., 5), *п'ьс'ил'не'йа р'аб'а'ть был'и* (ШКВ., 2), *р'иб'а'та бра'л'и в'жо'ны* (АЛК.-1, 2).

В цуканских говорах в этих формах отмечается вариативность окончаний: *ра'н'шь д'ифч'а'та бр'ук н'и'нас'и'л'и* (ДНК., 12), *да и парас'а'та б'ыва'ют' харо'ш'ии* (ДНК., 14); *т'ил'а'ты и парас'а'ты и ку'ры / фс'о была* (НЖМ., 2).

Аналогичная вариативность отмечается и в говорах с севернорусской основой: *р'уба'ть вот ф'к'захста'н'ь был'и* (БРД., 1), *мнуч'а'та / мнук'и'* (ХЛБ., 2); *на'но'вый гот р'иб'а'ты бра'л'и* (БРД., 5).

В талагайских говорах курско-орловского типа у таких слов основы мн. ч. и ед.ч. могут совпадать (сохраняется суфф. *-онок-*). В этом случае используется окончание *-и*: *козу' купл'у' // казл'о'нк'и / јаун'а'тк'и* (КРЛП., 1).

Выводы. В воронежских диалектах в формах им.-вин.п. мн.ч. отражены и древнерусские черты, и инновационные. Выбор формы может зависеть от словообразовательной структуры существительного, от характера конечного согласного основы, от типа акцентной парадигмы слова и от степени сохранности родовых различий, а также в самой номенклатуре окончаний. Характер указанных процессов варьируется в зависимости от типа диалекта, что создаёт относительную противопоставленность диалектов в плане выражения в них форм им.-вин. п. мн. ч.

Наиболее близкими друг к другу в этом плане находятся собственно талагайские диалекты и талагайские диалекты курско-орловского типа, что связано с их общим происхождением. Их заметной особенностью является активность ударного окончания *-а* у существительных ж. р. 3 скл.: *лошадя', матеря', дочеря', площадь', степеня', степя', ноча'*.

В свою очередь обе талагайские группы сближаются с цуканским диалектом. Показателем их близости является активность безударного окончания *-ы* у сущ. ср. р. (*боло'ты, зёрны, сёлы, о'кны* и др.). Собственной чертой для цуканского диалекта является устойчивость форм с основой мн. ч., осложнённой *-j-* (*матерья', дочерья'*) у сущ. ж. р. 3 скл.

Наибольшими отличиями от других типов диалектов на территории Воронежской области обладает русский тип диалекта, формы которого близки к формам русского литературного языка. Диалектными здесь будут редкие формы типа *степя', матеря', дочерья'* в им. п. мн. ч.

К нему приближается диалект с севернорусской основой, однако он имеет другие диалектные формы им.-вин. п. мн. ч. по сравнению с русским диалектом, а именно: безударное окончание *-ы* у существительных ср.р.: *в'о'слы, палат'е'нцы, с'о'лы*. Это новая черта, приобретенная в условиях южнорусского окружения.

3.2.5. Родительный падеж, винительный падеж одушевленных существительных

Как мы отмечали ранее, при характеристике окончаний род.п. в качестве иллюстрации используются формы вин.п. одушевленных существительных.

Основная линия развития форм род.-вин.п. мн.ч. заключается в ограничении сферы использования внеродового окончания *-ь/-ь* и распространение окончаний *-ов*, *-ей*, употребление которых в истории развития языка получает зависимость от лексико-семантических, структурных и морфологических особенностей имен существительных и дает возможность указать ядерные метаклассы распространения каждого окончания (см. подробнее 1.3.2 Изменения системы склонения во множественном числе).

Рассмотрим, как реализуется тенденция к утрате родовых различий в род.п. в воронежских говорах.

1. Окончание *-ов* употребляется не только у существительных ядерного класса, т.е. коррелятов существительных м.р. с основой, равной основе ед.ч. и оканчивающейся или на парный твердый, или заднеязычный согласный или *-j*, но и расширяется за счет других. Степень проникновения этого окончания в другие метаклассы по говорам отличается.

В талагайских говорах курско-орловского типа из всех отмеченных словоформ род.-вин.п. с окончанием *-ов* большинство примеров (78,6%) приходится на слова ядерного класса: *шихван'е'рьф* *н'е'* *быль* (СТ. ХВР., 2), *ь* *скла'дывајьш* *ис* *ст'е'бл'ькьф*; *с'ем'* *кла'сьф* (КРЛП., 1), *накро'шым* *бурако'ф* (КРЛП., 3). В 21,4% словоформ оно заменяет исконное нулевое окончание существительных ср.р. *ја'бл'ькьф* *накро'шым* (МСТ., 1), *мно'уь* *д'ало'уь* *п'расказа'ла* (СТ. ХВР., 3). В нашем материале не отмечено существительных ж.р. с окончанием *-ов*, однако в работах других диалектологов они встречаются. Так, в статье С.В. Дьяченко, посвященной говору с. Мастюгино Острогожского района,

находим корреляты существительных 1 склонения, род.п. которых оформлен неисконным окончанием: *ба'боў бы'ль ма'ль*; *э'т'их д'а'д'ьў* [Дьяченко 2007, с. 38]. Подобные примеры есть и в работе А.Д. Черенковой: *жэ'ншыньф*, *мар'и'йьф*, *у'л'ицьф* [Черенкова 2018, с. 268].

В собственно талагайских говорах также большинство словоформ с окончанием *-ов* (83%) относятся к ядерному классу: род.п.: *мно'уь ард'ино'ф* (ШКВ., 3), *ур'ибо'ф* *мно'уь бы'ль* (КЗЛ., 5), *н'и* $\cup$ *ауу'рч'икъф* / *н'и* $\cup$ *пъм'идо'ръф* (РСТШ., 1). В части словоформ (17%) окончание *-ов* вытесняет исконное нулевое окончание или окончание *-ей*: род.п.: *д'ило'ф* *мно'уь* (РСТШ., 1), *карамы'сльф* *н'е'* $\cup$ *быль*, *н'е'* $\cup$ *быль* *пала'т'ьф* (КЗЛ., 8).

Интересны наблюдения за супплетивным образованием мн.ч. в паре *ребенок* – *дети*. Отмеченная форма *с'ем' д'ат'онкъф* (КРЛП., 1) может свидетельствовать о другом типе соотношения основы ед.ч. и мн.ч. Форма род.п. в этом случае получает окончание *-ов* за счет подравнивания мн.ч. под словообразовательную модель ед.ч. типа *ребенок* – *детенок*.

В нашем материале случаев функционирования окончания *-ов* у коррелятов существительных 1 склонения не отмечено, хотя Д.Н. Гальцова в своем исследовании приводит некоторые примеры: *ба'нкъф*, *вну'ч'къф*. Но понять, насколько широко оно используется, затруднительно в связи с отсутствием количественных характеристик [Гальцова 2017].

В цуканских говорах 78% словоформ с окончанием *-ов* относятся к ядерному классу: род.п.: *с'ем' кла'съф* *ко'нч'иль* (ДВД., 1), *л'исо'ф* *н'ет* (ДНК., 13), *н'икак'и'х та'нцаф* (ДНК., 5); вин.п.: *лав'и'л'и ра'каф* (ДНК., 10), *калхо'з'н'икаф* *н'ихто'* *н'и* $\cup$ *пан'има'йьт* (ДНК., 7), *р'езал'и дву'х бара'наф* (ДНК., 14), 22% словоформ получают окончание *-ов* (*-ев*) вместо исконного нулевого: род.п.: *с* $\cup$ *вас'м'и'у'гадо'ф* (НЖМ., 3), *д'ив'ано'ста гадо'ф* (НЖМ., 2), *наура'даф* *мно'уа* (ДНК., 7); вин.п.: *ко'заф* *мы* *н'и* $\cup$ *д'е'ржым* (ДНК., 6),

Широкое распространение окончания *-ов* отмечает В.Н. Кретьова в говоре бывшего Рождественско-Хавского района Воронежской области: *свад'баф*,

падводѣф, машынаф, азѣраф, мястоф, дялоф, балотаф, плат'йиф [Кретьова 1962, с. 128, 130].

В говорах с севернорусской основой только 58% словоформ с окончанием *-ов* относятся к ядерному классу: род.п.: *складо'ф пр'ьтс'еда'т'ел' настро'ил* (БРД., б); вин.п.: *кѣзако'ф рѣзбамб'ил'и* (БРД., 3), *су'сл'икѣф за м'ил'ую ду'шу је'л'и* (БРД., 7), *убыко'ф был'ь јирмо'* (БРД., 2). В остальных 42% примеров окончание *-ов* отмечено в кругу слов, не относящихся к ядерному классу: род.п.: *вв'иду ја'гаткоф вот* (БРД., 3), *пы'шкѣф јиму'*; *наво'р'ит раку'шкѣф* (Н. КРЛ., 1); вин.п.: *п'ат' брато'ф* (БРД., 8), *р'иб'ат'и'шѣч'кѣф поко'рм'ит* (ХЛБ., 1).

Достаточно высокая активность распространения окончания *-ов* среди существительных ж.р. и ср.р. отмечалась в этих говорах ранее, о чем свидетельствуют многочисленные примеры в работе В.И. Собинниковой: *вышѣнкѣф, гадѣстьф, дирюшкѣф, лучинкѣф, женишынѣф, пяткѣф, рыгѣф, варенѣф, гумнѣф, названѣф* и т.п. (Бродовое), *бутылкѣф, квартирѣф, хворостинкѣф, делоф, озирѣф* и т.п. (Новый Курлак), *диревниф, доскѣф, дочкѣф, иконѣф, корзинкѣф, кроватьф, оборкѣф, тряпкѣф* и т.п. (Хлебородное) [Собинникова 1981, с. 113].

В русских говорах 70% словоформ с окончанием *-ов* относятся к ядерному классу: род.п.: *сто два'цѣт' дамо'в* (АЛК.-1, 2); вин.п.: *мно'уѣ св'иш'ш'е'н'н'икѣв; мно'уѣ кулако'в нашл'и'; во'инѣф запа'сѣ туда' п'ър'ибро'сил'и* (АЛК.-1, 3). В остальных 30% окончание *-ов* заменяет исконное нулевое у коррелятов существительных 1 склонения: *был у т'откѣв / у д'ад'ѣв; н'ив'е'стѣв / ѳвр'т' / хвата'ит'* (АЛК.-1, 3).

2. Употребление окончания *-ей* отмечено только у слов, составляющих ядерный класс распространения данного окончания: у коррелятов сущ. м.р. и ср. р. с основой, равной основе ед.ч., оканчивающейся на парный мягкий согласный, и коррелятов сущ. 3 склонения. Кроме этого окончание *-ей* имеют супплетивные формы мн.ч. *люди, дети*. В этом отношении все типы говоров показали единообразие. Приведем примеры:

1) талагайские говоры курско-орловского типа: род.п.: *во'с'ьм сынав'е'й* / (КРЛП., 4), *л'уд'е'й* мно'уь (КРЛП., 2); вин.п.: *л'шад'е'й* кавал'и;

2) собственно талагайские говоры: род.п.: *кто из'уас'т'е'й* (ШКВ., 1), *шэст'уч'ит'ил'е'й*; мно'уь *м'идал'ьй* (ШКВ., 3), *два в'адра' уру'з'ьй* (КЗЛ., 5), мно'уь *л'уд'е'й* (КЗЛ., 2), *атлажэ'н'ийь сал'е'й* (РСТШ., 1), *д'ит'е'й* н'и'было' (СТП., 1);

3) цуканские говоры: род.п.: *че'тв'ера д'ит'е'й* (НЖМ., 3); вин.п.: *кан'е'й* бал'ны'х пр'иуна'л'и (ДНК., 3);

4) говоры с севернорусской основой: род.п.: *ис'камн'е'й* ја н'и'лажы'л (БРД., 1), *к'мар'е'й*⁶ мно'уь (БРД., 3), *ч'ас'т'е'й* н'ет (Н. КРЛ., 1); вин.п.: *л'шыд'е'й* ган'и' (БРД., 7); *з'ьб'ира'ит* л'уд'е'й (БРД., 1);

5) русские говоры: род.п.: *дл'и как'и'х цэ'л'ьй*; *д'ит'е'й* мно'уь (АЛК.-1, 2); вин.п.: *уус'е'й* атун'и'; *з'ьпр'иуа'йут' л'шыд'е'й* (АЛК.-1, 2).

3. Нулевое окончание отмечено у коррелятов существительных ср.р. на парный мягкий согласный (*село, яблоко*), коррелятов существительных 1 склонения (*жена, мужчина*), существительных с суффиксом *-ат-, -ан-* в основе мн.ч. (*козлята, граждана*), которые составляют ядерный класс распространения нулевого окончания, а также в соответствии с общеязыковыми нормами употребляется у существительных м.р.:

1) талагайские говоры курско-орловского типа: род.п.: *н'е'быль б'ан'* (КРЛП., 2), *во'с'ьм снох*; *каро'нку сп'и'ч'ьк* (ДВЦ., 1), *п'ьбр'аку'ш'ьк* бы'ль мно'уь; *ја н'ьнас'и'ла пан'о'ф* (СТ. ХВР., 1), *в'е'д'ьр дас'т' нам* (МСТ., 1); вин.п.: *д'е'в'ьк* б'ару'т' (МСТ., 1);

2) собственно талагайские говоры: род.п.: *кастр'ул'* д'у'жы *јих* н'е'быль (КЗЛ., 2), *н'е'быль канф'е'т*; *сто урам* и'л'и *дв'е'с'т'и урам* канф'е'т (БРЗ., 1), *јаи'ц* сто (КЗЛ., 2); вин.п.: *ав'е'ц* из'в'адра' *паи'л'и* (КЗЛ., 5), *каро'ф* п'ьдаи'т' (БРЗ., 1), *јаун'ат* *паи'л'и* (КЗЛ., 5);

3) цуканские говоры: род.п.: *блех* мно'уа (ДНК.,18), *амша'н'н'ик'и* *дл'а*пч'ол (ДНК.,12), *каро'ф* н'имно'уа (ДНК.,11), *даја'р'ьк* н'ет (НЖМ.,3),

⁶ существительное *комарь* в данном диалекте в основе имеет мягкий согласный

ур'иб'ишо'к дл'а *вало'с* (ДНК., 1), ср'ид'и' муш'ш'и'н (ДВД., 1), м'ид'а'нк'и
бы'л'и дл'а *развл'ич'е'н'ий* (ДНК., 16); вин.п.: *ав'е'ч'ьк* ко'рм'им (ДВД., 2);

4) говоры с севернорусской основой: род.п.: у *двају'рдных с'ис'т'о'р* мат'
ум'ирла' (БРД., 3), п'атна'цът' д'е'вок бы'ль (Н. КРЛ., 1), *слоф* н'ет (БРД., 7);
вин.п.: *ав'е'ч'ьк* д'е'ржым (БРД., 7), *цыпл'ат* зав'ом ма'л'и-ма'л'и // *гус'ат*
т'е'га-т'е'га // *ут'ат* / у'т'и-у'т'и // *пърас'ат* / хр'ю-хр'ю // *св'и'ньк* нъзыва'л'и
ма'шкам'и (БРД., 3);

5) русские говоры: род.п.: п'иса'л'и м'е'жду *стро'ч'ьк*; тр'и'ццът' *с'им'е'й*
бы'ль (АЛК.-1, 2), тр'и уурта' *каро'в* / *ав'е'ц* бы'ль ско'кь / *св'ин'е'й* было' ско'л'кь
(АЛК.-1, 3).

Тенденция к расширению сферы функционирования нулевого окончания
отмечается в талагайских говорах курско-орловского типа (л'е'тъс' *абр'ико'с* бы'ль
мно'уь (КРЛП., 4)) и собственно талагайских говорах (*ана' вот б'из зу'б* была'
(РСТШ., 1)).

4. В группе существительных м.р. с основой на *-j-* суффиксального
происхождения (типа *братья*), *-ц* (типа *отец*), твердые и мягкие шипящие (типа
нож, *кирпич*) окончания употребляются как в литературном языке: у
существительных с основой на *-j-*, *-ц* функционирует окончание *-ов*, с основой на
шипящий согласный – *-ей*. Приведем некоторые примеры:

Талагайские говоры курско-орловского типа: род.п.: *ис* *кл'ин'о'вых*
л'и'ст'я'ф (КРЛП., 1), *атуаро'жън* в'е'ткъм'и *из* *д'ир'е'в'я'ф* (КРЛП., 2),
ауурцо'ф н'ет *яш'ш'о'* (ДВЦ., 1), *пр'ишла'* *ста'ница'ф* (СТ. ХВР., 1); *тауда'*
дражжэ'и н'е' *быль* (КРЛП., 3).

Собственно талагайские говоры: род.п.: *п'ат' м'е'с'ьц'я'ф* (РСТШ., 1), *с'ем'*
к'ир'п'ич'е'й (ШКВ., 1).

Цуканские говоры: род.п.: *вос'им' м'е'с'а'ц'я'ф* (ДНК., 15), *н'ихто' н'икак'и'х*
та'ница'ф (ДНК., 5); вин.п.: *за'й'цы'ф* лав'и'л'и (ДНК., 10), *вшей* вот так'и'х
карм'и'л'и (ДВД., 1), *врач'е'й* так'и'х н'е' *быль* (НЖМ., 1).

Говоры с севернорусской основой: род.п.: *пъл'ивы'х п'еч'е'й* тут и н'е'ту;
лажы'л *к'ир'п'ич'е'й* (БРД., 1); вин.п.: *соб'ира'ит мышэ'й* (Н. КРЛ., 1).

В ходе анализа материала были отмечены некоторые существительные, для которых возможна вариативность окончаний род.п. Так, например, у существительного *день* в собственно талагайских говорах встречается форма с исконным нулевым окончанием. В речи 85-летней К.Г. Болдырихиной из с. Ступино Рамонского р-на в аналогичных синтаксических конструкциях слово может иметь нулевое окончание или окончание *-ей*: *ч'и'р'аз д'е'в'ит' д'н'ей пьм'ина'йут' пато'м два'цэт' д'н'ей, када' и н'а д'е'лы'йут' два'цэт' д'н'ей, а вот со'р'к д'н'ей; сор'к д'он н'ал'з'а' в ыз'б'е' мух б'ит'; со'р'к д'он ши'ш'о' до'ма л'ата'йа.*

В остальных говорах существительное *день* имеет окончание *-ей*: *д'е'с'ат' д'ней* (ДНК., 17), *ад'и'нцэт' дн'ей* (НЖМ., 3).

Существительное *год* в род.п. помимо супплетивной формы *лет* может иметь форму с окончанием *-ов*: *гадо'ф тр'ина'цэт', гадо'ф д'е'в'ат'* (КЗЛ., 4), *ско'л'кь гадо'в* (ДВД., 1), *гадо'ф с'вас'м'и', с'вас'м'и' гадо'ф* (НЖМ., 3), *д'ив'ано'ста гадо'ф* (НЖМ., 2), *годо'ф мно'га / годо'ф мно'гъ* (ХЛБ., 1). Эти формы встречаются в собственно талагайских, цуканских говорах и говорах с севернорусской основой.

Кроме этого, в собственно талагайских и цуканских говорах вариативность окончаний отмечена у существительного *куры*. Так, в речи М. Г. Леоновой (81 год) из с. Ступино Рамонского района встречается: *у кур'е'й ф'кътух'е', кур таска'йа.*

В говоре с. Данково Каширского района можно найти формы *курей*, *куриц* и *кур*: *у м'ин'а' шэ'с'т' кур'е'й* (ДНК., 2), *вад'и'л'и кур'е'й* (ДНК., 10), *кур'иц нар'ижа'л'и* (ДНК., 15), *и кур'та н'и'выпуска'им* (ДНК., 6).

Выводы. Анализ предложенного материала показал, что во всех типах воронежских говоров отмечается широкое использование окончания *-ов*. Во-первых, оно распространяется на более широкий круг существительных м.р. (*годо'ф мно'га, разо'у д'е'с'ьт', н'ат' брато'ф, у д'а'д'ьв*). Во-вторых, функционирование окончания *-ов* отмечается у существительных ж.р. и ср.р. (*ко'заф мы н'и'д'е'ржым, на'ра'даф мно'га, вв'иду ја'гатк'оф, наво'р'ит раку'шкьф, н'ив'е'ст'ьв хвата'ит*). Наиболее активно это происходит в говорах с севернорусской основой и русских говорах (диаграмма 37).

Диаграмма 37. Окончание -ов в род.-вин. п. мн. ч. в говорах Воронежской обл.

Такое широкое употребление окончания -ов в форме род. п. мн. ч., свидетельствует об активном процессе нейтрализации рода.

Окончание -ей отмечено только у слов, составляющих ядерный класс распространения данного окончания:

1. Корреляты сущ. м.р. и ср. р. с основой, равной основе ед.ч., оканчивающейся на парный мягкий согласный: *шэст' уч'ит'ил'е'й, дь'со'рък рубл'е'й, врач'е'й так'и'х н'е'быль, ис'камн'е'й ја н'и'лажы'л, уус'е'й атун'и'.*

2. Корреляты сущ. 3-го скл.: *лъшад'е'й кавал'и, мно'уь м'ида'л'ьй, атлажэ'н'ийь сал'е'й, дл'и как'и'х цэл'ьй.*

3. Супплетивные формы: *бы'ль л'уд'е'й мно'уь, рад'и'л'и двух д'ит'е'й.*

Нулевое окончание в соответствии с общепринятыми нормами употребляется у существительных ж. р., ср.р. и в редких случаях м.р.: *н'е'быль б'ан', кастр'ул' н'е'быль, н'е'быль канф'е'т, јаи'ц сто, үр'иб'ишо'к дл'а'вало'с, ср'ид'и' муш'и'и'н.*

Выводы

Анализ представленного материала позволяет говорить о трех отличительных особенностях склонения существительных во мн.ч.:

1. Во всех типах диалектов, как и в литературном языке, отражен общезыковой процесс утраты родовых различий в дат., твор. и пр. пп., что проявляется в последовательном использовании единых для существительных трех родов окончаний:

	муж.р.	жен.р.	ср.р.
дат.п.	к <i>малыша'м</i>	нъ <i>ч'аст'а'м, к'с'о'страм</i>	нъ <i>м'аста'м,</i>
твор.п.	з <i>зуба'м'и</i>	нач'а'м'и, рука'м'и	с <i>у'шк'м'и</i>
пр.п.	нъ <i>быка'х,</i>	на <i>льшад'а'х, нъ машы'нах</i>	в <i>м'аста'х</i>

Отдельных замечаний требует твор.п. и пр.п. мн.ч. Материалы исследования показали, что в части воронежских говоров в твор.п. наряду с окончанием -ами (*рука'м'и, съсл'иза'м'и, нач'а'м'и, ззуба'м'и*) отмечается окончание -ими (*над'э'т'им'и тр'а'пк'им'и, ап'илк'им'и нъб'ива'йт', с'у'шк'им'и*). Появляется оно после заднеязычных согласных и объясняется Р.И. Аванесовым действием фонетических и морфологических факторов (по модели: *тихими = старухими, долгими = книгими, русскими = яблокими*). Прежде всего окончание -ими отмечено в собственно талагайских говорах, относящих воронежские говоры к восточной группе южнорусского наречия, и близких им по происхождению талагайских говорах курско-орловского типа. Отмечено окончание -ими и в переселенческих говорах с севернорусской основой.

По свидетельству А.Д. Черенковой, в пр.п. мн.ч. в отдельных словоформах сохраняются древние окончания, в частности -ех, восходящее к исконному окончанию местного падежа существительных с основой на *-ǫ/*-jǫ -Ѣхъ: *на'м'ест'е'х*. Эта форма употребляется только в одной коммуникативной ситуации, когда речь идет о весенних посевах: *капу'сту и нъм'идо'ры выса'жывайу на'мест'е'х* (не рассадой – С.Т.). Нами подобные явления не обнаружены.

2. Утрата родовых различий отмечается отчасти в им.п. и в большей степени в род.п., что отражается в поиске единого окончания для всех трех родов.

В им.-вин.п. мн.ч. в диалектах отмечается активная конкуренция более архаичного окончания -ы (-и), охватившего все имена ж. р. (*л'е'нты, кру'шк'и*), подавляющее большинство имен м.р. (*стака'ны, жук'и*), а по южнорусским диалектам и имена ср.р. (*в'о'слы, пла'т'ју*), и более позднего по происхождению

окончания *-а*, которое отмечено не только у существительных ср.р. (*м'аста'*) и м.р. (*дама'*, *ко'л'ја*), но активно используется существительными ж.р. (*лашад'а'*, *лашад'ја'*). Схематично это можно представить так:

	муж.р.	жен.р.	ср.р.
-а	<i>дама'</i> <i>ко'л'ја</i>	<i>лашад'а'</i> <i>лашад'ја'</i>	<i>м'аста'</i>
-ы (-и)	<i>стака'ны</i> <i>жук'и'</i>	<i>л'е'нты</i> <i>кру'шк'и</i>	<i>в'о'слы</i> <i>пла'т'ји</i>

В род.-вин.п. мн.ч. широко представлен процесс нейтрализации родовых отличий окончания *-ов*. Во-первых, оно распространяется на более широкий круг существительных м.р.: *годо'ф* мно'га, *разо'ў д'е'с'ьт'*, *п'ат' брато'ф*, *у'д'а'д'ьв*. Во-вторых, функционирование окончания *-ов* отмечается у существительных ж.р. и ср.р.: *ко'заф* мы н'и *д'е'ржым*, *наурра'даф* мно'га, *вв'иду ја'гаткоф*, *наво'р'ит раку'шкьф*, *н'ив'е'стъв* хвата'ит'; *д'ило'ф* мно'гъ, *карамы'слъф* н'е' *быль*.

	муж.р.	жен.р.	ср.р.
-ов	<i>у'быко'ф</i> <i>ур'ибо'ф</i>	<i>ко'заф</i> <i>ја'гаткоф</i>	<i>д'ило'ф</i> <i>карамы'слъф</i>

3. В отдельных случаях сохраняются более древние, исконные окончания: исконное нулевое окончание существительных м.р. в род. п. мн. ч. (*со'рък д'он*, *б'из'зу'б*) или окончание *-ех* из *-ѣхъ* в пр. п. мн. ч. (*на'м'ест'е'х*).

Некоторые типологические черты проявляются на уровне функционирования окончаний им.п. мн.ч. Так, заметной особенностью двух талагайских говоров является активность ударного окончания *-а* у существительных ж.р. 3 скл.: *лошадя'*, *матеря'*, *дочеря'*, *площадя'*, *степенья'*, *степя'*, *ноча'*.

Отличительной чертой для цуканского диалекта является устойчивость форм с основой мн. ч., осложнённой *-j-* (*матерья'*, *дочерья'*) у сущ. ж.р. 3 скл.

Наибольшими отличиями от других типов диалектов на территории Воронежской области обладает русский тип диалекта, формы которого близки к формам русского литературного языка, так например, в нем мы не находим типичного безударного окончания *-ы* у существительных ср.р., которые последовательно фиксируются во всех остальных типах говоров: *в'о'слы*, *палат'е'нцы*, *с'о'лы*.

Заключение

В результате анализа системы склонения имен существительных в современных говорах Воронежской области с учетом их типологической неоднородности мы пришли к следующим выводам, которые доказывают основные положения исследования, определяющие его научную новизну и теоретическую значимость.

1. Русские народные говоры как одна из форм существования национального языка являются саморазвивающейся сложной системой, уровни которой находятся в отношениях взаимозависимости и взаимообусловленности.

Взаимосвязь фонетики и морфологии объясняет установленное в русских народных говорах иное, чем в литературном языке, соотношение твердого и мягкого вариантов 1-го скл.: мягкий вариант склонения расширяется за счет слов, в которых происходят сугубо фонетические изменения заднеязычного согласного в результате прогрессивной ассимиляции. Таким образом, на выбор окончания влияет не только принадлежность к твердому/мягкому варианту склонения, но и качество конечного согласного основы, в частности по месту образования.

Данная фонетическая черта отмечена не во всех изучаемых типах говорах и является отличительной чертой талагайских говоров курско-орловского типа, собственно талагайских и частично цуканских диалектов. Более последовательно смягчение заднеязычного согласного отмечено в речи жителей старшего возраста в собственно талагайских и талагайских говорах курско-орловского типа. В них мягкость заднеязычного согласного может отмечаться по всей парадигме (*каду'шьч'к'а, до'ч'к'а, уп'е'ч'к'и, кп'е'ч'к'и, бо'ч'к'у, ды'рач'к'у, сру'ч'к'ьйу, фкаду'шыч'к'и*). В цуканских говорах преимущество получают формы, соответствующие литературной норме. Для говоров с севернорусской основой и русских говоров изменение заднеязычного согласного в результате прогрессивной

ассимиляции не характерно, поэтому соотношение твердой и мягкой разновидности склонения не отличается от литературного языка.

Связь морфологического и фонетического уровней языка можно обнаружить, наблюдая за изменениями заударного открытого слога, который у существительных представляет собой формальную единицу (флексию). По мысли А.В. Тер-Аванесовой, в акающих русских говорах различие ударных и безударных показателей одного падежа не всегда являются результатом прямого фонетического развития системы ударных флексий (ср. южнорусск. И.–В. мн. *моря – окны, селы*). Именно этот факт позволяет предположить, что последовательная фиксация отчетливого безударного *-и* в род., дат., пр.п. ед.ч. 1 склонения может свидетельствовать о начале формирования особого единого безударного окончания (*ис_ха'т'и, у_ма'м'и, х_падру'у'и, к_мау'и'л'и, по_карт'и'нк'и, пь_каро'в'и, в_мо'д'и, ф_ха'т'и, на_сва'д'б'и*).

Анализ склонения существительных выявил словообразовательный по своей природе способ разрушения менее продуктивного 3 склонения. К основе слова *свекровь* присоединяется суффикс *-j-*, что совместно с окончанием *-а* объединяет его со словами первого склонения (*св'окро'в'ја – с_св'акро'в'јь*). Существительные *печь, дочь* активно замещаются их производными *печка, дочка* с суффиксом *-к-*, не имеющим дополнительной семантической и стилистической нагрузки. В этом проявляется взаимосвязь морфологии и словообразования.

Морфологический уровень языка неразрывно связан с лексическим, что определяет единство лексического и грамматического значения. В диалектах связь этих уровней проявляется, например, при реализации универсальной славянской тенденции к объединению словоизменительных моделей в пределах одного рода. Круг слов, обладающих способностью к перемещению из третьего склонения в первое лексически ограничен и чаще всего представлен словами *жизня, болезнь*.

2. Русские народные говоры Воронежской области в склонении имен существительных отражают древнерусское наследие как в общеязыковом плане, так и в собственно диалектном.

Несомненно, русские народные говоры могут быть источником реконструкции исторического развития языка, поскольку бережно хранят следы прошлого состояния языка. Воронежские диалекты не исключение.

К древнерусскому наследию в общезыковом плане мы относим употребление вариантных окончаний *-у* в род. и пр. падежах у существительных 2 скл., которые в говорах часто используется недифференцированно.

Как известно, вариативность окончаний *-а* и *-у* род.п. и *-е* и *-у* пр.п. обусловлена процессом взаимодействия двух древних типов склонения: 2 с основами на **-ǫ*, **-jǫ* и 3 с основой на **-ǫ̆*. В истории развития языка употребление формы род.п. и пр.п. на *-у* получило лексико-семантические и грамматические ограничения, которые в литературном языке были кодифицированы. Диалекты все еще сохраняют несколько недифференцированное употребление этих форм.

Так, в род.п. окончание *-у* возможно не только у вещественных и собирательных существительных м.р. в предложно-падежной форме с партитивным значением (*твѣрашкѹ с сабо'ѹ ваз'м'е'шѹ, нѣл'ива'ѹшѹ в н'е'е' к'ирас'у'ну*), но и у конкретных существительных в предложно-падежной форме с определительным значением (*абѹ'жѹ в будн'и нас'ил'и из лы'ку*) или обстоятельственным значением места (*у'гал' с расто'ву во'з'ат'*), цели (*пл'ил'и пл'иту'шк'и дл'а наво'зу*). Окончание *-у* настолько широко употребляется в народных говорах, что вовлекает в сферу своего распространения и существительные ср.р. (*мѣлч'к'у' уск'ип'ат'у'шѹ*).

Похожая ситуация в употреблении окончания *-у* складывается в пр.п. Во всех типах говоров, как и следовало ожидать, оно широко представлено примерами односложных существительных с подвижным типом ударения в сочетании с предлогами *в* и *на* в предложно-падежных формах со значением места и времени (*нѣ палу', на э'тѣм луу', на то'м крају', в л'асу', ф пруду', ф пл'ену', в два'ццат' н'а'тѣм гаду' прасва'тѣл'и*).

Расширение сферы употребления окончания *-у* активно происходит за счет односложных и неодносложных существительных с постоянным ударением на окончании (*нѣ бач'ку', у угалку', в э'тѣм сундуку', в латку', на паталку'*,

ла'з'ил'и на сталбу', нь кр'есту') и безударном положении у неодносложных существительных (нь св'ина'рн'ику, на наво'зу, в л'исо'ч'ку).

Окончание -у может употребляться и в том случае, когда предложно-падежная форма не имеет локативного значения (на станку' выд'е'лывала, нь быку' во'ду ваз'ил'и).

Древнерусское наследие в собственно диалектном плане обнаруживается в следующем:

1) в воронежских диалектах до сих пор прослеживаются результаты иного взаимодействия твердой и мягкой разновидностей в пределах 1-го склонения. В литературном языке, как и во многих диалектах, отражается сближение его разновидностей, когда исконные окончания мягкого варианта вытеснялись окончаниями твердого варианта. В современных говорах Воронежской области находим следы сближения двух разновидностей склонения по пути влияния мягкого варианта на твердый, которые представлены в формах род.п. с предлогами *у, из, с, от* (*у с'астр'е', у ма'м'и, ис ха'т'и, из мо'д'е, у на'н'е ии шко'л'и с машы'н'и, ат каро'в'и*). Отметим, что в целом процент таких форм невелик по всем говорам, о чем свидетельствует заштрихованная часть поля на диаграмме (диаграмма 38). Близкие значения получены в двух талагайских говорах (13% и 11%), что подчеркивает их близость по происхождению. Чуть

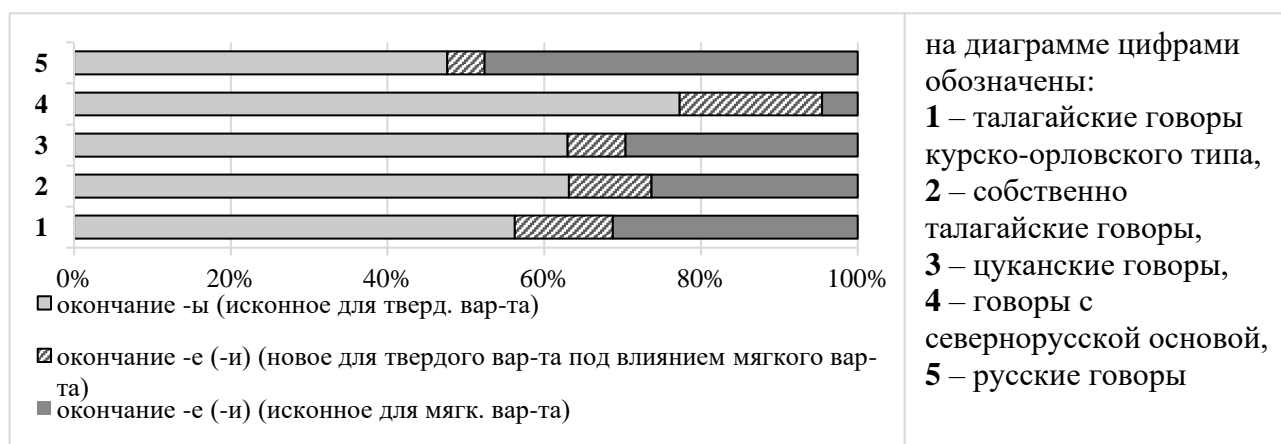

Диаграмма 38. Взаимодействие твердого и мягкого вариантов в род. п. 1-го скл. в говорах Воронежской обл.

меньше их в цуканских говорах (7%). Самый низкий процент форм, отражающих влияние мягкого варианта склонения на твердый зафиксирован в русских говорах

(5%), что демонстрирует их близость к литературному языку и может рассматриваться как типологическая черта. В переселенческих севернорусских по происхождению говорах насчитывается 18% словоформ, что, возможно, обусловлено перестройкой диалекта в условиях южнорусского окружения.

2) в отдельных падежах сохраняются более древние окончания. Так, например, в твор. п. конкурируют окончание *-ой* и *-ою*. Если в литературном языке последнее имеет стилистическую окраску, то в диалектной речи его следует рассматривать как сохранение древнерусской черты. Более высокая активность использования форм с окончанием *-ою* отмечается в талагайских говорах курско-орловского типа (33% словоформ: *карто'х'и съ см'ата'н'ью, рабо'тль у по'л'ь с т'а'пк'ью*), частотны подобные формы в цуканских и собственно талагайских говорах (25% и 15% словоупотреблений соответственно: *жын'у'х с н'ив'е'стайу, рабо'тль даја'ркайу*) (диаграмма 39).

Диаграмма 39. Соотношение вариантов окончаний в твор.п. существительных 1 склонения ед.ч. в говорах Воронежской области

В русских говорах и севернорусских по происхождению подобной вариативности не отмечается.

Кроме этого, исконное нулевое окончание в некоторых случаях отмечается у существительных м.р. в род. п. мн. ч. (*со'р'ък д'он, б'из зу'б*). Сохраняются древние исконные окончания в некоторых лексикализованных случаях, в частности *-ex*, восходящее к исконному окончанию местного падежа существительных с основой на **-ō/*-jō* -Ъхъ: *на м'ест'е'х*. Эта форма употребляется только в одной коммуникативной ситуации, когда речь идет о весенних посевах: *капу'сту и пьм'идо'ры выса'жывайу на мест'е'х* (не рассадой – С.Т.).

3. Русские народные говоры являются не только источником реконструкции исторического развития языка, но и базой проспективного моделирования, позволяющего определить направление развития языка, в том числе и в системе склонения имён существительных, предпосылки которого мы наблюдаем в наметившемся разрушении категории среднего рода и сокращении типов склонения.

Диалекты, будучи свободными от строгой кодификации, имеют свой уникальный вектор развития, подчиненный внутриязыковым законам и экстралингвистическим факторам. Как говорилось ранее, в народных говорах могут дольше сохраняться некоторые черты, отражающие прежние состояния языка, которые принято называть древнерусским наследием. Наряду с этим диалекты могут демонстрировать более стремительное, более последовательное развитие по сравнению с литературным языком, например, развивая полную оппозицию по твердости/мягкости заднеязычных согласных (при неполной в литературном языке).

Учитывая свойство народных говоров опережать развитие литературного языка, можно успешно использовать диалектные данные в качестве надежного источника прогнозирования дальнейшего развития языка, в том числе и его литературно обработанной формы.

Остановимся на категории рода. Наметившаяся в говорах тенденция к разрушению категории ср. р. может свидетельствовать об обратном движении от трехчленной родовой системы к двухчленной как к более устойчивой. Такое развитие грамматической категории рода не уникально, например в народной латыни произошел постепенный процесс утраты категории ср.р. за счет перехода существительных в состав мужского рода, в результате чего ни в одном из романских языков ср.р. не сохранился в том виде, в котором он был представлен в литературной латыни.

Тенденция к разрушению категории ср.р. находит отражение во всех обозначенных типах говоров. В части говоров она реализуется путем перехода существительных ср.р. в состав ж.р.: *ус'а' с'ало'*, *уна'шъй с'ал'е'*, *пѣдашла' вр'е'м'ь*, *накла'д'б'ишиу иду'т'*, *п'ирашк'и' с'нав'и'дльй*. Это характеризует два

талагайских, цуканские и русские говоры, где указанная тенденция проявляется в разной степени. Для собственно талагайских говоров, представляющих на территории Воронежской области Восточную группу южнорусского наречия, процент таких существительных оказался самым высоким, чуть меньше их в талагайских говорах курско-орловского типа и цуканских говорах. Русские говоры более устойчивы в данном отношении. В них процент подобных существительных самый низкий, что подтверждает их близость литературному языку (диаграмма 40).

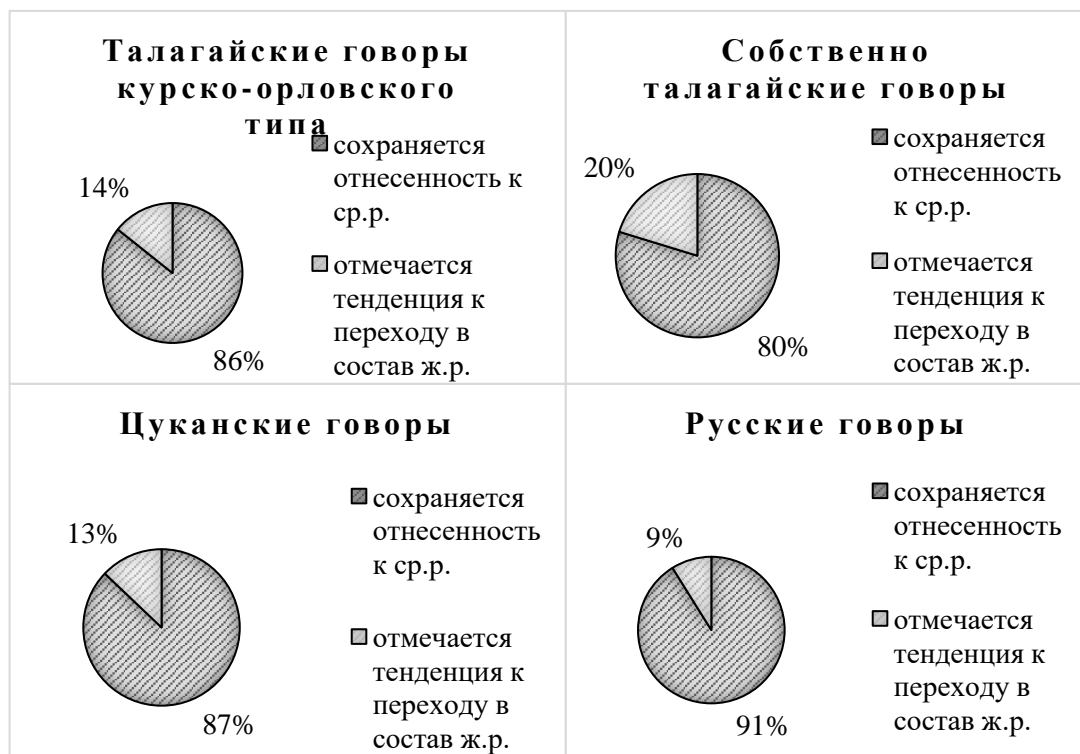

Диаграмма 40. Продуктивность тенденции к разрушению категории среднего рода за счет пополнения состава существительных женского рода в воронежских говорах

В говорах с севернорусской основой отмечается тенденция к переходу существительных ср.р. не только в состав ж.р. (4%), но и м.р. (11%) с заметным преобладанием последнего варианта: *од'и'н молоко', о'з'ьро заро'с* (диаграмма 41).

Тенденция к разрушению категории ср.р. может выражаться синтаксически и морфологически. В цуканских и русских говорах отмечен преимущественно

Диаграмма 41. Существительные ср.р. в говорах с севернорусской основой

синтаксически выраженный переход существительных ср.р. в ж.р. типа *пр'ишла' п'ис'мо'*, в то время как в двух талагайских говорах зафиксированы не только синтаксические признаки, но и морфологические: окончание *-у* в вин.п. (*на ъмы'лу, в ъсуда'рству, са'лу брала, на ъје'ту сав'иш'и'а'н'и'ю*), *-и* в род.п. (*с'е'м'ь у ъја'блч'к'и, о'къл кла'д'б'ишшы*), *-ой* в твор.п. (*с ънав'и'длѣй, с ъм'а'сѣй, над ъако'шкѣй*). В результате разрушения категории ср.р. такие существительные примыкают к 1 склонению.

Кроме этого, в говорах реализуется универсальная славянская тенденция к объединению словоизменительных парадигм существительных по признаку рода. Наличие двух типов женского склонения в говорах осознается как избыточное, поэтому менее продуктивное третье разрушается, уступая место более мощному первому, что наглядно отражено на сводной диаграмме (диаграмма 42):

Диаграмма 42. Степень сближения разных типов существительных третьего склонения с первым склонением в говорах Воронежской области

1) сильнее всего процесс перехода в состав 1 склонения затронул существительные древнего VI типа склонения на *-ŭ типа *свекровь, церковь*. Ареной сближения двух типов женского склонения стали им.п. и вин.п. (*св'акро'в'ѣ р'а'дѣм стаи'т', маркву' сажса'им, была' паломана цэ'рква*).

2) достаточно активно сближение с 1 склонением демонстрируют существительные с древней основой на согласный *-г *мать, дочь*. В формах вин.п. и твор.п. существительные чаще получают соответствующие окончания (*ма'т'ьр'у пьн'има'йут', аста'льс'с ма'тр'ь'й*). В редких случаях результат сближения с 1 склонением отмечается в им.п. в том случае, когда происходит выравнивание его основы по косвенным падежам (*ма'т'ьр'а раска'зывает*). В род., дат. и предл. падежах безударные окончания 1 и 3 склонения формально совпадают и служат базой для объединения двух типов женского склонения (*у ма'т'ьр'и, к ма'т'ир'и*).

3) для существительных, которые относились к древнему IV склонению с основой на *-ї, в им.п., вин.п. и твор.п. в большей степени характерно сохранение исконных словоформ (*п'еч' была', о'т'т'ип'ьл' была', но'ч' атмало'т'иш, пл'аса'л'и пад гармо'н', уб'ира'л'и рош, пала'т'и за п'е'ч'ю*). Редкие случаи его разрушения отмечаются в речи представителей старшего поколения, носителей традиционного диалекта (чаще всего в материалах представлены слова *болезнь, жизнь, лошадь, печь, грязь*). Это проявляется морфологически: у существительных появляется характерные для первого склонения окончания *-а* в им.п. (*жы'зн'а прашла*), *-у* в вин.п. (*на ло'шъд'у сажал'и*), ударное *-е* в род., дат. и предл. падежах (*нъ п'ач'е' л'аула*).

Таким образом, если в литературном языке, объединившись в одном типе склонения, разные групп слов приобрели единую парадигму словоизменения, то в говорах они продолжают вести себя обособленно.

Круг слов, обладающих способностью к перемещению из третьего склонения в первое ограничен лексически. Пути и способы подобных перемещений в каждом случае могут быть разными:

1) у существительных *мать, дочь* происходит выравнивание основы им.п. по образцу косвенных, что приводит к единству основы по всей парадигме. В плане морфологического воплощения парадигма словоизменения близка первому склонению (*ма'т'ьр'а – у ма'т'ьр'и – к ма'т'ир'и – ма'т'ьр'у – с ма'тр'ь'й*).

2) у существительных *церковь*, *морковь* используется формант *-ва*, вместо *-овь*, что также формально сближает эти слова с первым склонением (*марква' – марквы' – маркв'е' – маркву' – маркво'й*).

3) у существительного *свекровь* особая судьба. К его основе присоединяется суффикс *-j-*, что совместно с окончанием *-а* объединяет его со словами первого склонения: *св'окро'в'ја – с'св'акро'в'јьй*.

У слова *печь* появляется иной способ сближения с существительными 1 склонения, а именно присоединение суффикса *-к-*, не имеющего ни дополнительной семантики, ни стилистической окраски.

Две обозначенные тенденции (к разрушению категории ср. р. и к объединению словоизменительных парадигм существительных по признаку рода) показывают перспективы развития деklinационной системы по пути упрощения, следуя принципу «два рода – два склонения», впервые обозначенной А.Д. Черенковой. Все это может свидетельствовать о том, что ср.р. как категория для диалектной картины мира теряет свою актуальность.

4. В склонении имен существительных происходят процессы упрощения системы, которые отражаются в унификации форм внутри склонения и в сближении склонений.

Упрощение системы склонения происходит в результате обобщения окончаний как внутри одной парадигмы, так и между парадигмами разных склонений. Этот процесс в истории мн. ч. завершился унификацией форм дат.п., твор.п., пр.п. и выработкой единообразных окончаний для существительных всех склонений, что в равной степени нашло отражение как в литературном языке, так и в диалектах. В дат.п. мн.ч. мы наблюдаем функционирование единого окончания *-ам* (*нь'м'аста'м*, *нь'ч'аст'а'м*), в твор.п. мн.ч. в части воронежских говорах наряду с окончанием *-ами* (*рука'м'и съ'сл'иза'м'и*, *нач'а'м'и*, *з'зуба'м'и*) после заднеязычных согласных отмечается окончание *-ими* (*над'э'т'им тр'а'пк'им'и*, *ап'и'лк'им'и н'б'ива'й'ут'*, *с'у'шк'им'и*). Р.И. Аванесов его возникновение объясняет действием фонетических и морфологических факторов, а именно воздействием форм прилагательных на существительные с основой на заднеязычный согласный: *тихими = старухими*,

долгими = книгими, русскими = яблокими. По наблюдениям Т.Ф. Зибровой и Ю.Д. Фурман, формы на *-ими* – характерная черта восточных южнорусских говоров, также они возможны в акающих среднерусских и восточных среднерусских неполноакающих говорах. В воронежских говорах окончания *-ими* представлены единичными примерами в талагайских говорах курско-орловского типа, собственно талагайских говорах и говорах с севернорусской основой. В пр.п. функционирует единое окончание *-ах* (*нѣ быка'х, на лѣшад'а'х*), за исключением лексикализованного случая *на м'ест'е'х*, о котором говорилось выше.

Помимо общеязыковой унификации форм дат., твор., пр. падежей в диалектах отражается процесс утраты родовых различий в им. и род. падежах, что способствует дальнейшему упрощению деклинационной системы во мн.ч. Конкуренция более архаичных, исконных и новых окончаний свидетельствует о поиске единого способа выражения грамматического значения.

В им.-вин.п. мн.ч. в диалектах отмечается активная конкуренция более архаичного окончания *-ы (-и)*, охватившего все имена ж. р. (*л'е'нты, кру'шк'и*), подавляющее большинство имен м.р. (*стака'ны, жук'и*), а по южнорусским диалектам и имена ср.р. (*в'о'слы, пла'т'ји, кал'о'сы, в'о'слы, в'е'дры, ко'л'цы, палат'е'нцы*), и более позднего по происхождению окончания *-а*, которое отмечено не только у существительных ср.р. (*м'аста', с'ъм'ина', вайска'*) и м.р. (*дама', улаза', уч'ит'ел'а', ко'л'ја*), но активно используется существительными ж.р. (*лашад'а', степеня', степя', ноча'; лашад'ја', матерья', дочерья'*).

В род.-вин.п. мн.ч. широко представлен процесс нейтрализации родовых отличий окончания *-ов*. Во-первых, оно распространяется на более широкий круг существительных м.р.: *годо'ф мно'га, разо'у д'е'с'ьт', н'ат' брато'ф, у д'а'д'ьв*. Во-вторых, функционирование окончания *-ов* отмечается у существительных ж.р. и ср.р.: *ко'заф мы н'и д'е'ржым, наура'даф мно'га, вв'иду ја'гаткоф, наво'р'ит раку'шкѣф, н'ив'е'стьв хвата'ит'; д'ило'ф мно'уъ, карамы'сльф н'е'быль*.

Мы предполагаем, что в ед.ч. происходят похожие процессы. Известно, что значимой диалектной особенностью 1-го скл. является унификация форм род., дат., пр. п. по дат. и пр.п. Главную причину этого явления А.А. Шахматов видел во влиянии

прилагательных и местоимений, формально совпадающих в этих падежах (*у моей родной сестре, к моей родной сестре, о моей родной сестре*). С.П. Обнорский кроме этого учитывал возможную аналогию с едиными формами род., дат. и пр. п. в 3-м скл. (*у печи, к печи, о печи*). Все это позволяет выражать падежные значения более общими средствами. В настоящее время в диалектном языке в ударном положении унификация встречается редко, а в безударном положении отражается более последовательно и приводит к единообразному оформлению трех падежей: *у_н'ав'е'ст'и – к_н'ав'е'ст'и – на_н'ав'е'ст'и, у_п'е'ч'к'и – к_п'е'ч'к'и – на_п'е'ч'к'и*.

Наблюдая за особенностями произношения безударных окончаний пр.п. 2 скл., мы заметили, что по всем типам говоров достаточно четко и последовательно звучит *-и*: *у_д'е'цтв'и, у_кал'идо'р'и, ф_цэ'нтр'и, на_пт'и'ч'н'ик'и, на_тра'хтър'и, на_прасто'р'и, ф_пол'и, в_мау'яз'и'н'и* и т.п. Это доказывает, что для диалектов большое значение в формировании падежных окончаний имеет их ударное/безударное положение [Черенкова 2016 с. 142]. Если учитывать тот факт, что изменения конца слова могут быть вызваны не только позиционными изменениями, но и действием принципа аналогии, то отчетливое *-и* можно рассматриваться как новое безударное окончание, которое начинает формироваться по всей безударной парадигме склонения по модели:

	1 скл.	2 скл.	3 скл.
Род. п.	<i>ис_ко'мнат'и</i>		<i>дл'а_ста'раст'и</i>
Дат. п.	<i>па_ко'мнат'и</i>		<i>к_ста'раст'и</i>
Предл. п.	<i>ф_ко'мнат'и</i>	<i>ф_калхо'з'и</i>	<i>при_ста'раст'и</i>

Окончание *-и* поддерживается едиными исконными формами род., дат. и пр. п. в 3-м скл. (*у печи, к печи, о печи* и т.п.), род.п. мягкого варианта 1 скл. (*из земли, от капли, у грязнули* и т.п.), род., дат. и пр. п. существительных ж.р. на *-ия* (*из истории, к истории, об истории* и т.п.), пр.п. существительных м.р. на *-ий* (*в санатории* и т.п.) и ср.р. на *-ие* (*об угощении* и т.п.).

Это приводит к сближению разных парадигм склонения и упрощению declinationalной системы в целом. Причинами такого обобщения можно считать

фонетические процессы конца слова в условиях аканья, однако нельзя исключать действие морфологического обобщения в связи с абстрагирующим характером грамматики в целом. Это приводит к более общему выражению одних и тех же синтаксических отношений.

5. В диалектах стираются границы между формальными и семантическими признаками, что наиболее ярко отражается в неразграничении основных и вариантных окончаний в родительном и предложном падежах существительных 2 склонения.

В ходе исторических преобразований системы склонения в форме род.п. и пр.п. существительные 2 склонения кроме окончаний *-а* и *-е* соответственно, могут иметь вариантное окончание *-у*, употребление которого в литературном языке имеет ряд ограничений лексико-семантического, морфофонологического, грамматического характера. В русских диалектах может наблюдаться иное распределение этих окончаний.

В род.п. окончание *-у* закономерно появляется при партитивном значении падежной формы, но при этом распространяется как на сущ. м.р. (*патсо'лнуху пр'ив'азут' дай мн'е жо'ду, сн'е'гу н'вал'у'ла, ко'рму сво'л'ьт'*), так и ср.р. (*м'ялч'к'у' уск'ип'ат'у'и*). Кроме того, окончание *-у* могут получать не только вещественные или собирательные существительные, но и с конкретным предметным значением (*мо'жьт тра'нспарту м'е'н'ишь*). Окончание *-у*, наряду с *-а*, отмечено и в род.п. прямого объекта при отрицании (*до'жжу н'е'ту, л'е'су н'е'ту, н'е'быль сканда'лу*), с определительным значением (*абу'жа из'лы'ку*), а в некоторых говорах и с обстоятельственным значением (*у'гал' с'расто'ву во'з'ат', два дн'а н'и'дажы'л да'м'у'ру и н'и'пр'ишо'л, пл'ил'у' пл'иту'шк'и дл'а'наво'зу*), а также в сочетании с неопределенно количественными словами (*мно'у' бураку', м'у'ру мно'у*). В свою очередь это приводит к появлению в род.п. таких соотносительных пар: *м'ялч'ка'нал'жо'м – м'ялч'к'у' уск'ип'ат'у'и, из'б'и'с'ьрь – из'лы'ку, с'пу'ха – ис'хво'расту, до'жжу н'е'ту – га'зь н'е'ту* и т.п.

В пр.п., как и в литературном языке, во всех типах говоров окончание *-у* широко представлено примерами односложных существительных с подвижным

типом ударения в сочетании с предлогами *в* и *на* в предложно-падежных формах со значением места и времени (*нѣ палу'*, *на э'тѣм луу'*, *на то'м крају'*, *ф пруду'*, *ф пл'ену'*, *на палу'*, *в л'ису'*, *ф тылу'*).

Расширение сферы употребления окончания *-у* активно происходит за счет односложных (в т.ч. с беглым гласным в основе) и неодносложных существительных с постоянным ударением на окончании (*нѣ бач'ку'*, *у ууалку'*, *в э'тѣм сундуку'*, *в латку'*, *на паталку'*, *ла'з'ил'и на сталбу'*, *нѣ кр'есту'*). В единичных случаях окончание *-у* фиксируется в безударном положении у неодносложных существительных (*нѣ св'ина'рн'ику'*, *на наво'зу'*, *в л'исо'ч'ку'*). Кроме того, окончание *-у* может употребляться и в том случае, когда предложно-падежная форма не имеет локативного значения. Такие случаи в нашем материале зафиксированы в говорах с севернорусской основой (*на станку'* *выд'е'лывала*, *нѣ быку'* *во'ду ваз'ил'и*). Это приводит к появлению в пр.п. таких соотносительных пар, как: *в л'асу' – у л'е'с'ь*, *в э'тѣм сундуку' – ф сундук'е'*, *нѣ тарфу' – нѣ то'рф'и*.

Наличие относительной свободы в выборе вариантов окончания род. и пр. п. может свидетельствовать, что границы между формальным и семантическим разграничением падежных форм в диалектной речи стираются, что способствует распространению более широкого, чем в литературном языке, и недифференцированного употребления окончания *-у*.

6. Типологические различия в склонении существительных обусловлены происхождением каждого типа говоров и их дальнейшим развитием на территории Воронежской области в условиях нового окружения и контактирования с другими диалектами.

Подробное изучение говоров Воронежской области на морфологическом уровне показало, что система склонения во всех типах говоров имеет один общий вектор развития. Типологические отличия касаются, в большинстве своем, количественных характеристик протекания некоторых изменений: в одних говорах они более активны, в других – менее.

Собственно талагайские говоры можно рассматривать как исконные на территории Воронежской области, особенностями которых определяется отнесенность воронежских диалектов к Восточной (Рязанской) группе говоров южнорусского наречия. По многим параметрам на морфологическом уровне им оказываются близки талагайские говоры курско-орловского типа (по мнению С.И. Коткова, примыкающие к Курско-Орловской группе южнорусского наречия). Эта близость обусловлена их общим социально-историческим происхождением, а фонетические черты, по мнению А.Д. Черенковой, позволяют считать эти диалекты одним, но «на разных стадиях его развития: курско-орловский тип более древний, а талагайский тип является более новым – продолжением курско-орловского типа» [Черенкова 2009, с. 117].

В двух талагайских типах диалектов достаточно активно реализуется тенденция к разрушению категории ср.р. и переход этих существительных с состав его ж.р. Это выражается не только синтаксически, т.е. в согласовании (*ус'а' с'ало'*, *пѣдашла' вр'ем'ь*, *уна'шъй с'ал'е'*), но и морфологически почти по всей парадигме, начиная с неразличения безударных окончаний женского/среднего рода в им.п. (*устро'йствѣ така'йа жь*), использование окончания *-и* в род.п. (*с'ем'ь уја'блѣч'к'и*, *насл'а' кла'д'б'ишишѣ*), окончания *-у* в вин.п. (*намы'лу*, *салу'брала'*, *став'ил'и т'е'сту*, *накла'д'б'ишишу идут'*) и наконец, окончания *-ой* в твор.п. (*п'ирашк'и' с'нав'идлѣй*, *с'одно'й ад'ија'лѣй*).

Кроме того, в этих говорах отмечаются результаты иного, чем в литературном языке, взаимодействия твердой и мягкой разновидностей 1-го склонения, а именно по пути влияния мягкого варианта на твердый (*укапн'е'*, *укум'е'* *ул'ис'е'*, *аткаро'в'и*, *исхат'и* *нахужы* *бап'к'и* *матр'он'и*, *роцтв'ин'ицѣ* *мам'и*), а также особое распределение между твердой и мягкой разновидностями склонения, обусловленное прогрессивной ассимиляцией заднеязычных согласных (отмеченной в им. и вин. п.: *каду'шѣч'к'а*, *бр'ич'к'а*, *тан'к'ь*, *ст'о'жыч'к'а*; *р'умѣч'к'у*, *бо'ч'к'у*, *уку'ч'к'у*, *пало'сѣч'к'у*, *марко'вѣч'к'у*, *нап'е'ч'к'у*).

Во мн.ч. заметной особенностью двух талагайских говоров является активность ударного окончания *-а* у существительных, соотносимых в ед.ч. с ж. р. 3 скл.: *лошадя'*, *матеря'*, *дочеря'*, *площадь'*, *степень'*, *степя'*, *ноча'*.

Однако несмотря на общее сходство двух талагайских говоров, можно выделить некоторые их отличия. Прежде всего это касается употребления вариантного окончания *-у* в род.п. и пр.п. Согласно картам ДАРЯ, в говорах юго-западной диалектной зоны (к которой примыкают воронежские талагайские курско-орловского типа) более мощно с окончанием *-у* представлен класс неодушевленных неодносложных существительных с постоянным ударением на основе, что Л.Н. Булатова объясняет унификацией окончаний по формуле типа *из посёлку – к посёлку – в посёлку – о поселку*. В наших материалах вариантное *-у* фиксируется чаще, чем в других типах говоров, а среди нетипичных условий его употребления в род.п. можно отметить: 1) существительные ср.р. (*мьлач'к'у' уск'ип'ат'и'иш*), 2) род.п. при отрицании (*л'е'су н'е'ту; до'жжу н'е'ту*), 3) предложно-падежные формы с определительным значением (*абу'жа из ълы'ку*). В пр.п. расширение сферы функционирования окончания *-у* происходит за счет неодносложных существительных с неподвижным ударением на основе (*нъ ъсв'ина'рн'ику*) или на окончании (*нъ ъбач'ку', у ъууалку'*).

Кроме того, в талагайских говорах курско-орловского типа тенденция к объединению двух женских типов склонения выражена более последовательно, она отмечается у слов типа *жизнь, болезнь*, у слов *мать, дочь* и в особенности у слов типа *свекровь, церковь*.

Некоторые особенности склонения существительных в говорах Воронежской области можно объяснить происхождением субэтнических образований на территории Воронежской области. Это касается, прежде всего, говоров с севернорусской основой. В них, несмотря на достаточно долгое существование в условиях южнорусского окружения, устойчиво сохраняется иной, нежели на остальной территории Воронежской области, способ разрушения категории ср.р., а именно его замена м.р., что проявляется в им.п. на синтаксическом уровне (*од'и'н молоко', о'з'ьро заро'с, сов'иш'и'а'н'ийь был, пла'т'ь на ъмн'е был*), а в остальных

случаях окончания согласующихся словоформ в м.р. и ср.р. совпадают. Кроме этого, в говорах с севернорусской основой более последовательно употребляются варианты окончаний *-у* в род. и пр. падежах существительных 2 склонения, а существительные с суффиксами *-ушк-*, *-ышк-* в твор. п. в некоторых случаях, сохраняют характерное для материнского диалекта окончание *-ом*, демонстрируют отнесенность ко 2-му скл. (*ја был мал'ч'у'шк'м*). Также для говоров с севернорусской основой характерна активность безударного окончания *-ы* у существительных ср.р.: *в'о'слы, палат'е'нцы, с'о'лы*.

Отличительной чертой цуканских говоров стало употребление окончания *-у* в родительном приглагольном с объектным значением (*ис хво'расту пл'ил'и'*) и обстоятельственным значением места (*с расто'ву во'з'ат'*), времени (*н'и дажы'л да м'и'ру*), цели (*пл'иту'шк'и дл'а наво'зу*), а также устойчивость форм с основой мн. ч., осложнённой *-j-* (*матерья', дочерья'*) у сущ. ж. р. 3 скл.

Наибольшими отличиями от других типов диалектов на территории Воронежской области обладает русский тип диалекта, формы которого близки к формам русского литературного языка. В них тенденция к разрушению категории ср.р. выражена в меньшей степени, прогрессивной ассимиляции заднеязычного не наблюдается, поэтому соотношение твердой и мягкой разновидностей 1 склонения не отличается от литературного языка. В русских говорах зафиксирован самый низкий процент форм, отражающих влияние мягкого варианта склонения на твердый, в этих говорах более последовательно употребляются варианты окончания род.п. *-а*, *-у* и пр.п. *-е*, *-у* и соответствует общей тенденции дальнейшего сокращения сферы функционирования вариантов окончаний. Тенденция к объединению двух типов женского склонения в одно выражена слабо.

7. Литературный язык является сдерживающим фактором развития морфологической системы по пути упрощения и обобщения.

В научной литературе часто озвучиваются идеи о полном исчезновении диалектов в силу разных причин, среди которых обязательно выделяется влияние литературного языка. Не вызывает сомнений тот факт, что диалекты меняются в условиях тесного контакта с литературным языком. Как показывают наблюдения над

современным состоянием деклинационной системы, сопротивляясь литературной норме и подчиняясь внутрилингвистическим тенденциям, диалекты демонстрируют развитие системы склонения по пути дальнейшего упрощения, а именно, унификацию окончаний в ед. и мн.ч., объединение парадигм склонения в пределах одного рода, изменения в категории рода. В данном случае литературный язык оказывается сдерживающим фактором для этих преобразований и приводит к увеличению функционально не обусловленной вариативности языковых средств и способов выражения. Так, например, в речи старшего поколения формы типа *у с'астр'е'*, *ис ха'т'и*, *с машы'н'и* соседствуют с формами *у ма'мы*, *ис сало'мы*, *с рабо'ты*.

8. Социально-возрастная дифференциация диалектов в склонении имен существительных выражена неярко.

Наше исследование склонения имен существительных ярких социально-возрастных отличий не выявило. Отметим, что в речи носителей традиционного диалекта более часто отмечаются такие тенденции, как разрушение категории ср.р., сближение 3 и 1 склонений, следы взаимодействия твердой и мягкой разновидностей 1 склонения по пути влияния мягкой на твердую, недифференцированное употребление вариантных окончаний -у в род.п. и пр.п. 2 склонения. Речь молодежи, получающей образование, на морфологическом уровне практически не отличается от литературного языка, как и речь сельских учителей.

В качестве доказательства обратимся к речи двух жителей одного с. Козловка (Бутурлиновский район Воронежской области) близких по возрасту, но отличающихся уровнем образования и сферой занятости: 83-летней разнорабочей Неретиной Домны Кирилловны, получившей 7 классов образования и 77-летней учительницы, Жегульской Лидии Андреевны, окончившей Бобровское педучилище. Беседы с ними записаны в экспедиции 2002 года.

В речи Д.К. Неретиной достаточно широкое отражение получила тенденция к разрушению категории ср.р.: *в н'ауо' на л'е'ту са'лу упако'вывал'и*, *м'лако' ть была'*, *са'ла р'е'ткь у кауо' была'*, *ја фс'ады' ав'е'ч'ийу са'лу брала'*. Также отмечаются следы сближения двух типов женского склонения: *фс'а'*

жы'зн'а прашла', вон в'э'т'ый п'ач'е'. Формы род.п. 1 склонения, отражающие взаимодействие твердой и мягкой его разновидностей по пути влияния мягкой на твердую: *н'а ху'жы эт ба'п'к'и матр'о'н'и*. В род.п. мн.ч. окончание *-ов* распространяется на более широкий круг существительных м.р.: *радо'ф тр'ина'ц'ят', радо'ф д'е'в'ат'*.

В речи Л.А. Жегульской в области склонения существительных отмечена близость литературному языку, а именно, категория ср.р. представлена последовательно (*ф'ас'е'дн'ьм с'ил'е'*), парадигмы 1 и 3 склонения не демонстрируют тенденции к сближению (*вот кака'йа жыз'н' была', ф'цэ'рк'ьф' на'д'ь хад'и'т'*).

Важным считаем отметить, что актуальные морфологические тенденции в развитии диалектов находят отражение в речи диалектоносителей не зависимо от социального статуса и возраста. В первую очередь это касается тенденции к утрате родовых различий в им.п. и род.п. мн.ч. (особенно показательны в этом отношении оказались данные анкетирования студентов 1 курса из числа сельских жителей, в которых отмечена активность функционирования окончания *-а*: *лошадя'* и *лошадья'*, *матеря'* и *матерья'*, *степя'*, *ноча'*, *дочерья'*), а также тенденции к выработке единого безударного окончания *-и*, которая отмечается и в речи носителей традиционного диалекта, и в речи сельской интеллигенции, и в речи молодежи.

Список литературы

Материалы исследования

1. Черенкова А. Д. Воронежские диалектные тексты как источник для изучения русского национального языка, истории и культуры народа. Учебное пособие / А.Д. Черенкова. – Воронеж: Полиграф, 2009. – 328 с.
2. Черенкова А. Д., Токарева С. С. С. Данково Каширского района Воронежской области [тексты] / А.Д. Черенкова, С.С. Токарева // Диалектологический альманах: сборник материалов и исследований. Вып. III. – Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2019в. – С. 119-131.

Словари, энциклопедии, атласы

3. Диалектологический атлас русского языка (Центр Европейской части СССР). Карты: в 3-х выпусках / Акад. Наук СССР, Институт русского языка; под ред. Р.И. Авенесова и С.В. Бромлей. – Выпуск II. Морфология. – Москва: Главное управление геодезии и картографирования при совете министров СССР, 1989. – 112 к.
4. Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. Ок. 100 000 слов. / А.А. Зализняк. – 3-е изд., стер. – Москва: Русский язык, 1987. – 880 с.
5. Лингвистический энциклопедический словарь [Электронный ресурс] / Под ред. В. Н. Ярцевой; Ин-т языкознания АН СССР. – Москва: Сов. энцикл., 1990. – 682 с. – Режим доступа: <http://tapemark.narod.ru/les/024b.html>, дата обращения 26.01.2019.
6. Ляшевская О. Н. Новый частотный словарь [Электронный ресурс] / О.Н. Ляшевская, С.А. Шаров. – Электронная версия издания: Ляшевская О.Н. Частотный словарь современного русского языка на материалах Национального корпуса русского языка / О.Н. Ляшевская, С.А. Шаров. – Москва: Азбуковник,

2009. – 1090 с. – Режим доступа: <http://dict.ruslang.ru/freq.php?>, дата обращения 26.05.2019.

7. Обратный словарь русского языка. Около 125 000 слов / Научно-редакционный совет издательства «Советская энциклопедия», Вычислительный центр Академии наук СССР. – Москва: Изд-во «Советская энциклопедия», 1974. – 944 с.

8. Русский язык: Энциклопедия / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН; Под общ. ред. А. М. Молдована – 3-е изд. перераб. и доп. Москва: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2020. – 904 с.

Литература

9. Аванесов Р. И. Описательная диалектология и история языка / Р.И. Аванесов // Славянское языкознание. V Междунар. съезд славистов (София, сентябрь, 1963): Докл. сов. делегации. – Москва: Издат. АН СССР, 1963. – С. 293-317.

10. Авдеева М. Т. Характеристика говора села Можайского Каширского района Воронежской области / М.Т. Авдеева // Материалы второй Воронежской областной краеведческой научно-практической конференции «Воронежское краеведение: опыт и перспективы развития», 21-22 апреля 1990г. – Воронеж: Изд-во Воронежского государственного университета, 1990. – С. 152-154.

11. Авдеева М. Т. Украинские говоры на территории Воронежской области / М.Т. Авдеева // Взаимосвязь и взаимообогащение культур России и Украины : Тезисы науч. докл. и сообщ. на междунар. конф. "Россия и Украина на пороге XXI в. Пути сочетания нац. интересов и брат. взаимодействия" (24-25 янв. 1997 г.). – Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1997. – С. 3 - 5.

12. Азарх Ю. С. Словообразование и формобразование существительных в истории русского языка / Ю.С. Азарх. – Москва: Наука, 1984. – 247 с.

13. Акиншин А. Н. Этнографическое изучение Воронежского края в конце XVIII - начале XXI века / А.Н. Акиншин // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. –

2015. – № 4. – С. 44-47. – ISSN 1995-5480. – Текст : электронный // Лань : электронно-библиотечная система. – URL: <https://e.lanbook.com/journal/issue/297987>. – Режим доступа: для авториз. пользователей, дата обращения 01.03.2021).

14. Алексеев А. В. Историческая грамматика русского языка : учебник и практикум для академического бакалавриата / А. В. Алексеев. – Москва : Издательство Юрайт, 2018. – 314 с. – Режим доступа: <https://urait.ru/bcode/413072>, дата обращения 25.02.2021.

15. Астен Т. Б. Аналитизм в морфологии имени: когнитивный и прагматический аспекты: Монография / Т.Б. Астен; М-во образования Рос. Федерации, Рост. гос. экон. ун-т (РИНХ). – Ростов-на-Дону : РГЭУ. Изд-во, 2003. – 260 с.

16. Батурина А. А., Черенкова А. Д. Цуканский диалект с. Митяевка Лискинского района Воронежской области / А.А. Батурина, А.Д. Черенкова // Диалектологический альманах: сборник материалов и исследований. Выпуск III. / науч. редактор А.Д. Черенкова. – Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2019. – С. 115-119.

17. Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. / С.Б. Бернштейн. – Москва: Наука, 1974. – 378 с.

18. Беседина Н. А. Роль морфологии в создании языковой картины мира / Н.А. Беседина. – Режим доступа: <http://dspace.bsu.edu.ru/handle/123456789/8091>, дата обращения 15.04.2018.

19. Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию: В 2 т. / И. А. Бодуэн де Куртене, [Вступ. статьи действ. чл. АН СССР В. В. Винорова, действ. чл. Польской акад. наук В. Дорошевского] ; Сост.: В. П. Григорьев, А. А. Леонтьев ; Акад. наук СССР. Отд-ние литературы и языка. – Т.1 – Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1963. – 384 с.

20. Борковский В. И. Историческая грамматика русского языка. Изд. 3-е, стереотипное / В.И. Борковский, П.С. Кузнецов. – Москва : КомКнига, 2006. – 512 с.

21. Бромлей С.В. Очерки морфологии русских говоров / С.В. Бромлей, Л.Н. Булатова. – Москва : Наука, 1972. – 448 с.
22. Булатова Л. Н. Формы предложного падежа с окончанием -у в различных диалектных системах склонения существительных / Л.Н. Булатова // Русские диалекты: лингвогеографический аспект – Москва : Наука, 1987. – С. 119-123.
23. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке: Учебное пособие [электронный ресурс] / Н.С. Валгина. – Москва: Логос, 2001. – 304 с. – Режим доступа <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook050/01/part-011.htm>, дата обращения 15.02.2021.
24. Валенцова М. М. Функционирование категории рода в диалектах / М.М. Валенцова // Филологическая регионалистика. – 2011. – №2. С. 46-52. – Режим доступа URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsionirovanie-kategorii-roda-v-dialektah>, дата обращения: 28.02.2022.
25. Вендина Т. И. Русские диалекты в современной этноязыковой и этнокультурной ситуации / Т.И. Вендина // Славянский мир в третьем тысячелетии. – 2016. – №11. С. 425-440. – Режим доступа URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkie-dialekty-v-sovremennoy-etnoyazykovoy-i-etnokulturnoy-situatsii>, дата обращения: 12.02.2022.
26. Винников А. З. Локально-этнические группы в составе южнорусского населения Воронежского края / А.З. Винников, В.И. Дынин, С.П. Толкачева // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2004. – №2. – С. 87-96.
27. Виноградов В. В. Словообразование и его отношение к грамматике и лексикологии (на материале русского и родственных языков (1952)) В.В. Виноградов // Избранные труды. Исследования по русской грамматике. – Москва: Наука, 1975. – С. 166-200.
28. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / Под ред. Г.А. Золотовой. – 4-е изд. – Москва: Рус.яз., 2001. – 720 с.
29. Воейкова М. Д. Винительный падеж. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>) [Электронный

ресурс]. – На правах рукописи. – Москва, 2011б. – Режим доступа http://rusgram.ru/%D0%92%D0%B8%D0%BD%D0%B8%D1%82%D0%B5%D0%B%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D0%BF%D0%B0%D0%B4%D0%B5%D0%B6, дата обращения – 23.07.2019.

30. Воейкова М. Д. Именительный падеж. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>) [Электронный ресурс]. – На правах рукописи. – Москва, 2011а. – Режим доступа http://rusgram.ru/%D0%98%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D0%BF%D0%B0%D0%B4%D0%B5%D0%B6, дата обращения 24.07.2019.

31. Воротников Ю. Л. Грамматический статус аналитических форм компаратива в русском языке / Ю.Л. Воротников // Словарь и культура русской речи. К 100-летию со дня рождения С.И. Ожегова. – Москва: Индрик. – С. 85-92.

32. Второв Н. И. Исторический очерк постепенного заселения Воронежского края / Н. И. Второв // Юбилейный сборник в память трехсотлетия г. Воронежа. – Воронеж: Воронеж. губ. стат. ком., 1886. – Т. 2. – С. 260-297.

33. Второв Н. И. О заселении Воронежской губернии [Электронный ресурс] / Н.И. Второв // Воронежская беседа на 1861 г. – Санкт-Петербург, 1861. – С. 246-272. – Режим доступа: http://az.lib.ru/w/wtorow_n_i/text_1861_o_zaselenii_olderfo.shtml, дата обращения 03.03.2021.

34. Высотский С. С. Утрата среднего рода в говорах к западу от Москвы / С.С. Высотский // Доклады и сообщения Института русского языка АН СССР, вып. 1. Москва -Ленинград, 1948. – С. 80-89.

35. Гальцова Д. Н. Номинации человека в говорах сёл Старый Курлак и Новый Курлак Аннинского района Воронежской области / Д.Н.Гальцова // Психология человека и общества. – Макеевка: Макеевский экономико-гуманитарный институт, 2020. – С. 42-49.

36. Гальцова Д. Н. Описание говора с. Медвежье Семилукского района Воронежской области / Д.Н. Гальцова // Проблемы изучения живого русского слова

на рубеже тысячелетий: материалы IX Международной научной конференции / ответ. ред. А.Д. Черенкова. – Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2017. – С.123-131.

37. Гальцова Д. Н. Особенности говора с севернорусской основой на территории Воронежской области (на материале говора села Новый Курлак Аннинского района) / Д.Н. Гальцова // Диалектологический альманах : сборник материалов и исследований. Выпуск III – Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2019а – С.12-18.

38. Гальцова Д. Н. Фонетические и морфологические особенности говора села Гороховка Верхнемамонского района Воронежской области / Д.Н. Гальцова // Экология языка и речи: Материалы VIII Международной научной конференции 21–23 ноября 2019 года. – Тамбов, 2019б. – С. 171-176.

39. Гальцова Д. Н. Эмоционально-экспрессивная синонимия в говорах сёл Старый Курлак и Новый Курлак Аннинского района Воронежской области / Д.Н. Гальцова // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий: материалы X Международной научной конференции / ответ. ред. А.Д. Черенкова. – Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2019в. – С.131-135.

40. Голубь Ю. Талагаи, хохлы и цуканы. Кем были предки современных воронежцев? / Ю. Голубь // Еженедельник "Аргументы и Факты" № 7. АиФ-Черноземье 15/02/2017 – Режим доступа https://chr.aif.ru/society/history/talagai_hohly_i_cukany_kto_byli_predkami_sovremennyh_voronezhcev, дата обращения 02.03.2021.

41. Горшкова К. В., Хабургаев Г. А. Историческая грамматика русского языка: Учеб. пособие для ун-тов / К.В. Горшкова, Г.А. Хабургаев. – Москва: Высш. школа, 1981. – 359 с.

42. Граудина Л. К. Словоизменительные варианты: вес переменных элементов в грамматике / Л.К. Граудина // Грамматика и норма. – Москва: Наука, 1977. – С. 144-171.

43. Гринкова Н. П. Воронежские диалекты: докторская диссертация / Н.П. Гринкова // Учёные записки Ленингр. гос. пед. ин-та им. А.И. Герцена. – Ленинград: [б. и.], 1947. – Т. 55. – 298 с.
44. Грязнова В. М. Специфика категории одушевленности в говоре казаков-некрасовцев / В.М. Грязнова // Наука. Инновации. Технологии. – 2012. – №79(2). – С. 128-132. – Режим доступа <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-kategorii-odushevlenosti-v-govore-kazakov-nekrasovtsev>, дата обращения 26.02.2021.
45. Давлетшина К. Ю. «Много шуму и маловато толку». Варианты окончания существительных в родительном падеже / К.Ю. Давлетшина // Русская речь. – 6. – 2015б. – С. 46-51.
46. Давлетшина К. Ю. В дыму и в дыме. Варианты предложного падежа / К.Ю. Давлетшина // Русская речь. – 4. – 2015а. – С. 47-49.
47. Дурново Н. Н. Введение в историю русского языка / Н. Н. Дурново; под ред. Л. Л. Касаткина, Т. С. Сумниковой. – Москва : Наука, 1969. – 295 с.
48. Дурново Н. Н. Лекции по истории русского языка, читанные осенью 1907-8 академ. г. в И[мператорском] М[осковском] университете. Б. м. и г. Литогр. изд. – 269 с.
49. Дьякова В. И., Черенкова А. Д. История изучения говоров Воронежской области / В.И. Дьякова, А.Д. Черенкова // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 200-летию со дня рождения В.И.Даля и 70-летию ВГПУ. – Воронеж: ВГПУ, 2001. – С. 93-100.
50. Дьяченко С. В. Говор села Мастюгино Острогожского района Воронежской области [Выпускная квалификационная работа по специальности 050301 «Русский язык и литература»] / С.В. Дьяченко. – Воронеж: [на правах рукописи], 2007 – 129 с.
51. Дьяченко С. В. Система ударных гласных в русских говорах запада Воронежской области / С.В. Дьяченко // Современная славистика и научное наследие С.Б. Бернштейна: тезисы докладов Международной научной

конференции, посвященной 100-летию со дня рождения выдающегося отечественного слависта доктора философских наук, профессора С.Б. Бернштейна. – Москва, Институт Славяноведения РАН. – 2011. – С. 64-68.

52. Дьяченко С. В. Экспедиция в село Краснолипые Репьевского района Воронежской области / С.В. Дьяченко, И.И. Исаев, А.Д. Черенкова // Русский язык в научном освещении – 2013а. – №1 (25) – С. 285-287.

53. Дьяченко С. В. Гласные в заударном открытом слоге после мягких согласных в говоре с. Роговатое Старооскольского района Белгородской области / С.В. Дьяченко // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий: материалы VII Международной научно-практической конференции. – Воронеж: Воронеж. гос. пед. ун-т, – 2013б. – С. 102-105.

54. Зализняк А. А. «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. / А.А. Зализняк. – Москва: Языки славянской культуры, 2002. – 752 с.

55. Зализняк А. А. Русское именное словоизменение / А.А. Зализняк. – Москва : Наука, 1967. – 370 с.

56. Захарова К. Ф., Орлова В. Г. Диалектное членение русского языка. / К.Ф. Захарова, В.Г. Орлова. – Москва: Едиториал УРСС, 2004. – 176 с.

57. Зеленин Д.К. Материалы для описания Воронежской губернии, хранящиеся в архиве Императорского русского Географического общества / Д.К. Зеленин // Памятная книжка Воронежской губернии на 1913 г. – Воронеж : Воронежский губернский статистический ком., 1913. – отд. III. – С. 1-56.

58. Землянская Л. В. Формы глагола в говоре села Бродового (сообщение) / Л.В. Землянская. // Южнорусские говоры и памятники письменности. Материалы конференции по изучению южнорусских говоров и памятников письменности (6-8 декабря 1962 года). – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1964. – С. 79-81.

59. Зиброва Т. Ф., Фурман Ю. Д. Об одном междиалектном явлении в говорах позднего заселения / Т.Ф. Зиброва, Ю.Д. Фурман // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2012. – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2012. – С. 229-236.

60. Зубкова Л.Г. О главном лингвистическом труде Г.П. Мельникова / Л.Г. Зубкова // Мельников Г.П. Системная типология языков: Принципы. Методы. Модели. — М.: Наука, 2003. — С. 6–17. — Режим доступа: http://www.philologos.narod.ru/melnikov/zubkova_meln.htm, дата обращения 17.03.2022.
61. Зыонг Ван Чи Типы склонения существительных и субстантивных форм в современном русском литературном языке : на материале текстов для детей К.И. Чуковского : автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина. — Тамбов, 2007. — 23 с.
62. Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка: Учеб. пособие для студ. филологич. спец. фак. ун-тов и пед. ун-тов. / В.В. Иванов. — Москва: Просвещение, 1983. — 399 с.
63. Ильина Н. Е. Рост аналитизма в морфологии / Н.Е. Ильина // Русский язык конца XX столетия. — Москва: Языки русской культуры, 2000. — С. 326-344.
64. Ильченко О. С. Категория одушевлённости в раннем древнерусском тексте. / О.С. Ильченко // Известия Южного федерального университета. Филологические науки, — №4(2011). — С. 148-158. — Режим доступа <https://philol-journal.sfedu.ru/index.php/sfuphilol/article/view/555>, дата обращения 26.02.2021.
65. Иорданиди С. И. Формы именительного множественного существительных типа горожанинь, родитель, мытарь в истории русского языка / С.И. Иорданиди // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1982 / Отв. ред. В. В. Иванов. — Москва: Наука, 1985. — С.247-265.
66. Иорданиди С. И. Из истории форм родительного падежа множественного числа имен существительных в русском языке. I / С.И. Иорданиди // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1984: Сборник научных трудов. / Отв. ред. В. В. Иванов — Москва: Наука, 1988б. — С.246-266.
67. Иорданиди С. И. Из истории форм родительного падежа множественного числа имен существительных в русском языке. II / С.И. Иорданиди // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1988-1990: Сборник статей / Отв. ред. В. В. Иванов — Москва: Наука, 1993. — С.116-134.

68. Иорданиди С. И. Из истории форм существительных именительного множественного на -а в русском языке / С.И. Иорданиди // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1980 / Отв. ред. В. В. Иванов. – Москва: Наука, 1982. – С. 212-236.

69. Иорданиди С. И. Унификация форм дательного, местного и творительного падежей множественного числа существительных в истории восточнославянских языков. I / С. И. Иорданиди // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1985-1987: Сборник научных трудов. – Москва: Наука, 1988(a). – С.229-244.

70. Историческая грамматика древнерусского языка / Под ред. В.Б. Крысько. – Москва: Азбуковник, 2000. – Т. I: Множественное число именного склонения / С. И. Иорданиди, В. Б. Крысько. – 2000. – 310 с.

71. Казанцева Т. Ю. Предыстория возникновения родовых отношений в индоевропейских языках / Т.Ю. Казанцева // Вестник Томского государственного педагогического университета: общероссийский научный журнал. – Томск: Изд-во ТГПУ, 2005. – вып. 4 (48). – С. 21-27.

72. Калнынь Л. Э. Русские диалекты в современной языковой ситуации и их динамика / Л. Э. Калнынь // Вопросы языкознания. – 1997. – № 3. – С. 115-124.

73. Касаткин Л.Л. Что такое диалектный язык [Электронный ресурс] / Л.Л. Касаткин // Русский язык в научном освещении. - Москва, 2007. - № 2 (14). – С. 253-267. – Режим доступа <http://philology.ru/linguistics2/kasatkin-07.htm>, дата обращения 10.02.2021

74. Клокова Л. Н. Система форм и семантико-грамматические классы существительных в говорах Тамбовской области : автореферат дис. ... кандидата филологич. наук : 10.02.01 / Тамбовский гос. ун-т. - Тамбов, 1995. - 18 с.

75. Копаева Е. Ю. Сильное яканье в говорах Воронежской области как основной тип предударного вокализма / Е.Ю. Копаева // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции 1-2 ноября 2003 г. – Часть I. – Воронеж, 2003. – С. 116-121.

76. Копотев М. В. К построению частотной грамматики русского языка: падежная система по корпусным данным [Электронный ресурс] / М.В. Копотев. // Инструментарий русистики: корпусные подходы. – Хельсинки, 2008. – С. 136-151.

– Режим доступа https://www.academia.edu/17821877/%D0%9A_%D0%BF%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8E_%D1%87%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%82%D0%BD%D0%BE%D0%B9_%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%BC%D0%BC%D0%B0%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B8_%D1%80%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B3%D0%BE_%D1%8F%D0%B7%D1%8B%D0%BA%D0%B0_%D0%BF%D0%B0%D0%B4%D0%B5%D0%B6%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D1%81%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B5%D0%BC%D0%B0_%D0%BF%D0%BE_%D0%BA%D0%BE%D1%80%D0%BF%D1%83%D1%81%D0%BD%D1%8B%D0%BC_%D0%B4%D0%B0%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%BC, дата обращения 15.03.2021

77. Котков С. И. К изучению орловских говоров / С. И. Котков. – Орел : Орловская правда, 1952. – 189 с.

78. Котков С. И. Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII-начала XVIII века / С. И. Котков, Н. П. Панкратова. – Москва : Наука, 1964. – 312 с.

79. Котков С. И. Южновеликорусское наречие В XVII столетии (Фонетика и морфология) / С.И. Котков – Москва: Изд-во Академии наук СССР, 1963. – 236 с.

80. Кретов А. А. О взаимодействии лингвистики, археологии, истории / А.А. Кретов // IV Международная научная конференция «Язык, культура, общество» (Москва, 27-30 сентября 2007 г.): тезисы докладов. – Москва: Институт иностранных языков, 2007. – С. 200-201.

81. Кретов А. А. Основы лексико-семантической прогностики / А. А. Кретов. – Воронеж : Воронежский гос. ун-т, 2006. – 390 с.

82. Кретова В. Н. Морфологические особенности южнорусских говоров бывшего Рождественско-Хавского района Воронежской области / В.Н. Кретова //

Изв. Воронежского пединститута. – Т. 42. Русский язык и методика его преподавания в средней школе – Воронеж, 1962. – С. 127-134.

83. Кретьова В. Н. О некоторых диалектных особенностях говоров Рождественско-Хавского района Воронежской области / В.Н. Кретьова // Тезисы докл. на отчетной конф. науч. работников ВГПИ. Воронеж, 1957. - С. 82-85.

84. Кретьова В. Н. Фонетические особенности говора Каширского района Воронежской области / В.Н. Кретьова // Известия Воронежского педагогического института, т. XX. – Воронеж, 1956. – С. 55-68.

85. Кузнецов П. С. Очерки по морфологии праславянского языка / П.С. Кузнецов. – Москва: Издательство АН СССР, 1961. – 145с.

86. Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. Морфология. / П.С. Кузнецов. – Москва : Изд-во Московского университета, 1953. – 307 с.

87. Кузнецов П.С. Очерки исторической морфологии русского языка / Академия наук СССР, Институт русского языка. – Москва: Изд-во АН СССР, 1959. – 276 с.

88. Кумыкова Д. М. Об устойчивости морфологической системы говоров (на материале категории числа) / Д. М. Кумыкова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2014. – № 10 (40): в 3-х ч.– Ч. III. – С. 110-112.

89. Курдюмов В. А. Движение нормы русского языка: анализация как топиализация // Русский язык: диахрония и динамика языковых процессов; функциональные разновидности русского языка: материалы XI конгресса Междунар. ассоциации преподавателей рус. яз. и лит. (Варна, 17–23 сентября 2007г.). – София, 2007. – С. 121-126.

90. Курилович Е. К вопросу о генезисе грамматического рода / Е. Курилович // Курилович Е. Очерки по лингвистике. Сборник статей. – Москва : Издательство иностранной литературы, – 1962а. – С. 204-209.

91. Курилович Е. Проблема классификации падежей / Е. Курилович // Курилович Е. Очерки по лингвистике. Сборник статей. – Москва : Издательство иностранной литературы, – 1962б. – С.175-203.

92. Кустова Г. И. Падеж. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>) [Электронный ресурс] – Москва: [на правах рукописи], 2011. – Режим доступа <http://rusgram.ru/%D0%9F%D0%B0%D0%B4%D0%B5%D0%B6#21>, дата обращения 11.03.2021.

93. Листрова Ю. Т. Говор села Отсочного Дмитрияшевского района Воронежской области: (Фонетическая система и морфологический строй): дис. ... канд. филол. наук: В 2 т. / Ю.Т. Листрова. – Воронеж, 1953.

94. Малыхин П. В. Г. Нижнедевицк и его уезд / П. В. Малыхин // Воронежский литературный сборник. – Воронеж : тип. Гольдштейна, 1861. – С. 265-319.

95. Малышева А. В. Объектный генетив в русских летописях и современных говорах / А.В. Малышева // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. Вып. 3. Диалектология. – Москва: Изд-во Института русского языка им. В.В. Виноградова, 2014. – С. 120-144.

96. Малышева А. В., Ронько Р. В. Вариативность аккумулятива и генетива при отрицании в русских говорах / А.В. Малышева, Р.В. Ронько // Актуальные проблемы русской диалектологии. Материалы международной конференции 26-28 октября 2018 г. – Москва: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2018. – С. 158-160.

97. Маньков А. Е. Происхождение категории рода в индоевропейских языках / А.Е. Маньков // Вопросы языкознания. – 2005. – № 5. – С. 79-92.

98. Марков В. М. Историческая грамматика русского языка. Именное склонение. Учебное пособие для студентов филологических специальностей университетов и педагогических институтов / В. М. Марков. – Москва: Высшая школа, 1974. – 143с.

99. Мельников Г.П. Детерминанта — ведущая грамматическая тенденция языка / Г.П. Мельников // Фонетика, фонология, грамматика (в честь 70-летия А.А.Реформатского). — М.: Наука, 1971. — С. 359–367. — Режим доступа: <http://www.philologoz.ru/melnikov/determ.htm>, дата обращения 17.03.2022.

100. Мельников Г.П. Внутренняя форма русского языка - ключ к пониманию его особенностей на всех уровнях / Г.П. Мельников // Беседы в обществе любителей российской словесности: Сборник научных трудов. — 1998 — Режим доступа: <http://www.philologoz.ru/melnikov/melnikov-vf.htm>, дата обращения 17.03.2022.

101. Михайлов Н. Творительный падеж в русском языке XVIII века [Электронный ресурс] / Н.Михалков. — Uppsala: Acta Universitatis Upsaliensis, 2012. — 296 р. — (Studia Slavica Upsaliensia, 47) — Режим доступа http://www.moderna.uu.se/digitalAssets/122/a_122317-f_mikhailovslutseminarium03092012.pdf, дата обращения 09.07.2019

102. Михальченко В. Ю. Социоллингвистика в России / В. Ю. Михальченко, Т. Б. Крючкова // Вопросы языкознания. — 2002. — № 5. — С. 116-142.

103. Михеева Г. В., Зиброва Т. Ф. Судьба среднего рода в самарских говорах / Г.В. Михеева, Т.Ф. Зиброва // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2012. — Санкт-Петербург: Нестор-История, 2012. — С. 217-228.

104. Мызников С. А. Воронежская лексика на страницах «Словаря русских народных говоров» / С. А. Мызников // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий : Материалы IX Международной научной конференции, Воронеж, 28–29 октября 2017 года / Ответственный редактор А.Д. Черенкова. — Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2017. — С. 148-153.

105. Недоступова Л. В. Особенности самобытного воронежского говора (фонетической и морфологический аспекты) / Л.В. Недоступова // Вестник славянских культур. 2018а. — Т. 49. — С. 244–252.

106. Недоступова Л. В. Некоторые особенности морфологии краснологского говора Воронежской области / Л.В. Недоступова // Воронежское

краеведение: традиции и современность. Материалы ежегодной областной научно-практической конференции, состоявшейся 25 ноября 2017. – Воронеж, 2018б. – С. 267-271.

107. Неруцкова Н. А. Категория рода имён существительных в говоре села Чернавка Панинского района Воронежской области // Родной язык: проблемы теории и практики преподавания: Материалы Международной научно-методической конференции (17-18 октября 2007 г.) / Под ред. Е.В. Борисовой, М.В. Шамановой. – Борисоглебск, 2007а. – С. 123-128.

108. Неруцкова Н.А. Причастные формы в говоре с. Чернавка Панинского района Воронежской области // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий. Материалы IV международной научно-практической конференции: в 2 ч. – Ч.1. [науч. ред. А.Д. Черенкова] – Воронеж: ВГПУ, 2007б. – С.239-245.

109. Обнорский С. П. Именное склонение в современном русском языке: Единственное число / С.П. Обнорский. – Изд. 2. – Москва : Либроком, – 2010. – 344 с.

110. Очерки истории Воронежской области / Под ред. Е.Г. Шуляковского. – В 2 томах. – Т. 1. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1967. – 522 с.

111. Пеньковский А.Б. Заметки о категории одушевленности [Электронный ресурс] / А.Б. Пеньковский // Пеньковский А.Б. Очерки по русской семантике - М.: Языки славянской культуры, 2016. – Режим доступа: <https://sci.house/frazeologiya-leksikografiya-leksikologiya-scibook/zametki-kategorii-odushevlenosti-russkih-74984.html>, дата обращения 26.02.2021

112. Плотникова А. И. Критерии выбора окончания в местном падеже единственного числа существительными мужского рода в XVII веке / А.И. Плотникова // Мир науки, культуры, образования. – №4 (71). – 2018а. – С. 515-519.

113. Плотникова А. И. Формы на -у родительного и местного падежа слов мужского рода в русских диалектах в исторической перспективе (на материале текстов XVII и XX веков) / А.И. Плотникова // Мир науки, культуры, образования. – №2 (69). – 2018б. – С. 607-611.

114. Плотникова А. И. Выбор окончания родительного падежа единственного числа существительными мужского рода в истории русского языка / А.И. Плотникова // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – 2015. – № 6. – С. 134-145.

115. Плуноян В. А. Общая морфология: Введение в проблематику: учебное пособие. Изд. 2-е, исправленное. / В.А. Плуноян. – Москва: Едиториал УРСС, 2003. – 384 с.

116. Пожарицкая С. К. Русская диалектология. Учебник / С.К. Пожарицкая. – Москва: Академический Проект: Парадигма, 2005. – 256 с.

117. Поликарпов Н. И. Историческая записка о Воронежском губернском музее / Н. И. Поликарпов. – Воронеж : Воронеж. губ. стат. ком., 1896. – 24 с.

118. Попов А. В. Сравнительный синтаксис именительного, звательного и винительного падежей в санскрите, древнегреческом, латинском и других языках / А. В. Попов ; заключительная ст. А. А. Потебни. - Изд. 2-е / [репр.]. - Москва : URSS: ЛИБРОКОМ, сор. 2012. - VI, 309 с.

119. Попова З.Д. Общее языкознание. Учебное пособие / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: АСТ: Восток - Запад, 2007. – 408 с.

120. Попова З.Д. Система падежных и предложно-падежных форм в русском литературном языке XVII века (структурно-семантическое описание) / З.Д. Попова. – Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1969. –183 с.

121. Попова Т. В. Категория рода и перестройка типов склонения в восточнославянских диалектах / Т.В. Попова // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 16. Грамматика славянских диалектов. Механизмы эволюции. Утраты и инновации. Историко-типологические исследования: сборник статей. – Москва: Институт славяноведения РАН, 2013. – С. 48-62.

122. Потапова Н. П., Русинова И. И. Винительный и родительный падежи в функции прямого объекта (на материале говоров северной части Пермской области) / Н.П. Потапова, И.И. Русинова // Литературный язык и народная речь. Межвуз. сб. науч. тр. – Пермь: Межвуз. сб. науч. тр. Изд-во Том. ун-та : Перм. отделение, 1991 – С. 54-59.

123. Потебня А. А. Два исследования о звуках русского языка: I. О полногласии. II. О звуковых особенностях русских наречий [Электронный ресурс] / Соч. А. Потебни. – Воронеж: тип. В. Гольдштейна, 1866.

124. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике / общ. ред., предисл. и вступ. ст. проф., д-ра филол. наук В. И. Борковского ; АН СССР, Отд-ние лит. и яз. – Т. 1-2. Москва : Учпедгиз, - 1958. - 536 с

125. Пшеничнова Н. Н. Типология русских говоров. / Н.Н. Пшеничнова. – Москва: Наука, 1996. – 208 с.

126. Распопов И. П. Основы русской грамматики : Морфология и синтаксис. [Учеб. пособие для филол. спец. ун-тов] / И. П. Распопов, А. М. Ломов. - Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1984. - 351 с.

127. Розенталь Д. Э. Справочник по правописанию и стилистике [Электронный ресурс]. – Режим доступа <http://rus-yaz.niv.ru/doc/rules-rozentala/articles/154-okonchaniya-roditelnogo-padezha.htm>, дата обращения 07.08.2019.

128. Ронько Р. В., Циммерлинг А. В. Параметр номинативного объекта и синтаксис инфинитивных оборотов в диалектах русского Севера и в древнерусском языке Р.В. Ронько, А.В. Циммерлинг // Вестник МГГУ им. М.А.Шолохова. Серия Филологические науки. – 2015, № 1. – С. 57-66.

129. Руделёв В. Г. Динамическая теория частей речи русского языка / В.Г. Руделёв // Вестн. Тамб. ун-та. Сер.: Гуманитар. науки. – 1996. – Вып. 1. – С. 83–89.

130. Руделев В. Г., Зыонг Ван Чи Сколько субстантивных типов склонения в русском языке? / В.Г. Руделев, Ван Чи Зыонг // Вестник ТГУ. Сер.: Гуманитарные науки. III. Проблемы лингвистики и лингводидактики. – 2005. – №4 (40). – С. 122-129. – Режим доступа URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/skolko-substantivnyh-tipov-skloneniya-v-russkom-yazyke>, дата обращения: 12.02.2022.

131. Русская грамматика: в 2 т. / ред. колл.: Н.Ю.Шведова [и др.]. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. – Москва: Наука, 1980. – 789 с.

132. Русская диалектология: Учебник для студентов высших учебных заведений / С. В. Бромлей, Л. Н. Булатова, О. Г. Герцова и др.; Под ред. Л. Л. Касаткина. – Москва: Издательский центр «Академия», 2005 – 288 с.

133. Русская диалектология: учебное издание для студентов пед. ин-тов по спец. 2101 "Русский язык и литература" / П. С. Кузнецов. – Москва: Просвещение, –1973. – 279 с.

134. Русская диалектология: Учебное пособие для студентов вузов / В.В. Колесов, Л.А. Ивашко, Л.В. Капорулина и др; Под ред. В.В. Колесова. – Москва: Высшая школа, 1998. – 207 с.

135. Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка / под ред. М.В. Панова. – Москва: Наука, 1968. – 368 с.

136. Ручимская Е. М. О категории падежа существительных / Е.М. Ручимская // Русская речь. – 3. – 2016. – С. 35-38.

137. Сиротинина О. Б. Русская разговорная речь: пособие для учителя / О.Б. Сиротинина. – Москва: Просвещение, 1983. – 80 с.

138. Слюсарева О. А. Глагол в говоре села Краснолипья Репьёвского района Воронежской области / О.А. Слюсарева // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий: материалы VI международной научно-практической конференции : в 2 ч. . / [науч. Ред. А.Д. Черенкова]. – Воронеж : ВГПУ, 2007. – С. 54-60.

139. Слюсарева О. А. О категории среднего рода имен существительных в говоре села Краснолипья Репьёвского района Воронежской области / О.А. Слюсарева // Край Воронежский: Межвузовской сборник научных трудов. Выпуск V. – Воронеж: ВГПУ, 2009. – С. 132-134.

140. Слюсарева О. А. Особенности оформления личных местоимений 1 и 2 лица ед. ч. и возвратного в говоре села Краснолипья Репьёвского района Воронежской области / О.А. Слюсарева // Тезисы докладов студенческой научной конференции по итогам работы за 2005 год. – Воронеж : ВГПУ, 2006. – С.148-150.

141. Слюсарева О. А. Склонение имён существительных в говоре села Краснолипье Репьёвского района Воронежской области / О.А. Слюсарева // Воронежское краеведение: Традиции и современность. Материалы областной научно-практической краеведческой конференции, посвященной 60-летию Великой Победы, 27 ноября 2005г. – Воронеж, 2006б. – С. 159-161.

142. Собинникова В. И. Говор села Петино Гремяченского района Воронежской области / В.И. Собинникова // Труды Воронежского университета, т. 25. – Ленинград, 1954. – С. 72-100.

143. Собинникова В. И. Говоры Гремяченского района / В.И. Собинникова // Природа и хозяйство Гремяченского района Воронежской области. – Воронеж: Воронежское книжное издательство, 1953. – С. 38-54.

144. Собинникова В. И. Историческая грамматика русского языка: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Русский язык и литература» / В.И. Собинникова; [науч. ред Т.Н. Кандаурова. – Воронеж : Издательство Воронежского университета, 1984. – 296 с.

145. Собинникова В. И. К вопросу о разграничении южновеликорусских говоров на территории Воронежской области / В.И. Собинникова. // Труды Воронежского государственного университета, т. 63. – 1961. – С. 79-112.

146. Собинникова В. И. Место воронежских говоров в составе южнорусского наречия // Тезисы докладов и сообщений Первой областной научно-практической конференции по теме: «Воронежское краеведение: опыт, перспективы развития» 25-26 ноября 1989 г. – Воронеж, 1989. – С. 62-64.

147. Собинникова В. И. О работе вузов Центрально-черноземного экономического района по изучению народных говоров // Южнорусские говоры и памятники письменности. Материалы конференции по изучению южнорусских говоров и памятников письменности (6-8 декабря 1962 г). – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1964. – С. 6.

148. Собинникова В. И. Простое предложение в русских народных говорах / В.И. Собинникова. – Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 1961. – 297с.

149. Собинникова В. И. Родительный и винительный падежи прямого объекта при отрицании в народных говорах (по материалам говоров Гремяченского района Воронежской области) / В.И. Собинникова // Труды Историко-филологического факультета Воронежского государственного университета. Т. 38. – 1955. – С. 115-129.

150. Собинникова В. И., Фетисова К. М. Владимиро-поволжские говоры на территории Воронежской области / В.И. Собинникова, К.М. Фетисова // Материалы по русско-славянскому языкознанию. – Воронеж, 1981. – С. 100-115.

151. Соболевский А. И. Опыт русской диалектологии / [Соч.] Проф. А.И. Соболевского. Вып. 1. – Санкт-Петербург : тип. М. Меркушева, 1897. - 24 с.

152. Соболевский А. И. Лекции по истории русского языка. М.: Едиториал УРСС, 2005. – 309 с. – (Лингвистич. наследие XX века). – Вых. дан. ориг.: Москва, 1907. – Указ.: с. 300-306.

153. Срезневский И. И. Мысли об истории русского языка. 1849 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/apr/textes/sreznevs/srezn1.htm>, дата обращения 12.03.2016.

154. Степанов Ю.С. Оборот *земля пахать* и его индоевропейские параллели / Ю.С. Степанов // Известия ОЛЯ РАН. Серия литературы и языка. – Т. 43. – 1984. – № 2. – С. 128–143.

155. Тер-Аванесова А. В. I склонение существительных в говоре села Роговатое Старооскольского р-на Белгородской области / А.В. Тер-Аванесова // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий: материалы VII Международной научно-практической конференции. – Воронеж: Воронеж. гос. пед. ун-т, – 2013. – С. 155-166.

156. Тер-Аванесова А. В. Окончания родительного, дательного и местного падежей единственного числа существительных *а-склонения в восточнославянских диалектах / А.В. Тер-Аванесова // Исследования по славянской диалектологии. [Вып.] 8: Восточнославянская диалектология, лингвогеография и славянский контекст. – Москва : Институт Славяноведения РАН. – 2002. – С. 167-209.

157. Тер-Аванесова А. В. Окончания родительного, дательного и местного падежей единственного числа существительных а-склонения / А.В. Тер-Аванесова // Восточнославянские изоглоссы. – Москва : Ин-т рус. яз. им. В.В.Виноградова РАН, 1998. – С. 170-195.

158. Тер-Аванесова А. В. «Утрата среднего рода» в одном южнорусском говоре / А. В. Тер-Аванесова // Тезисы VI Международной научной конференции «Культура русской речи», Москва, 21 февраля 2019 года. – Москва: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2019. – С. 101.

159. Тираспольский Г. И. Становится ли русский язык аналитическим? / Г.И. Тираспольский // Вопросы языкознания. – 1981. – № 6. – С. 37-49.

160. Титова О. Ю. Локальные группы русского населения южнорусской этнографической зоны (к проблеме формирования) / О.Ю. Титова // Берегиня. 777. Сова. – 2013. – №1 (16). – С.6-14.

161. Титовская В. В. Глаголы с суффиксом "-ива" в воронежских говорах / В.В. Титовская // Материалы по русско-славянскому языкознанию. Вып. 16. – Воронеж, 1981. – С. 116-118.

162. Титовская В. В. Личные формы глагола в современных южновеликорусских говорах (на материале некоторых сёл Воронежской и Липецкой областей) / В.В. Титовская // Материалы совещания по изучению южнорусских говоров и памятников письменности: Сб. науч. тр. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1959. – С. 21-24.

163. Титовская В. В. Формы глаголов в говорах юго-западной части Воронежской области: (Структура глагольных форм): дис. + канд. филол. наук / В.В. Титовская. – Воронеж, 1955. – 404 с.

164. Титовская В. В. Формы инфинитива в диалектной речи жителей Воронежской области / В.В. Титовская // Очерки по русскому языку. Известия Воронежского госпединститута. Т. 116-й. – Воронеж, 1972. – С. 141-146.

165. Токарева С. С. К вопросу о падеже в русских диалектах (на материале предложного падежа существительных II склонения в говорах Воронежской

области) / Токарева С.С. // Известия Воронежского государственного педагогического университета. – 2019а. – № 1 (282). – С. 183-190.

166. Токарева С. С. Отражение результатов изменения субстантивного склонения в единственном числе в диалектах воронежской области / С.С. Токарева // Край Воронежский: межвузовский сборник научных трудов. Выпуск VI / [науч. ред. А.Д. Черенкова]. – Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2013. – С. 131-145.

167. Токарева С. С. Регулярные типы именного склонения в переселенческих говорах Воронежской области (на материале говоров с севернорусской основой) / С.С. Токарева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2019б. – № 5. – С. 144-152.

168. Токарева С. С. Род, склонение и падеж имен существительных в говорах воронежской области: статистический портрет / С.С. Токарева // Научный журнал Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. – Воронеж, 2018. – С. 139-149

169. Токарева С. С. Склонение имен существительных в говорах Воронежской области (на материале говоров собственно талагайского типа) / С.С. Токарева // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий: материалы IX международной научно-практической конференции / ответ. ред. А.Д. Черенкова. – Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2017. – С. 167-176.

170. Токарева С. С. Характеристика падежей с точки зрения их употребительности в диалектной речи (на материале говоров Воронежской области) / С. С. Токарева // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий : Материалы X Международной научной конференции, Воронеж, 26–27 октября 2019 года / Научный редактор А.Д. Черенкова. – Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2019в. – С. 161-169.

171. Трубинский В.И. Русская диалектология: Говорит бабушка Марфа, а мы комментируем: Учеб. Пособие. – Санкт-Петербург: Философский факультет СПбГУ; Москва: Издательский центр «Академия», 2004. – 208 с.

172. Тукова Т. В. Усиление синтетизма грамматического строя современного русского языка / Т.В. Тукова // Русский язык: исторические судьбы и современность : тр. и материалы V Междунар. конгр. исследователей русского языка (Москва, 18–21 марта 2014 г.). – Москва: Изд-во Московского университета. – С. 212-213.

173. Успенский В. А. К определению падежа по А. Н. Колмогорову [Электронный ресурс] / В.А. Успенский // Бюллетень Объединения по проблемам машинного перевода. – № 5. – Москва : [И МГПИИЯ], 1957. – С. 11-18. – Режим доступа: http://www.kolmogorov.info/uspensky-opredeleniyu_padezha_po_kolmogorovu.html, дата обращения 06.01.2019.

174. Филатова В. Ф. Говор села Губари Борисоглебского городского округа как воронежский талагайский // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий: Материалы IX Международной научной конференции. – Воронеж, 2017. – С. 176-186.

175. Хабургаев Г. А. Очерки исторической морфологии русского языка. Имена / Г.А. Хабургаев. – Москва: Изд-во МГУ, 1990 – 296с.

176. Цыбин М. В. Проблема Червленого яра (данные памятников письменности и археологии // Тезисы докладов и сообщений Первой областной научно-практической конференции «Воронежское краеведение: опыт, перспективы развития». 25-26 ноября 1989г. – Воронеж, Воронежский государственный педагогический университет, 1989. – С. 130-132.

177. Чеппель В. С. Субстантивное склонение русского языка на разных этапах его исторического развития // Филологические науки. – №1 (151). – 1986. – С. 39-44.

178. Червоная Е. В. Имя существительное в цуканских говорах Воронежской области [Выпускная квалификационная работа бакалавра по направлению Педагогическое образование, профили «Русский язык», «Литература»] / Е.В. Червоная, науч. руководитель канд. филол. наук, доцент А.Д. Черенкова. – Воронеж: [на правах рукописи], 2017. – 51с.

179. Черенкова А. Д. Архаические падежные и предложно-падежные формы в говорах Воронежской области / А.Д. Черенкова // Воронежское краеведение: опыт, перспективы развития: Тезисы докладов и сообщений Первой областной научно-практической конференции 25-26 ноября 1989 г. – Воронеж, 1989. – С. 79-82.

180. Черенкова А. Д. Второе склонение имен существительных в талагайском диалекте курско-орловского типа (на материале говоров воронежской области) / А.Д. Черенкова // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий: материалы IX Международной научной конференции. – Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2017. – С. 186-193.

181. Черенкова А. Д. Выражение делиберативного объекта в славянских языках: Исторический и сопоставительный аспекты / А.Д. Черенкова // Филологические записки: Вестник литературоведения и языкознания: Вып. 9. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 1997. – С. 179-189.

182. Черенкова А. Д. Говор с. I-е Криушанские Выселки Панинского р-на Воронежской области / А.Д. Черенкова // Сельская Россия: прошлое и настоящее (Доклады и сообщения VII Российской научно-практической конференции – Тула, ноябрь, 1999) – М., 1999а. – С. 166-168.

183. Черенкова А. Д. Говор села Девица Острогожского района Воронежской области / А.Д. Черенкова // Край воронежский. Межвузовский сборник. Вып. 3. – Воронеж, 1999б. – С.169-174.

184. Черенкова А. Д. Говоры Воронежской области курско-орловского типа / А.Д. Черенкова // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции 29-30 октября 2005 г. Часть III. – Воронеж: ВГПУ, 2005. – С. 150-158.

185. Черенкова А. Д. Диалектное многообразие Воронежской области / А.Д. Черенкова // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий: материалы X Международной научной конференции /научный ред. А.Д. Черенкова. – Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2019б. – С. 176-184.

186. Черенкова А. Д. Именительный падеж мн. числа имен существительных в говорах Воронежской области. / А.Д. Черенкова // Сборник научн. студенч. работ. Вып. I. / Гуманит. науки. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1968. – С. 166-171.

187. Черенкова А. Д. К вопросу о склонении имен существительных в говорах Воронежской области / А.Д. Черенкова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2016. – № 9-10 (113). – С. 138-143.

188. Черенкова А. Д. К типологии говоров Панинского района Воронежской области / А.Д. Черенкова // Центральнoчерноземная деревня: история и современность (Тезисы докладов и сообщений научно-практической конференции в Белгороде). – Москва, 1992. – С. 97-99.

189. Черенкова А. Д. Множественное число существительных в талагайских говорах курско-орловского типа на территории Воронежской области / А.Д. Черенкова // Актуальные проблемы русской диалектологии. Материалы международной конференции 26-28 октября 2018 г. – Москва: Институт русского языка им. В.В. Виноградова, 2018 – С. 267-269.

190. Черенкова А. Д. Морфологическая система говора с. I-е Криушанские выселки Панинского района Воронежской области / А.Д. Черенкова // Сельская Россия: прошлое и настоящее. Вып.3. доклады и сообщения IX Российской научно-практической конференции (Москва, декабрь 2004 г.). – М.: Энциклопедия российских деревень, 2004. – С. 367-373.

191. Черенкова А. Д. Род имен существительных в говорах Воронежской области // Научные труды преподавателей и студентов гуманитарного факультета. Выпуск 1: сборник статей. – Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2012. – С. 234-242.

192. Черенкова А. Д. Русская диалектология: лекции и практические занятия: учебное пособие для студентов гуманитарного факультета 3 курса дневной и заочной форм обучения, профиль «Русский язык», «Литература» /

А.Д. Черенкова. – Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2014. – 268 с.

193. Черенкова А. Д. Синтаксические конструкции с глаголами названия в говоре с. Березняки Петропавловского района Воронежской области / А.Д. Черенкова // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1999. – Санкт-Петербург: изд. ИЛИ РАН, 2002. – С. 153-157.

194. Черенкова А. Д. Талагайские говоры Воронежской области (этнолингвистическое описание) // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 200-летию со дня рождения В.И. Даля и 70-летию ВГПУ. – Воронеж: ВГПУ, 2001. – С. 130-136.

195. Черенкова А. Д. Третье склонение имен существительных в талагайских говорах курско-орловского типа (на материале говоров Воронежской области) / А.Д. Черенкова // Диалектологический альманах: сборник материалов и исследований. Вып. III. – Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2019а. – С. 76-84.

196. Черенкова А. Д. Цуканские говоры Воронежской области (этнолингвистическое описание) // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции. – Ч.1 – Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2003. – С. 144-153.

197. Чижик-Полейко А. И. Говор села Николаевки Грибановского района Воронежской области / А.И. Чижик-Полейко // Южнорусские говоры и памятники письменности. Материалы конференции по изучению южнорусских говоров и памятников письменности (6-8 декабря 1962 года). – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1964. – С. 66-75.

198. Чужимов В. П. Местные народные говоры // По нашему краю. Очерки по природе, быту, хозяйству и культуре Воронежского и Острогожского округов Центрально-Черноземной области. – Воронеж, 1929. – С.13-16.

199. Шарандин А. Л. Проблемы русской грамматики в трудах профессора В.Г. Руделева / А. Л. Шарандин // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2002. – № 3(27). – С. 50-63.
200. Шаронова И. А. Формы множественного числа существительных на -а/-я: ретроспективный взгляд и современная ситуация / И.А. Шаронова // Верхневолжский филологический вестник – 2015. – № 2. – С. 41-45.
201. Шахматов А. А. Историческая морфология русского языка / А.А. Шахматов. – Москва : Учпедгиз, 1957. – 400 с.
202. Шульга М. В. О векторе развития русской морфологической системы / М.В. Шульга // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2017. – Т. 16, № 4. – С. 232–242. – Режим доступа: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.4.23>, дата обращения 03.05.2019
203. Ягич И. В. Критические заметки по истории русского языка / [Соч.] Ординарного академика И.В. Ягича. - Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 1889. – 171 с.
204. Якобсон Р. К общему учению о падеже. / Р. Якобсон // Якобсон Р. О. Избранные работы. – Москва: «Прогресс», 1985. – С. 133-175.
205. Якубинский Л.П. История древнерусского языка. / Л.П. Якубинский – Москва: Учпедгиз, 1953. – 368 с.
206. Яцкевич Л.Г. Очерки морфологии вологодских говоров: монография / Л.Г. Яцкевич; М-во образования и науки РФ; Вологодский государственный педагогический университет. – Вологда: Вологодский государственный педагогический университет, 2013. – 244 с.

Список сокращений названия населенных пунктов

1 КРШ. В. – 1-е Криушанские Выселки Панинского района

АЛК.-1 – Александровка-1 Панинского района

АНШ. – Аношкино Лискинского района

БРД. – Бродовое Аннинского района

БРЗ. – Берёзово Рамонского района

ДВД. – Давыдовка Лискинского района

ДВЦ. – Девица Острогожского района

ДНК. – Данково Каширского района

ДРК – Дракино Лискинского района

КЗЛ. – Козловка Бутурлиновского района

КРЛП. – Краснолипые Репьевского района

КРФЛ – Краснофлотское Петропавловского района

КШР – Каширское Каширского района

ЛЗВ – Лозовое Верхнемамонского района

МСТ. – Мастюгино Острогожского района

Н. КРЛ. – Новый Курлак Аннинского района

НЖМ. – Нижнемарьино Лискинского района

ПНН. – Панино Воронежской обл.

РСН – Русаново Терновского района

РСТШ. – Ростоши Эртильского района

СТ. ХВР. – Старая Хворостань Лискинского района

СТП. – Ступино Рамонского района

ХЛБ. – Хлебородное Аннинского района

ШКВ. – Шукавка Верхнехавского района

Приложения

Приложение №1. Список информантов

№	ФИО информанта	Год рождения, возраст, образование	Информация о собирателях
Село Краснолипые Репьевского района Воронежской области			
1.	Аралова Татьяна Ивановна	1933 г.р. (71 год), 7 классов образования	записала студентка ВГПУ Лукашова И.Н.
2.	Башмакова Наталья Ивановна	1934 г.р. (70 лет) 7 классов образования; разнорабочая; пенсионерка	записала студентка ВГПУ Картавцева Н.С.
3.	Елисеева Мария Павловна	1929 г.р. (75 лет); без образования; работала в колхозе; пенсионерка	записала студентка ВГПУ Картавцева Н.С.
4.	Ярмонова Екатерина Стефановна	1931 г.р. (73 года) без образования; разнорабочая; пенсионерка	записала студентка ВГПУ Картавцева Н.С.
5	Информант неизвестен	Коренной житель села	записала студентка ВГПУ Лукашовой И.Н. компьютерный набор Чайка Е.Н.
Село Мастюгино Острогожского района Воронежской области			
1.	Осинова Прасковья Васильевна	1924 г. р. (78 лет), 3 кл, работала бригадиром	Запись и компьютерный набор произведены Дьяченко С.В. 2006 г.
Село Девица Острогожского района Воронежской области			
1.	Гаршина Мария Семеновна	1929 г.р. Образование 4 класса, пенсионерка, работала в поле	Записали студенты ВГПУ Н. Крапивнина и Е. Зайцева в 1999 г.
Село Старая Хворостань Лискинского р-на Воронежской области			
1.	Волкова Валентина Ивановна	1939 г. р. (62 года), 10 кл. Маляр	Записала студентка ВГПУ Т. И. Барбашина, 2001 г.
2.	Рябцева Анна Ивановна	1917 г. р. (84 года)	Записала студентка ВГПУ Т. И. Барбашина, 2001 г.

3.	Семенова Евдокия Ивановна	1908 г. Р. (93 года), грамотная, но в школе не училась. Пенсионерка. Работала в колхозе на разных работах	Записала и компьютерный набор призвала Черенкова А.Д, 2001 г.
Село Шукавка Верхнехавского района Воронежской области			
1.	Боев Василий Алексеевич	1933 г. р. (73 года), 4 кл., работал пастухом	Записала студентка ВГПУ Чайкина И.В. 2006 г.
2.	Боева Екатерина Тихоновна	1922 г. р. (84 года), выезжала в 1941 г. в г. Воронеж на боевые действия на 4 года, 7 кл., работала медсестрой	Записала студентка ВГПУ Дворникова Н.С. 2006 год.
3.	Захарова Надежда Алексеевна	1936 г. р. (70 лет), окончила ВГПИ, учительница	Записала студентка ВГПУ Н.С. Дворникова 2006 г
4.	Филимонова Н.А.	1985 г. р. (21 год), студентка ВГУ	Записала студентка ВГПУ Дворникова Н.С. 2006 год.
5.	Филимонова Д.Г.	1927 г. р. (79 лет), 4 кл., работала почтальоном	Записала студентка ВГПУ Дворникова Н.С. 2006 год. Компьютерный набор выполнен студенткой ВГПУ Спириной М.Е.
Село Козловка Бутурлиновского района Воронежской области			
1.	Жегульская Лидия Андреевна	1925 г. р. (77 лет). Окончила Бобровское педучилище. Работала учителем, рук-ель фольклорного ансамбля "Дубравушка". Пенсионерка.	Записала студентка ВГПУ Лазарева М.В. 2002 год.
2.	Каширская Мария Ивановна	1924 г. р. (78 лет). Работала разнорабочей, пенсионерка.	Записала студентка ВГПУ Лазаревой М. В. 2002 год.
3.	Лухтанова Нина Ефимовна	1960 г. р. (42 г.). Окончила Бутурлиновский торговый техникум. Секретарь Козловской сельской администрации.	Записала студентка ВГПУ Лазарева М.В. 2002 год.

4.	Неретина Домна Кирилловна	1919г. р. (83 г.), 7 кл. Работала разнорабочей, пенсионерка.	Записала студентка ВГПУ Лазаревой М. В. 2002 год.
5.	Полуднев Митрофан Иванович	1922 г. р. (80 лет), 5 кл. Работал скотником, пенсионер.	Записала студентка ВГПУ Лазарева М.В. 2002 год.
6.	Чулкова Светлана Викторовна	1982 г. р. (20 лет). Студентка Бутурлиновского медучилища.	Записала студентка ВГПУ Лазарева М.В. 2002 год.
7.	Сушкова Валентина Ивановна	1947 г. р. (55 лет), 10 кл. Работала продавцом, пенсионерка	Записала студентка ВГПУ Лазарева М. В. 2002 год. Набор выполнен студентом ВГПУ Пасечным Д. Ю.
8.	Ивлева Анна Васильевна	1919 г. р. (87 лет), 4 кл. Работала свекловичницей	Записала студентка ВГПУ Чайкина И.В., 2006 г. Компьютерный набор выполнен студенткой ВГПУ Спириной М.Е.
Село Ростоши Эртильского района Воронежской области			
1.	Жихарева Раиса Митрофановна	1941 г. р. (66 лет), 9 кл. Рабочая. Сейчас на пенсии.	Записала доцент ВГПУ А.Д. Черенкова, 2007 г.
Село Ступино Рамонского района Воронежской области			
1.	Деревенских Т.М.	1915 г. р. Неграмотная	Записали студентки ВГПУ А.П. Мельцева, Л.В. Павельева, 2000 год.
2.	Болдырихина Кс. Гл.	1915 г. р. (85 лет). Неграмотная	Записали студентки ВГПУ А.П. Мельцева, Л.В. Павельева, 2000 год.
3.	Леонова М. Гр.	1919 г. р., 5 кл.	Записали студентки ВГПУ А.П. Мельцева, Л.В. Павельева, 2000 год.
Село Берёзово Рамонского района Воронежской области			
1.	Борсякова Раиса Павловна	1939 г. р. Пенсионер.	Записала студентка ВГПУ С. С. Гиенко, 2006 г
С. Аношкино Лискинского района Воронежской области			

1.	Руднев Николай Павлович	1928 г. р. (73 года), 7 кл.	Записала доцент ВГПУ Черенкова А.Д., 2001 г. Набор выполнен студенткой ВГПУ Чернышовой Е.С.
Село Данково Каширского района Воронежской области			
1.	Александра	1930 года рождения (73 года). Образование начальное. Работала дояркой, свиаркой. Коренная жительница. Остальные сведения дать отказалась	Записала студентка ВГПУ Минакова Елена в 2003 году.
2.	Быкова Ксения Капитоновна	1914 года рождения (90 лет). Образования нет. Работала нянкой, свиаркой. Коренная жительница, прозвище - баба Ксюня.	Записала студентка ВГПУ Минакова Елена в 2003 году.
3.	Воронов Иван Романович.	Год рождения – 1930 (73 года). Образование – 4 класса, коренной житель.	Записала студентка ВГПУ Раздайбедин Ю. В.в 2003 году.
4.	Каляткина Мария Михайловна	1928 года рождения (75лет) Образование – 4 класса. Работала телятницей, свиаркой. Коренная жительница, прозвище – Курбачиха.	Записала студентка ВГПУ Минакова Елена в 2003 году.
5.	Колосова Акулина Павловна	1919 года рождения (84года).	Записала студентка ВГПУ Неповинная Елена в 2003 году.
6.	Королева Любовь Михайловна	Год рождения – 1931 (72 года). Образование – начальное, коренная жительница	Записала студентка ВГПУ Раздайбедин Ю. В. в 2003 году.
7.	Кузнецов Николай Алексеевич	Год рождения – 1958 (45 лет). Образование – 10 классов и ПТУ. Работает лесорубом, коренной житель. Прозвище - Колобок	Записала студентка ВГПУ Сулима Мария в 2003 году.
8.	Кучина Валентина Борисовна	Год рождения – 1928 (75 лет). Образования нет, коренная жительница.	Записала студентка ВГПУ Раздайбедин Ю. В. в 2003 году.

9.	Кучина Евдокия Григорьевна	1924 года рождения (78 лет). Образование - 3класса. Работала свиаркой. Коренная жительница	Записала студентка ВГПУ Минакова Елена в 2003 году.
10.	Маслов Вячеслав Васильевич	1954 года рождения (49 лет). Образование – 10 классов. Учился в училище на электрика. Коренной житель	Записала студентка ВГПУ Минакова Елена в 2003 году.
11.	Мокшина М. Б.	Год рождения – 1922 (81 год). Образования нет, коренная жительница	Записала студентка ВГПУ Раздайбедина Ю. В. в 2003 году.
12.	Пономарёв Николай Митрофанович	1934 года рождения (70 лет). Образование – 7 классов. Работал строителем. Коренной житель, прозвище – Бычок	Записала студентка ВГПУ Минакова Елена в 2003 году.
13.	Пономарева Мария Федоровна.	Год рождения – 1923 (70 лет). Образование среднее, коренная жительница	Записала студентка ВГПУ Раздайбедина Ю. В. в 2003 году.
14.	Пономарёв Иван Фёдорович	1930 года рождения (73года)	Записала студентка ВГПУ Неповинная Елена в 2003 году.
15.	Пономарёва Зоя Васильевна	1949 года рождения (54года)	Записала студентка ВГПУ Неповинная Елена в 2003 году.
16.	Прасковья Ивановна	1927 года рождения (76 лет). Работала в колхозе. Коренная жительница	Записала студентка ВГПУ Минакова Елена в 2003 году.
17.	Харламов Сергей Викторович.	Год рождения – 1980 (23 года). Образование – средне-специальное, коренной житель	Записала студентка ВГПУ Раздайбедина Ю. В. в 2003 году.
18.	Хомякова Нина Дмитриевна	1939 года рождения (64 года). Образование – 8 классов. Работала свиаркой. Коренная жительница, прозвище – Щитаводиха.	Записала студентка ВГПУ Минакова Елена в 2003 году.

Село Давыдовка Лискинского района Воронежской области

1.	Кошелева Анна Ивановна.	1925 г. р. (78 лет). Образование – 9 классов. Работала в колхозе разнорабочим, коренная жительница	Записал студент ВГПУ Барбашов Сергей в 2003 году.
2.	Строганов Поликарп Григорьевич	1931 г. р. (72 года). Образования нет. Коренной житель.	Записал студент ВГПУ Барбашов Сергей в 2003 году.
Село Нижнемарьино Лискинского района Воронежской области			
1.	Зиновьева Ефросинья Семеновна	1914г (88 лет), неграмотная, пенсионерка (бывшая кохозница)	Запись и компьютерный набор произвели студентки ВГПУ в 2002 году Полупанова Н., Волкова Е.
2.	Малахова Фекла Петровна (Тунина)	1909 г.р. (93 года), неграмотная, пенсионерка (работала колхозницей).	Запись и компьютерный набор произвели студентки ВГПУ в 2002 году Полупанова Н., Волкова Е.
3.	Чуреева Наталья Васильевна (Ковалева)	1915г. (87 лет) 1 класс, пенсионерка (работала дояркой)	Запись и компьютерный набор произвели студентки ВГПУ в 2002 году Полупанова Н., Волкова Е.
Панино Воронежской области			
1.	Ершова Евдокия Дмитриевна	1929 г. р. (78 лет), родилась в 1-х Криушанских Выселках Панинского района Воронежской обл., 4 кл., работала разнорабочей в совхозе, в Панино переехала в 1979 г., работала птичницей на птицефабрике	Запись и набор произведены доцентом ВГПУ А.Д. Черенковой, 2007 г.
Село 1 Криушанские Выселки Панинского района			
1.	Черенкова Екатерина Михайловна	1917 г. р. (88 лет). Неграмотная. Родилась в Криуше	Записала и компьютерный набор произвела доцент ВГПУ А.Д. Черенкова. 2005 г.
Село Хлебородное Аннинского района Воронежской области			
1.	Гальцова Ольга Ильинична	1914 г. р. (92 года), неграмотная, работала в колхозе	Записала и компьютерный набор произвела доцент ВГПУ Черенкова А.Д., 2005 г.

2.	Худякова Елена Фёдоровна	1910 г. р. (95 лет), неграмотная.	Записала и компьютерный набор произвела доцент ВГПУ Черенкова А.Д., 2005 г.
3.	Худякова Татьяна.	Работает учительницей (около 70 лет).	Записала и компьютерный набор произвела доцент ВГПУ Черенкова А.Д., 2005 г.
Село Нов. Курлак Аннинского района Воронежской области			
1.	Бурикова Мария Ильинична	1925 г. р.(80 лет), 6 кл.	Записала доцент ВГПУ Черенкова А.Д., 2005 г.
2.	Информант неизвестен.	Коренной житель	Записала доцент ВГПУ А.Д. Черенкова, 2005 г. Компьютерный набор выполнен студенткой ВГПУ Комиссаровой Ю. А
Село Бродовое Аннинского района Воронежской области			
1.	Веретин Анатолий Яковлевич	1938 г. р., 5 кл. Работал печником, плотником.	Записала студентка ВГПУ Новикова Е.Л., 2005 г.
2.	Волков Александр Григорьевич.	1940 г. р. (65 лет). Закончил Ленинградскую автошколу, работал шофером	Записала студентка ВГПУ Белоусова Г. А., 2005 г
3.	Короткова Наталья Филипповна,	1921 г. р. (84 года)	Записала доцент ВГПУ Черенкова А.Д., 2005 г.
4.	Короткова Нина Петровна	1938 г.р (67 лет), коренная жительница	Записала доцент ВГПУ Черенкова А.Д., 2005 г
5.	Морозова Евдокия Ефимовна	коренная жительница	Записала доцент ВГПУ Черенкова А.Д., 2005 г
6.	Польшаков Иван Никифорович.	1930 г. р. (75 лет), 4 кл. Работал трактористом. Пенсионер	Записала студентка ВГПУ Т.Н. Бородина, 2005 г.
7.	Потапова Раиса Кузьминична	1932 г. р. коренная жительница	Записала доцент ВГПУ Черенкова А.Д., 2005 г.
8.	Федосова Варвара Петровна	1917 г. р. (88 лет). Неграмотная.	Записала студентка ВГПУ Тихонова А.В., 2005 г.

Село Александровка-1 Панинского района Воронежской области			
1.	Маликова Прасковья Петровна.	Приезжая	Записала доцент ВГПУ Черенкова А.Д., 2007 г.
2.	Тимошин Сергей Александрович	1937 г. р. (70 лет), 7 кл., работал механизатором.	Записала доцент ВГПУ Черенкова А.Д., 2007 г.
3.	Шаманин Николай Михайлович	1931 г. р. (86 лет), 3 кл., был на войне, 20 л. жил в с. Бабяково, работал скотником.	Записала доцент ВГПУ Черенкова А.Д., 2007 г.
4.	Шаманина Мария Семёновна	1924 г. р., работала дояркой.	Записала доцент ВГПУ Черенкова А.Д., 2007 г.

**Приложение №2. Список сёл, говоры которых были обследованы при работе
над диссертацией**

1. 1-е Криушанские Выселки Панинского района
2. Александровка-1 Панинского района
3. Аношкино Лискинского района
4. Берёзово Рамонского района
5. Бродовое Аннинского района
6. Давыдовка Лискинского района
7. Данково Каширского района
8. Девица Острогожского района
9. Козловка Бутурлиновского района
10. Краснолипые Репьевского района
11. Мастюгино Острогожского района
12. Нижнемарьино Лискинского района
13. Новый Курлак Аннинского района
14. Панино Воронежской обл
15. Ростоши Эртильского района
16. Старая Хворостань Лискинского района
17. Ступино Рамонского района
18. Хлебородное Аннинского района
19. Шукавка Верхнехавского района

Приложение № 3. Вопросы анкеты

Образуйте форму им.п. мн.ч. следующих существительных и запишите ее, указав место ударения

Лог		Бревно	
Долг		Зерно	
Лес		Дерево	
Ток		Ведро	
Бок		Болото	
Погреб		Кино	
Учитель		Зеркало	
Кол		Окно	
Верх		Село	
Год		Стадо	
Воз		Число	
Суп		Облако	
Трактор		Блюдо	
Пастух		Государство	
Топор		Пальто	
Водитель		Весло	
Шофер		Семейство	
Столяр		Весна	
Пекарь		Площадь	
Баран		Опухоль	
Тулуп		Специальность	
Бидон		Конечность	
Кнут		Мощность	
Сад		Окружность	
Глаз		Речь	
Брат		Степень	
Волос		Степь	
Шум		Лошадь	
Шахтер		Метель	
Столб		Роль	
Песок		Соль	
Гвоздь		Ночь	
Гость		Дочь	
Лицо		Мать	
Яйцо		Путь	